

РОМАН ТИТОВ

РЕМЕСЛО

ТЕНЕЙ

Игла Дживана

Глава 1. Воплощение Теней

Я никогда не любил эту планету.

Скажу даже больше, я ее искренне ненавидел. Презирал всеми фибрами души. И каждый день, сколько себя помню, мечтал о том дне, когда, наконец, оставлю этот скованный льдом и задушенный бурей мир позади.

Стоя на выступающей в сотне километров от поверхности посадочной площадке и не обращая внимания на непрерывные завывания ветра, я смотрел на укутанное снеговыми облаками темно-фиолетовое небо Яртеллы и ожидал начала чего-то нового.

Впереди, насколько хватало глаз, тянулась бесконечная ледяная пустыня, такая же безрадостная и унылая, как и большая часть моей жизни. Лишь изредка ее однообразное и белое, словно тело призрака, полотно разрывали кристаллические горные гряды. Порой их сверкающие пики вздымались так высоко, что пронзали нижние слои облачного покрова, теряя вершины за пределами видимости.

Кому-то такой пейзаж мог показаться очень живописным. Однако если бы этот неведомый кто-то вдруг пожелал ступить на поверхность планеты, в надежде насладиться незабываемым зрелищем, он сразу же изменил бы свое мнение. Ему бы подумалось, что в этой естественной неживой красоте есть кое-что еще, что-то угнетающее. Нечто такое же безликое, неотвратимое и пугающее, как смерть, таящаяся позади. Он бы ощутил навязанный чужой волей страх и пожелал бы только одного — убраться из этого гиблого, забытого всеми богами места, и как можно скорее.

Легкость, с которой я представил себя на месте случайного путника, наполняла грудь щемящим ощущением тоски, заставившим меня бросить гневный взгляд на темную громаду главной башни Цитадели. Она возвышалась над площадкой мрачным монолитом, похожая на гигантский указательный палец, и как будто о чем-то предупреждала — еще одно из недобрых предзнаменований. Жаль, я так до сих пор не научился их читать.

В течение долгих двадцати лет Цитадель была единственным местом, которое я называл домом, а ее обитатели были моей единственной семьей. Я до сих пор помню момент, когда осознал, что не смогу быть частью целого, и день, когда моя настоящая семья рухнула и разбилась вдребезги так же безвозвратно, как, созданная ветром ледяная скульптура.

День, когда пропала мама.

Десять лет прошло, как она исчезла, а я до сих пор виню себя за то, что позволил ей улететь. И, хоть, умом я понимаю, что у мальчишки едва ли были шансы остановить одержимую очередной идеей исследовательницу космоса, меня ни на секунду не отпускает ощущение, что все было неправильно.

Я помню то ненавязчивое прикосновение ее мыслей к моему детскому разуму, ту почти робкую попытку на языке чувств, а не слов, объяснить мне свою любовь. И мой ответ, одинокого брошенного ребенка, по силе ярости сопоставимый разве что с солнечным выбросом. Мне было десять, но говорил я так, словно внутри меня метался демон. Никогда не забуду выражение глаз мамы, когда, проорав в лицо слова, о которых буду жалеть всю свою жизнь, я замахнулся на нее. Самая отвратительная выходка испорченного и эгоцентричного ребенка. Самая ужасная моя ошибка.

Глаза защищало от слез, мгновенно превращавшихся на холоде в обжигающие

кристаллики льда. Невольно вздрогнув, я постарался остановить поток этих безрадостных и, наверное, бесполезных мыслей, будивших никому теперь ненужные угрызения совести и бередивших без того незажившие раны. Прикрыв веки, я ощутил, как клубятся Тени вокруг меня, такие же невидимые и неосязаемые для всех, кто не умеет слышать, как океан темной материи, заполняющий космос. Только их убаюкивающий шепот и мог заставить мой разум по-настоящему успокоиться.

Вновь возвратившись к реальности, я перепроверил датчики своей защитной термооплетки и взглянул на отражение в отполированном до зеркального блеска металле площадки. Мои большие темные глаза, выделявшиеся из-под плотной серой шапки, натянутой по самые брови, походили на два болотных камня, забытых кем-то на снегу. По крайней мере, таким бледным мое худое лицо еще никогда не бывало.

Вздыхнув, я перевел взгляд на бесконечное снежное полотно впереди, оставив в стороне все мысли о прошлом.

Вдруг холодное, как пустота космоса, предчувствие кольнуло меня невидимой иглой в спину. Резко обернувшись, я увидел невысокую сгорбленную фигурку госпожи Бавкиды, не спеша приближавшуюся ко мне. Укутанная в черную меховую мантию с глубоким капюшоном, она напоминала черную дыру, искажавшую пространство всюду, где бы та ни появлялась. Временами казалось, что даже свет избегал ее, словно само присутствие наставницы всех лейров заставляло его испытывать страх. Мысленно выругавшись неожиданности визита, я отвесил обязательный полупоклон и быстро отвернулся.

— Я думала, ты еще собираешь вещи, Сет, — тихим, похожим на шелест собственной мантии, голосом обратилась ко мне Бавкида, вставая рядом.

— Давно уже, — буркнул я, пнув валявшийся рядом черный рюкзак, по-прежнему избегая едкого, как щелочь, взгляда престарелой лейры.

— Ах, вот как, — обронила она и на какое-то время замолчала, только и слышно было, как завывает, рассыпая по площадке снег, ветер. Краем глаза я заметил, что Бавкида подняла скрытое в тени капюшона лицо к небесам. Бледный и острый, похожий на выщербленный осколок камня, подбородок зашевелился: — Неужели же опаздывает? На него это не похоже. — Слова были сказаны так, между прочим, но на меня ожидаемое впечатление произвели и потому, не без любопытства, я поинтересовался:

— Вы так хорошо его знаете?

В ответ на это Бавкида даже не взглянула в мою сторону, но я увидел, как растянулись в подобии улыбки ее тонкие губы:

— Естественно. Я знаю каждого лейра, нога которого когда-либо ступала на эту планету. Кое-кого, пожалуй, даже лучше, чем они сами себя знают, — в последней фразе явно проступал особый подтекст. — А Батул Аверре совсем не исключение, как бы ему ни хотелось так думать. Хотя тебе было бы не лишним навести о нем справки прежде, чем отправляться в это путешествие.

Закатив глаза, я проглотил упрек. Бавкида же продолжила:

— Он был одним из лучших моих учеников. Я не встречала более одаренного алита ни до, ни после. — В голосе старой женщины прозвучало нечто приторно-ностальгическое, от чего у меня едва не отвисла челюсть: Бавкида никогда не была сентиментальной. Впрочем, все встало на свои места, когда она сказала следующее: — Как и другие, он жаждал знаний, а в итоге сделался лишь тем, кого интересует только власть.

Ответить на это мне было нечего. Еще никогда и никому из алитов ни она, ни кто-либо

иной из мастеров Цитадели, не открывали причин, побудивших самого выдающегося из адептов Адис Лейр покинуть Орден в расцвете собственной славы.

Среди алитов на этот счет гуляла масса теорий, но ни одна, как мне казалось, не была близка к истине настолько, чтобы объяснить все причины такого поступка. Не раз утверждалось, будто он, просто-напросто, перегорел, не совладав с собственными амбициями. В каком-то смысле, я даже готов был с этим согласиться, но интуиция продолжала твердить, что здесь имелось что-то еще, причем куда более личное, чем по обыкновению свойственно лейрам.

— Запомни, Сет, — вдруг сказала Бавкида, — для меня вовсе не новость, что ты стремишься убежать от нас, словно Орден — твоя личная тюрьма. Но будь осторожен с желаниями. Не попадись на удочку Аверре. Пусть то, что он когда-то был одним из нас, не введет тебя в заблуждение насчет его намерений. Такие личности никогда не говорят всей правды.

Повернув голову к наставнице, я слегка раздраженно поинтересовался:

— Не потому ли вы и выбрали меня, чтоб лететь с ним?

Из-под капюшона раздался сиплый смешок:

— Не будь таким самоуверенным, Сети. Даже элийра можно обмануть, а Батул в этом деле — настоящий мастер.

Спорить с Бавкидой всегда было себе дороже, однако сомневаться в собственных умениях у меня причин не находилось.

— Ну мы еще посмотрим.

В этот момент с небес, перекрывая непрекращающийся вой ветра, раздался гул двигателей, а секунду спустя, прорвав густой облачный покров, появился небольшой, похожий на острие кинжала, корабль. Гладкий и блестящий, словно облитый черным металлом, он снижался над поверхностью, двигаясь плавно по спирали. При одном только взгляде на это чудо инженерной мысли, у меня засосало под ложечкой. Ничего прекрасней я просто в жизни своей не видел. Трудно было даже представить, что всего через несколько минут мне посчастливится оказаться на борту. В Цитадели имелся свой собственный парк космических кораблей, но, ни один из них и близко не мог сравниться со звездолетом мастера Аверре.

Описав круг над главной башней, и дав нам с Бавкидой время освободить ему место, корабль легко, словно перышко, опустился на площадку, выдвинув к нашим ногам узкий и длинный язык трапа. Стараясь скрыть свое напряжение, я сцепил затянутые в перчатки ладони в замок за спиной и непроизвольно затаил дыхание.

— Выдохни, Сети, — насмешливо подсказала Бавкида.

Ответить ей я не успел, так как к этому моменту в проеме корабельного люка показалась фигура гостя. До сих пор мне не доводилось видеть главного героя большинства невероятных историй о лейрах вживую — только на изображениях голограмм, — и я был приятно удивлен, обнаружив, что реальность им ничуть не уступает. Аверре был высок и, даже не смотря на то, что уже разменял шестой десяток, обладал телосложением молодого атлета. Строгие дорогие одежды и гордый, аристократический профиль выдавали в нем человека, знавшего себе цену. Мороз и ветер его, как будто, не беспокоили, а взгляд больших черных глаз, бросаемый из-под кустистых бровей, остротой напоминал кинжалы. И весь вид легендарного лейра так и дышал властностью и силой.

Поравнявшись с Бавкидой, он отвесил ей вежливый поклон, при этом его идеально

уложенная седая челка упала на высокий лоб. Очаровательно улыбнулся и произнес глубоким баритоном:

— Госпожа Бавкида, как приятно, что вы встречаете меня лично.

Вот только сама Бавкида к данной встрече относилась несколько иначе и ничуть этого не скрывала:

— Мне будет приятно, когда ты изволишь убраться отсюда, Батул. И чем скорей это произойдет, тем станет еще приятней.

— Так вы не рады? — удивление в голосе Аверре было таким же неискренним, как и его скорбная гримаса. — Я разочарован. Признаться, я рассчитывал, что вы будете несколько дружелюбней, особенно учитывая историю наших прошлых взаимоотношений.

— Большого твое предательство, к сожалению, не заслуживает, — выплюнула Бавкида.

— Вот как? — он отшатнулся, как от пощечины, но скулы его дрожали, еле сдерживая улыбку. — А мне казалось, что после всего, что я сделал для Адис Лейр, для всех лейров, да и для вас, в частности, моя госпожа, я заслуживаю более теплого приема. Насколько я знаю, кое-кто в этих стенах до сих пор считает меня легендой.

— Ты ошибаешься, — отрезала она. — Когда-то ты и впрямь вызывал восхищение у тех, кто только начинал идти по пути лейра, но все меняется.

Они стояли, разглядывая друг друга в упор, и, казалось, даже не замечали моего присутствия. Чему я сам, признаюсь, был весьма рад, поскольку имел возможность убедиться в своих подозрениях лично. Слухи по поводу ухода мастера Аверре ходили разные, но истины в них было не больше, чем в сказках для детей. Одно время интерес к данному вопросу занимал меня довольно сильно, но из-за недостатка информации, приблизиться к правде оказалось делом весьма неблагоприятным. Лишь кое-кто из наставников был посвящен в эту тайну, однако потраченные на них усилия не окупились вовсе — слишком тщательно оберегали они свои мысли от проникновения извне.

Тут Аверре точно опомнился и быстро перевел свой живой взгляд на меня.

— А вы, молодой человек, что по этому поводу скажете?

На миг я растерялся, как, видно, и Бавкида, которая уставилась на меня так, словно перед ней предстал снеговик. Замешкавшись с ответом, я, наконец, проговорил:

— Я... рад знакомству.

Бавкида фыркнула, а Аверре, запрокинув голову, громко рассмеялся.

— Вот видите? — обратился он к ней. — Я же говорил, что ваше личное отношение ко мне слишком предвзято. — А потом протянул мне руку и сказал: — Я тоже, юноша. Я тоже.

Пожимая его большую мозолистую ладонь, я чувствовал, что краска смущения заливает мое лицо, и мысленно выругался. Чуть раньше я дал себе зарок, что буду держать себя в руках и не стану краснеть, когда знакомство состоится. И вот весь мой чудесный план летел в тартарары.

— Надеюсь, вы и впрямь так талантливы, как обещал Навигатор, — сказал Аверре, после того, как рукопожатие распалось.

— Можно на «ты», — выдавил из себя я.

— Как твое имя? — спросил он.

— Сет Эпине.

На миг мне показалось, что в его взгляде проскользнуло что-то странное, что-то похожее на смесь удивления и испуга, но зацепиться за это ментально у меня не получилось, так как он слишком быстро овладел собой. Подобная реакция не могла не насторожить, но

прежде, чем я успел задать прямой вопрос, Аверре обратился к Бавкиде:

— Родственник Сол?

Отчего-то выглядевшая повеселевшей, наставница произнесла:

— Ее единственный сын.

Непонимающий взгляд мастера, лишь на секунду задержавшийся на мне, вновь вернулся к Бавкиде.

— Но... как это? — спросил он. — Лейры не способны!..

— Так ты забыл, кем была его мать? — усмехнулась Бавкида. — Уж кто-кто, а ты мог бы помнить, что перед Сол никогда не существовало преград.

— Но она ни словом не обмолвилась... — проговорил Аверре и снова уставился на меня. — Сколько тебе лет?

— Двадцать, — ответил я, чувствуя, как во мне понемногу начинает утихать впечатление робкого восхищения легендой и на его месте вырастает новая и совершенно твердо обосновавшаяся неприязнь к моему будущему наставнику. Никогда не любил разговоры о маме, но в особенности тех, кто эти разговоры затевал.

Стало быть, они были знакомы...

— Расслабься, он не твой ребенок, — посоветовала Аверре Бавкида. — Не могу представить себе причин, из-за которых Сол решила скрыть от тебя существование Сета. Но это, полагаю, даже и к лучшему. Тем приятней будет ваше взаимное сотрудничество, верно?

Ну это как сказать, решил я, встретив выражение схожего сомнения на лице мастера вмиг охладевшим взглядом. Зато сразу стал понятен принцип, по которому из числа более опытных алитов и претендентов на звание элийра, выбор Бавкиды пал именно на меня.

— Очень умно, — высказал, наконец, свое мнение Аверре, обращаясь к лейре. — Мне следует отдать должное и вашему чувству юмора, госпожа. Никому другому такое, пожалуй, и в голову бы не пришло.

— О, ты мне льстишь, дорогой Батул, — притворившись смущенной, откликнулась она. — Твои прошлые «подвиги» оставили слишком глубокий след в моей памяти, и потому я просто не смогла бы позволить тебе забрать у меня кого-то другого, — и очень уверенно посмотрела в его глаза. — Сету я, видишь ли, доверяю.

Приторная ухмылка на лице Аверре сделалась кислой:

— Что ж, очень мило с вашей стороны, мадам. Однако не забывайте, что некогда вы точно так же доверяли и мне.

Напряжение, разлившееся в этот момент по площадке, казалось, заставило утихнуть ветер, окружив нас подобием силового купола, созданного волей мастера. Они с Бавкидой не сводили друг с друга взглядов, и в это короткое мгновение мне представлялось, как между ними проскакивают электрические искры разрядов.

— Не переживай, Батул, — мрачно сказала Бавкида. — Я достаточно мудра, чтобы учиться на чужих ошибках. А ты? — Она вытянула руку и тут же прямо из воздуха выхватила нечто, похожее на блестящую бронзовую монету. — Знакомая вещьца? — С необыкновенно довольным видом старая лейра продемонстрировала монету Аверре, заставив того побледнеть, как пролетающий мимо снег.

Не понимая, что это означает, я присмотрелся и увидел, что монета, в центре которой были проделаны два одинаково узких отверстия, оказалась перепачкана чем-то на вид очень сильно напоминавшем человеческую кровь. Переведя взгляд с предмета на лицо мастера, я ожидал, что он заговорит, но Аверре, видимо, пребывая в состоянии легкого шока,

продолжал хранить молчание.

Тогда Бавкида, совершив еще парочку замысловатых жестов, заставила осыпаться один из ближайших снежных валунов прямо к своим ногам. Под ледяной толщей оказался похоронен труп женщины. Не скажу, что зрелище заставило меня почувствовать себя дурно, однако на всякий случай немного в сторону я отступил. И все равно не удержался от того, чтоб повнимательней разглядеть этот чудовищный экспонат.

От длительного пребывания на холоде, тело заледенело и приобрело отчетливый темно-синий оттенок. О том, что это женщина можно было догадаться лишь по стройным очертаниям фигуры, так как лицо несчастной оказалось чудовищным образом изуродовано большим количеством продольных ран, пугающе напоминавших ребро сжимаемой Бавкидой монеты. И уж вот тут холод, какого не могла создать даже изобретательная атмосфера Яртеллы, пробрался в мои внутренности, превратив их в сплошной комок льда.

Не собираясь скрывать отвращения, я уставился на наставницу и выдал первое, что пришло на ум:

— Откуда это здесь?

Однако отвечать Бавкида не спешила. Она продолжала играть в «гляделки» с Аверре, затем, подняв раскрытую ладонь, одним жестом заставила тело неизвестной жертвы подняться в воздух и застыть там, словно на невидимых веревках, прямо перед начавшим приходить в себя мастером.

— Узнаешь подружку? — спросила его Бавкида самым неприятным своим тоном. — Я хоть и рассчитывала, что ты, пусть лишь ради приличия, будешь вести честную игру, все-таки глядела в оба. И — смотри-ка! — не проглядела. Тебе ведь не впервой терять кого-то, да?

— Зря вы это затеяли, госпожа, — прошептал Аверре, не сводя взгляда с обезображенного лица.

— О, нет, дорогой мой, — отозвалась Бавкида. — Это ты зря решил, что своими детскими играми сумеешь провести меня, как в тот раз. Я — не Навигатор и из ума пока не выжила. А это будет превосходной демонстрацией моей серьезности. — Она подступила к нему на шаг: — Не играй со мной, Батул. — И отпустила труп.

Словно набитый кристаллами мешок, он ударился о поверхность площадки с тошнотворным хрустом, а секунду спустя сверху упала и монета, на деле оказавшаяся оторванной пуговицей защитного комбинезона. Я успел заметить, что в тот миг, когда тело упало, самого Аверре пробила сильная дрожь.

— А теперь, — сказала Бавкида, вновь отступая назад, — забирай мальчишку и убирайся отсюда. И запомни: в следующий раз я уже ждать не стану, а найду тебя сама. — Спрятав крючковатые пальцы в широких рукавах своей мантии, она повернулась ко мне со словами: — Теперь он твой наставник, Сети. Не разочаруй доверия, оказанного тебе Навигатором, и помни, кому ты на самом деле служишь.

Не в силах раскрыть рот и оторвать взгляд от трупа, я лишь отрывисто кивнул.

Не проронив больше ни слова, Бавкида развернулась и неторопливо зашаркала в сторону ведущего в недра Цитадели входа. Пока она не скрылась за высокими двустворчатыми дверями, я оставался, будто в оцепенении и даже глаз не мог поднять на Аверре, по-прежнему как молчаливая скала возвышавшегося рядом. Вот тогда мне стало действительно не по себе.

Мне казалось, что я должен что-то сказать, но разум упорно не мог подобрать

подходящие слова, а язык, будто присох к гортани. Все мысли из головы точно выветрились, оставив после себя эхо гуляющего в пустоте ветра. Я дрожал, но вовсе не от холода, и сердце колотилось о ребра в бешеном темпе. Поступок Бавкиды потряс меня до глубины, и я не понимал, к каким отношениям между мной и моим новым наставником это теперь приведет. Всего несколько минут назад я думал о путешествии, как о банальном приключении, которого всю жизнь требовала моя душа. Чудесное, иначе и не скажешь, появление Батула Аверре в моей жизни должно было коренным образом перевернуть ее до самого основания, а теперь я уже был полон сомнений относительно того, хочу ли улететь с ним.

Подняв глаза на мастера, я неожиданно встретился с его тяжелым взглядом.

— Ты готов? — спросил он.

Честней всего было ответить: нет, но я опять-таки не смог выдать из себя и звука и потому лишь кивнул.

— Тогда поднимайся на борт. Здесь тебе больше делать нечего.

Я собирался спросить, как он поступит с телом, но прежде чем сумел заговорить, Аверре, без единого намека на эмоции, сделал одно небрежное движение рукой, как будто сметал пыль с воздуха. Невидимая, но вполне известная мне, сила подхватила мертвую женщину и просто, словно это был мусор, перебросила ее через край площадки, оставив в его ладони только окровавленную пуговицу в форме монетки.

— Поторопись, — сказал он и быстро исчез в корабельном люке.

Снедаемый противоречивыми чувствами, я в последний раз окинул взглядом Цитадель. Вернусь ли я когда-нибудь обратно? Попробовал прислушаться к себе, но внутренний голос был молчалив как никогда.

И тут я понял, что ответ был дан уже давно: даже если мне доведется вновь ступить на заснеженную поверхность Яртеллы, я уже не буду прежним. И то, что сделала Бавкида, было лишним тому доказательством. Жизнь не стоит на месте и как Тени, вечно пребывающие в движении, она изменяется, меняя и нас самих.

Подхватив рюкзак и ступив на трап, я пересек черту, отделяющую прошлое от будущего. Остается только долг, все еще привязывающий меня к Адис Лейр, но и это небольшая плата за то, чтобы избавиться от вечных условностей и правил Ордена, связывавших по рукам и ногам.

Теперь они не имели ко мне никакого отношения.

Глава 2. Об истории и легендах

Оказавшись на борту, первое, на что я обратил внимание, это отсутствие всякого намека на внешний лоск. Внутренние помещения корабля отнюдь не блистали роскошью, хотя от Аверре ожидать чего-то подобного было вполне естественно. К слову, некоторая склонность к позерству кое у кого из лейров прошлого и настоящего давно вошла в поговорки. Здесь же, все выглядело до минимализма сдержано и несло исключительно практическую ценность.

Когда я прошел в рубку, все еще полный событиями предыдущих нескольких минут, Аверре был уже там, в кресле пилота, с отстраненным видом проверяя показания приборов.

— Сядь и пристегнись, — коротко приказал он, не отрывая взгляда от переливающейся разноцветными огнями панели.

Быстро заняв указанное место, я привязал себя к противоперегрузочному креслу широкими ремнями и, за неимением более полезного занятия, принялся наблюдать за действиями мастера, одновременно выглядывая в иллюминатор — слишком уж интересно было увидеть, как выглядит Яртелла с высоты. Почти всю жизнь я провел в стенах Цитадели, без возможности свободно выйти наружу, кроме как исключительно по ходу обучения — время от времени алитов заставляли совершать короткие вылазки к кристаллическим ущельям, чтобы изучить местную природу и попрактиковаться в приобретенных навыках, без надзора со стороны старших. Но на этом всякое знакомство с окружающим миром заканчивалось.

Аверре нажал рычаг стартера и корабль, увлекаемый репульсионными двигателями, медленно оторвался от площадки, плавно начиная подниматься ввысь. Спонтанный приступ ностальгии вдруг сдавил мое сердце ледяным кулаком.

— Осмотрись напоследок, — флегматично посоветовал Аверре, заметив дрожь в моих руках. — Может статься, ты уже сюда не вернешься.

Несколько коротких секунд я обдумывал идею высказать ему все слова, что накопились во мне за годы жизни внутри этих черных стен, но, едва раскрыв рот, тут же передумал, ограничившись только:

— Невелика потеря.

Аверре заставил звездолет прибавить скорости. Почти мгновенно мы оказались на орбите, откуда открывался самый захватывающий вид, который мне доводилось видеть. Даже звезды, усыпавшие черноту космоса, казалось, стали больше.

— Готов к сверхсветовым скоростям? — спросил он, и на этот раз в голосе звучала улыбка.

— Более-менее, — выдавил из себя я.

— Тогда вперед, — скомандовал он, и корабль растворился в полупрозрачном мерцании гиперворонки.

— Кто была та женщина? — первое, что спросил я, когда мы очутились в гиперпространстве. Мрачная темная туманность, непрерывно искажающаяся мириадами световых бликов, похожих на преломляющиеся лучики света в мутной воде, со всех сторон обволакивала звездолет. Какое бы описание я ни находил в архивах Цитадели, оно всегда представлялось божественно великолепным, но, как это часто бывает, в реальности страшно

действовало на нервы и желудок.

Чтобы не пришлось хвататься за пакет, я, отвернувшись от иллюминатора, разглядывал приборную панель с множеством разнообразных дисплеев и лампочек, датчиков и рычагов, от голографических до сенсорных. Все они светились, мерцали и помигивали, правда, ни к чему притрагиваться я не решался и просто ждал, пока мой новообретенный наставник снизойдет до ответа. Но и то, прежде чем сказать хоть слово, он долго всматривался в мое лицо, словно решая, достоин ли я знать правду или нет.

— Можешь считать ее моей ученицей, — наконец ответил он.

Пришел мой черед сверлить мастера пристальным взглядом. Не то, чтобы я старался забраться вглубь его разума. Это вышло, скорее, инстинктивно. Элийрам трудно удержаться от соблазна и не прощупать ментальный фон, составлявший ауру любого мыслящего существа. Тени лгать не умеют. Впрочем, с моей стороны было бы глупо рассчитывать на распахнутые настежь ворота в мысли легендарного лейра.

— Если собираешься узнать что-то еще, просто спроси, — сказал он, тем самым дав понять, что моя попытка узнать, о чем он думает, не осталась незамеченной.

— Простите, мастер, — чувствуя дискомфорт, проговорил я. — Мне не показалось, будто она много для вас значила.

Мои слова, кажется, его всерьез удивили:

— А с каких это пор малолетки, вроде тебя, считаются знатоками тонких материй?

Упрек был высказан по заслугам, но по привычке смолчать я не сумел:

— Может, с тех самых, как получают тунику элийра?

Его серебряная бровь легонько приподнялась:

— А ты разве элийр?

Я ухмыльнулся:

— Долго ли умеючи?

Он не ответил на улыбку. Ну и пусть. Зато я дал понять, что не стану покорным прихвостнем, коего он, видимо, ожидал во мне увидеть.

— Она была одной из нас? — задал я еще один вопрос.

Аверре отрицательно качнул головой, и взгляд его затуманился.

— Она не была Адис Лейр, если ты об этом, — сказал он. — В галактике найдутся существа, чьи таланты и умения легко одурачат любого лейра, и не для всех из них Тени являются смыслом жизни.

Не скажу, что понимал, о чем мастер толкует. Я прекрасно знал, что Вселенная полна тайн, неподвластных разумению. Но даже глубочайшие из них едва ли сравнятся с тем, что мы, лейры, называем Тенями. Они являются частью сущего и, в то же время, ни на что не похожи. Первые лейры, появившиеся около двух тысячелетий назад, описывали их, как крайне сложные искривления пространства и времени, составляющие материю. Но это более чем упрощенное определение. Тени дают нам могущество, для достижения которого, молодым алитам приходится, фактически, умирать и рождаться заново. При этом неизменно теряется часть нашего естества, но за это мы получаем практически неограниченные возможности, среди которых способность испепелять взглядом — просто детские забавы. Мне в этом смысле, можно сказать, повезло, поскольку из-за необычности своего появления на свет, я ощущал потоки Теней с рождения.

Потому и с большим трудом представлял, как именно, почти не сведущая в делах Ордена девица, сумела так близко подобраться к Цитадели под самым носом Бавкиды.

— Не ломай себе голову, Сет, — сказал Аверре. — Тебя это все равно не касается. Что бы ни произошло между мной и старухой, значения оно уже не имеет. С самого начала это была неуклюжая попытка проверить, насколько глубоко Бавкида впала в маразм. И я с прискорбием вынужден теперь признать, что идея оказалась далеко не самой удачной. Впрочем, судя по тому, что я имею на руках сейчас, это даже к лучшему.

Не веря ушам своим, я уставился на мастера, внутренне поражаясь, насколько легко он готов пожертвовать чьей-то жизнью, ради достижения собственных целей. Целей, которые тут же стали важными и для меня, поскольку давали единственную возможность в будущем сохранить себе жизнь. И сразу же еще одна мысль пришла мне в голову:

— Бавкида сказала, вы знали маму?

Но мой вопрос понравился Аверре еще меньше прежнего. Было видно, как он напрягся, даже побелели костяшки сжавшихся в кулаки рук.

— Знал, — ответил мастер сквозь зубы. — Но это не лучшая тема из тех, что мне хотелось бы обсудить. Вообще я не очень-то жалую почемучек, так что если и дальше планируешь засыпать меня вопросами, будь готов обнаружить себя летящим в распахнутый шлюз.

Так и не сообразив, в шутку он угрожает или говорит всерьез, я, тем не менее, невольно сглотнул. Зато в каком-то смысле обозначились границы тем, заходить за которые было бы чревато последствиями.

И все-таки, абсолютное молчание было мне неподвластно:

— Так куда мы направляемся?

Вместо ответа Аверре спросил:

— Что ты знаешь о Бойджии?

Я для проформы удивился вопросу. Название мне было незнакомым. Стало быть, это и есть место нашего назначения, но никогда раньше ни о какой Бойджии я не слышал. Да и не мудрено: в галактике столько планет и орбитальных поселений, что знать их все поименно не мог и самый опытный космограф. О чем я и сообщил.

Аверре кивнул, будто иного ответа и не ожидал.

— А как насчет Шуота? Ассоциации имеются?

Тут уж я презрительно оскалился: имя этого места на слуху у любого лейра, независимо от ранга или опыта, и не знать о нем, было бы настоящим позором.

— Это мертвый мир на границе Империи и Дикого региона, — ответил я, цитируя архивные записи. — Древняя планета, на орбите которой по легенде завершилась Война лейров.

Аверре снова кивнул и опять спросил:

— Сможешь припомнить эту легенду?

А вот это меня уже удивило:

— Зачем? Разве нельзя просто сказать, куда мы летим?

Мастер сурово поджал губы. Похоже, он ожидал от меня большей сговорчивости.

— Важно, чтобы ты понял цель нашего с тобой предприятия, а не услышал ее из моих уст, — объяснил он. — Мне не нужна послушная марионетка, способная только выполнять приказы. Будь это так, я бы не обратился к Навигатору. Ты производишь впечатление парня, который широко мыслит. Ты же элийр, в конце концов, а это даже полезней. Так докажи, что способен думать — расскажи все, что знаешь о Войне лейров и о легенде, связанной с битвой за Шуот. Я жду.

Эта первая настоящая тирада за все время нашего знакомства, произвела на меня должное впечатление. Без лишней скромности, скажу, что я всегда знал себе цену, но услышать похвалу, пусть и столь своеобразную, от человека уровня Аверре слишком дорогого стоило, чтобы не придавать ей значения. Что ж, можно кое-что и припомнить.

То была война, начавшаяся чуть менее полутора тысяч лет тому назад, когда лейры не были локализованы в рамках одной только звездной системы, а рассеялись по галактике, образуя более сотни Орденов. То были времена их зенита. В отличие от настоящего, не было тогда в изведанной части космоса тех, кто не слышал бы о них. Могущество Орденов росло, а вместе с ним росли и амбиции их адептов, что в итоге и привело к самой разрушительной войне в галактической истории. Она длилась три года, и за это время дотла сгорело несколько планет, уничтожены были целые цивилизации, а в ее финале практически все лейры оказались на грани исчезновения. Их в буквальном смысле стерли в порошок в последней битве при Шуоте. И кто же? Простой генерал-нормал[1] по имени Кхамейф Занди.

Кто он и откуда, об этом история умалчивает. Зато легенда гласит, что Занди был величайшим полководцем, какого только знала галактика. Он не обладал какими бы, то ни было особыми талантами, кроме тех, что помогли ему одержать несколько блестящих побед против флотилии лейров. Однако вовсе не это сделало его легендарным.

История не может подтвердить или опровергнуть наличие на руках у генерала некоего артефакта, а вот легенда об этом упоминала.

Игла Дживана, как утверждалось, была ниспослана ему свыше, дабы положить конец тирании лейров. Что это за Игла и кем она была ниспослана великому генералу, увы, не уточнялось. Единственно, что там говорилось — Игла по каким-то неизвестным метафизическим причинам крайне негативно воздействовала на лейров, заставляя их саморазрушаться. С тех самых пор среди нормалов Занди считается легендарной личностью и героем, а все лейры — не более чем кошмаром минувших дней.

Тут немаловажен тот факт, что об Адис Лейр ни один источник не упоминает. Как удалось сохранить свое существование единственному Ордену из нескольких сотен, так же оставалось загадкой, покрытой мраком веков. Даже для нас самих. Хотя я мог бы предположить, что Навигатору или Бавкиде, истина известна доподлинно, но едва ли они когда-нибудь откроют правду тем, кто еще не доказал, что ее достоин. Вряд ли причина крылась в непревзойденном могуществе его адептов. Такими вещами, как правило, восхищаются, а не замалчивают, подобно позору.

— Что ж, совсем неплохо, — высказался Аверре, когда я завершил говорить. — По-твоему легенда лжет?

Вот тебе и вопросец. Ну, разве можно на него ответить правильно?

— Понятия не имею, — пожал плечами я. — На то она и легенда, разве нет? Многим нравится верить во что-то сверхъестественное...

Он вдруг уставился на меня как на неполноценного.

— А разве существование таких, как ты и я, не сверхъестественно само по себе?

— Возможно, — уклончиво согласился я. — Но наше существование — факт, а Игла — всего лишь сказка.

Аверре, наконец, оторвался от мониторинга систем корабля и откинулся на спинку кресла.

— Не бывает дыма, без огня, мой юный друг. Самые туманные и самые невероятные

легенды, как правило, основываются на фактах, — заметил он.

— Только очень сильно приукрашенных, — парировал я. — Мы, вообще, с вами, о чем говорим? Вы сравниваете лейров, чьи корни проходят сквозь тысячелетия и берут свое начало в исторических манускриптах Паракса, и штучку, выдуманную нормалами лишь затем, чтобы придать мифу большую загадочность.

Но к моему удивлению, мастер кивнул:

— В чем-то ты прав, конечно. Разница между мифом и историческим фактом колоссальна. Взять хотя бы слепую веру лейров в собственную неуязвимость. Выдумку от реальности отличает знание. Если знания имеются, то и миф уже не будет считаться сказочкой.

С этим трудно было не согласиться, так что я не нашел что ответить, но кое-какие выводы для себя уже сделал: Батул Аверре, в прошлом гордость и легенда Адис Лейр, имел к своим братьям очевидные, но неясные претензии. Интересно было бы о них узнать поподробней. Вообще, этот человек вызывал во мне неоднозначные чувства. Его можно было уважать как ученого и искателя, но пониманию он абсолютно не поддавался. В отличие от большинства обитателей Цитадели, мастер Аверре представлялся мне загадкой большей, чем само происхождение Вселенной.

— Ладно, будь по-вашему, — буркнул я. — Какое отношение имеет Боиджия ко всей этой легенде?

Аверре повернул голову и одарил меня, пожалуй, самой загадочной из своего набора улыбок на все случаи жизни.

— Я давно уже занимаюсь тайной Иглы, собираю информацию по крупицам. Я побывал на множестве планет, и только одна из них заслужила мое наиболее пристальное внимание. — Он кивнул: — И это именно Боиджия. В официальных источниках этого не найдешь, но мне стало доподлинно известно, что после войны, генерал Занди поселился там и, даже, основал собственное графство.

— И вы надеетесь, что мы сможем отыскать там подсказки, где может быть спрятана эта самая Игла?

— Ну, кое-что мне уже удалось найти. Это было около десяти лет назад. Потом, правда, пришлось прервать свои поиски из-за... кое-каких проблем.

— Что случилось? — тут же заинтересовался я.

— Не столь важно, — он отмахнулся, без всякой охоты говорить на эту тему. — Главное, что теперь я могу возобновить свои поиски. И на этот раз не отступлю, пока Игла не будет найдена.

— И, все-таки, — не унимался я, — даже если допустить, что эта самая Игла Дживана существует, я не понимаю, зачем она вам?

Аверре ненадолго задумался, а потом дал ответ:

— Можешь считать меня сумасшедшим, но я верю в то, что она дарует своему владельцу поистине неопишемое и почти божественное могущество.

Я смотрел на него неотрывно, чувствуя как у меня начал дергаться глаз. Он что, всерьез? После этих слов можно было начать опасаться за психическое здоровье мастера. Мог ли я предполагать, что в итоге все сведется к погоне за сказками?

— Технически выражаясь, — продолжил Аверре, — она способна настолько усиливать степень влияния индивида на Тени, что ее обладатель по мощи своей окажется подобен богам.

— И вы хотите стать одним из них? — В последнюю фразу я, кажется, вложил больше иронии, чем хотел.

Аверре нахмурился.

— Смени этот свой тон, — проговорил он. — Суть для меня не в силе, которой Игла обладает, а в самой способности этого предмета силу даровать. Если мне удастся ее заполучить, только представь, как изменится вся наша жизнь!

Особо напрягаться для этого не понадобилось, но скажу сразу, то, что я себе представил, мне совершенно не пришлось по душе. Слишком уж часто напоминала история о том, куда именно ведут в итоге все благие намеренья подобного рода. Но, из здравого смысла, напоминать Аверре об этом я не стал.

А он все разглагольствовал:

— Я — ученый, Сет. Исследователь. Искатель, в конце концов. Я просто обязан ее найти. Понимаю, насколько тебе мои слова и идеи представляются нелепыми. — Он усмехнулся. — Ведь, когда-то, и мое предположение о Тенях, как о частицах силы, оживляющих материю, воспринимали так же. Или ты думаешь, Бавкида и другие сразу признали меня гением?

Я так не думал. Все в Ордене знали историю развития тайного ремесла, коим издревле владели лейры и каждый осознавал, какой вклад в него внес мастер Аверре. До этого Тени, казалась лейрам чем-то более постоянным и незыблемым, как гравитация. И только Аверре сумел доказать, всю ошибочность таких предположений. Благодаря его расчетам, навыки и способности лейров значительно расширились и их стало проще контролировать, а смертность среди потенциальных алитов упала. И, все-таки, эта одержимость мастера Иглой Дживана выходила далеко за рамки моего понимания, однако развивать тему дальше я пока не хотел.

Покрутившись немного в кресле и поглазев за работой Аверре, занятого вводом в бортовой компьютер новых данных, я только теперь заметил, что просто-таки истекаю потом. Температура в кабине хоть и была прохладной, но до трескучего мороза Яртеллы явно недотягивала.

— Спустишь в кубрик и переоденься, — будто прочитав мои мысли, посоветовал мастер. — Там, куда мы направляемся нельзя, чтобы в тебе заподозрили лейра, а в этом своем «одеянии», ты уж больно бросаешься в глаза.

Не сказав в ответ ни слова, я отстегнул ремни и, подхватив свой рюкзачок, вышел из рубки.

Признаться, где у кораблей обычно находится этот кубрик, я понятия не имел, так что двигался наугад, спускаясь по внутренней лестнице на нижнюю палубу. И не зря: жилое помещение располагалось как раз в носовой части. Поскольку места тут было на вес золота, ни о каких каютах, само собой, речи идти не могло. Обыкновенная тесная кабинка, оборудованная двумя выдвигаемыми лежанками. После аскетичных комнат Цитадели к тесноте мне было не привыкать, но все-таки это казалось чересчур. За одной из панелей я обнаружил оборудованный по полной программе санузел. Над узкой раковиной висело зеркало. Отразившаяся в нем рожа меня совсем не порадовала: чувствовалась напряженность, сделавшая мои черты резкими, как у высеченной из льда скульптуры. Стянув шапку, попытался разглядеть слежавшиеся под ней волосы, но бесполезно.

Оторвавшись от удручающего зрелища, я сменил свою оплетку на наряд попроще, дабы, согласно желанию Аверре, не бросаться в глаза нормалам. Теперь это были узкие темно-

серого цвета шерстяные штаны, высокие ботинки на шнуровке, стального цвета рубашка и черная куртка с капюшоном из плотной и очень прочной мурафы[2]. В рюкзаке остался только тонкий портативный компьютер, спрятанная в футляр голограмма матери, да комплект сменной одежды — на всякий случай. Было кое-что еще, о чем Аверре ни в коем случае не должен узнать: на левом запястье имелся передатчик, весьма умело замаскированный под стильный хромированный напульсник — приказ Бавкиды, который я оказался не в силах игнорировать. С его помощью я должен был докладывать ей о планах мастера относительно нашей с ним предстоящей миссии. Не скажу, что шкура шпиона была мне по душе, однако моего мнения по данному вопросу никто спрашивать не стал.

Окинув свое отражение отстраненным взглядом, я подумал, что вполне могу сойти за какого-нибудь космического бродягу. Большого и пожелать было нельзя.

Бойджия.

Ничего странного в том, что название мне не встречалось, я не видел, но, как обычно, слушал внутренний голос, подкрепленный предчувствием. А он говорил, что если Аверре заинтересовался этой планетой, жди неприятностей.

Склонившись над рюкзаком, я извлек сложенный вдвое компьютер и, устроившись на лежаке, попробовал подключиться к Инфосети[3]. В Цитадели строго ограничивали поток информации, льющийся через нее, но, куда Бавкида оставалась в миллионах световых лет позади, об этом можно было не переживать.

Упомянув о Бойджии, Аверре сильно подогрел мой интерес ко всей этой истории. Причем, складывалось впечатление, что сделано это было, отнюдь не случайно. Теперь мне хотелось во всем разобраться самому, а для этого необходима была точка опоры, которой и стало имя планеты.

Я никогда не имел привычки засорять свою голову тем, что казалось неважным или неинтересным. Мои знания всегда носили исключительно утилитарный и прикладной характер. Хотя существом ограниченным меня это вовсе не делало, поскольку присущая от природы любознательность всегда оказывалась тому прекрасным противовесом.

Соединение с сетью произошло практически мгновенно. Я облегченно выдохнул. Бавкида могла без труда наложить на мой компьютер блокировку, но доступ к Инфосети был открыт и неограничен.

Ни секунды не мешкая, я сразу же забил в поиске Бойджию. Небольшой голографический экранчик тут же заволокла космографическая карта галактики, а под ней замелькало перечисление всех похожих названий, затянувшееся на пару томительных минут. Оказалось, что найти эту планетку не так-то просто. Возможно, даже, не проще, чем отыскать имя Яртеллы в усыпанном звездами пространстве.

Тем временем, экран продолжал пестреть данными с изображениями, высвечивая максимально близкие значения, сопровождая их необходимыми отметками на карте. Когда от мельтешения цифр и букв стало резать глаза, я начал терять веру в успех. И вдруг чехарда прекратилась, высветив яркую точку на самой вершине одного из спиральных рукавов галактики, подписанную «Бойджия». Ткнув по ней указательным пальцем, я заставил точку немного увеличиться в размерах и превратиться в трехмерную копию интересующей меня планетарной системы.

Я и сам не представлял, чего хотел увидеть. Но на поверку Бойджия не слишком поражала воображение: очень маленькая планетка, единственная в системе, и при этом

лишенная естественных спутников, она находилась там, куда никто, в здравом уме, и носа своего не покажет, не говоря уж о том, чтобы захотеть поселиться. Ну чем не копия Яртеллы?

На планете имелись города, вернее, один-единственный город, возведенный на скалистых вершинах нескольких отвесных холмов, расположенных рядом друг с другом. Назывался он Мероэ и выглядел куда более цивилизованным, чем можно было представить. Данные также утверждали об имевшихся диких поселениях аборигенов, именующих себя махди. Они обитали племенами в лесной глуши, занимались натуральным хозяйством, держались обособленно и избегали любых контактов с горожанами, считая их чужаками и пришельцами. В справке говорилось, что махди совсем не интересовались внешним миром и неизменно оставались полностью заикленными на себе.

М-да, подумал я, — данных больше, чем просто мало. Интересно, что за любитель-натуралист являлся автором этой статьи и видел ли он сам когда-нибудь хоть одного махди? Я быстро пролистал изображения, прилагаемые к файлу с описанием, но ни одного аборигена не нашел. Только пейзажи Мероэ — очень эффектные, — да несколько картинок, демонстрирующих абсолютно непроходимые заросли вокруг.

В общем и целом, подвел я итог, сворачивая голограммы и отсоединяясь, выглядит весьма интригующе. А это уже немало. Тем более, всегда интересно побывать там, где ты еще ни разу не был.

Погруженный в собственные размышления, я не сразу заметил, как во входном проеме появилась фигура Аверре. Его взгляд мне не понравился сразу. Во второй раз я поймал себя на мысли, будто он знает, о чем я думаю.

— Любопытство удовлетворено? — спросил он и покосился на компьютер у меня в руках.

— Хотя бы примерно представляю теперь, куда летим, — ответил я, убирая вещь в сумку.

Мастер усмехнулся.

— Ни один справочник не сможет передать тех ощущений, которые накрывают тебя, когда ты видишь Бойджию своими глазами. Это один из самых прекрасных и загадочных миров, где я бывал, а уж я, можешь мне поверить, повидал их на своем веку немало.

— Тогда почему я никогда о ней не слышал? — поинтересовался я. С такими-то достоинствами, она должна быть знаменита не меньше, чем Риомм[4].

На что Аверре проговорил:

— Не забывай, что Бойджия — закрытый режим. Чужаков там не жалуют. Но, кроме того, помимо всех достоинств, у этой планеты имеется один, но существенный недостаток, о котором ты узнаешь, когда окажемся на месте.

Я понятия не имел, о чем он толкует, хотя, если признаться, с еще большей силой захотел ее увидеть. Ничто так не может взволновать молодой, стремящийся к познанию ум, как что-то до сих пор необъясненное. И чем больше усилий окажется потрачено на разгадку, тем интересней. Так что продолжать выпытывать у Аверре подробностей я не стал, предпочтя вернуться к другой теме.

— Мастер, могу я спросить?

Будто почувствовав мой настрой, он отрывисто проговорил:

— Если только это не будет касаться твоей матери.

Я мигом приуныл: об этом-то я и стремился разузнать как можно больше. Мне казалось,

что лучшего момента для вопроса о ней я едва ли смогу дожидаться. Неизвестно, что могло ждать нас на Бойджии, а продлевать собственное неведение еще на неопределенный срок, мне, ясное дело, не хотелось.

— Есть вещи, которые я имею право знать, — сказал я.

— Что знать? — осведомился он. — То, что мы с ней некогда были близки? К чему теперь об этом говорить, когда все давно в прошлом?

— Да нет же, — буркнул я, приподнимаясь на лежаке. — Просто я подумал, раз вы хорошо знали маму, возможно, знаете, что с ней случилось. Или, хотя бы догадываетесь. Нет?

На какую-то секунду лицо Аверре утратило свою обычную невозмутимость, став как будто печальным.

— Боюсь, мне придется разочаровать тебя, Сет, — сказал он. — В Ордене не зря тратят столько сил, заставляя алитов забыть свою прошлую жизнь. Все мы слишком зависимы от наших эмоциональных связей, а элийры — особенно. Если за столько лет Бавкида не позволила тебе заняться поисками самостоятельно, то я тем более не вправе что-то говорить.

— Так вы знаете? — Меня сорвало с лежака, и я встал перед наставником почти нос к носу.

— Я не знаю ничего, что позволило бы облегчить твою застарелую боль, мальчик, — ответил он, отворачиваясь. — Забудь об этом. Не вороши прошлое. Оставь его там, где ему самое место. Я не хочу больше к этому возвращаться.

Легко рассуждать об этом человеку, у которого вряд ли вообще в жизни имелась хоть одна сильная привязанность. Ему не понять, как сильно перевернулся мой мир, когда я осознал, что мама больше не вернется. Я не верил, что она погибла, не смотря на то, что все утверждали обратное.

Я и сейчас не верю.

И потому, когда поводок, накинутый Бавкидой, ослаб настолько, что теперь я мог самостоятельно выбирать план действий, я не стану упускать возможность найти единственного человека, которого когда-либо любил. И плевать, понравится это Аверре или нет.

[1] Нормал — принятое в Ордене общее обозначение всех не-лейров.

[2] Мурафа — распространенный в галактике материал, получаемый из паутины обитающего в джунглях Паракса паука-болотника.

[3] Инфосеть — галактическая система объединенных голографических сетей для хранения и передачи информации на неограниченных расстояниях в реальном времени.

[4] Риомм — столица Риоммской Империи, центральный мир гегемонии, занимающей более половины территорий галактики.

Глава 3. Мероэ

Почти сутки прошли с тех пор, как мы покинули Яртеллу и чуть более двадцати часов, как завершился наш с Аверре разговор. Все это время я продолжал торчать в кубрике, занимая пустоту внутри себя кусками никому ненужной информации. Когда становилось совсем тошно, я начинал бесцельно слоняться по кораблю, минуя при этом рубку, перебирая в голове наиболее изощренные способы пыток, коими мне стоило бы угостить своего новоиспеченного наставника. С тех пор, как он едва не проговорился, меня не оставляло ощущение, что об исчезновении мамы Аверре известно куда больше, чем он стремится показать. А это сводило с ума.

Продолжая бесшумно циркулировать между отсеками, я, сжимая кулаки, время от времени срывал накатывавшую периодами злость на ни в чем неповинных переборках. Все внутри меня так и кипело, подталкивая пойти и вытащить из Аверре правду силой. Но я не представлял, насколько сведущ мастер в искусстве манипуляций разумом, и, если уж говорить по совести, боялся его ответной реакции.

Раздраженно пнув лежак, я тяжело рухнул на него, лелея слабую надежду хоть ненадолго провалиться в сон. Но едва моя голова коснулась плоской и совсем неудобной подушки, в дверях опять появился он.

— Если ты закончил извергать в пространство гневные флюиды, можешь подняться наверх и полюбоваться Бойджиёй воочию. Мы выходим из гиперпространства.

Быстро вскочив на ноги, я, вслед за ним, вскарабкался по лестнице наверх и размазался носом по главному иллюминатору, стараясь охватить взглядом как можно больше. Гиперпространство уже не рябило снаружи слепящими световыми бликами, и к нам стремительно приближался, все разрастаясь в размерах, мутно-зеленый эллипсоид Бойджиёй.

Смотреть на любую планету с ее орбиты — зрелище неопишуемой красоты, но с этим миром все обстояло иначе. Почему-то, и я сам не мог объяснить причину этого, но чем ниже спускался к поверхности наш корабль, тем сильнее возрастала нервозность, поселившаяся внутри меня. Это нельзя было списать на волнение перед неизведанным или остатки злости на наставника. Это было иное. Как будто что-то снаружи давило на мой разум, заставляя нервные клетки гудеть от напряжения. Пожалуй, в этом смысле, Бойджиёй можно было сравнить с Яртеллой. Только у нас вся защита создавалась силами лейров, а тут... словно планета сама окутывала себя аурой неприступности.

Не об этом ли Аверре предупреждал?

Я искоса глянул на сидящего рядом мастера, но он, как и всегда, оставался невозмутим, точно камень.

Словно загипнотизированный я следил за снижением, когда поймал себя на том, что от дурного предчувствия немилосердно зудит кожа. Пальцы сами собою скрючивались и тянулись к шее и бокам; ужасно хотелось почесаться.

Батул взялся за рычаги управления, когда мы окунулись в атмосферу и угодили в шторм. Порывы шквально ветра едва не сносили корабль в сторону от намеченного курса. За непроницаемой завесой дождя разобрать что-либо казалось практически невозможным, только время от времени ярко-голубые молнии расцветивали равнины, поросшие исполинскими паатовыми[1] лесами.

Впереди замаячил чей-то громадный силуэт. Только присмотревшись, как следует, я сумел распознать среди высоченных нагромождений тот самый город Мероз, о котором читал несколько часов назад. Дождь снаружи все еще хлестал, но простого зрения вполне хватало, чтобы рассмотреть ряды посадочных платформ, полукруглыми пандусами, выступающих из скалистой породы одного из утесов, на которых и располагался весь урбанистический массив. Они нависали прямо над растительным океаном, со всех сторон обступившим единственный планетарный огонек цивилизации.

Подкорректировав курс, Аверре направил корабль в сторону одной из этих платформ. Никто, почему-то, и не думал запрашивать данные о прибытии и тем более встречать неожиданных гостей. Я готов был удивиться, но мой наставник, похоже, не видел в этом ничего из ряда вон выходящего. Опустив звездолет на одну из приглянувшихся площадок, он повернулся ко мне и изволил говорить:

— Пришло время, кое о чем предупредить тебя. — Тон его казался куда серьезней, чем во время недавней стычки, так что я приготовился внимать, хотя и продолжал смотреть в окно. — Хорошенько запомни то, что я сейчас скажу. Этот мир сильно отличается от прочих, и тем более не похож он на Яртеллу. Многое из того, что ты здесь увидишь, может показаться тебе необычным или необъяснимым. Никогда не задавай вопросов тем, кого ты не знаешь. Старайся не разговаривать с посторонними. Не смотри по сторонам и никуда не отходи от меня, если только я сам тебе этого не велю. Понятно? Веди себя как можно естественней. Не дай им понять, что для тебя это путешествие первое. И, самое главное, не вздумай открыто использовать свои способности! Уясни это как следует, Сет, потому, что если вдруг кто-то из местных узнает в нас лейров, беды не миновать!

Из всего сказанного я понял только то, что в голове у меня родились сразу полтора десятка новых вопросов, но, благоразумия ради, решил за лучшее придержать их при себе. Пока что. А сейчас только кивнул:

— Ладно.

— Отлично. Тогда бери вещи и идем.

Дождь хоть и сбавил силу, но, все же, продолжал поливать как из ведра. Пока мы с Батулом добрались до крытого помещения, оба вымокли до нитки. Естественно, настроения это не прибавило.

Очутившись под крышей космопорта, я с тяжким вздохом искоса стрельнул взглядом в наставника. Тот оставался невозмутим, словно муфас[2] на выпасе. Стоя посреди сухого теплого атриума, в луже воды, натекающей с его собственного костюма, Аверре держался с таким достоинством, будто он на заседании Совета Лордов. По своей природе сам я был человеком независтливым, но в этот раз от души надеялся, что хоть немного соответствую ему своим видом.

На поверхности планеты неприятные ощущения, давившие на разум и тело, лишь усилились. Но теперь, к раздражающему зуду и нервозности, прибавилась промокшая насквозь одежда, а также кое-что, о чем с орбиты изначально судить было трудно. Я сам это никак не мог описать, а когда прислушался к Теням, понял, что здесь есть что-то гниющее. Запах мертвечины и разложения заполнял все ментальное пространство вокруг, заставляя меня морщиться от отвращения.

— Чувствуешь? — раздался позади негромкий шепот.

Я удивленно посмотрел на Аверре.

— Откуда эта вонь?

— Она не здесь, — улыбнулся мастер и постучал себя по лбу. — Она у тебя в голове. И у меня.

Я недоуменно нахмурился. О чем он толкует?

— Помни о моем предупреждении, — прошептал он, огибая меня со стороны. — Эта планета не для таких, как мы. Нечего удивляться. Привыкнешь.

С превеликим трудом отгородившись мыслями от неприятного ощущения, я сделал еще один глубокий вдох и, следом за наставником, поплелся к таможенному терминалу. Мокрые ботинки громко хлюпали в такт каждому шагу.

Местный космопорт выглядел совсем иначе, нежели я себе представлял. До сих пор, правда, подобные заведения встречались мне исключительно на голограммах, но, тем не менее, общую картину я знал и был уверен, что главным атрибутом такого места неизменно являются пассажиры. А их-то в Мероэ как раз и не было. Вообще.

Разглядывая атриум, я ступал по старому, покрытому пятнами въевшейся грязи, мрамору. Само помещение казалось довольно просторным, но не безликое и серое, как часто бывает в таких случаях, а наоборот выдержанное в теплых золотистых и красно-коричневых тонах, с лепниной и скульптурками. Жаль только в отсутствие должного ухода все краски поблекли, превратив некогда изящный, со вкусом оформленный интерьер в жалкое подобие себе самому.

Подходя к стойке, я ожидал, что у терминала нас встретит таможенник, но ошибался — терминал был совершенно пуст, а проход в город свободен. То ли никто и никогда не ожидал здесь гостей, то ли местным властям просто на них было плевать. О том, что такое планетарная безопасность здесь, судя по всему, имели представление весьма смутное.

Естественно, я не удержался от вопроса:

— Разве нас никто не встретит?

— Я же предупреждал, не жди, что здесь все будет так, как ты привык. Это другой мир и другие правила.

— Я и не жду. Просто... это как-то нелогично. Их не заботит собственная безопасность?

— Естественно заботит. Просто они обеспечивают ее иными способами, только и всего. Но будь уверен — нас заметили.

Вдвоем мы пересекли терминал и, пройдя через внутренние ворота, очутились на узких меройских улочках. Дождь к тому моменту уже перестал вовсе, тучи немного рассеялись и сквозь прорехи между ними стали пробиваться тонкие лучи заходящего солнца, заливавшие город своим бледненьким оранжевым светом.

Не стану скрывать, что Мероэ превосходил мои ожидания. Мне и в голову не приходило, что в глуши, подобной этой, может быть так красиво. Высокие дома с множеством окон в кованых решетках, узенькие балконы и просторные террасы, утопающие в зелени и цветущих лозах. Венчавшие здания купола и острые шпили, только что умытые дождем, сверкали на солнце золотистыми бликами. А главное — море воздуха и света. Все это навевало мысли о сне наяву. Древнее и прекрасное произведение искусства.

На то время, что мне понадобилось для любования городом, даже всяческое дурное предчувствие отступило.

Чересчур прозорливый Аверре это заметил:

— Не ожидал подобного?

— Вы правы, — от удивления я даже забыл придать голосу толику холодной отстраненности. — Здесь все не так. Совсем не так.

— Нужно подыскать место, где можно остановиться пока мы тут пробудем.

— И как долго?

Слегка прищуриваясь от солнца, он водил головой по высоким домам.

— Для тебя это так важно? Уже скучаешь по Бавкиде?

— Вовсе нет, — быстро отозвался я. — Просто интересуюсь. В гостиницу или отель?

— Тут их не так уж и много. Но есть одно местечко, вполне приемлемое. Идем, поймаем такси.

Такси отыскалось довольно быстро. На противоположной стороне пустынной улицы праздно томился рикша — отдаленно напоминающее карету, только без колес, транспортное средство на антигравитационной подушке. Подобное чудо передвижения я встречал впервые, но, как и требовал Аверре, явного интереса к нему не проявил. Только незаметно заглянул под повозку, пока мастер договаривался с беззубым извозчиком о цене.

Возница попался не из торопливых. Он вообще как-то вяло отреагировал на просьбу доставить двух пассажиров в ближайшую гостиницу и выглядел так, словно очень долгое время находился в коме. На мгновение я даже забеспокоился, в состоянии ли он вести свою аэрокарету, но, когда тот тронулся с места, обо всем забыл — замечательные меройские виды целиком поглотили меня.

Мероэ не был единым массивом, а позиционировался на нескольких близко расположенных друг к другу холмах. Эти отдельные части города соединялись между собой широкими подвесными мостами, создавая ощущение парения. Как спицы колеса, они тянулись от одного района или уровня к другому. Когда рикша проезжал по одной из таких улиц, я залюбовался простирающимися далеко внизу паатовыми джунглями. До посадки, во время дождя они смотрелись мутно и казались бледными, но сейчас их гигантские соцветия сверкали подобно тысячам разноцветных костров в бескрайнем океане зелени.

— Красиво, — тихо и с неподдельным восхищением проговорил я.

— Вевно гововишь, павень, — прозвучал неожиданный ответ старика. — Товько шибко не обманывайся квасотой — нет опаснее места, чем этот вес. Товько сунешь нос туда и поминай, как звави.

Народу по пути встречалось немного, но это лишь добавляло городскому облику еще более загадочный вид. Редкие прохожие радовали глаз своей непохожестью друг на друга. Почти каждый встреченный нами мероец принадлежал к какой-нибудь отдельной расе. Проведя всю свою жизнь на изолированной Яртелле, я никогда прежде не видел столько инопланетных созданий на одном километре площади, и чувствовал себя оказавшемся на ярмарке. Один толстобрюхий склизкий иланианец, проходя мимо, громко обругал нашего рикшу на непонятном мне языке. Я уставился на Аверре, но тот даже бровью не повел.

Единственное, что объединяло каждого прохожего без исключения, это тяжелый, пронзающий взгляд, которым нас окатывали, точно ледяной водой — более чем неприятное ощущение. В том, что касается местной нелюбви относительно чужаков, Аверре определенно был прав. Но мне было интересно, как повели бы себя горожане, узнай они нашу истинную сущность.

Наконец такси притормозило возле высокого здания, выдержанного в той же изящной архитектурной манере, что и прочие дома. Над парадным арочным входом висела незатейливая вывеска: «Отель Бабор».

Спрыгнув не брусчатку, я подождал, пока Аверре рассчитается. Деньги в руках мастер держал имперские, и сдачу получил точно такими же черными кредитками. Дождавшись, когда карета отъедет, я поинтересовался этим.

— Разве ты не знал, что официально Бойджия считается провинцией Риомма? — в своей излюбленной манере спросил меня мастер. — Не так уж долго после смерти своего первого графа продержался ее суверенитет. Занди был выходцем с Риомма, так что ничего удивительного в том, что язык, деньги и вообще быт Мероэ позаимствован именно оттуда. Что, в твоей голосправке этого не было?

— Наверное, упустил, — пожал плечами я. Все это и впрямь было не очень важным, только сам тон наставника слегка напрягал. — А вам не нравится причастность Империи к этому месту. — Это на самом деле не было вопросом, так, замечание, но Аверре все равно ответом меня не удостоил. Он отвернулся и, поднявшись по широким каменным ступеням, не говоря ни слова, скрылся за тяжелой резной створкой.

Когда я вошел следом в прекрасно освещенное и уютное фойе, он уже опирался на стойку портье, болтая о чем-то с необъятных размеров пожилой леди. Вероятно, то была хозяйка гостиницы, но держались оба, как давние знакомцы, хотя и не сказать, что любезные. На меня, скромно топтавшегося на пороге, никто не обращал внимания, так что, придав себе вид бывалого путешественника, я неторопливо пересек помещение.

Умеренная, если можно так выразиться, роскошь просто-таки бросалась в глаза. На обшитых темными паатовыми панелями стенах светились полумесяцами бра. Везде мягкие диваны и кресла, вазы с живыми цветами на столиках, а по полу расстелены пушистые ковры. И ни намек на пыль или грязь. Кругом просто стерильная чистота. В отличие от космопорта, было видно, что за гостиницей следили очень хорошо.

На одном из диванов, в окружении трех маленьких пушистых зверьков неизвестной мне разновидности, сидела молодая девушка и что-то увлеченно читала. Ее взгляд из-под черной челки стремительно бегал по светящемуся экранчику, парившему в воздухе над острыми коленками, и все происходящее вокруг, будто бы совсем ее не задевало. Однако стоило мне сделать два шага мимо, и я сразу начал улавливать, исходящий с ее стороны интерес. Это любопытство проступило так неожиданно и явно, точно меня кто в плечо толкнул. Я даже сначала подумал, будто показалось. Срочно захотелось обернуться, но тут меня окликнул Аверре:

— Сет, необходимо твое удостоверение.

Сдержав порыв, я приблизился к стойке и извлек из внутреннего кармана куртки идентификационный чип. Передав его пожилой леди, я смог получше рассмотреть ее и первой мыслью, на которой поймал себя, было осознание, что она мне не нравится. Бесповоротно и окончательно. А самое главное, она, судя по выражению лица и источавшимся в пространство отрицательным колебаниям, питала к нам обоим нечто весьма схожее.

Даже не взглянув в мою сторону и без всяких слов, дама приняла удостоверение, при этом держала себя так, будто ее вот-вот стошнит. Это сразу навело на мысль, что, в отличие от других, она прекрасно понимает, кто перед ней стоит, но ничего поделать с этим не может.

Ни для кого из лейров не было секретом, почему большинство разумных обитателей галактики относятся к ним с негативом. Все эти тайные ритуалы и темные искусства, приводящие к чудовищным бойням, оставили глубокий и ничем нестираемый след в их

генетической памяти. Но, ни от кого в Цитадели я не слышал, чтобы нас ненавидели с такой силой, как это ощущалось здесь и сейчас.

Процедура регистрации заняла всего несколько секунд и за это время, помимо крайней неприязни от дамы за стойкой, я все еще чувствовал на себе пристальный взгляд сидящей позади девушки. Ужасно хотелось оглянуться, но под игом Аверре сделать это незаметно было попросту невозможной задачей.

Покончив с формальностями, дама вернула наши удостоверения, проговорив:

— Ваши номера 197 и 198. Мне послать прислугу за вещами? — Голос ее был тяжелый и властный, под стать телосложению.

На что мастер учтиво улыбнулся, хотя, по моему мнению, улыбаться, глядя на эту в высшей степени отталкивающую женщину, было решительно невозможно.

— О, это ни к чему, мадам Бабор. Все наши скудные пожитки при нас. — Он указал головой на мой рюкзак.

Мадам Бабор осклабилась, точно слегка подсевшее тесто:

— Тем лучше. Идемте, я провожу вас в комнаты.

Ухитрившись как-то выбраться из-за узкой стойки, она повела нас к лифту, а я все пытался хотя бы искоса глянуть на девушку еще раз. Вот от нее-то враждебности я не чувствовал, лишь безыскусное любопытство. Нам почти удалось встретиться взглядами, но Аверре снова окликнул меня и двери кабинки закрылись.

Лифт мигом вознес нас к вершине здания, под самую мансарду. Выйдя наружу, мы оказались в длинном темном коридоре с алыми стенами и двумя рядами высоких двустворчатых дверей по обе его стороны. Между каждой дверью на стене крепились лампы, и свет их, уже по традиции, скорее сгущал мрак, нежели рассеивал его.

— У вас здесь не так много постояльцев, — заметил Аверре, шагая вдоль тусклых пятен света.

Ответ хозяйки был слишком лаконичен:

— Достаточно.

Почти уйдя в самый конец коридора, мы остановились возле дверей с порядковыми номерами 197 и 198, вытесненными на бронзовых табличках. Номера располагались один напротив другого.

— Ваши комнаты, — указала мадам Бабор, быстро всунула мастеру ключи и спешно ретировалась.

Проводив ее взглядом вплоть до лифта, я поинтересовался у наставника:

— Что это с ней? Испугалась превратиться в насекомое?

Но тот только протянул мне ключ, указывая на дверь. Я открыл комнату и тут же замер: настолько отличалась она от моего прежнего и скромного жилища в Цитадели.

Как и весь отель, номер был выдержан в яркой коричнево-алой гамме. Посередине стояла просторная двуспальная кровать, а рядом две миниатюрные тумбочки. У окна, занавешенного плотными бордовыми порттьерами, располагался тяжелый письменный стол, несколько стульев и пара, мягких и очень удобных на вид, кресел. Несколько картин украшали стены. Все было подобрано со вкусом и выглядело весьма уютно. Едва ли стоило сомневаться, что Аверре отвалил за эти номера кругленькую сумму. Интересно, а его комната такая же или ещё роскошней?

— Устраивает? — поинтересовался он, выдыхая мне чуть ли не в затылок. Я точно парализованный застыл на пороге и не отвечал, пока мастер не втолкнул меня внутрь. — Ну,

осмотришь же! Что ты встал?

Все еще в состоянии легкого ступора, я бросил рюкзак на кровать и первым делом подбежал к окну. Раздвинув тяжелые портьеры, впустил внутрь комнаты больше света, захлебнувшись открывшимся снаружи видом. Слов не найдется, чтобы описать его. Я и не предполагал, что мы забрались так высоко. Даже лишенный былого блеска, Мероэ оставался по-прежнему прекрасен и величав, а обветшалость некоторых зданий только придавала ему дополнительную живописность. Привычка скрывать от всех свои настоящие чувства, удержала меня от того, чтобы обернуться и с придыханием восхититься. Вместо этого я сдержанно произнес:

— Чем-то напоминает Риомм.

Батула мои слова как будто удивили.

— Разве ты был на Риомме?

— Нет, — качнул я головой. — Просто видел голограммы. Города, конечно, разные, но что-то общее между ними есть.

Какое-то время оба молчали, продолжая любоваться панорамой бронзовых шпилей и куполов, вздымавшихся над бесконечной растительностью.

— Ты прав, — наконец нарушил тишину мастер. — Занди строил утопическое детище, основываясь на том лучшем, что, по его мнению, имелось в столице Империи.

— Риомм в миниатюре?

— Лучший Риомм, — сказал он. — Вернувшись с войны, генерал был заражен идеей создания совершенного общества, в котором не существовало бы лейров и им подобных.

— В этом-то он и без того преуспел, — заметил я. — Кроме Адис Лейр в галактике больше никого и не осталось. Мне кажется, Занди следовало поступить умнее и не пытаться строить что-то новое, а как-то преобразовывать уже имеющееся. Он мог улучшить мир, в котором жил, а не сбегать в другой. Столько сил было потрачено на освоение Боиджии. Представьте, что было бы с Риоммом, направь генерал свои ресурсы в иное русло.

Глядя на меня, Аверре только мягко улыбался.

— А кто бы ему позволил?

— Зачем бы ему спрашивать разрешения? — спросил я. — На его стороне была армия. И сила Иглы, о которой вы всё говорите. Как можно было не воспользоваться таким шансом и не установить собственный диктат в Империи?

Батул нахмурился.

— Лейры были уязвимы для Иглы благодаря своей связи с Тенями. Могла ли она навредить нормалам — неизвестно.

— Если только она вообще существовала.

— Ты снова за свое? Совет Империи, между прочим, тоже не был настолько уж уязвим. Думаешь, никто из политиков того времени не предполагал, что после войны Занди попытается захватить власть в галактике? Для них он всегда оставался огромной костью в горле, бельмом на глазу. Без сомнения, он был крайне полезен, но и опасен тоже не в меньшей степени. Ему попросту не дали возможности проявить себя, отправив в ссылку от глаз подальше. Вот и все. Место, конечно, он выбрал сам и это была Боиджия, но я так и не нашел ни единого доказательства, чтобы он когда-нибудь пытался вернуться обратно.

— И вам это не кажется странным? — удивился я. — Имея на руках такие карты, он попросту отказался от битвы и добровольно превратил себя в затворника? Мне всегда казалось, что люди подобного склада обычно так не поступают.

— Много ты разбираешься в людях, — фыркнул Аверре, рассеянно почесав подбородок. — Я думаю, он был из тех редких личностей, кто надевал военный мундир лишь по необходимости. Возможно, он ценил жизнь куда больше, чем ты или я сможем когда-либо себе представить. Возможно, он понимал, какой ужасной находкой стал обладать и, прежде чем она попала не в те руки, спрятал ее от посторонних глаз.

— На Бойджии, — зевнул я, с внезапной остротой ощутив утомленность от поездки и всех сопутствующих ей переживаний.

— А где же еще?

— Ну-ну.

Пока мы препирались, тучи заново успели обложить город со всех сторон, спрятав начавшее клониться к западу солнце. В комнате сделалось значительно темнее. Глядя в даль, я сказал:

— Никогда бы не подумал, что одному человеку под силу создать целую колонию. Для этого нужно обладать очень редкими способностями и немалым числом последователей.

— Ты прав, — кивнул Аверре, усаживаясь во второе кресло. — В последователях Занди никогда не знал недостатка. Люди шли за ним, куда бы он их ни вел — в светлое будущее или же на смерть — с одинаковым упорством.

— А как насчет денег? Чтобы создать подобное чудо должны были потребоваться баснословные суммы.

— Об этом история умалчивает. Ни одного достоверного свидетельства о том, откуда брались деньги, мне найти не удалось. Но я не думаю, чтобы Занди пользовался финансовой поддержкой со стороны. Богатых и влиятельных друзей у него, конечно, всегда хватало, но такое ведение дел неминуемо поставило бы его в очень уязвимое положение, а, насколько я знаю, генерал ничто так не ценил, как независимость и свободу. Он был идеалист, спустивший на мечту все, что имел.

Последние слова Аверре заставили меня слегка пересмотреть уже сложившийся в голове образ гениального полководца. Генерал Занди больше не казался простым воякой, вдруг возжелавшим создать собственное маленькое царство. Скорей всего, это была попытка сбежать от диктатуры власти и создать более свободное общество. Единственная проблема заключалась в том, что освободившись от диктата над собой, он сам стал тираном, навязал собственную волю организованному им обществу. А это уже расходилось со всякими понятиями о свободе.

Будто в подтверждение этих мыслей, Аверре добавил:

— Кхамейр Занди любил власть, а это не самое подходящее качество для человека, стремящегося к всеобщему благу.

— Все равно у него ничего не вышло. — Отойдя от окна, за которым снова разразился ливень, я включил настольную лампу и уселся в ближайшее кресло. Оно оказалось до неприличия удобным. — Я имею в виду, Бойджия так и осталась вечным захолустьем, и никаким лучшим обществом здесь никогда не пахло.

— Все верно, — подтвердил Аверре, поворачиваясь ко мне лицом. — По экономическому и социальному развитию, планета стоит на целую ступень ниже самой захудалой риоммской провинции.

— Вы говорили, что Бойджия и есть риоммская провинция, — вяло напомнил я, буквально растекаясь по мягкой обивке. Накатившая усталость сделала мысли медленными и вязкими, как патока.

Сквозь полуприкрытые глаза, я почти не видел, как он пожал плечами.

— Значит, она самая захудалая и есть.

Я собирался сказать что-то еще, но не вышло: фраза превратилась в громкий и широкий зевок.

— Вижу, моя болтовня тебя утомила, — проговорил мастер с легкой улыбкой. — Хотя мне следовало это предвидеть и дать тебе сперва отдохнуть после перелета, а уж потом загружать информацией.

— Ничего, все нормально, — отмахнулся я после очередного зевка.

Тут он поднялся и хлопнул себя по карманам.

— Ложись-ка ты спать, Сет. Завтра нас ждет крайне напряженный день.

Упоминание о грядущем, меня слегка всколыхнуло. Прикрыв рот ладонью, я поинтересовался:

— Чем мы займемся?

Явно действуя мне назло, Аверре не признался и начал не спеша двигаться к выходу.

— От любопытства гокки[3] сдохла, — обронил он напоследок. — Завтра увидишь. — Подмигнул и вышел, закрыв за собой дверь.

[1] Паат — произрастающий только на Бойджии вид деревьев, достигавших до 10 км в высоту и 20 м в ширину. Для паатов характерно сильное искривление ствола, из-за чего кажется, что они пригибаются к земле.

[2] Муфас — стадное животное, обитающее в степях Паракса, отличается невосприимчивостью к любым факторам, кроме угрозы жизни.

[3] Гокки — мелкие четвероногие хищники, обитающие на Бойджии. Повадками напоминают земных кошек.

Глава 4. Глаза в темноте

Оставшись наедине с собой, первые несколько секунд я просидел как в оцепенении, пока не начал клевать носом. Наверное, я так и уснул бы в кресле, если б какая-то особенно-пряткая часть моего сознания, не продолжала переосмысливать все, что услышала сегодня от Аверре, суммируя с впечатлениями, произведенными Боиджией. Игла, Мероэ, Занди — все это кипело в голове, как в котле, варилось и перемешивалось, а в итоге получалась несуразная и неудобоваримая белиберда. Одно только и было ясно: мастер почему-то об этом не сказал прямо, но это был определенно не первый его визит на Боиджию.

Едва осознание сего факта улеглось, весь мой сон сразу же как рукой сняло. Задумчиво побарабанив пальцами по подлокотнику, я прикинул, а не была ли та его оговорка насчет моей матери, неслучайной? Ведь неспроста он так отчаянно отказывался отвечать на мои вопросы. Насколько оставалась велика вероятность того, что Аверре и она провели какое-то время вместе? На Боиджии?

Резко вскочив с места, я подлетел к справочному терминалу отеля и вызвал на связь портье. Существовал только один способ выяснить, верна ли моя догадка, а именно: запросить данные обо всех постояльцах гостиницы в год, когда пропала мама, и проверить имена. В том, что Аверре мог назвать фамилию фальшивую, я сильно сомневался. Но даже если и так, всегда оставалась возможность сравнить описания.

Получив, наконец, доступ к слегка тормозящему искусственному интеллекту, я как мог сдержано попытался обличить свое пожелание в слова.

Изначально долго устанавливая мою собственную личность, гостиничный компьютер еще минуту соображал, обладаю ли я достаточным статусом, чтобы обращаться к нему с просьбами. Когда вопрос с идентификацией оказался разрешен, выяснилось, что любые сведения о постояльцах отеля строго конфиденциальны и посторонние к ним ни под каким предлогом допускаться не могут.

— Извините, сэр, но я не могу вам помочь, — скорбно ответила оживленная алгоритмами виртуальная личность. — Таковы правила.

— Я понимаю, но вы не могли бы... — продолжал настаивать я, — хотя бы проверить имя: Сол Эпине. Просто проверьте, не останавливалась ли она в вашем отеле десять лет назад.

Вещающая через встроенный в столешницу динамик, машина опять задумалась, и я решил, что мне все-таки помогут.

Но тут она заговорила снова:

— Назовите, пожалуйста, код вашего полицейского доступа.

— При чем тут полиция? — удивился я. — Мне просто нужна информация и все.

Из динамика раздался статический шум, затем компьютер повторил:

— Прошу прощения, сэр, но таковы правила. Если у вас нет нужного доступа, в просьбе будет отказано. Всего хорошего, сэр. Желаю вам приятного пребывания в нашем отеле.

Экран терминала погас.

Выругавшись, я снова плюхнулся в кресло и со злостью ударил по подлокотнику. Руки чесались от желания разнести эту вежливую электронную говорилку на атомы. Даже настольная лампа в ответ на мои эманации немного засбоила.

Привычным усилием воли я попытался расслабиться. Как бы там ни было, еще не конец. Это была лишь одна из возможностей, причем наиболее простая. Но ведь существовали и другие — не столь легкие, зато интересные. Пусть с машиной договориться не получилось, возможно, получится договориться с созданием из плоти и крови.

За что я недолюбливал различные механизмы и искусственные интеллекты, так это за отсутствие возможности оказать на них влияние. С людьми и гуманоидами все обстояло намного проще. Пусть убедить самого Аверре разболтать свои тайны мне сил не хватало, вокруг существовали те, с кем он, наверняка, общался раньше. Например...

Первой и пока единственной на ум приходила мадам Бабор.

Стоило представить себе выражение лица этой грозной дамы, отпадало всяческое желание к ней приближаться. Но с другой стороны, говорить с хозяйкой отеля нужды вовсе не было, хотя ковыряние в ее голове вряд ли могло сойти за зло меньшее. Во втором случае существовал риск серьезно напортачить, но это было не так страшно. Опасение провала изо всех сил боролось со стремлением, наконец, узнать правду. Мадам Бабор была единственной ниточкой, способной подвести меня к правде. Стоило ли это возможности навсегда повредить чужой разум? О собственных мозгах я даже не задумывался.

Повернув голову и поглядев в ставшее темным окно, я все-таки принял решение.

Приятное чувство предвкушения деятельности начало медленно разливаться по всему телу, пробуждая нетерпение, которое не могла побороть даже накопившаяся за время перелета усталость. Я почувствовал, как мои губы медленно стали расплываться в улыбке. И никакого контроля со стороны Бавкиды.

Всплывшее имя старой наставницы вовремя напомнило ее излюбленную фразу: спешка может больше навредить, нежели помочь делу. Только эти слова удержали меня от того, чтобы сию же минуту не кинуться на сумасбродные поиски гостиничной управляющей. Продолжая помнить о них, я заново окинул всю комнату взглядом, словно увидев ее впервые. Только теперь до меня стало доходить, насколько тут все отличается от утилитарной компактности Цитадели.

Оторвавшись от, ставшего теперь любимым, кресла, я совершенно по-детски с разбегу сиганул на кровать. Толстый упругий матрас приятно пружинил под моим телом. Даже представить себе трудно, как же, должно быть, приятно на нем спать.

Но о глубоком и долгом сне я пока еще думать не собирался. Лежа головой на огромной пуховой подушке, я упирался взглядом в неприметную дверь, обделенную до этого моим вниманием. Еще не успев открыть ее, я знал, что прячется по ту сторону. Мысли мои уже находились на дне большой мраморной ванны, под толстым слоем душистой белой пены. Только теперь я понимал, чего хотел больше всего на свете: час, а может даже два, потратить на то, чему на Яртелле принято уделять максимум минут пятнадцать, и то стоя под душем.

Пройдя в ванную, я щелчком заставил включиться свет внутри. Комната оказалась традиционно светлой и чистой, и никакими неприятными сюрпризами так же не спешила встречать: большая белокаменная ванна, выложенная мрамором, белоснежная умывальная раковина и сияющий унитаз. Все, как и везде. И без пятен ржавчины и неприятного запаха. Даже полотенца на сушилке ослепляли чистотой и пахли свежестью неизвестных мне цветов. Тюбики и баночки со всевозможными снадобьями блестели на полочках, выставленные по росту. Скажи мне кто об этом раньше, в жизни бы не поверил, что в таком захолустье так отчаянно следят за сантехникой.

Открыв кран с горячей водой, я выбрал одну из склянок и обронил шепотку ее

содержимого в ванну. Пока вода набиралась и пенилась, я скинул с себя всю одежду, бережно опустил поверх всей кучи напульсник-коммуникатор и, предвкушая миг блаженства, растянулся на мраморном дне под густой и очень душистой пеной. Вот это-то и означало насладиться путешествием.

Примерно час спустя, когда как следует откис и намылся едва не до хрустального блеска, я с большой неохотой вылез на коврик и быстро закутался в большое пушистое полотенце. Вытершись насухо и накинув халат, вернулся в комнату, довольный жизнью, как никогда прежде. Расслабленный и освеженный я готов был провалиться в забытие сна сию секунду, но кое-чего для полного счастья все-таки не хватало.

Голод напомнил о себе легким спазмом и урчанием в животе. Совсем не собираясь ложиться спать, не получив должную порцию углеводов и жиров, я заново обратился к местному чуду компьютерной мысли с просьбой прислать в номер что-нибудь съестное.

— Извините, сэр, — ответила мне машина с очень странной ноткой, сильно напоминавшей человеческое ехидство. — Ваша просьба не может быть выполнена.

— И почему же, позвольте спросить?

— Из-за сокращенного числа постояльцев кухня закрывается рано. Мы вынуждены просить вас обождать до утра.

Из-за сокращенного числа? А что, тут и наплывы случаются?

Экран погас, и я остался в одиночестве уставший, злой и голодный. Только-только вернувшееся настроение испарилось без следа. Усевшись обратно в кресло, я попытался вспомнить, когда ел в последний раз. Если не считать той питательной гадости, что подавалась в качестве особого блюда на борту корабля Аверре, это был ужин перед самым отлетом. Смешно. Никогда терпеть не мог тамошнюю стряпню, а вот улетел и сразу же стал скучать.

Вдруг, словно разбуженный мыслями о так называемом доме, очень тихо запищал напульсник. Я и забыл, что по прибытии мне надлежало немедленно связаться с Цитаделью и сообщить о своем местоположении. Страшно было представить, что творилось с Бавкидой, пока она провела столько часов в ожидании.

Подскочив к напульснику, я нажал кнопку приема сообщения и слегка отодвинулся назад, позволяя трехмерному изображению проецироваться на крышку стола. Из-за чрезмерной компактности устройства, четкость голограммы изрядно страдала, но в данном случае это было не столь важно. Главное — возможность даже на столь огромном расстоянии поддерживать связь.

Как обычно, лицо Бавкиды пряталось в глубине черного капюшона, но, даже не смотря на это, догадаться, что она вне себя от гнева, было нетрудно.

— В чем дело, Сет? — резкость ее слов заставила меня отступить еще на полшага назад, хотя мне удалось придать своему жалкому отступлению спланированный вид, будто я собрался запереть входную дверь на замок.

Откровенно признаюсь, что прикидываться невинностью мне было не в первой. Старательно изображая на лице недоумение, я сказал:

— Вы же велели мне связаться с вами, как только мы достигнем места назначения.

— Ну, и?

Я развел руками:

— Так мы только и прилетели. Я даже вещи распаковать не успел.

Даже сквозь расстояние в миллионы световых лет можно было почувствовать, с каким

сомнением отнеслась к моим словам наставница всех лейров.

— А ванну принять? — проворчала она. — И запахни халат как следует.

В жизни своей не краснел сильнее, так что быстро натянул халат по самые уши.

— Итак, где вы?

— Это Бойджия, — пробормотал я.

Ледяная тишина, обрушившаяся на меня после этого, была, пожалуй, одной из худших реакций, которые мне когда-либо доводилось встречать. Бавкиды я вовсе не боялся, вернее, не так сильно, как прочие алиты, однако временами она умела нагнать страху даже на каменный столб.

— Мне следовало догадаться.

Когда она говорила, нотки чего-то человеческого из ее голоса исчезали напрочь, только холодная пустота, слишком похожая на космос, чтобы не обратить на нее внимания.

И все же, большее любопытство вызывали сами слова, нежели тон.

— Вы знали, что он может полететь сюда, — констатировал я. — Откуда?

Однако мой вопрос остался без ответа. Впрочем, как и второй.

— Моя мать ведь была здесь, не так ли? Причем, вместе с Аверре.

— Ты не понимаешь, о чем болтаешь, — отстраненно прошипела старуха из-под капюшона. — Не смей больше задавать мне подобных вопросов! Ты здесь с определенной целью, вот и сосредоточь все свое внимание на ней, а рассуждения оставь тем, кто в этом разбирается.

Я шурился, предчувствуя недоброе, но все равно проговорил:

— Вы и мастер Аверре, оба питаете склонность к тайнам, не задумываясь о том, что рано или поздно, они все, как правило, всплывают.

— А вот сейчас не поняла, — отозвалась Бавкида. — Это что, была угроза?

Но я отрицательно покачал головой.

— Нет, конечно.

— Он сказал, для чего вы здесь?

Я кивнул.

— Легенда об Игле Дживана. Он думает, что она не выдумка.

Повисла новая пауза, но длилась она недолго.

— Значит это правда. Он ищет Иглу. — Удивления в ее тоне я не услышал. Знала ли Бавкида больше, чем изволила рассказать мне перед отлетом? Не так уж и невероятно. — Как это неожиданно, но так кстати.

— Прошу прощения?..

Она всколыхнула капюшоном.

— Не обращай внимания. Сосредоточься лучше на своем задании.

На словах сделать это было проще, чем на деле.

— Думаете, он не догадывается о том, что вы хотите, чтобы я за ним шпионил?

Изображение Бавкиды зарябило, но быстро стабилизировалось.

— Он бы не был Батулом Аверре, если б не догадывался, — сквозь шум статики проговорила она. — В том-то и заключается вся сложность твоей задачи, Сет. Ты обязан вести себя так убедительно, чтобы даже у такого прожженного скептика, как Аверре не осталось ни малейших сомнений в твоей искренности.

— Легко сказать.

На что старуха как обычно отмахнулась.

— Только не прибедайся. Ты можешь сколько угодно прикидываться паинькой, но только передо мной этого делать не нужно. Я согласилась с тем, чтобы летел ты не просто так. Уж если кто и способен пустить ему пыль в глаза, так это ты.

Совсем не такой похвалы я ожидал от самого великого мастера Адис Лейр.

— Мне придется лгать ему в глаза? — спросил я холодно. — Я не хочу быть тем, во что вы меня рядите, мастер. Это подло.

— Смотрите-ка, кто тут заговорил о нравственности, — захохотала Бавкида. — Почему-то ты не вспомнил о морали, когда в отместку за то, что бросили тебя в той пещере, почти довел до безумия троих мальчишек.

Словно наяву перед глазами проплыла вереница жутких видений, наполненная одиночеством, ужасом и темнотой. Даже сейчас, семь лет спустя, вспоминая тот случай в своих снах, мое сердце замирает от страха, а сам я целиком обливаюсь ледяным потом, напрягаясь так, что суставы сводит. Трое алитов на два года старше меня во время одной из учебных вылазок решили подшутить и завели меня в кристаллическую расщелину и бросили там одного в окружении ночных хищников. Они сбежали, а я остался один против смерти. До сих пор не понимаю, каким образом сумел выбраться оттуда. Следующую неделю я заново учился говорить, следующий месяц посещать занятия, а следующий год заставил пожалеть троих виновных о содеянном...

— Их до сих пор держат в изоляторе на стимуляторах, — продолжила Бавкида. — Ежеминутно за ними необходим надзор, потому что каждую удобную минуту они пытаются свести счеты с жизнью. Из-за тебя. Это тебя не волнует?

Несмотря на то, что гордиться тут было нечем, я не испытывал большого раскаяния за то, каким способом отомстил им, и потому прямо смотрел в темную прорезь капюшона наставницы.

— Я едва не умер, а им было плевать. Они заслужили это.

— Возможно, — согласилась Бавкида. — Как может, заслужил и Батул, чтобы с ним обошлись немного нечестно.

Я колебался, и она это чувствовала.

— Вспомни, Сет, кому ты служишь на самом деле. У тебя нет иного выхода, кроме как подчиниться приказу Навигатора. Ты должен довести дело до конца. Ты меня понимаешь? — Ее сокрытые тенью глаза приковали мое внимание. Ей требовался немедленный и положительный ответ.

И я сказал:

— Я все сделаю.

Следующий сеанс связи должен был случиться теперь, как только мне будет, что поведать ей о ходе Батуловых поисков. Теперь я уже не имел права забыть об этом или упустить какую-либо деталь. С каждой мелочи будет спрос. А до той поры было решено лишний раз меня не трогать.

Едва изображение Бавкиды распалось, я позволил себе шумно выдохнуть и тяжело опуститься на кровать. Общение с наставницей лейров порой напоминало купание с голодными катранами[1] — не знаешь, с какой стороны ожидать нападения.

С тоской взглянув на дверь в ванную, я подумал, что мне бы не помешал контрастный душ, но с облегчением вернулась и усталость, а с нею и во много раз усилившийся голод.

Наплевав на правила, одевшись и не забыв напульсник, я отправился на поиски кухни. Где ее искать, я ни малейшего понятия не имел, но был уверен, что толика упорства и

немного удачи принесут самые питательные плоды. В прямом смысле.

Раз уж компьютер отказался меня кормить, можно было поступить иначе: спуститься в фойе и выпросить еды у администратора. Время не такое уж и позднее, поэтому за стойкой, наверняка, кто-нибудь да должен еще быть. Едва ли все здесь обитают впроголодь. На худой конец, можно будет отправить посыльного в ближайший магазинчик.

Очутившись в одиноком полумраке коридора, я вдруг ощутил себя слегка не в своей тарелке. Было странно стоять здесь, в то время как Аверре мирно похрапывал в своем номере, даже не подозревая о том, что я отважусь самостоятельно обследовать отель. Это принесло почти забытое в детстве ощущение первобытного восторга от разных мелочей. Теперь уже не столько голод, сколько интерес вел меня к лифту и вниз.

Пока спускался в фойе, я вдруг вспомнил прелестное личико странной девушки, так сильно заинтересовавшей мною, когда мы только въехали. Кем она могла быть? Возможно постоялицей, хотя и не обязательно. Интуиция почему-то уверенно шептала, что в гостинице она не чужая.

В холле оказалось темно и пустынно. В отличие от коридоров, где тусклые бра хоть как-то разгоняли мрак, здесь все лампы были обесточены, и лишь на стойке горел маленький светильник, а за ней — никого.

Меня это удивило не слишком. Судя по тенденции, найти здесь что-либо или кого-либо в нужный момент можно было только при большом везении.

Подойдя к стойке, я просто ради интереса несколько раз нажал на зуммер. Однако, как и следовало ожидать, истошные трели звонка никого из персонала не привлекли. Ничуть не разочарованный, я негромко позвал:

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Именно в этот момент я ясно понял, что не один. Не могу сказать, откуда взялось такое ощущение. Как и прежде, потоки Теней оставались неизменно в постоянном движении. Но это было как что-то, за гранью обыденного понимания, как инстинкт, как предчувствие, что за мной наблюдают. Находясь на самом виду у стойки в лужице света, вдруг остро почувствовал себя уязвимым.

Поводя головой из стороны в сторону, я повторил свой зов:

— Эй?

Но в ответ все та же тишина.

Вдруг ощущение, будто тебя рассматривают под микроскопом, исчезло. Снова потрезвонив, я заметил позади стойки замаскированную под стенную панель дверь. Вероятно, за ней располагалась часть служебных помещений. Едва ли обычные постояльцы имели туда доступ, но кто мог сказать мне «нет»?

Толкнув вперед оказавшуюся незапертой дверь, я вновь очутился в очередном темном коридоре. Интересно, дело в дефиците лампочек или здесь принято экономить на электроэнергии?

Отыскав на ощупь выключатель, я зажег свет и обнаружил еще четыре двери. Три из них оказались заперты. Толкнувшись в четвертую, я с размаху на кого-то налетел.

— Осторожней!

Сначала я не понял, кто это был, но потом узнал ту самую черноволосую девушку, что сидела на диване в фойе. Теперь-то мне удалось гораздо внимательней рассмотреть ее лицо. Оно оказалось гораздо красивее, чем представлялось вначале. И моложе. Едва ли ей было намного больше лет, чем мне. Моего появления здесь она явно не ожидала, что породило

испуг, а вместе с ним и праведное негодование.

— Вы кто? Что вы здесь делаете? — Она очаровательно хмурила свои бровки и надувала губки, но при этом в ней напрочь отсутствовала какая бы то ни было агрессия, так что со стороны смотрелось, пожалуй, даже забавно.

Первым побуждением моим было накинуться на нее с ответным вопросом, зачем ей нужно было следить за мной и прятаться. Но потом сознание подсказало, что ее-то разум, в отличие от неизвестного снаружи, от моего внутреннего взора не защищен вовсе.

— Извините, — улыбаясь комичности самой ситуации, проговорил я. — Просто я искал кого-нибудь из персонала. Я живу здесь.

— Где здесь? — переспросила она.

— Ну в отеле. Номер снимаю. Я помогаю профессору Аверре. Я вас видел, когда мы приехали.

— И что с того?

Беседа явно не получалась. Я старательно пробовал собрать слова в осмысленные фразы, но выходило не особенно удачно. Девушка же была поглощена тем, что ногой пыталась отеснить обратно за дверь высунувшего голову питомца.

— Что вам надо?

Вообще-то, прозвучало это не очень вежливо, и как постоялец я мог бы возмутиться, подобным обхождением, однако вовремя вспомнил, что, по сути, здесь мне находиться совсем не полагается. Поэтому отвечать пришлось вежливо, более-менее:

— Вообще-то я пытаюсь найти что-нибудь из еды. Есть здесь у вас бар или ресторан или еще какое-нибудь место, где можно перекусить как следует?

Выражение ее лица оставалось недоброе и, даже, взгляд изумрудного цвета глаз не смягчился.

— Здесь вам не Риомм, сэр, — проговорила она едко. — Постояльцев совсем немного и все уже давно закрыто.

— Я это заметил, — ответил я, опустив момент разговора с местным компьютером. — Но не предлагаете же вы мне голодать до утра?

Девушка нахмурилась, скрестив на груди руки, и оглянулась на дверь. Что-то обдумала, потом тяжело вздохнула.

— Ну ладно, — сказала она. — Поднимайтесь к себе, я схожу на кухню и поищу что-нибудь. Принесу в номер.

Уже одно это заслуживало моей благодарности.

— Спасибо.

Изобразив губами усмешку и ничего больше не добавив, девица развернулась и зашла в комнату, захлопнув дверь перед самым моим носом.

Вот тебе и обслуживание. Высший класс! Растерянно покачав головой, я не спеша отправился обратно. А что еще оставалось? Сказала же, что принесет сама.

Только возвратившись в фойе, я попытался еще раз прислушаться к своим ощущениям. Клубящиеся вокруг Тени оставались, как и раньше размеренными и неторопливыми, словно сонный туман, коим он представлялся в моем сознании. И ни следа былого предчувствия. Погасив лампу, я перемахнул обратно через стойку и снова оглядел темный зал — ничего. Порой воображение любит играть и с лейрами.

Успокоенный этой мыслью, я отправился напрямик в распахнутые двери лифта. Однако едва моя нога успела коснуться ворсистого пола кабинки, со стороны лестницы, ведущей на

второй этаж холла, раздался какой-то приглушенный шум. Я так и замер на середине шага. Прислушался: звук был негромкий, но четкий и в тишине фойе улавливался достаточно хорошо, напоминая глухие удары металла о камень. Проходя здесь в первый раз, я ничего подобного не слышал. Что могло быть их источником, я не имел понятия, отчего сразу же остро захотел узнать. Любопытство всегда оставалось одним из главнейших моих пороков. Часто именно оно и заводило меня в самые неприятные места и являлось причиной большинства бед. Но до сих пор я так и не научился его контролировать. Вот и сейчас, вместо того, чтобы просто вернуться в свой номер и спокойно дождаться ужина, мне обязательно приспичило выяснить, что это там наверху.

Взбежал вверх по лестнице на галерею, нависшую массивным ободом над главным входом. Держась за резные каменные перила, я осторожно прошел вперед, внимательно осматривая каждый сантиметр площади. Свет уличных фонарей, бьющий сквозь широкие окна, давал достаточно освещения, чтобы не наткнуться на торчащие буквально отовсюду конечности скульптур или вазоны. Чем дальше я ступал, тем отчетливее слышался шум, а вернее стук, и совсем скоро его источник обнаружился: старый андроид-уборщик, серии M17, лежал у постамента статуи крылатой женщины лицом вниз в луже собственной смазки и судорожно бился своей хромированной головой о мраморную мозаику пола.

Не больно-то разбираясь в технике, я предположил, что виной всему короткое замыкание, и присел возле робота, намереваясь осмотреть его: из места соединения головы и плеч сыпались мелкие искры. Возможно, бедолагу заклинило, когда он смахивал кисточкой пыль. Не скажу, что в этом было что-то удивительное. Даже на вид андроид выглядел слишком старым — просто рухлядь, — и давно требовал списания в утиль. Видно, дела у хозяев отеля и впрямь шли не слишком-то ладно. Как им вообще удавалось содержать такую громадину в порядке? Немного странным казалось время, выбранное роботом для уборки, но и это легко списывалось на основательные сбои в программе. Вполне могло статься, именно его присутствие я и почувствовал ранее, когда подходил к стойке.

Вдруг мой взгляд остановился на затылке робота. Как раз в том месте, откуда сыпали искры, торчало что-то очень напоминающее старую швейную иголку, только не из стали, а как будто бы растительного происхождения.

Я склонился поближе. Очень трудно было поверить в то, что такой маленький и хрупкий на вид предмет, способен проделать отверстие в весьма плотном затылочном кожухе робота. И, все же, эта штучка явно не вылезла изнутри.

Внезапно сильнейшее предчувствие опасности заставило меня вскочить и резко обернуться. Здесь было темнее, но немного левее, за одной из статуй смутно угадывался чей-то силуэт. Свет фонарей отражался в глазах фигуры, слишком больших, чтобы принадлежать человеку, и горящих синим пламенем.

— Кто вы? — спросил я твердо, хотя сердце мое билось где-то в районе правой пятки.

Существо не двинулось с места, лишь продолжало упрямо глазеть на меня. Признаться, от этого взгляда у меня мороз пошел по коже. На чистом инстинкте я потянулся к разуму существа сотканными из Теней щупальцами, собираясь прощупать и понять его природу, но будто бы на стену голую наткнулся. Абсолютно гладкую и холодную, как лед.

— Что вы сделали с роботом?

Следующее, что я успел запомнить, это синюю молнию, в которую превратились глаза неизвестного, метнувшегося в мою сторону.

От неожиданности, я инстинктивно дернулся назад, но споткнулся об уборщика и стал

заваливаться назад. Однако упасть мне не дали. Дикое и невероятно проворное, точно призрак, существо, ухватило меня за грудки и опрокинуло вперед. Яркие фонтаны искр рассыпались внутри моей головы от соприкосновения со статуей. Звон в ушах напомнил колокольный, и, кажется, кровь заструилась у виска. Все вокруг стало, почему-то, очень медленным.

Я попытался подняться на ноги, намереваясь дать отпор, но не успел даже развернуться. Меня снова подхватили и с силой обрушили на перила. Отчетливо затрещали ребра. Я не помню, кричал ли. Кажется, да. И громко. Пробовал отползти от края галереи, но мне и этого не позволили. Нападавший, кем бы он ни был, оказался чудовищно силен, причем не только физически, но и ментально. Все это время, пока меня швыряли, точно тряпичную куклу, я пробовал прорваться в его разум, надеясь уничтожить, но не мог преодолеть ту стену, броней защищавшую его. Я так и не различил его черт, даже когда меня подняли в воздух и просто выбросили вниз, словно мусор.

Полет на первый этаж показался вечностью, хотя на самом деле, к этому моменту сознание уже покинуло меня, и крайне неприятное столкновение с холодным мрамором пола, в полной мере почувствовало только тело.

[1] Катрана — хищная рыба, обитающая в океанах Риомма.

Глава 5. Завтрак в постель

Сознание возвращалось приливами, из-за чего я, то приходил в себя, то снова отключался, при этом, не сознавая, где нахожусь, чувствуя лишь блаженную легкость, с которой и пребывал во сне. Боль не ощущалась.

По крайней мере, пока.

Я понимал, что лежу на чем-то холодном и жестком. Пытался пошевелиться, но сил не хватало даже на то, чтобы просто открыть глаза. Урывками вспыхивающая память подкидывала различные детали произошедшего, вслед за чем стало потихоньку возвращаться и ощущение реальности.

И боль, тупая, ноющая во всем теле. Чувство было такое, будто меня долго-долго сминали и раскатывали, точно пластилин.

Чуть позже вспомнилась и опасность, которая угрожала. Сразу представилось, как некая размытая тень, вволю наигравшись, сбросила меня с балкона на монокромный пол холла, а я даже не смог оказать ей хоть какое-то сопротивление.

Я попробовал пошевелиться опять, но малейшее движение вызывало приступ, заставлявший меня громко стонать. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как я отключился? Час? Или может два? И где сейчас это нечто?

Я попытался прислушаться, но вокруг стояла замогильная тишина — ни звука, если, конечно, не считать звона в моих собственных ушах. Где была теперь эта тварь, я не имел понятия, и от осознания этого в купе с собственной беспомощностью едва опять не провалился в забытье.

Чувство самосохранения визжало о том, что мне следует как можно скорее убраться отсюда.

Сжав зубы, чтобы не закричать, я попытался сесть, вот только тело отказывалось мне подчиняться. Не знаю, вроде бы в тот момент я молчал, и все-таки стон со стороны послышался. Было очень холодно, и страх все больше стал овладевать моим разумом. Ужасно хотелось открыть глаза, но и тут ничего не получалось.

— Думаю, он скоро придет в себя, — раздался рядом голос, который я узнал сразу, низкий и с хрипотцой, голос госпожи Бабор. — Просто удивительно, как ему удалось свалиться с такой высоты и ничего себе не сломать. — Женщина говорила очень тихо, но, судя по интонации, была в крайней степени взволнованна. Меня это одновременно и удивило, и позабавило. Вот уж от кого не ожидал подобного проявления сочувствия.

— Действительно.

Едва я услышал этот спокойный и мощный баритон, страх перед неизвестностью мгновенно исчез — не думал, что когда-нибудь так обрадуюсь появлению Аверре.

— Как он умудрился-то? — продолжала кудахтать хозяйка гостиницы, зачем-то ощупывая мой лоб. — Не сиганул же оттуда сам?

— Едва ли, — пробормотал Аверре.

— Тогда что случилось, по-вашему?

— Полагаю, выясним, когда он сам сможет рассказать. Кстати, он приходит в себя. Сет, ты меня слышишь?

Вопрос, прозвучавший мне в самое ухо, по ощущениям должен был разорвать мой мозг,

таким гулом он отозвался в голове. Поморщившись, я вновь попытался распахнуть глаза и на этот раз мне это удалось. Сначала слишком яркий свет на время ослепил меня, заставив зажмуриться, но немного привыкнув, я уже смог различать над собой два темных силуэта. Почти все силы ушли на то, чтобы сказать: «Да», причем вышло оно слабее и тише, чем писк новорожденного кутенка.

— Мадам, прошу вас, отдайте распоряжение, чтобы моего помощника перенесли в номер, — попросил Аверре.

— Сию минуту, мастер Аверре. Но разве ему не необходим доктор?

Я все еще моргал глазами, пытаюсь увеличить резкость восприятия, в то время как Аверре обдумывал предложение хозяйки.

— Если у вас имеется медицинский робот, то пусть сделает ему инъекцию обезболивающего со снотворным. Об остальном я позабочусь сам.

Как ни старался я взять себя в руки, сознание ускользнуло, точно склизкий угорь, опять утащив меня в темноту.

Очнулся я уже, будучи в номере, лежа в кровати под одеялом, на горе пуховых подушек. И на этот раз пробуждение оказалось не таким болезненным, как прежде. Слегка приподнявшись, я огляделся. Портьеры на окне были широко раздвинуты, позволяя солнечному свету беспрепятственно литься в комнату. На ночь это совсем не походило, отчего я вновь стал задаваться вопросом, сколько времени провел на полу фойе. Голова гудела по-прежнему, а к телу как будто привязали груз весом в сотню килограмм, но сознание все-таки покидать меня не торопилось, а это уже не могло не радовать.

В комнате я находился не один. Рядом суетился, создавая до неприличия много шума, робот-медик необычной модели. Выглядел он даже хуже, чем я. Удивительно, как это с него еще не сыпалась ржавчина. Составляя какие-то непонятные диаграммы, он что-то деловито вводил в голографические записи, в промежутках совершая странные пассы своими культяпистыми конечностями. Надо думать, так он проводил осмотр пациента.

— С возвращением, сэр, — проговорил он механическим голосом, уж больно соответствующим его внешнему виду. — Пожалуйста, дайте описание вашему состоянию.

Лейры всегда были не совсем обычными существами из плоти и крови. Многое отличало нас от нормалов, потому-то к методам традиционной медицины мы не питали доверия. Едва ли эта пятисотлетняя рухлядь была в состоянии догадаться, что со мной не так, даже если бы потратила на изучение весь отпущенный металлу срок. Я понятия не имел, для чего Аверре решил приставить ко мне врача, а потому недовольно буркнул:

— Нормальное.

Зеленоватые фоторецепторы робота мигнули, кажется, удовлетворенные ответом.

— Общее состояние стабильное, — проговорил он. — Серьезных повреждений, угрожающих жизни, нет. Гематома в затылочной части уменьшилась. Множественные ушибы по всему телу. Отмечается понижение артериального давления, как результат послеобморочного состояния. Поздравляю, сэр, вы идете на поправку. Пожалуйста, вытянете вашу левую руку для инъекции.

В ответ на это, я оглядел его недобрый прищуром. К автоматическим механизмам я всегда относился с подозрением, нежели к существам живым по-настоящему. Это была своеобразная форма легкой фобии, о которой я всю жизнь предпочитал помалкивать. Последнее приключение вовсе не подвигло меня думать о роботах лучше.

При одном только воспоминании о минувшей ночи, у меня сразу же участилось сердцебиение. Почувствовал это, разумеется, и механический эскулап, и, раньше, чем я успел увернуться, принялся тыкать в меня своими датчиками и сканерами.

— Вам следует успокоиться, сэр, — приговаривал он. — Пожалуйста, постарайтесь держать себя в руках. Чтобы это ни было, опасность миновала. Все хорошо.

Но разве можно было доверять этому лишенному всякой индивидуальности и человечности механизму? К тому же, не так-то легко выкинуть из головы, что чуть не расстался с жизнью из-за такого же неодушевленного автомата. И пусть глупо было обвинять в собственных неудачах робота, который всего лишь выполнял свои обязанности, но не проводить причинно-следственную связь между ним и тем, что чуть не расстался с жизнью, я просто не мог. Не приди мне в голову любопытства ради выяснить, что там стучало наверху, ничего бы и не случилось. И, все-таки, механизмы всех мастей я теперь ненавижу больше прежнего.

Не дожидаясь, когда пациент соизволит вытянуть руку для укола, медробот ухватил меня за запястье цепким манипулятором и быстро совершил необходимую процедуру. Я не знал, что именно мне вкололи, но практически сразу же ощутил, как нахлынувшая паника и чувство беспомощности начали понемногу отступать.

— Что это? Успокоительное?

— Вы перевозбуждены, сэр, — ответил робот, отодвигаясь от кровати. — Для скорейшего выздоровления, вам противопоказаны любые волнения.

Много он понимает!

— Как долго я пробыл в отключке?

— Тридцать два часа с того момента, как вас нашли, — последовал бесстрастный ответ.

— Сколько?! — я едва не подпрыгнул на постели. — Где мастер Аверре?

— Он навел вас сорок семь минут назад, — отозвался робот, при этом вид у него был такой (Я не подозревал о том, что механизмы способны выражать эмоции лицевой панелью, но готов был поклясться, что так и было), будто он прикидывал, не стоит ли вкатить слишком буйному пациенту дозу успокоительного побольше.

— Позови его, — сказал я.

Медик не шелохнулся.

— Вам лучше отдохнуть.

— Позови его! — повторил я. — Мне надо срочно переговорить с ним.

Но робот уперся и не собирался отступать:

— Для разговоров у вас еще будет время, сэр, а сейчас вам необходим покой и здоровый сон.

Это был тот самый момент, вернее, один из таких, когда я, наплевав на все Батуловы запреты, готов был раскрыть свою истинную сущность и разобрать обнаглевшую железку на детальки. Хотя, если вдуматься, в моем нынешнем состоянии едва ли хватило бы сил сдвинуть хоть перышко. Та сила, та неосязаемая для всех прочих энергия, управлять которой я так привык, как всегда циркулировала вокруг, но ускользала между пальцев, точно речная водица.

— Ладно, — проговорил я многозначительно. — Я его сам найду.

Собрав в кулак всю свою волю, я кое-как заставил себя откинуть покрывало. Отсутствие одежды меня на тот момент совсем не беспокоило. Медик тут же вскочил наперерез, стремясь уложить строптивного пациента обратно на кровать. Мы сцепились друг с другом,

два неуклюжих чурбана. Физическое превосходство робота было очевидным, но я упрямо извивался, продолжая попытки проскользнуть мимо него, как вдруг входная дверь неожиданно открылась и в комнату кто-то вошел.

Громкий возглас удивления заставил нас обоих застыть и разом повернуть свои головы к выходу. К моему ужасу и позору, на пороге оказалась та самая девушка, что обещала мне принести ужин. Держа в вытянутых руках поднос с двумя тарелками, она уставилась на нас в немом изумлении, слегка приоткрыв рот, и всеми силами пыталась сдержать рвущийся наружу смех.

В более дурацкой ситуации мне еще оказываться не доводилось. Желая провалиться сквозь землю, я, сам не знаю с откуда взявшейся силой, оттолкнул от себя робота и натянул покрывало по самый подбородок. Тот, громко звякнув, едва не свалился на пол. Боясь даже подумать о том, что могла за это время разглядеть она, я лихорадочно соображал, как бы поскорей стереть это досадное недоразумение из ее памяти.

Но, увы. Все, что я сейчас мог, это, в переносном смысле, метать глазами молнии и злобно шипеть.

— Предупреждать надо!

Девушка не ответила. Более того, вообще никак не отреагировала на эти слова. Даже не смутилась. Просто стояла и смотрела, с таким видом, словно пару секунд назад перед ее носом пролетело насекомое, не слишком назойливое, но вполне омерзительное.

Я выбирал, чтобы еще такого сказать, лишь бы стереть почти надменное выражение с ее лица, но тут к кровати, жужжа сервомоторами, возвратился мой чудо-лекарь.

— Это было вовсе необязательно, — деловито прокаркал он.

— Нечего было лезть, — мстительно ответил я и переключил свое внимание на наглуемую девчонку: — Насмотрелась?

Но та только пожала плечами и гадко усмехнулась.

— Было бы на что.

Я ощутил, как краска стыда заливает мое лицо каким-нибудь замечательным ярким цветом. Однако девушку мое выражение, похоже, не больно-то и беспокоило. Она преспокойно обошла кровать и опустила свой поднос на рядом стоящую тумбочку. В одной миске плескалось нечто желтое и жидкое, испускающее густой ароматный пар, вторая содержала в себе какую-то зелень. Ни особого голода, ни доверия к местной пище я с некоторых пор не испытывал и, подавшись вперед, брезгливо рассмотрел содержимое супницы.

— Что это?

— Ваш завтрак, — был ответ.

Я откинулся на подушки.

— Я этого не просил.

Девушка нахмурилась.

— Это то, что рекомендовал доктор.

С недоверием сузив глаза, я кивнул в сторону робота:

— Этот что ли?

Скрестив на груди руки, она кивнула, потом добавила:

— Мастер Аверре просил меня передать, что завтрак надо съесть полностью. Думаю, в этом-то он разбирается.

Я хотел сказать, что мне плевать, на чем там настаивает мастер Аверре и в чем он

разбирается, но эту бурду я в рот не возьму, да передумал.

— Позови его.

Если честно, я и сам понял, что просьба была больше похожа на приказ, но сейчас я находился не в том состоянии, чтобы уделять внимание соблюдению условностей.

Однако девушка определенно придерживалась иного мнения. Нахмурившись, она очень тихо и с угрозой переспросила:

— Что ты сказал?

Этот ее резкий переход на «ты» яснее прочего говорил о том, что задета за живое. Может, с моей стороны это и выглядело по-хамски, ни малейшего угрызения совести я не испытал. Да и с чего бы? Я — лейр. А она кто?

Так что пришлось повторить, с ухмылкой (а то как без нее?):

— Я сказал, позови его. — И добавил: — Плохо расслышала или у вас тут весь персонал заторможен?

Едва последние слова сорвались с моих губ, я все-таки пожалел о том, что не придержал их при себе: лицо и грудь оказались залиты вонючей желтоватой жижей, а сверху присыпаны зелеными кусочками салата. Благо они не были горячими. Чашки отлетели на пол, а возмущенная до глубины души девушка, стремительно пошла к выходу.

У двери, взявшись за ручку, она резко обернулась, взмахнув своей черной косой, и проговорила:

— Я тебе не служанка!

Отплевываясь и чертыхаясь сквозь зубы, я потянулся за салфеткой с подноса, когда в комнату, едва не столкнувшись с наглой девчонкой, вошел Аверре собственной персоной. Заметив меня, с головы до ног залитого супом, он перевел взгляд на виновницу этого дела и просто-таки расцвел в милейшей улыбке.

— Лита, дорогая, благодарю вас за помощь, — проговорил он.

— Не стоит, мастер Аверре, — ответила девица. — Мне было нетрудно. — Она старательно попытался испепелить меня взглядом, но я тут же вернул его с процентами.

— Вижу, вы нашли общий язык, — пройдя чуть внутрь, добродушно произнес мой наставник.

Я все еще ждал, когда она скроется, чтобы спокойно отправиться в ванную и привести себя в порядок, и едва эта Лита вышла, сразу же вскочил с постели, забыв о всяком недомогании.

Но тут сразу же подскочил ко мне мой лекарь:

— Лежите, сэр!

— Отцепись!

Робот не шелохнулся, а Аверре только испустил неопределенный полувздых и проговорил:

— ЭС-8, ты свободен. Я сам здесь управлюсь.

Робот подчинился беспрекословно, исчезнув из комнаты прежде, чем я успел снова сесть на кровать. От слабости и злости меня все еще знобило и подбрасывало. Схватив чистый конец покрывала, я попытался стереть с себя остатки завтрака, одновременно прикрывая срам.

— Потрясающее зрелище, — сказал Батул, пройдясь к окну и выглянув наружу. Что конкретно он имел в виду, я не совсем понимал. — Вот тут пропустил, — добавил он, показав на левую щеку, вернувшись к кровати и оценивающе глядя на меня. — Так-то лучше.

Ну и как она тебе?

Он еще спрашивает! Да при одном только воспоминании о ней у меня сжимались кулаки, и я заново покрывался краской стыда. Мало того, что явилась без стука, застав меня, в чем мать родила, так еще и облила с ног до головы.

— Милое создание, — ответил я мрачно.

Странно, но мои слова и тон, Аверре как будто удивили.

— Хм, — проговори он. — А я не ожидал, что ты такой.

Я уставился на него, точно врач на сумасшедшего:

— Какой такой? Она всего лишь простолюдинка с замашками королевы. Что мне, теперь перед ней стелиться прикажете?

Аверре прищурился:

— По-твоему, лучше вести себя, как последняя скотина? Словно она — человек второго сорта?

— Она явилась не вовремя и без стука! Я вспылil, я не отрицаю, но она сама виновата!

— И, правда, — недобро усмехнулся мастер. — Как смела какая-то простолюдинка потревожить покой великого элийра?

— Что? Я вовсе не... При чем тут это?

— Притом, что ты, так или иначе, считаешь себя лучше, — заявил он. — И не только в сравнении с ней, но и с любым нормалом. Бавкида из кожи вон лезет, лишь бы вдолбить в ваши неокрепшие умишки, насколько вы лучше прочих. А что дает вам право так думать? Ты считаешь, раз ты обладаешь силой, недоступной другим, то это автоматически ставит тебя на ступень выше всякого простого смертного?

Под испытующим взглядом Аверре было очень тяжело не отвести глаз в сторону, и все-таки я устоял.

— Хотите сказать, что это не так? — Я встал, обвязав покрывало вокруг талии. Ноги дрожали. — Похоже, вы слишком много времени провели среди нормалов, чтобы видеть разницу.

— А ты слишком мало, чтобы мне на это указывать. — Голос Аверре не повышал, но чувствовалось, что он вот-вот выйдет из себя.

Однако, закусив удила, я уже не мог остановиться.

— Вот как? Мы только прилетели, а вы уже заставили меня вести себя как они. Сами сказали, насколько они боятся и ненавидят нас. Так почему я должен питать к ним уважение и любовь, если они не позволяют мне быть самим собой?

Я полагал, что теперь-то хладнокровие мастеру изменит, но он, вдруг почему-то поникнув, лишь устало проговорил:

— Мне искренне жаль, что Сол не решила мне открыть твое существование. И жаль, что ты был слишком мал, чтобы слова и идеи, которые она всю жизнь несла в своем сердце, могли закрепиться в твоём. Жизнь в Цитадели помогла тебе развить особые умения и навыки, но морально твою душу разложила. Вы все обитаете в собственной вселенной и судите о мире вокруг лишь по картинкам. Вы видите всё черным и белым, в то время как реальность обладает множеством оттенков. Я думал, ты это понимаешь...

Мне было трудно выдержать его взгляд, и я опустил свой.

— Любой нормал является потенциальным лейром, — продолжал говорить мастер. — В каждом из нас есть тот генотип, та метка, отвечающая за развитие восприятия Теней. И это вовсе не твоя привилегия. Так почему ты считаешь, будто Лита хуже тебя, если, по сути, на

твоем месте могла оказаться и она?

Я не знал, что на это ответить и потому промолчал.

— Не суди кого бы то ни было по имени и статусу, Сет. Цени людей за их поступки.

Я мог и не согласиться с тем, что он только что тут наговорил. Быть лейром — не привилегия? Пробуждение наших способностей, может, и не зависит от нас, но достижение высот в знании и умении подчинять себе потоки Теней исключительно заслуга каждого алита. Мои навыки дались мне вовсе не так легко, как может показаться. Чтобы стать тем, кем я сейчас являюсь, мне пришлось приложить массу усилий, денно и нощно корпеть над учебниками, изводить себя морально и физически упражнениями, от которых у любого нормала взорвется голова. И это не дает мне права считать себя лучше? А что тогда дает?

— Вы сами сказали Бавкиде, что считали мою мать исключительной. В чем же разница?

— А разница в том, мой дорогой юный упрямец, — ответил Аверре, — что Сола всегда оставалась исключением из общих правил. Ни одни рамки не были ей в пору, потому что, в первую очередь, она всегда оставалась человеком, я сейчас о широком смысле этого слова, а уже потом выдающимся ученым, матерью и лейром. Но тебе до нее как до звезд.

Обвинения Аверре в какой-то степени задели меня за живое, но и не отметить справедливость некоторых его слов я не мог.

— Как я погляжу, Лита смогла оказать тебе достойное сопротивление, — заметил он, неожиданно подмигнув. — И даже не смотря на то, что вовсе не лейр. Кстати, забыл упомянуть, ведь она дочка госпожи Бабор. Так что на твоём месте, был бы с ней повежливее. А еще принял бы ванну. Уверен, ты достаточно пришел в себя, чтобы сделать это самостоятельно. Верно?

От одной мысли о том, что мне стал бы кто-то помогать, я вздрогнул.

— Вот и прекрасно. — Он одарил меня широкой улыбкой. — Приводи себя в порядок и спускайся вниз.

— Зачем? — Вопрос может того и не стоил, но любопытство родилось вперед меня.

— Пока ты пребывал вне своего физического тела, я успел договориться о встрече, — ответил наставник.

Надо же.

— И с кем?

Аверре вновь нахмурился:

— Слишком много вопросов, юный Сет. — Но пояснил: — С потомком легендарного генерала. С кем же еще? Графский род Занди до сих пор управляет системой Боиджии. Нам повезло, что мою просьбу об аудиенции удовлетворили. Граф не очень жалуется инопланетников и, к тому же, поговаривают, что он не совсем здоров.

Тут уж я сильно удивляться не стал.

— По-моему, это отличительная черта всех местных жителей. Но я думал, вас заинтересует, что со мной случилось?

— Верное предположение, Сет, — проговорил мастер. — Можешь не волноваться, времени разобраться с этим нам еще представится. А пока, марш умываться.

Глава 6. Откровенность

Тридцать минут спустя я был готов к работе. «Готов», конечно, слово чересчур громкое. Львиную долю времени провозившись с одеждой, я сумел-таки облачиться в свежий наряд. Что стало с моей прежней одеждой, оставалось неизвестно. Возможно, ее отправили в чистку или просто выбросили. В любом случае, особо я не переживал: все, что могло беспокоить меня, это напульсник, а он сейчас находился там, где ему и положено было быть — на моем запястье.

Подойдя к зеркалу, я еще долго изучал свое отражение, отчетливо наблюдая просто убийственное сходство с утопленником: бледный, с темными кругами под глазами и небритый. По-моему, даже на собственных похоронах люди выглядят краше. Мрачность всего образа подчеркивал глубокий капюшон куртки, который я накинул, чтобы хоть как-то прикрыть мертвенность.

В общем, с горем пополам приведя себя в более-менее приличный вид, я спустился вниз.

Не без внутренней дрожи, я миновал лестницу на второй этаж. Смотреть на нее совсем не хотелось, и все же взгляд против воли, точно магнитом притягивался к тому злополучному балкону. Сейчас в окна бил чистый утренний свет, но в голове еще раздавался тот пугающий и монотонный звук — звук ударов механического уборщика о пол.

Я на секунду застыл на месте, вглядываясь вглубь себя, возвращаясь в прошлое, и полная ретроспектива произошедшего пронеслась перед глазами, как вызванный в памяти сон. Жаль только деталей я не видел, все было окутано матовой дымкой. Но все та же полутьма и та же размытая синева хищных глаз...

— Наконец-то, Сет! — возглас Аверре вырвал из забытья, и я повернулся к нему.

Закинув ногу на ногу, он восседал в плетеном кресле с высокой спинкой, заканчивая толковать с хозяйкой гостиницы, разложившей свои телеса в кресле напротив. Признаться, я не сразу привык к улыбчивой мадам Бабор. Даже если бы для нее это было нормой, мне казалось, что глядя на Аверре она по определению улыбаться не могла. А он... Я даже представить себе не мог, что мастер способен с кем-то флиртовать! Это всегда казалось настолько же невероятным, как Бавкида, исполняющая непристойные песенки в середине лекции. Ужас!

— Я ожидал большей оперативности, — проговорил наставник с легким намеком на укор.

— Да будет вам, мастер Аверре, — неожиданно вступилась за меня мадам Бабор. — Простите бедному мальчику его неторопливость. В конце концов, можно ли его винить за это, после того, что довелось ему пережить той ночью? Я удивлена, что он вообще может на ногах стоять.

Скажу сразу, мысли мои сейчас текли не достаточно резво, чтобы улавливать все тонкости, творящиеся вокруг. И все-таки, когда это я умудрился попасть в другую вселенную? Разве возможно, чтобы после того холодного приема, коим нас встретили, эта дама вдруг стала учтивой, добродушной и заботливой? Я ничего не понимал.

— Не слишком ли рано вы поднялись с постели, молодой человек? — В голосе ее было полно участия, но вот глаза — я был достаточно близко, чтобы заметить это, — оставались

холодными, точно мертвая планета.

Я ей по-прежнему не нравился, и это возвратило мое мироощущение в норму.

Однако мадам Бабор не переставала источать добродушие:

— Только взгляните, как он бледен! Мне кажется немилосердным заставлять его заниматься какими-то делами, когда мальчик еще не совсем оправился.

— Я в порядке.

— Кстати, меня все интересуют подробности случившегося. Вы не желаете просветить нас, как вы умудрились перевалиться через перила. Мне всегда казалось, что они у нас достаточно высоки, чтобы исключить возможность несчастного случая.

В чем, в чем, а в этом она была абсолютно права — несчастным случаем тут и не пахло. Вот только стоило ли давать ей об этом знать? Я осторожно взглянул на Аверре. Тот, являя собой полнейшую невозмутимость, чуть заметно качнул головой.

— Я не очень хорошо переношу высоту, — соврал я в итоге. — Видимо, голова закружилась.

— Хорошо же вас, юноша, помотало, учитывая, что вы были весь в крови. Я, может, и не специалист, но от падения такими синяками не обзаводятся.

Ее хитрый и пристальный взгляд продолжал вгрызаться в меня, отчего я начал нервничать сильнее обычного.

— Верно, — влез Аверре. — От падения, как правило, ломают шеи. Нам еще повезло что ты так удачно приземлился.

— Это точно.

— Ну, нам пора. — Взглянув на свой наручный хронометр, он вскочил. — За нами должны были прислать транспорт, и, если я не ошибаюсь, то такси уже здесь. Идем, Сет. — Он даже поклонился хозяйке: — Мадам, до встречи.

Он начал ненавязчиво подталкивать меня к выходу, как вдруг что-то словно кольнуло в самый бок:

— Одну минуту.

Игнорируя озадаченные взгляды обоих, я, насколько мог в своем нынешнем состоянии быстро, взобрался вверх по лестнице. Одна деталь все не давала мне покоя.

Ступив под тени статуй, я огляделся в поисках места, где лежал робот. То, что его там уже не оказалось, для меня сюрпризом не стало, но все же маленькая надежда на обратное была. Пройдя нетвердым шагом к краю балкона, поинтересовался:

— А куда дели уборщика? Он тут лежал, когда я... упал.

— Его убрали, конечно, — прокричала снизу мадам Бабор. — Наш местный техник осмотрел его и сказал, что робот не подлежит ремонту. Пришлось отправить его на списание. Что-то не так?

— Да нет, — откликнулся я, вновь поглядев на то самое место, где отчетливо виднелось въевшееся пятно машинного масла — кое-кто не особенно затруднялся с чисткой. — Все в порядке...

Голова еще гудела, словно улей, и мысли не желали приходить в порядок, но одна все же сумела достучаться до моего полудреmlющего сознания: нападавший вывел из строя робота, чтобы привлечь мое внимание!

Я попытался припомнить момент, когда его нашел. В затылке уборщика торчала тонкая иголка, явно чуждая автомату. Вдруг эта иголка сможет навести на след нападавшего?

Лелея призрачную надежду на чудо, я, точно как в тот раз, присел на том самом месте,

где лежал бедолага робот и постарался как можно внимательней все осмотреть. Со стороны это, должно быть, выглядело настоящим помешательством, но Аверре и Бабор меня видеть не могли, так что об этом я практически не думал. Только об иголке.

— Сет?! Что ты там делаешь? — кричал снизу наставник. — Нам пора ехать. Опаздывать нельзя.

Но мне на его дела было плевать. По крайней мере, в тот момент. Себя я знал достаточно хорошо, чтобы понимать — успокоиться не смогу, пока не узнаю, кто и зачем со мной это сделал.

Словно ищейка я ползал по балкону, выглядывая и вынюхивая любые следы, которые мог бы оставить неизвестный со светящимися глазами. В общем-то, для меня это не было уж настолько в новинку. Элийры в Ордене — народ особый. На боевую подготовку и прочие навыки, связанные с разрушением, мы тратим минимум времени, занимая основную его часть развитием умений ментальных, но был еще специальный курс, на котором таких как я подготавливали для задач, очень схожих по своей специфике с детективной. Из курса я знал, что, каким бы изощренным ни казался преступник, следы, по которым его можно вычислить, он всегда оставляет. Поэтому-то я так упорно продолжал выискивать, надеясь, что справедливость этого утверждения не окажется ложной.

Видимо, удача была на моей стороне. Или проведение. Судьба. Называйте, как нравится. Так или иначе, я обнаружил то, что искал: маленькая, длиной чуть больше двух пальцев, и тонкая, настолько, что легко можно было и десять раз пройти мимо, иголочка. Она преспокойно лежала на постаменте одной из статуй, возможно, упала, когда робота переносили. В тени большого пальца правой ноги ее почти не было видно, но мне повезло. Достав из-за пазухи сложенный платок, я, не собираясь касаться ее руками, силой своей воли заставил иголочку перелететь с мрамора на кусочек ткани. При более детальном рассмотрении мои прежние догадки лишь подтвердились — она и впрямь выглядела, как нечто растительного происхождения и не иголочка даже, а, скорее, шип растения, которым могли пользоваться...

— Сет!

— Иду, мастер!

Быстро спрятав улику во внутреннем кармане куртки, я, стараясь не выглядеть слишком возбужденным, спустился вниз. Аверре и мадам Бабор, оба подозрительно смотрели на меня. Возможно, сомневались, действительно ли не повредило падение моему мыслительному процессу.

— Что ты там искал? — спросил мастер.

— Ничего.

— Точно?

Его пристальный взгляд был похож на лезвие ножа, но я остался непробиваем.

— Конечно.

— Хорошо. Идем тогда.

Раскланявшись с мадам Бабор, мы поспешили покинуть отель.

Оказавшись на улице, я вдохнул приятный утренний воздух и сделал вид, будто радуюсь солнцу. Я чувствовал, что Аверре продолжает исподтишка наблюдать за мной и как мог, старался дать ему понять, что ничего необычного не нашел.

Ночью, наверное, был дождь, и запах цветов теперь стал особенно густым, приятным и умиротворяющим. находка значительно прибавила мне жизненных сил, а утреннее солнце,

сияя меж кучевых облаков, приятно пригревало, наполняя нетерпением и предвкушением грядущего расследования. Если бы еще не то самое чувство тлена, преследующее меня на Бойджии, куда бы я ни пошел, я бы, пожалуй, и впрямь начал наслаждаться поездкой.

Быстро сбежав на тротуар, вслед за мастером, я поглядел на него в немом вопросе. Такси, которое, как он утверждал, давным-давно нас заждалось, нигде не было видно.

— Ну и?.. — начал было я, но Аверре поднял ладонь в знак молчания.

Странно хмурясь, он не спеша осмотрелся, а затем остановил свой взор на припаркованном у обочины за два здания от отеля сверкающем аэрокаре, рядом с цветущим на клумбе кустарником, подле которого сидел не совсем обычного вида мект[1]. Он едва не обнимал несчастное деревце, утопив в его щедро усыпанных ярко-бирюзовыми цветами ветвях свое скуластое и покрытое мелкими красно-коричневыми чешуйками лицо. Выглядело это не то, чтобы странно, но вызывало некоторую оторопь. Главное, что никто из прохожих даже не обращал на него внимания. Присмотревшись повнимательней, я заметил, что гуманоид вовсе не наслаждается ароматом, как можно было подумать, а своим гибким и проворным языком быстро слизывает с цветков их пыльцу.

— Вот и наша машина, — сказал Аверре. — И наш пилот.

— Что это он там делает?

— Это райс, — пояснил Батул. — Мекты весьма равнодушны к пыльце этого растения. Для них она своего рода наркотик или дурман. На их родной планете райс в большом дефиците, а на большинстве цивилизованных миров Империи его запрещено выращивать. Здесь же у жителей на все запреты свои взгляды. Тут это растение используют в качестве декоративного цветка. Все остальное никого не волнует. Кроме самих мектов. Поэтому-то их тут так много.

Услышав наши голоса, мект с большим усилием оторвался от своего занятия и впери в нас помутневший взгляд кроваво-красных глазок. На то, чтобы поймать фокус ему потребовалось некоторое время и когда его вертикальные зрачки закрепились на наших лицах, он заговорил высоким юношеским голосом:

— Мастер Аверре, я ожидал вас. — Поклон. — Его светлость отправил меня сюда, чтобы я проводил вас и вашего спутника в замок.

Аверре кивнул и обернулся ко мне:

— Познакомься с Измой — это личный слуга и ближайший помощник его светлости.

Я вежливо поздоровался. Удивление от того, что граф держит у себя на службе наркомана, быстро сменилось тем, что Аверре был с ним, как видно, неплохо знаком. Не удержавшись, я незаметно прощупал ментальную ауру этого типа. Тени в его присутствии несколько изменяли темп своих колебаний, но в сущности ничего необычного в нем не показывали.

Отойдя от клумбы, Изма открыл заднюю дверь флаера, проговорив:

— Граф согласился обсудить интересующий вас вопрос, но просил передать, что его время сильно ограничено, так что, будьте любезны, занять свои места.

Большого желания усаживаться в машину, за штурвалом которой окажется одурманенный наркоман я не испытывал и потому ждал, что Аверре откажется. Но тот, видимо, ничего предосудительного или опасного в этом не видел и спокойно забрался на одно из задних сидений.

Стоило отметить, что летательный аппарат графа фактически ничем не отличался от своих собратьев, распространенных по всей галактике: аэродинамичный, вместительный и,

без сомнения, очень дорогой.

Дождавшись, когда и я займу свое место, Изма, оскалив острые мелкие зубки в широкой улыбке, взялся за штурвал.

Мягко загудели репульсоры, машина легко приподнялась над брусчаткой и затем, повинаясь действиям пилота, резво сорвалась с места.

— Далеко отсюда до замка? — поинтересовался я, когда мы понеслись по улицам. Как и везде в черте города, меройские правила движения запрещали подниматься над дорогой выше, чем на пять метров.

— Нет. Всего минут десять, — охотно откликнулся мект. — Мероэ специально строился таким образом, что все его кварталы располагались спиралью вокруг одной единственной точки — самого замка. Его шпиль отсюда видно. Вон он. — Изма ткнул коггистым пальцем в лобовое стекло.

Проследив направление, я сразу понял, о чем он толковал: высоченные золоченые пики замка Занди сверкали на солнце, словно мачты древнего корабля. Великолепный образчик архитектурной мысли, он неоспоримо доминировал над прочими зданиями, ослепляя своим величием и внушая трепет одним лишь видом. Даже столица Риомма не могла похвастать чем-то столь грандиозным, а это уже о многом говорило.

По мере приближения к замку, улицы становились все шире, а дома — роскошнее, но ничуть не новее. Даже в центральных проспектах Мероэ чувствовалось отчуждение. Народу было много, — как Аверре и говорил, мектов и впрямь насчитывалось едва ли не больше, чем людей, — и лавочек, торгующих всякой всячиной, но кипения жизни не ощущалось. Меройцы влачили своё существование по привычной, давно наезженной колее, и делали все спустя рукава, по инерции. Даже в детях не виделось того огонька, что зажигает их глаза неумной жаждой приключений и познания.

Они вымирали.

От одной только мысли об этом, всякое желание любоваться местными красотами пропадало. В чем толк, если все вокруг, точно декорации низкопробной пьески? Ничего настоящего, лишь фарс. А теперь еще представьте, что вам подвластно видеть души людей со всеми тусклыми, серыми, как сама их жизнь, мыслями... Бррр...

Не смотря на не вполне вменяемое состояние, Изма прекрасно справлялся с обязанностями пилота, управляя машиной со сноровкой заправского гонщика. Пока он выкручивал штурвал, срезая углы на особо крутых поворотах, я то и дело поглядывал на Аверре, прикидывая, какие думы вызывал у него Мероэ? Он сидел, уставившись в окно с отрешенным видом, погруженный в какие-то свои глубокие мысли. Суть их меня, признаюсь, интересовала мало, даже, несмотря на то, что в основном из них и состояло значение нашего присутствия на планете.

Хоть мастер и пообещал, что уделит тому «несчастному» случаю внимание в более подходящее время, что-то мне подсказывало, особого интереса у него он не вызывал. Что, само по себе, уже казалось странным. Либо на Бойджии принято нападать на людей в любое время дня и ночи, либо Аверре было известно больше, чем он хотел мне показать.

Даже более чем странное поведение горожан не могло склонить меня к первому варианту. Наставник явно что-то знает, но почему не говорит?

Пока я пытался разобраться в причинах и следствиях, Изма остановил флаер у края рва, окружавшего замок со всех сторон. Оказалось, что великий генерал Занди возвел свое жилище на скошенной вершине крутой скалы, сделав его центральной

достопримечательностью города, но при этом совершенно изолированной от него. Ни мостов, ни линий, ни каких других видимых соединений, способных провести внутрь замка не наблюдалось. Но флаер-то наш летал, так что следующий мой вопрос оказался вполне логичным:

— А что мы стоим?

— Ждем, когда нам разрешат лететь дальше, — отозвался Изма, занимаясь вводом каких-то данных через бортовой компьютер аэрокара. — Все воздушное пространство над замком находится под круглосуточным наблюдением. Любое несанкционированное вторжение на территорию автоматически активирует систему обороны. Без пропусков мы не сможем двигаться дальше.

— А разве у тебя отсутствует особый допуск? — внезапно спросил Аверре.

— Конечно есть, мастер, — кивнул мект. — Я оговорился: пропуска нужны вам. Охрана должна быть уверена, что вы не замышляете худого.

Я удивленно посмотрел на Батула.

— Как мило. Не знал, что тут все настолько серьезно. Кого или чего так опасается граф?

От необходимости отвечать на явно не понравившийся ему вопрос Изму избавил донесшийся из внутреннего динамика металлический голос. Из замка сообщили, что пассажиры, то есть мы, могут спокойно следовать ранее заданным курсом. Вдавлив до упора рычаг акселератора, Изма стартовал через пропасть.

Его нежелание отвечать на первый вопрос, возбудило во мне упрямое стремление разговорить мекта во чтобы то ни стало. Не зная, одобрит ли это Аверре, я собирался слегка подтолкнуть преданного слугу к некоторой откровенности. Совсем не лишним будет знать, что собой представляет нынешний граф Занди. Но для этого необходимо было сперва как-то посадить Изму на крючок.

Я проговорил:

— Столько мер предосторожности, будто это военный аванпост, а не резиденция.

Периферическим зрением я заметил, как молчаливо воззрился на меня Аверре. Прознал ли он о моем намерении или просто почувствовал некие изменения, однако я отчетливо уловил ухом его одобрительный смешок.

Ободренный этим, я осторожно надавил на разум одурманенного пылью райса Измы, подтолкнув его к разговору. Сколько раз мне доводилось проделывать подобный трюк над более слабыми ментально алитами, но, даже не смотря на это, я никогда не пренебрегал осторожностью. Любое слишком сильное воздействие на мозг само по себе опасно, тем более, когда имеешь дело с расой, до этого тебе не знакомой.

— Его светлость не привык делиться своими соображениями с прислугой, — в ответ на мои слова вяло промямлил Изма, еще сохраняя веру, что от него так просто отстанут.

Слегка усилив свой натиск, я сказал:

— Да брось. Уверен, что ты преуменьшаешь свою значимость для графа. Едва ли в замке есть хоть кто-то, знающий его светлость так же хорошо, как и ты.

На самом деле бил я наугад, исходя лишь из собственных предположений. Изма мог вполне оказаться той самой личностью, которая проводила подле своего хозяина практически все свое время. Если верить книгам, у аристократов, особенно склонных к скрытности, всегда есть самые доверенные слуги. Так с чего бы Занди оказаться исключением?

Тонкий удар, подкрепленный убеждением, попал прямо в цель и мект заговорил:

— Все дело в том, что его светлость очень замкнутый человек и предпочитает, чтобы его уединению никто не мешал.

И из-за этого возводить вокруг замка целые рвы и сети лазерных батарей? Весьма оригинальный способ оградить себя от окружающих. Вслух, конечно же, я этого не сказал, позволяя Изме, вцепившемуся чешуйчатыми руками в штурвал, говорить дальше:

— Знаю, это выглядит странно, но на то есть причины. Его светлость не совсем здоров, — последнюю фразу он словно выдавил из себя, как будто боялся слов, которых сам и произнес.

Я искоса поглядел на Аверре, но тот упорно продолжал смотреть вперед, создавая видимость, что его эта тема совсем не интересует. Подумав, что нужно не забыть, позже узнать у мастера, каковы его мысли на сей счет, я спросил у Измы:

— Граф болен? Чем?

Ответом было пожатие плечами.

— Никто не знает. Его показывали многим докторам. Как-то раз даже из Риомма прилетал какой-то профессор, графские тетушки его вызвали, но толку от этого оказалось чуть. Они все считали, будто это какой-то вирус. Они и сейчас так считают, думают, он умудрился подхватить его где-то в лесу. Ерунда все это. И болезнь совсем незаразная. У моего народа есть такое понятие: «душевная червоточина». Я раньше не представлял, что оно означает, а теперь знаю — ею страдает мой хозяин. Я вижу, как она поедает его изо дня в день, по чуть-чуть откусывая кусочки души и разума. Оно не всегда заметно, но я каждый раз чувствую, когда ему становится плохо.

В этот момент в психической ауре мекта чувствовались явные изменения. Мне удалось приоткрыть эмоциональную заслонку Измы и его чувства, против воли, просочились наружу. Я поймал его взгляд в зеркале заднего вида и увидел, что глаза полны слёз. Тогда я понял, что даже если бы болезнь графа оказалась заразной и смертельной на сто процентов, его верный слуга все равно остался бы подле больного хозяина до самого конца. Это было больше, чем простая преданность. Это определенно была любовь.

Мне вдруг захотелось услышать полную историю этих двоих, но тут мы достигли внешних замковых ворот, где нас встречала графская гвардия. Вопросы пришлось на время отложить.

Я не знал, будет ли какой-то особый досмотр и на всякий случай приготовился предъявить удостоверение, но, ни один из стражников не проявил, ни ко мне, ни к Аверре интереса большего, чем мог вызвать неодушевленный груз. Их занимал исключительно Изма, которого они, к моему удивлению, слушались беспрекословно.

Получив от него все необходимые указания, гвардейцы вернулись на свои посты, а мект повел аэрокар в сторону ворот большого и темного ангара.

Посадив машину у противоположной стены, где виднелся проход во внутренние помещения замка, Изма попросил нас на выход. Места в ангаре оказалось более чем предостаточно, чтобы разместить военный гарнизон, однако две трети пространства пустовало, а все остальное занимали личные транспорты графа и его родни.

Не задерживаясь, Изма повел нас дальше, через пустые и такие же полутемные коридоры, все вверх и вверх. Пользуясь отсутствием посторонних, я решил как бы невзначай вернуться к начатой ранее теме.

— А давно ты работаешь на графа?

— Уже давненько, — кивнул Изма, отпирая электронным ключом одну дверь,

пропуская нас вперед и запирая ее снова. — Мы познакомились, когда еще были совсем детьми. Мои родители тоже служили роду Занди. С тех пор прошло уже больше трех десятков лет, хотя я точно и не помню. Это был лучший человек, которого я когда-либо знал. Он был добр и щедр, никогда не задира нос и не ставил себя выше других, лишь только потому, что он родился графом. Он и сейчас такой. Почти. — В голосе мекта сквозила огромная гордость за своего хозяина.

— Ну, у него наверняка было много друзей, — вдруг заметил Аверре и получил в ответ очередную печальную улыбку.

— Все видели в нем только будущего правителя, но не замечали человека, — сказал Изма. — Даже его родители, когда были живы, всегда чего-то от него ждали, а он был просто ребенком. Он хотел заслужить их любовь и уважение, но не понимал, что для этого нужно. Наверное, граф был одинок, как никто. И мне кажется, будь на моем месте кто-нибудь другой, он все равно сблизился бы с ним, просто потому, что больше никого рядом не было. Я был тем, кто просто хотел его поддержать, а он был тем, кто просто хотел жить... — он замолк на секунду, — ... ну и мы начали искать приключения.

Тут я решил, будто ослышался.

— В смысле?

Однако Изма ясно подтвердил:

— Ага. Часто убегали в лес без разрешения. Правда не очень далеко, иначе можно было и вовсе не вернуться.

— Вы оба, видимо, были отчаянные храбрецы, — сказал Аверре, минуя вслед за нами узкую винтовую лестницу.

— Вот уж нет, — хохотнул Изма. — На самом-то деле, я боялся леса как огня, но привычка постоянно следовать за графом, куда бы он ни шел, всегда побеждала.

Лестница вывела нас к новой запертой двери.

— Я проведу вас в покои графа потайным путем, — сказал слуга, опять доставая ключ. — Чем меньше народу в замке будет знать о вашем визите, тем лучше. Вы же понимаете, мастер, что тема вашего разговора слишком... необычна. А здесь, даже у стен есть уши. Очень длинные и очень чуткие, заросшие мхом от старости.

В ответ на мой вопросительный взгляд, Изма пояснил:

— Дело в том, что здесь живут две престарелые матроны. Они приходятся его светлости двоюродными тетками по линии матери и считают себя вправе совать свой нос везде, куда только можно. Эти две катранские акулы сразу поймут, что вы не простые посетители, у них на такие вещи просто нюх.

— Я уже имел счастье быть им представленным, — усмехнулся в усы Аверре. — Очаровательные дамы, но чересчур любопытны, в этом ты прав, Изма.

Мы все плутали по тайным слабо освещенным переходам замка, переходя из коридора в коридор, от лестницы к лестнице. Изма двигался вперед совершенно уверенно, открывая и закрывая за собой все новые двери.

— Это, наверное, самый долгий потайной путь, который только можно придумать, — бормотал я, следуя за ним по пятам. — Далеко еще?

— Нет, — отозвался Изма. — Осталось только подняться наверх. Сейчас будет лифт.

— И часто вы совершали свои вылазки в лес? — спросил Аверре, решив вдруг вернуть разговор к изначальной теме.

Мне показалось, будто Изма сомневался дольше, чем было положено, и потому заставил

его волю смягчиться еще чуть-чуть.

— Чаше, чем хотелось бы, — ответил он, наконец. — Чего только мы там не повидали: зверей, о существовании которых даже не подозревали, и, по-моему, лучше бы и дальше не знали. Однажды забрели слишком далеко от города, но не заметили этого, пока на нас чуть не набросился дикий нут. Едва спаслись бегством. Меня это быстро отрезвило, и шастать по лесу я больше не горел желанием. Как мог, я пытался уговорить хозяина вернуться домой, но проще было переубедить камень. Он просто помешался на этих... махди.

Последнее слово заставило меня насторожиться:

— Махди?

— Да, это племя дикарей, обитающих в наших лесах, далеко за городом. Никто точно не знает, где именно они селятся. Может быть, кочуют по всей планете, незаметные под плотным покровом леса — лично мне все равно. В Мероэ знают, насколько опасно соваться к ним, а они, к счастью, никогда не лезут к нам. На том и живем.

Вспоминая крайне скудное описание в сетевом информатории, я сразу же задал новый вопрос:

— Неужели никто не пытался их исследовать? Ведь это малоизвестная раса разумных существ, живущая у вас под носом. Сколько тайн скрывает от вас их лес?

— Махди не больно-то рады общению с чужаками, — пояснил Изма. Может мне и показалось, но его будто передернуло. — Это очень странные и опасные существа. Их не интересует ничего, из того, что происходит за пределами их территории. Вроде бы, до этого немало было исследователей, отправившихся в их края, но я не слышал, чтобы кто-нибудь из них возвращался назад.

— То есть их убили?

Мект просто пожал плечами:

— Понятия не имею. Кто бы проверял?

— Понятно, — выдохнул я, в который раз стреляя взглядом по невозмутимо шагающему рядом Аверре. — Так вы нашли их?.. Махди?

Мект отрицательно помотал головой:

— Я отказался идти дальше. Правда, я надеялся, что и хозяин вернется со мною, но я ошибался.

— Он что, пошел туда один? — спросил мастер.

— Да, — печально отозвался Изма. — И я до сих пор жалею, что струсил, и не пошел с ним вместе.

— Там что-то случилось?

Изма уже никуда нас не вел. Он стоял и смотрел куда-то в темноту, словно вглубь тех далеких лет, когда случилось то, о чем он так сильно теперь жалел.

— Случилось, — пробормотал он. — Граф вернулся только три дня спустя. К тому времени в замке все с ума по сходили. С меня чуть чешую не спустили за то, что вернулся без него. Уже собирались снарядить поисковый отряд, но тут он вернулся сам, живой и совершенно невредимый. Ни царапины на нем не было. Я до сих пор не понимаю, как это случилось. Он выглядел абсолютно здоровым, и только во взгляде было что-то странное. Никто этого не замечал, кроме меня, пока не начались... эти вещи.

— Какие вещи? — попросил уточнить я.

— С момента возвращения, ему постоянно снились кошмары. Причем видения посещали его не только по ночам, но и когда он бодрствовал. Риоммский доктор сказал, что

это шок и временное расстройство, связанное с очень долгим пребыванием в лесу. О том, что произошло с ним, хозяин упорно не хотел говорить, даже мне. Его на время изолировали от всех и следующие две недели мы не виделись вовсе. А когда встретились, я подумал, что нашей дружбе пришел конец. Но он заговорил со мной как ни в чем не бывало, и казался таким же беззаботным, как и раньше. Я был рад, очень рад и сразу не понял, как изменилось его поведение. Когда до меня дошло, поделаться что-нибудь было уже поздно.

Вернувшись в реальность, Изма активировал двери лифта своим ключом. Мы зашли внутрь, молча ожидая продолжения рассказа. Едва кабинка тронулась вверх, оно последовало:

— Он стал мрачнее, молчаливее, еще больше сторонился окружающих. По всему это был уже не тот Кхамейр Занди, которого я знал раньше. И еще... из леса он вернулся не с пустыми руками...

— А ты не пытался расспросить его светлость о том, что с ним случилось в лесу? Что он оттуда принес? Что-то необычное?

— Я, честно, не знаю и не уверен, что хочу об этом знать. Мы никогда не вспоминали тот случай и оба старались его забыть.

— Интересно, могли ли эти махди на него так повлиять?

— Я не знаю. В любом случае, надо было беспокоиться об этом раньше.

— С тех пор прошло уже немало времени, — произнес Аверре. — Болезнь, если таковая вообще имеет место быть, не сильно прогрессирует.

— У него случаются приступы, — ответил Изма. — Правда, редко. Иногда на него находит... меланхолия, что ли, какая-то и тогда к нему лучше не подходить.

В считанные секунды лифт вознес нас к самой верхней башне замка, где на залитой утренним боиджийским солнцем веранде, ожидал граф Занди собственной персоной.

[1] Мекты — рептилоподобные уроженцы системы Дейфи.

Глава 7. Иглы и семена

Ступая чуть позади мастера Аверре по ворсистому покрытию кроваво-алого цвета, я искал глазами графа. История, услышанная нами от безгранично преданного слуги, породила желание поскорее увидеть человека, которым так восхищался Изма и за которого, бесспорно, мог отдать все, что угодно, и в том числе жизнь. Если все, что говорят и пишут о лесах Бойджии — правда, тот, чьей храбрости хватило, чтобы в одиночку отправиться в самую глушь, и вернуться оттуда живым без единой, как утверждалось, царапины, вполне заслуживал уважения.

Занди нигде не было видно и это дало мне хорошую возможность осмотреться в его апартаментах, прочувствовать обстановку и лучше понять хозяина здешних мест. Личные вещи многое могут рассказать о своем владельце, особенно, если ты знаешь, какие вопросы им задавать.

Тишина, одиночество и покой — вот что нарисовало моё воображение, едва я прикоснулся мыслью к стенам. Они были холодны, словно никогда не становились свидетелями проявления ярких, сильных эмоций. Как будто здесь обитал робот или кто-то едва ли более эмоциональный, хотя весь внешний лоск просторных комнат буквально кричал об обратном.

Окинув веранду взглядом, можно было подумать, что граф — крайне изнеженное, любящее комфорт существо, с весьма изысканным и, пожалуй, тонким вкусом. Мягкие диваны и удобные кресла занимали практически весь периметр. Всевозможные изделия из керамики и дорогие статуэтки теснились между ними, как и множество ваз и живых растений в керамических горшках. На алых панелях стен — картины: большие и поменьше. Причем многие из них, насколько я мог судить, являлись подлинными произведениями искусства. Как, например, старинное творение иланианского живописца Ватина, известного тем, что создавал свои пейзажи, в буквальном смысле, выращивая их на пропитанном особым составом полотне.

Пройдя еще чуть вперед, я понял, что находиться здесь дольше мне не хочется. И дело было даже не в роскоши, так бросающейся в глаза и к которой я не привык. Проблема заключалась в том негативе, который Бойджия навязывала мне с тех пор, как мы приземлились. Только наглухо запечатав свое сознание, я мог безболезненно любоваться красотами Мероз, открывшимися с этой, новой высоты, приблизиться к самому ограждению, облокотиться на его стальные перила и вдыхать чистый, благоухающий цветами воздух.

— Отсюда поневоле почувствуешь себя царем. Город как на ладони, — невольно произнес я. — От такого вида не устанешь.

— Поэтому я и провожу здесь почти все свое время, — ответили мне неожиданно.

Чуть вздрогнув, я быстро обернулся и увидел в двух шагах от себя, облаченного в простые, почти домотканые, серые одежды высокого стройного человека лет сорока или около того с вьющимися темными волосами, чуть-чуть не достающими до плеч. По тому, с какой невозмутимой простоватостью смотрели на меня его яркие синие глаза, я сразу понял, что передо мной сам граф.

Только я открыл рот, собираясь представиться, Занди взял и повернулся к Изме, спросив:

— Вас кто-нибудь видел?

Присутствие ли хозяина на него так повлияло или закончилось действие пыльцы, но поведение мекта вдруг коренным образом изменилось, и во всем, что он говорил и делал, стала проявляться какая-то, совершенно неприглядная со стороны, подобострастность. Ссутулившись, Изма выступил на полшажка вперед и отвесил поклон:

— Только стража в ангаре, ваша светлость, больше никто. Как вы и велели, я провел мастера Аверре через восточный коридор.

Граф одобрительно кивнул, снова повернув ко мне свое лицо, и на этот раз его необычный взгляд был гораздо внимательней. Оказавшись под столь пристальным осмотром, я невольно подумал, что теперь понимаю, какого бывает объектам внимания элийров. Радовало, что сам граф навыками проникать в чужое сознание не обладал. Это стало заметно сразу, едва мне удалось прощупать его ментально. Разум Занди был открыт настежь и враждебным ничуть не казался. Однако я даже не подумал залезть в его голову глубже.

Вдруг, потеряв ко мне всякий интерес, его светлость опять обратился к слуге:

— Спасибо, Изма. Пока можешь быть свободен, но не отходи далеко.

Быстро поклонившись своему хозяину и Аверре, мект бесшумно исчез за абсолютно незаметной с этой стороны дверкой, из которой мы все только что явились.

Только когда мы остались одни, Аверре выступил вперед и, наконец, соизволил поприветствовать графа:

— Ваша светлость, — сказал он, немного склонив голову. — Благодарю, что согласились уделить нам долю своего времени. Понимая вашу крайнюю занятость, смею заверить, что у меня нет намерений, задержать вас надолго.

Слушая его полную заискивающего подобострастия речь, я с трудом удержался от того, чтобы не удивиться ей вслух. Никогда бы не подумал, что мастер Аверре способен так стелиться. Тем не менее, Занди воспринимал его слова, как должное, с едва проявившейся на лице улыбкой.

Он отвечал:

— Не стоит, мастер. Для друзей, тем более, столь давних, у меня всегда найдется время. Располагайтесь, прошу, — и указал рукой, унизанной драгоценными перстнями, на группку ближайших кресел, стоявших полукругом рядом со столиком из чистого хрусталя. — Выпьете чего-нибудь?

— Благодарю вас, с удовольствием, — улыбнулся Аверре. — Лучшего агарисса[1], чем меройский, я никогда не пробовал.

Пока граф отлучился к минибару, спрятанному в стене за шторой, я отошел от края балкона и уставился на мастера в немом вопросе: как давно они были знакомы и насколько близко? Аверре, разумеется, это проигнорировал, так что мне ничего не оставалось, кроме как усесться на указанное его светлостью место и подождать.

— Отчего вы не прикажете прислуге приготовить напитки? — не ведаю к чему, поинтересовался мой наставник.

Занди сказал:

— У меня редко бывают гости. Да и потом, я предпочитаю ухаживать за ними самостоятельно. Не все на свете можно доверять слугам, знаете ли. Изма, конечно же, исключение. А вы, молодой человек, что будете пить? — Это была первая фраза, с которой он обратился ко мне.

Слегка растерявшись, я ответил:

— Просто воды. Спасибо.

Граф никак не прокомментировал этот выбор и спустя пару минут возвратился, с подносом в руках и стоявшими на нем большим графином, с плескавшейся густой темно-сиреневой жидкостью, и тремя бокалами. Один из бокалов был наполнен водой и мелко наколотыми кусочками льда, в двух других уже находилось вино.

— Прошу вас, — проговорил хозяин замка, опуская поднос на стеклянный столик, зажатый между креслами.

Аверре первым протянул руку за напитком и, поднеся бокал к губам, сделал щедрый глоток. Довольно причмокнув, он блаженно закатил глаза.

— Великолепный агарисс. Просто великолепный.

— Рад, что вам нравится, — отозвался граф, присаживаясь напротив и тоже пригубив вина. — А вот ваш спутник остановил свой выбор на воде. Интересно, почему?

— Сказалось воспитание на закрытой планете, — отмахнулся Аверре. — К тому же, он, как я знаю, не поклонник инопланетных напитков. Ох уж эта мне нынешняя молодежь! Ко всему относятся с подозрением.

— Понимаю, — произнес Занди с оттенком одобрения в голосе. — Вы, может быть, и правы, юноша, — иногда лучше всего следить за тем, что пьешь и ешь, особенно, если ты находишься в незнакомой тебе среде. Но иногда, оставаясь среди определенного круга, такое поведение может быть воспринято негативно.

В этот момент я как раз потянулся за водой, но услышав его слова, нерешительно замер, что вызвало усмешку моего наставника. Пришлось выдавить из себя извиняющуюся улыбку, а мысленно пообещать припомнить это Аверре при первом же удобном случае.

— Кстати, как ваше имя?

— Ах, простите, ваша светлость, — моя оплошность, — тут же откликнулся мастер, не дав мне рта раскрыть. — Позвольте представить вам моего новоиспеченного ученика и помощника Сета Эпине.

Вот тут взгляд графа Занди из просто любопытного превратился в цепкий.

— Эпине? — вскинув брови, переспросил он. — Это правда? Хм... То-то мне почудилось в его лице нечто знакомое.

Я не успел как следует удивиться, а Аверре отвечал ему совершенно будничным тоном:

— Да, это ее сын.

Было видно, как сильно ему хотелось, чтобы его светлость оставил эту тему в покое, но тот, как будто, ничего не замечал и продолжал открыто пялиться на меня.

— Но разве такое возможно? Я думал, лейры не способны иметь детей.

Чувствуя сильное неудобство, я поерзал в кресле, пока мастер с серьезным видом кивал:

— Все верно. Так и есть.

— Тогда что же?..

Но Аверре не дал ему договорить:

— Ах, на самом деле, это не столь глобальный вопрос, который мог бы служить темой для разговора. Давайте оставим его на потом?

— Погодите, — наконец, сказал я. — Вы что, были знакомы с моей мамой?

Граф, кажется, не понимал, почему я задал этот вопрос, а Аверре с недовольным видом потянулся к своему бокалу.

— Твоя мама была удивительной женщиной, — сказал Занди. — Потрясающей лейрой,

лучшей, да простит меня твой наставник, из тех, что я когда-либо встречал.

— И давно это было? — прищурившись, поинтересовался я.

Но граф, кажется, сообразил, что позволил себе сказать лишнего и потому мой вопрос просто проигнорировал, переменив тему:

— Кстати, Аверре, как давно вы были на Риомме? Ходят слухи, Совет Лордов в очередной раз что-то затевает. Я, честно говоря, не любитель доверять всякой болтовне, но очень хотел бы знать, известно ли об этом что-нибудь вам?

— Едва ли скажу что-то новое, ваша светлость, — пожал плечами Аверре, расслабившись после очередного глотка агарисса. — Уже почти год я не поддерживаю связь с имперским правительством — исследования, сами понимаете, — так что свежими новостями не обладаю.

Я думал, у меня вот-вот мозг взорвется, но никто этого, кажется, не заметил.

— Однако же, — возразил Занди, игнорируя мой вопросительный взор. — Я не поверю, что вы не следите за тем, что происходит в Совете. Слишком уж многое зависит от их решений, в том числе и судьба тех, к кому вы принадлежите.

Аверре встретил взгляд графа с каменным выражением лица и вселенским спокойствием.

— Лейры находятся вне политических течений и государственных структур, — сказал он. — Они не подчиняются никому, кроме Навигатора и своего кодекса. А я не подчиняюсь даже им.

— Я знаю, — согласился Занди. — Но Риомм считает иначе.

— Риомм всегда считал иначе. Даже когда после Войны лейров, пытался признать нас вне закона.

— Вы и так вне закона, — хмыкнул граф. — Хотя, не понимаю, в чем был смысл этого, если официально вы все считаетесь давно вымершими.

— Ну, в этом нет ничего удивительного. Лейры основательно встряхнули галактику и многие переживали, чем может это аукнуться в будущем. — Одна бровь мастера вопросительно изогнулась: — В итоге, разве они оказались неправы?

Занди отвел взгляд.

— Все относительно, — сказал он. — Вы оставили Адис Лейр, а ваша сестра не оставила попыток найти и уничтожить их. Или я чего-то не знаю?

— Не оставила, — подтвердил Аверре. — Рисса слишком упряма, чтобы понять бесплодность всех ее попыток выкорчевать лейров.

О том, что у моего наставника имеется сестра, я тоже не подозревал, но это только укрепило меня в желании узнать о его прошлом еще больше.

— Тяжело вам вести борьбу с собственной сестрой? — поинтересовался граф.

Взгляд Аверре сделался немного печальным.

— Надеюсь, мне будет позволено не отвечать на этот вопрос.

— Понимаю. — Мимолетная улыбка скользнула по холеному лицу боиджийского правителя. — Говорят, Совет реформировал один из секретных отделов Тайной Канцелярии?

— Да, я читал в новостях, что Сенат одобрил проект Риссы и утвердил указ о преобразовании Департамента внешних исследований в нечто автономное.

— То есть, это правда?

— Думаю, да, — кивнул Аверре. — Правда. Теперь Департамент находится под

контролем лица, подотчетного только моей выдающейся сестре.

Со структурой властных организаций самого могущественного режима галактики я был знаком не столь хорошо, чтобы различать суть деятельности их многочисленных подразделений, но даже мне было известно об этом самом неутомимом сборище охотников на лейров.

— Суть их деятельности в изучении некоторых космологических течений, — добавил он.

Выражение лица графа сделалось еще более серьезным:

— Мне казалось, это скорей по вашей части. Разве нет?

— Для лейров эти течения — смысл жизни, ключ к силе и основная уязвимая точка. Для Совета — величина, недоступная их пониманию. Постигая материю на самом тонком ее уровне, мы умеем колебать, так называемые, Тени, создавая резонанс в пространстве, изменяющий его по нашему желанию. Это великое могущество, но за него мы платим свою цену. Огромную цену. Совет этого не понимает. Раньше они просто стремились нас уничтожить. Теперь же их цели изменились. Теперь они сами хотят стать нашим подобием, для чего и изобретают все новые и новые способы этого достичь.

Занди на секунду задумался, а Аверре, воспользовавшись заминкой, залпом осушил свой бокал и поставил его на столик.

— Налить еще?

Аверре заулыбался:

— Если вас не затруднит.

Граф поднял графин и щедро плеснул в бокал агарисса, одновременно высказав предположение:

— Не потому ли Риомм прислал мне официальный запрос принять их представителя в Мероэ?

Взявший свой бокал мастер тут же замер:

— Как давно это было?

— За день до вашего прилета, — отозвался граф. — Собственно, представитель уже здесь. Причину мне объяснять никто не хотел, но просьбу они высказали весьма настойчиво. Сами понимаете, мастер, отказать я не мог.

— Вы вовсе не должны объясняться, граф, — проговорил Аверре, почесав бороду.

— Конечно, — улыбнулся Занди. — Но, скажите, не может ли это быть как-то связано с вашим визитом ко мне?

— Я бы и сам хотел знать, — ответил мастер. — Что объяснил вам этот их представитель?

— В том-то и дело, что ничего. Иначе я не стал бы засыпать вас вопросами. Зачем вы здесь?

Аверре одарил его застенчивой улыбкой:

— Я думаю, вы и сами уже догадались.

— Вас все еще интересует Игла Дживана? Хм.

— Сет, — вдруг обратился ко мне мастер, — будь добр, покажи его светлости то, что ты обнаружил сегодня на втором этаже холла.

Едва не выронив всё ещё полный бокал, я удивленно уставился на наставника, забыв о том, что хотел засыпать его вопросами на совершенно иную тему. И все-таки, откуда он знал, что обшарив верхнюю галерею холла, я кое-что там нашел? Быстро запустив руку в

нагрудный карман, я извлек оттуда скомканный платок и осторожно положил его на краешек стола, развернув так, чтобы все могли видеть, что там.

— Хочешь узнать, что это? — вдруг перейдя на «ты», поинтересовался у меня граф и сходу выдал: — Это очищенное семечко растения минн. Оно произрастает только в экваториальном поясе на самых нижних уровнях паатовых лесов, именно там, где обитают махди. Это...

— Я знаю, кто они, — быстро сказал я, ухватившись за мысль о связи между этой иголкой и местными аборигенами. — Но как эти махди и минн могут быть связаны?

Но ответом меня наградила Аверре.

— О, это весьма интересно, — сказал он. — Они симбионты. Минн — это очень и очень необычное растение. Оно дает аборигенам все, что им нужно, в то время как аборигены способствуют его дальнейшему процветанию в лесном массиве. Без махди, растение бы погибло, ровно, как и сами махди давно исчезли бы, не будь рядом с ними этого минна. Это, конечно, в общих чертах. На самом деле их связь гораздо сложнее и глубже, чем я могу объяснить.

И тут Занди вдруг вставил:

— По-настоящему глубоко эту загадку изучила только Сол.

— Мама?.. — Я перевел взгляд с Аверре на него и обратно. Тот, казалось, не был особенно доволен.

— Ты же знаешь, она была лучшим специалистом в своей области, — сказал мне мастер.

— Она занималась генетикой, — напомнил я.

— Ксенобиологией, — поправил Аверре. — А это подразумевает изучение видов и влияние на них окружающего мира — в данном случае минна.

— Почему вы раньше мне об этом не говорили?

— И впредь не намерен, — отрезал он. — Не забывай, по какой причине ты здесь находишься.

В который раз мне пришлось погасить рвущееся наружу возражение. Чтобы там Аверре ни говорил, а от меня не ускользнул тот факт, что чем дальше мы здесь находимся, тем больше новостей о маме я узнаю. За все десять лет с того дня, как она пропала, такого еще не было. Вдруг на меня накатила уверенность, что стоит поглубже копнуть, и мне откроется еще масса неизвестного...

Молча наблюдавший за нами Занди неторопливо попивал вино. К чему в тот момент склонялись мысли графа, мне было не дано знать, но, глядя на него, я понимал, насколько преувеличивал Изма, называя своего хозяина психически не здоровым.

— Твоя мама, Сет, — сказал он, не обращая внимания на Аверре, — предположила и доказала, что своими плодотворными отношениями с минном махди обязаны тысячелетней эволюции. Ты, может, и не знаешь, но жизнь на Бойджии вне городских стен смертельно опасна, а природа безжалостна. Однако она же снабдила своих обитателей всем необходимым для того, чтобы выживать, а именно — подарила способность перерабатывать минн. Это растение дает махди все, что нужно: кров, пищу, даже оружие. Для всех прочих видов, в том числе и животных, соцветия этого растения смертельно ядовиты. Человек, попробовавший хоть каплю его сока, умирает мгновенно. Махди же спокойно добавляют минн в еду. Благодаря токсину они и приобрели свои необычные способности. Но я не о быстроте реакции и прочей ерунде того же рода. Физического совершенства они добиваются

упорными тренировками, а минн... ну, он дает им нечто иное. — Он замолчал и лишь когда я вопросительно приподнял бровь, добавил: — Вот тут мог бы и сам догадаться.

Приплюсовав одно к другому, я ошарашено ответил:

— Они становятся неосязаемыми для лейров!

— И в ментальном плане тоже, — добавил Аверре.

— Как так? — Больше всего остального странного и необычного, что я услышал в тот момент, меня поразило заявление о моем бессилии хоть как-то повлиять на них. Многое я мог ожидать от этой странной планетки, но только не такого. Насколько труднодоступной была власть элийров, настолько же неотразимой она мне всегда казалась. Но, с другой стороны, это все многое объясняло: — Стало быть, это они напали на меня.

— Логически вытекает, что так, — ответил граф, улыбаясь. — В сущности же, совсем не обязательно. Я хочу, чтобы ты описал нападение.

На секунду призадумавшись, я рассказал ему все, что мог вспомнить о том вечере. Не забыл даже упомянуть робота и горевшие синевой глаза, но подробности, все равно, выпадали из контекста — падение с балкона выбило большинство деталей из головы напрочь.

— Все произошло слишком быстро. Я даже не почувствовал, что в тот момент на балконе кто-то был. И ничего не успел сделать, когда на меня набросились.

— Махди невероятно проворны и совершенно бесшумны, — подтверждая мою первоначальную догадку, произнес граф. — У них иное представление о морали, что делает этот народ крайне опасным, но еще ни разу не случалось, чтобы они напали на чужаков вот так, без видимой причины. Как правило, они чураются посторонних и в город не суются, так что для этого нужна по-настоящему веская причина, а таковой, как мне кажется, у вас нет.

— Вы же сами только что сказали об иных нормах поведения.

— Это имеет значение, только когда вторгаются на их территорию, — возразил Занди. — Махди крайне дисциплинированы и нарушают свои правила лишь в самых экстренных случаях.

В ответ на это мне очень хотелось усомниться в том, что граф вообще встречался хоть с одним аборигеном, но я сдержался и спросил другое:

— А что насчет глаз?

— Светящиеся в темноте? — улыбнулся он, будто я был ребенком, рассказавшим старшему, что видел у себя в спальне привидение. — У всех махди глаза черные и я ни разу не замечал, чтобы они светились в темноте. Сет, поверь, если бы они задумали тебя убить, тебя бы убили.

— Спасибо большое, — удержаться от сарказма было трудно. — Откуда тогда взялся этот шип?

— Семечко, — поправил меня Занди.

— Допустим, — тряхнул головой я. — Кто, если не махди мог его оставить?

— Без понятия, — пожал плечами граф. — Но мы, кажется, уклонились от первоначальной темы, разве нет?

— Да-да, — подтвердил Аверре, заново подставляя бокал под вино.

Я едва сдержался от того, чтобы не закатить глаза — опять эта Игла Дживана! На то, что Аверре убежден в ее существовании я еще мог закрыть глаза — ради того, чтоб улететь с Яртеллы стерпел бы и не это, — но понять, что граф его поддерживает, было выше моих сил.

Я уже представлял, как они вспоминают старые сказки, которые рассказывали юному графу перед сном его няньки и, устроившись в кресле поудобней, приготовился подремать...

— Не нужно быть лейром, чтобы учуять твой скептицизм, Сет, — проговорил Аверре. — Я еще могу закрыть на это глаза, в силу твоей малообразованности, а вот его светлость может обидеться. Будь любезен — посерьёзней.

Естественно я сразу весь обратился во внимание.

— Прошу прощения.

— Ничего страшного, — улыбнулся Занди. — Вполне тебя понимаю. И я сперва не поверил во всю эту... но в итоге и меня история Иглы захватила. Правда, не столь сильно, как твоего наставника...

— Хорошо, — согласился я для вида. — Тогда сначала объясните мне, откуда она взялась и что вообще из себя представляет?

— Легенду ты уже слышал, — сказал мне Аверре.

— Но легенда меня не интересует, — ответил ему я. — Мне интересно знать факты, — и посмотрел на Занди, — если у вас они есть.

— Признаться, даже я не смогу ответить тебе, что собой представляет эта Игла, — сказал он. — Хотя на планете и есть те, кто мог бы об этом поведать достаточно подробно. Я же могу снабдить лишь историей, той, что передается в нашем роду от отца к сыну. Мастеру Аверре она уже известна. Но, видимо, затем он и привел тебя ко мне, чтобы ты услышал ее из первых уст.

Что ж, признаюсь, звучало многообещающе, и мой интерес ко всему этому делу стал мало-помалу просыпаться.

— Расскажите, — попросил я.

Занди оставил бокал и заговорил:

— Ты мог бы перевернуть Сеть целиком, но так и не узнать сотой доли того, что происходило в Галактике полторы тысячи лет назад на самом деле. Множество источников приводят какие-то материалы, документы, свидетельства, но, ни один из них не даст тебе полного ответа — все только догадки и предположения. Как раз из-за того, что существование Иглы считается вымыслом ради самой легенды, с научной точки зрения ее никто не рассматривал. Все историки до единого приводили и до сих пор приводят какие-то логические выкладки о том, почему на самом деле одержал победу мой предок. Ты не представляешь, сколько бесполезной макулатуры я перебрал, пытаясь выяснить научную подоплеку его победы! Никто не дал внятного объяснения тому, почему вдруг погибло столько лейров.

— Это могло быть оружие массового поражения, — заметил я и прежде, чем он успел возразить, добавил: — Действующее только на лейров.

— Например? — спросил меня Аверре.

Для меня все казалось таким логически простым и обоснованным, что я невольно удивился, как они, люди с таким умом могли этого не заметить?

— Да мало ли на свете возможностей убить нас. Может, кто отыскал какое химическое соединение или еще что. Минн же дает возможность махди противостоять нашей силе. Что если, генерал нашел ученого, способного произвести из этого растения какое-нибудь вещество и применил его на нас. Вот вам и вся разгадка.

Батул и Занди переглянулись.

— Хорошо, — кивнул наставник. — Ты не первый, кто выдвинул такую теорию. За те

полторы тысячи лет минн претерпел ни одну серию исследований, но никому так и не удалось воспроизвести из его соединений нечто подобное. Минн защищает от лейров, а не уничтожает их. Вспомни, что по легенде Игла обратила против лейров их же собственную силу.

Все это теперь звучало несколько запутано, и я кивнул, но лишь затем, чтобы граф продолжил свой рассказ.

— Экспедиций, отправленных к нам с Риомма, было немало. Империя посылала все новых и новых эмиссаров, которым поручалось убедить графа отдать Иглу, но после самой войны ее у него не оказалось.

— Как так?

— Мой предок хорошо понимал, что за вещь была у него на руках, как понимал и опасность, которую она в себе несет. Что бы о нем ни говорили другие, честолюбивым настолько, чтобы захотеть властвовать над всей галактикой он не был и потому Иглу спрятал в самое надежнейшее место, какое смог придумать.

— У махди? — тут же предположил я.

— Логично, не правда ли? — усмехнулся граф. — Может и у них. Вот только кто бы с тех пор ни отправился к ним, назад он уже не возвращался. Именно эта бесплодность всех попыток и вылилась во вполне благоприятную для нас идею о том, что никакой Иглы Дживана не было вовсе.

— Погодите-погодите, — пришлось мне его остановить. — Я что-то совсем запутался. А как генерал Иглу нашел? Вы мне это расскажите.

— С удовольствием, — согласился Занди. — Незадолго до решающей битвы за Шуот, силам лейров удалось оттеснить войска Империи к неисследованным доселе окраинам. Думаю, не надо тебе объяснять, как опасны путешествия без точных карт и навигационных данных? Очень много кораблей Риоммского флота погибло, а вот моему предку сопутствовала удача. Совершенно случайно он со своей командой совершил экстренную посадку в лесах Боиджии и первым встретился с махди.

— И почему они его не убили?

— Возможно, в те времена аборигены были не так враждебны к пришельцам, как сейчас. Тут я многого, если честно, и сам не знаю, но точно известно, что генерал провел в глуши Боиджии почти полгода. За этот срок он выучил махдийский и настолько глубоко проникся их культурой, насколько это может сделать человек. Заранее предвосхищу твой вероятный вопрос: питался он отдельно, без минна.

Я слегка улыбнулся, но перебивать, пока, не стал.

— Махди очень глубоко посвятили его в свой культ поклонения Небесным Богам. Они открыли ему доступ в Святилище, где продемонстрировали самую главную из своих реликвий.

— Иглу? — не выдержал я. — Но как смог он понять, на что она способна?

— Сет, помолчи! — рявкнул Аверре.

Я притих.

— Генерал понял, что невежественные на первый взгляд аборигены слишком много знают о жизни среди звезд. Не могу сказать, упоминали ли они лейров, но о своих, так называемых, богах кое-что поведали. Это небесные создания, пришедшие к ним с начала времен, приказали им хранить Иглу до тех пор, пока не появится тот, кто окажется достаточно сведущ, чтобы суметь ею воспользоваться. Понимаю, звучит банально, но так

оно, как правило, и случается. Махди было предсказано появление моего предка, и они с радостью отдали ему свою реликвию. Он улетел и, как ты знаешь, положил конец бесконечному и кровопролитному противостоянию простых жителей галактики и лейров.

Может кому-то это покажется странным, но после этих слов у меня уже не было желания ехидничать и спорить. Не могу сказать, что тут же уверовал в существование этого жуткого артефакта, однако спеси значительно поубавилось. За годы, проведенные в Цитадели, я научился воспринимать историю лейров как нечто, меня не сильно касающееся. Другие могли сколько угодно рассуждать о «наших братьях, погибших благодаря козням никчемных простолюдинов», я же относился к этому философски. Но сейчас неожиданно испытал горечь поражения, навеянную голосом Занди.

Я перевел взгляд на Аверре, но тот, как и подобает истинному мастеру, выглядел абсолютно невозмутимым, хотя и немного раскраснелся от выпитого вина.

— Но вы так и не объяснили, что такое эта Игла? Как, а главное, почему она так действует на лейров? Было ли это действительно нечто божественное, или очень высокотехнологичный артефакт, которым Занди I научился владеть в совершенстве?

— Ты, дружок, забегаешь вперед, — хохотнул наставник. — Это-то нам и предстоит узнать.

— Все равно это больше смахивает на сказку или бред.

Весело стрельнув глазами в сторону улыбающегося графа, Аверре сказал:

— Тем лучше, что ты так считаешь — немного здравого скептицизма мне не повредит. К тому же, твоя голова не будет забита излишними иллюзиями, это лучше скажется на работе.

— Какой именно работе?

— Узнаешь со временем. Не спеши.

Тем временем, Занди поинтересовался:

— Это все, что вы хотели от меня узнать?

И раньше, чем Аверре успел что-то ответить, я выпалил:

— Почему на Бойджии так ненавидят лейров? Я знаю, что в других мирах нас недолюбливают, и оно понятно, но о неприкрытой ненависти я никогда прежде не слышал.

Прежде, чем дать ответ, граф некоторое время подумал. Потом он заговорил:

— Это не ненависть. Это страх.

— Страх? Лейров все считают вымершими. Чего же ваши люди боятся?

Занди лукаво улыбнулся:

— Того же, что пугает тебя в махди.

— Но они меня не пугают, — как можно небрежней отозвался я. — С чего вы это взяли?

— Потому что это нормально бояться неизвестности. Ты не знаешь, кто они и что собой представляют и это внушает тебе страх. Как, скажем, внушает нам всем страх смерть и темнота. Это все потому, что мы не знаем, что за этим скрывается. Так и с лейрами. Война лейров наложила свой отпечаток на моего далекого предка и тех, кто последовал за ним, чтобы основать здесь колонию. Предубеждение против существ, наделенных не поддающимися простому объяснению способностями с течением времени переродилось в некий культ ненависти. Но, пожалуй, это единственное объяснение, которое у меня есть.

— Спасибо, — ответил я и встал, так как, по моему мнению, аудиенция была окончена.

Однако Аверре, похоже, уходить не спешил.

— Сет, будь так добр, подожди меня снаружи, — сказал он. — Проветрись немного,

можешь пообщаться с Измой. Мне необходимо сказать его светлости пару слов с глазу на глаз.

Вот это было худшее на сегодняшний день, что мастер мог для меня придумать — оказаться выставленным за двери в самый интересный момент. Однако возражать смысла не было.

Взяв со стола платок с минновым семечком, я, аккуратно убрав его обратно в карман, попрощался с его светлостью и направился к потайной двери. Но прежде, чем успел взяться за дверную ручку, меня остановило замечание Занди, сказанное на прощание, как бы между прочим:

— Ты очень похож на свою мать, Сет. Гораздо больше, чем сам об этом подозреваешь. Мне было приятно с тобою познакомиться.

Молча кивнув, как того требовало приличие, я вышел...

[1] Агарисс — разновидность крепленого вина, получаемого из ягод растения апуи, завезенного на Бойджию из системы Глиссео.

Глава 8. Комната в памяти

...И едва не столкнулся с Измой, который успел отскочить от двери, встал у стены и сделал вид, что совсем не подслушивал. Правда, это слабо ему удалось — лгать мект не умел абсолютно, — о чем ясно говорили чешуйки на его лице, принявшие бледно-желтый оттенок, вместо нормального серо-зеленоватого. Изма зачем-то шпионил, однако мне, как ни странно, это было все равно — мысли были заняты словами Занди обо мне и маме. Он упомянул, что мы похожи и меня это злило. Ведь даже граф знал мою мать лучше, чем я сам.

Я остановился рядом с Измой и резко опустил на притаившийся возле лифта пуф. Хотя усидеть на месте было тяжело, я заставил себя не метаться по тесной комнатке и попытался успокоить мысли. Способность управлять собственными эмоциями — тонкое искусство, овладеть которым, как сказал один лейр по имени Селайссие, сложнее, чем в условиях вечной мерзлоты взрастить семечко.

Сила любого лейра во многом зависит от умения подавлять свои эмоциональные порывы, но элийры всегда были в этом особенно заинтересованы. Чем лучше твой контроль над собой, тем проще подчинить чужой разум. Все просто. Но как же, порой, этого равновесия было трудно достичь!

Сидя на пуфике, я ждал, когда внутренние ураганные порывы разорвут меня на части.

А что было тому причиной? Всего лишь одна невинно брошенная графом фраза...

Что он мог знать о Сол? Что мог знать о ней Аверре?

Да что угодно!

Благодаря навязанной Бавкидой идее о том, что всю правду мне знать не положено, я постоянно бродил как в тумане, в самые тяжелые моменты своей жизни, кутаясь в детские воспоминания, словно в защитный плащ. Да и то, они больше ранили меня, чем исцеляли. Ведь каждый раз, думая о маме, я вспоминал самый страшный в моей жизни день, когда мы прощались...

Больше не в силах усидеть от переполнявшей меня злости, и на себя в том числе, я резко вскочил с пуфа и принялся мерить комнатку шагами. Мой внезапный порыв слегка перепугал бедного мекта, от неожиданности подпрыгнувшего почти на полметра, но я не обратил на это внимания. Слишком возбужденный и занятый своими соображениями, носившимся в голове подобно шторму на поверхности газового гиганта Виши, я испепелял взглядом дверь графских покоев.

О чем могли говорить эти двое, как не о Сол? Их нежелание моего присутствия, громче всяких слов указывало на это. В который раз я задавался вопросом, почему родному сыну постоянно отказывают в праве знать, что случилось? И в который раз не находил правдоподобного ответа.

Это сводило с ума.

Я делал уже, наверное, сотый круг по комнатке, когда наконец понял, что ждать милости смысла нет и что за дело пора браться самому. Изма помалкивал, а я по-прежнему не обращал на него внимания. Я помнил, что обещал себе с самого начала, однако слова словами, а решиться на подобный шаг не так-то просто. Всегда появляется столько «но», которые, по сути, навевают лишь твое воображение. Ждать всегда безопасней, чем действовать, но подачек Аверре с меня было достаточно. Отправив меня за дверь, он лишней

раз продемонстрировал свое потребительское отношение: он — главный, а я на подхвате.

Ну, уж нет.

Чудес не бывает, а время не стоит на месте. Все, что можно выяснить о маме, я вполне могу узнать и сам. Не могла она прилететь в Мероэ и не оставить после себя ни единого следа. Наверняка здесь есть те, кто был с ней знаком, видел ее и разговаривал. Этот кто-то мог бы поделиться своими воспоминаниями.

Но кто бы это мог быть?

Я остановился, обдумывая вопрос и мой взгляд вдруг замер на Изме: кто как не слуги могут быть осведомлены о делах, и тайных связях своих хозяев? Ведь они для всех только привычная деталь интерьера. На них редко кто обращает внимание, но аристократы всегда и во всем полагаются. Занди сам признался, что знал мою мать, а, учитывая его столь близкие отношения с Измой, легко предположить, что и он встречался с ней тоже.

Под действием пыльцы, мект разболтал всю графскую подноготную, но будет ли он также словоохотлив теперь, когда действие наркотика закончилось?

У обнаружившего мой внезапный интерес Измы вид был не то удивленный, не то испуганный. Мне всегда казалось, что я достаточно хорошо умею контролировать выражение своего лица, но он как будто догадался о моих намерениях — выпучил глаза и вжался в стену. Его зрачки стали напоминать черные фарфоровые блюда, а в воздухе отчетливо запахло феромонами — бедолага испугался не на шутку.

М-да, с таким собеседником особо не поболтаешь.

Я улыбнулся. Мягко и успокаивающе, как мне казалось. Но вышло, видимо, не очень. Стоило только сделать в его сторону шаг, Изма очень тихо заскулил. Видимо, влияние Занди на свою прислугу было глубже, чем я мог себе представить. Ну как такому хлюпику хватило смелости отправиться за своим хозяином в лес?

Оставшись на месте и стараясь вести себя непринужденно, я спросил:

— Изма, с тобой все в порядке? — Вопрос я подкрепил легким ментальным импульсом. Убеждение всегда следует начинать с малого. То, что сработало в прошлый раз, могло не помочь мне в этот.

Немного поколебавшись с ответом, мект утвердительно кивнул.

— А, ясно, — с улыбкой сказал я, незаметно для слуги закрепляя свое влияние. — Просто ты как-то странно выглядишь. Не заболел?

Не смотря на то, что добиться от него улыбки мне так и не удалось, Изма немного расслабился и даже проговорил:

— Все в порядке.

— Ну и хорошо. — Сделав вид, что потерял к нему всякий интерес, я приземлился обратно на пуфик.

Наблюдая за Измой со стороны, я чувствовал, как его взгляд, не переставая, следит за мной. Это навело на не совсем обычную мысль: а вдруг Занди нарочно оставил его здесь, чтобы наблюдать за мной? Улыбнувшись этой странной идее, я решил огорошить его вопросом в лоб:

— А давно мастер Аверре и граф знакомы? — Мое лицо было открытым, а тон абсолютно невинным.

Мект сперва немного похлопал своими чешуйчатыми веками и, лишь потом смог дать ответ:

— Не знаю точно. Лет десять, наверное. Может чуть меньше.

Вот так совпадение! Ведь и мама покинула Цитадель примерно в то же время!

Но для того, чтобы определить, на правильном ли я пути, этого было мало.

— А при каких обстоятельствах они познакомились, ты знаешь?

Изма некоторое время помялся, прежде чем произнести:

— Ну, да, немного. Мастер Аверре впервые прилетел в Мероэ. Кажется, его интересовали какие-то исследования. Не знаю точно, но вроде бы это было как-то связано с аборигенами. Он добился встречи с моим хозяином и все пытался заручиться его поддержкой, прежде чем отправиться в лес. Не знаю почему, но вашего наставника очень интересовали махди.

— Батул сам об этом говорил?

— Как бы, да, — вяло кивнул Изма. — Я еще слышал его разговоры в таверне Тибо, он там задавал всякие вопросы местным выпивалам. На Бойджии мало чужаков и все они, почему-то, любят собираться именно там, хотя хозяин забегаловки дерет втридорога.

Изма и сам не заметил, как мои сотканые из Теней сети обвили его с ног до головы, так что теперь, даже если он одумается, никуда от меня деться не сможет.

— Скажи мне, ты как там оказался?

— Хозяин иногда дает мне поручения... разные, — промямлил мект. — Послушать кое-что, посмотреть за кем-то...

Теперь становилось еще интереснее. Выходит, граф следил за Аверре. И зачем, позвольте спросить?

Этот вопрос я и адресовал слуге.

— Понимаете, разговоры об аборигенах не всегда проходят для его светлости бесследно. После возвращения из... из леса, на него временами нападает хандра. Это как червь. Знаю, так этого не скажешь, но он сидит у него в голове до сих пор. Много лет подряд его тянуло туда, а появление мастера Аверре еще больше разворошило это чувство. Я должен был понаблюдать за ним, а потом доложить обо всем, что узнал.

— И что ты узнал?

— Не так уж и много. В основном всякие байки, да небылицы, которыми пичкают местные тех, кто готов развесить уши. Ничего конкретного об аборигенах или еще о чем мастеру Аверре узнать не удалось. Я пересказал все графу, и он велел мне пригласить твоего наставника в замок еще раз.

— Зачем?

— Казалось, мой хозяин хотел чем-то поделиться с ним, — сказал Изма, проведя своим когтистым пальцем по переносице.

— Чем именно?

Но мект отрицательно покачал головой:

— Я не знаю. Раньше хозяин никогда не выставлял меня за дверь, но при каждой встрече с мастером Аверре, он приказывал мне убраться.

— Странно, — протянул я, делая вид, что разделяю недоумение мекта, но на самом деле, меня волновал лишь один вопрос, и я не упустил первой же возможности его задать: — Скажи, а мастер Аверре приходил один?

Он уставил на меня свой удивленный взгляд:

— Иногда, — сказал Изма, спустя паузу. — Первый раз он был один, а вот когда вернулся пару месяцев спустя, то уже вместе с человеческой женщиной.

Кем была та женщина, я догадался еще до того, как он сказал об этом, но все равно, при

упоминании имени мамы, сердце в груди болезненно сжалось.

— Госпожа Сол была помощницей мастера Аверре. По крайней мере, он сам так сказал.

— Правда? — я старался говорить так, чтобы не выдать собственного напряжения. —

Но ты, разумеется, не знаешь, в чем заключалась ее помощь?

— Как же, знаю, — ответил он. — Мадам была специалистом по... как это... ксенобиологии, чтобы это ни значило.

— Ксенобиологом называют того, кто изучает многообразие форм жизни в галактике, — попробовал я объяснить.

— А-а, — понимающе протянул мект. — Значит, она прилетела, чтобы помочь ему изучать махди.

Видимо, отчасти так оно и было.

— Скажи, а как долго госпожа Сол и мастер Аверре пробыли на Бойджии?

— Год, — не задумываясь, ответил Изма.

— Год?!

Он кивнул:

— Примерно. Я знаю потому, что хозяин на все время их пребывания у нас отдал меня к ней в служение.

Я не совсем понял, что это значило, и попросил его уточнить.

— Госпоже Сол был нужен посыльный, — объяснил он. — Роботами пользоваться небезопасно, и потому было решено задействовать меня.

— Кем решено?

— Его светлостью, разумеется. Он был заинтересован в том, чтобы исследования мастера Аверре и госпожи Сол были удачны.

— Ладно, — проговорил я, начиная снова волноваться всё больше и больше. — А в чем заключались твои обязанности?

— В основном доставлял всякие пакеты из замка для мадам, и наоборот. Странно, но мастер Аверре никогда не пользовался моей помощью. Он всегда любил все делать сам.

Что ж, он и теперь не больно-то изменился, но мои мысли уже неслись вперед.

— Что было в тех пакетах, ты, конечно же, не знаешь? — поинтересовался я, надеясь на любопытство слуги, способное заставить его засунуть туда свой нос, но тот упорно мотал головой, отрицая всякую вероятность того, что ему что-нибудь известно.

По части обмана и укрывательства я, пожалуй, уступал только Аверре, да еще Бавкиде. Читать эмоции на лицах других, и нелюдей в том числе, мне было так же просто, как слова с изображения голограммы, так что сразу же раскусил, что мект о чем-то недоговаривает. Пришлось надавить на его сознание еще раз:

— А может, все-таки, было что-то странное или необычное, что ты видел? Хоть что-нибудь? Нет?

Изма напоминал большого ребенка. Он стыдливо опустил голову и залился румянцем, вернее, побледнел, что для представителей его расы как раз означало крайнюю степень смущения.

— Однажды пакет выпал из рук и порвался, — промямлил он.

— Случается, — заверил его я. — Ты видел, что было в пакете?

— Мельком. Я сразу же его подобрал и поспешил к мадам.

— И что там было?

— Минн, — сказал мект. — Цветки этого проклятого растения.

Моя ладонь машинально коснулась нагрудного кармана, где лежало одно-единственное семечко. Вспоминая о свойствах этого растения, я понимал, что простым совпадением это быть не могло.

— Откуда они его взяли?

Я даже не подозревал, что столь простой вопрос мог вызвать такую бурную реакцию. Изма весь задрожал, точно лист на ветру и отшатнулся, словно это я был тем, кто чуть не прикончил его драгоценного графа. Собственно, уже по одному этому, я догадался, каков ответ, но выпытывать его у бедняги не стал. В любой момент мог появиться Аверре, а мне еще слишком много вопросов надо было задать.

— Но ты знаешь, что конкретно исследовала госпожа Сол?

— Нет, — ответил Изма и не лгал. — От меня всё держалось в тайне. Даже его светлость не считал нужным делиться со мной, хотя раньше я знал о его делах всё. А тут вдруг какие-то тайны. Я столько раз доказывал ему свою преданность, а мне все равно не доверяли.

— Думаю, это обидно.

— Еще бы! — воскликнул Изма. — Я столько сил положил, чтобы помочь ему, а он... Но я бы никогда не ослушался хозяина. Никогда!

— Никто в этом и не сомневается.

Он заламывал руки и жался, будто боялся сболтнуть лишнего, из последних сил сопротивляясь моему влиянию.

— Не надо было этого делать, — бубнил Изма себе под нос. — Не надо было...

Он поднял на меня взгляд. Его глаза были полны невысказанной вины.

— Я не хотел ничего дурного. Я, правда, не хотел. Мне просто было очень интересно...

Не могу подобрать слов, чтобы объяснить, что произошло затем. Внезапно в оболочке сознания мекта появился мелкий разрыв, маленькая трещинка. Заметить ее мне удалось благодаря чистому инстинкту. Как хищник, учувший кровь, мое тренированное годами сознание среагировало мгновенно. Я и сам не заметил, как это получилось. Ментальные щупы моего разума, точно яд, попавший в ранку, просочились в мысли и воспоминания Измы. Не могу ничего сказать о его ощущениях, но сам я точно в бездонный омут провалился. Сознание мекта захватило меня. Перед глазами замельтешила вереница мысленных образов — такая быстрая, что разобрать детали было невозможно. Казалось, что Изма думал обо всем и сразу.

Не знаю, Изма ли был тому причиной, но вдруг весь этот мыслеворот остановился, выбросив на первый план те воспоминания, что были нужны мне.

Передо мною рисовалась картина: чья-то невидимая кисть изящными мазками наносила достоверную сцену из прошлого, из памяти Измы. Сначала появились каменные стены и пол, обозначились контуры мебели, из ниоткуда словно соткались различные приборы, цифровые измерители, анализаторы и прочее явно лабораторное оборудование, назначения малопонятного. Это была небольшая почти не освещаемая комната, судя по оригинальной обстановке, в одном из зданий Мероэ. Зрительно картина воспринималась несколько абстрактно, словно пропущенная через световую призму, однако каждая, даже самая мелкая, деталь была четко прорисована.

Вдруг в глубине комнаты обозначилось движение. Дернувшись слегка от неожиданности, я пригляделся, обнаружив совсем еще молодого хозяина воспоминания. Внешне Изма практически не изменился, разве что был гораздо более тощ, нежели оригинал,

да и одежка несколько отличалась видом. Он стоял в тени старого большого шкафа и то ли прятался от кого-то, то ли кого-то ждал, вовсе меня не замечая. Последнее объяснялось тем, что я находился вне воспоминания, наблюдая как бы со стороны.

Удостоверившись, что посторонних нет, подгоняемый любопытством, мект выбрался из своего укрытия, сосредоточив внимание на занимавшем большую часть комнаты массивном металлическом столе. Горы всевозможных научных приспособлений высились и тут, но кроме них было еще кое-что: накрытый куском плотной армированной ткани ряд огромных колб. Именно эти колбы и притягивали к себе внимание Измы. Я разделял его мысли — выяснить, что же тут творилось, мне не терпелось самому. В душе подталкивая его к действию, я надеялся, что у мекта хватит смелости стянуть покрывало.

Слишком долго набираясь храбрости, он, все-таки, это сделал: протянул свою трясущуюся руку и сбросил тряпку на пол. Мое уважение к бесхребетному прихвостню в эту секунду возросло до небес, но лишь до того мига, как я понял: что-то не так. Сначала мой взгляд упал на лицо оцепеневшего Измы, потом на предметы, вызвавшие столь неожиданную реакцию.

Громко выругавшись, я сам отскочил на шаг. Под покрывалом оказалось семь сосудов, в каждом из которых плавало нечто погруженное в мутно-зеленоватую жидкость. Не желая приглядываться, я догадался, что это были головы. Самые натуральные и отделенные от тел головы.

От увиденного слюна у меня во рту стала вязкой, будто разжеванный клочок бумаги. Застывший изваянием Изма выглядел по-настоящему жалко — казалось, еще чуть-чуть и его стошнит прямо на стол.

Обойдя трясущегося мекта, я склонился ближе к колбам, внимательнее рассматривая их содержимое. Все головы принадлежали существам, относившимся к расе, ранее мною невиданной. Человеческими они не были точно, но некоторое общее сходство по внешним признакам определенно имелось: немного приплюснутый сверху череп, маленький нос с горбинкой и резко очерченные скулы, надбровные дуги сильно выступали вперед, а вместо нормальных волос имелись длинные тонкие жгуты, похожие на косички, у некоторых экземпляров собранные на затылке в хвост. Глубоко посаженные глаза были закрыты плотными веками. Кожа несчастных имела бледно-лиловый оттенок, хотя при жизни, вероятно, обладала более ярким цветом. Например, синим...

Откуда взялись эти головы, думать я не хотел. От одной мысли о том, что моя собственная мать могла заниматься вивисекцией, ради своих тайных экспериментов, меня начинало воротить похуже, чем от зрелища. Заметно было, что головы от тел отрезали чем-то очень острым, с хирургической аккуратностью. Это исключало вероятность того, что все эти аборигены погибли в результате несчастного случая или битвы. Черепные коробки некоторых были вскрыты, мозг извлечён. С какой целью это было сделано, мне думать не хотелось.

На дне колб болтался какой-то отвратительный мутный осадок. Почти уткнувшись носом в холодное стекло, я разглядел мелкие темно-красные цветочные лепестки. Сообразить, что это минн труда не составило. Вперемешку с лепестками иногда попадались уже знакомые семена, а одна из голов была просто усыпана ими, точно спина риоммского морского ежа. Загадкой оставалось, что за чудовищные эксперименты здесь проводились, и какова была их цель?

Периферическим зрением я заметил, какой крупной дрожью колотит несчастного Изму.

Мект по-прежнему выглядел жутко и, судя по лицу, был уже не рад, что пошел на поводу у своего любопытства, однако бежать назад сломя голову вовсе не торопился. Более того, нашел в себе силы подойти поближе и склонить чешуйчатое лицо к одной из колб. Он что-то невнятно шептал себе под нос. Только прислушавшись, я понял смысл сказанного:

— Живыми вы ничуть не красивее дохлых.

Слова были произнесены с такой желчью и злобой, какой до этого я даже и представить себе не мог в кажущемся совершенно безобидным мекте. Совпадение ли, но именно в этот момент глаза головы неожиданно распахнулись, явив во всю глазницу бездонной черноты зрачки.

Вскрикнув от испуга, Изма резко отпрянул назад, словно сквозь бесплотный призрак, пролетев через меня, и с каким-то невнятным кваканьем наскочил на стоявший позади шкаф с инструментами. Что-то из приборов рухнуло на пол и с громким звоном разлетелось вдребезги, сам мект едва не полетел туда же, в панике заметавшись по комнате и чуть не споткнувшись о ножку стола. На этот раз страх полностью лишил его возможности соображать. Со стороны все выглядело довольно комично, если бы не одно «но» — шум привлек чье-то внимание снаружи: послышались приближающиеся шаги, щелкнули замки, распахнулась дверь и в комнату ворвалась женщина. Молодая, темноволосая и стройная, она одним своим появлением заставила мои коленки дрожать. Это была мама!

Несколько секунд потрясенно взирая на разгром посреди лаборатории, учиненный неожиданно обнаруженным шпионом, она гневно спросила:

— Ты что здесь делаешь?!

Сердце мое пустилось в бешеный галоп. Мама была такой же, как я помнил в своих снах. То же лицо, та же мимика, те же жесты, движения и слова. Грудь неожиданно сдавили стальные обручи, а глаза защипало от слез. Я быстро сморгнул несколько раз, но лучше от этого не стало. Глубокие частые вдохи помогли протолкнуть застрявший в горле ком, но, опять же без изменений. Забывшись, я выступил вперед и попытался что-то сказать, но, разумеется, она ничего не услышала. В отчаянии я замахал руками, боль от этого в груди только усилилась. Слезы уже текли по моему лицу рекой. Казалось, что я вот-вот лишусь сознания, но новый приступ боли вернул мне некоторую ясность, а вместе с ней и ощущение, словно кто-то тянет меня за волосы вверх. Заметив, что все вокруг вдруг странно помутнело, я собирался закричать и резко дернулся изо всех сил. Мгновение спустя видение рассыпалось совсем, оставив после себя лишь ледяную тьму пустоты и маленькую комнатку в прихожей графа, а надо мной разъяренное лицо Аверре.

Первые секунды пока приходил в себя, я соображал, каким именно образом очутился на полу. Все чувства и ощущения притупились, глаза застилала дымка, в ушах стоял звон, язык не слушался, а голова просто раскалывалась от жуткой, почти невыносимой боли.

Смотреть на Аверре с этого ракурса было непривычно и очень неудобно, но это пустяки. Судя по выражению его лица, моего наставника колотило от бешенства, его челюсти дико сжимались и разжимались — он, верно, что-то пытался мне втолковать, брызжа слюной во все стороны, — глаза выпучились, а брови почти скрылись под челкой.

Все равно не понимая, о чем он там разглагольствует, я махнул рукой, призывая к молчанию и кое-как поднялся на ноги. Сжимая голову обеими руками, я согнулся пополам от боли такой силы, что, казалось, вот-вот разорвет ее на куски. Аверре хорошенько меня встряхнул, резко схватив за плечи.

— Что ты наделал?!

Что он сказал, я по-прежнему не слышал, но прочел по губам и ответ мой был написан на лице искренним недоумением: а в чем, собственно, дело?

Но тут мой взгляд упал чуть левее, где на полу возле пуфа бился в судорогах графский слуга. Глаза Измы закатились, чешуйки побелели, из приоткрытого рта на дорогой ворс ковра обильно капала слюна. Перепугавшись за него не на шутку, я уставился на Аверре:

— Что с ним?!

Резко отпустив меня, мастер кинулся к Изме, начав интенсивное массажирование висков все сильнее белевшего мекта.

— Это я у тебя должен спросить! — почти выкрикнул он мне в ответ.

Решительно ничего не понимая, я беспомощно стоял, наблюдая за его пассами, направленными на то, чтобы остановить припадок Измы и вернуть ему сознание. Ни о чем подобном я и помыслить не мог. И ведь поначалу все шло хорошо! Что же случилось? Неужели это я во всем виноват? Чувствуя, как весь покрываюсь холодными капельками пота, я готов был молиться любым богам, лишь бы Изма не умер.

— Что ты с ним сделал?! — громче прежнего повторил Аверре, удрученный тем, что все его действия, кажется, никакого осязаемого эффекта не приносили.

— Да ничего! — воскликнул я. — Мы просто говорили и все! Просто говорили.

— О чем?

Суть вопроса наставника прошла мимо ушей, когда я начал перебирать в уме все ужасы, которые посыплются на меня, если вдруг Изма умрет.

— О чем?! — рявкнул Аверре.

— О маме, — наконец пробормотал я.

Тут вдруг мастер резко отодвинулся от мекта, и на пару секунд сердце мое забыло, как биться. Я решил, что это конец. Но когда Аверре встал и повернулся ко мне лицом, я сумел разглядеть из-за его плеча мекта. Он больше не бился в судорогах, дыхание выровнялось, а цвет лица приобрел прежний оттенок. Стараясь сделать это незаметно, я облегченно перевел дыхание.

— Понятно. Легких путей ты, как видно, не ищешь? — Он не то, чтобы смотрел на меня с укором или осуждающе, скорее любопытно. — Ты проник в его разум. Будь добр, объяснись.

Смотреть прямо в глаза Аверре было крайне трудно, но я решительно не собирался отворачиваться. Если не брать в расчет получившийся эффект, я даже немного гордился собой. Долгие годы тренировок предшествуют тому, чтобы опытный элийр решился работать с чужими мыслями и воспоминаниями, а у меня с первого раза все вышло, как по маслу.

Почти.

— Я смог прочесть его мысли, — повторив эти слова, я больше не слышал в своем голосе паники, а почти вернувшуюся уверенность. — Вернее, заставил его вспомнить кое-что, а затем показать и мне.

Все еще оставаясь перевозбужден, я часто дышал. Глядя на Аверре, я надеялся как можно скорее услышать его ответ. Я чувствовал, что ступил на одну из тех троп, непременно ведущих к новым знаниям. Для меня это был огромный рывок вперед и теперь, затаив дыхание, я ждал вердикта.

Но наставник делиться мыслями не спешил. Его глаза оставались холодны, как лед, а лицо обращено в сторону уже начавшего потихоньку приходить в себя Измы.

— Это все из-за меня? — спросил я, опускаясь на колени рядом.

— Тише, — грозно прошипел Аверре и, через секунду, я понял почему — дверь отворилась, и в комнату вошел граф.

Мгновенно оценив ситуацию взглядом, он спросил:

— Что произошло?

Надо отметить, что в голосе его светлости не было и намёка на беспокойство, только вежливое любопытство постороннего. Очевидно, граф не разделял привязанности своего верного слуги. Хотя, может, так и положено вести себя настоящему хозяину: никогда и ни при каких обстоятельствах не терять самообладания? Однако узнай Занди о том, что только что здесь произошло, беды не миновать, в этом я был уверен. Встав с пола и обхватив себя руками, я отошел в сторону.

Правда, ответ наставника меня удивил:

— Не о чем беспокоиться, ваша светлость, — сказал Аверре будничным тоном, будто и не он всего минуту назад извергал пламя. — Дайте минуту, и ваш слуга будет в полном порядке.

— Но что все-таки произошло?

— Понятия не имею, если честно, — отозвался Аверре, стряхивая со своего сюртука несуществующие пылинки. — Насколько могу судить, всего лишь запоздалая реакция на пыльцу, к которой он здесь так пристрастился. Такое иногда, знаете ли, случается с представителями его вида. Что поделать? Слишком много райса на пользу никому не пойдет.

Исподтишка оценивая реакцию Занди, я пришел к выводу, что самочувствие верного исполнителя его воли графа все же волновало.

— Мне давно следовало выкорчевать весь этот райс по всему городу. Я знал, что и Изма балуется этим, но даже не подозревал, что его увлечение может быть настолько опасным. Как насчет доктора? Считаете, он ему нужен?

— Не вижу в этом необходимости, — проговорил Аверре. — Единственное, что ему сейчас нужно, это несколько часов крепкого сна, и он снова будет в порядке.

С этим предложением Занди согласился почти мгновенно:

— Отлично. Я отдам распоряжение, чтобы его перенесли на террасу — там не так душно, как здесь, — а свежий воздух, полагаю, ему не повредит.

Граф отправился за слугами, а Аверре повернулся ко мне, при этом улыбку на его лице будто выключили. Его колющий инквизиторский взгляд заново принялся буравить меня насквозь.

— Считай, что тебе повезло, Сет. Голова у мекта оказалась покрепче, чем я мог предположить. Скоро он придет в себя, хотя, вполне мог бы стать трупом, и все это по твоей глупости!

— Вы не думаете, что он расскажет обо всем Занди?

— Не расскажет, — пообещал Аверре. — К счастью для тебя, я не настолько безнадежен, чтобы не владеть некоторыми азами мастерства элийров.

Я удивленно задрал брови:

— Вы что, стерли ему память?

На это мастер ничего отвечать не стал, но его взгляд говорил красноречивее любых слов.

— На данный момент, тебя это вообще не должно волновать, — заявил он. — Лучше

спасибо скажи, что любезно не стал подставлять твою шею под графский топор.

— В смысле?..

— Это Боиджия, друг мой! Здесь за такие трюки по головке не гладят. Даже граф, не смотря на всю его лояльность по отношению к нам, легко способен изменить своим взглядам, а все из-за необдуманной мальчишеской выходки одного зазнавшегося недоучки. Надеюсь, что в следующий раз, ты все-таки воспользуешься тем предметом, что сидит на твоей шее и будешь думать, прежде чем лезть в чужую голову!

Признавать свою вину для меня всегда было непросто, а после этих слов я вообще практически забыл о том, что собирался извиниться. Как смеет отчитывать меня человек, который сам не гнушается использовать весь арсенал своих способностей для достижения цели? Никогда бы не подумал, что выражение «цель оправдывает средства» для Аверре уже не главное по жизни.

— Если бы вы рассказали мне все сразу, ничего этого бы не случилось! — не сдержав порыва, огрызнулся я. — Никто кроме меня не может решать, что я должен знать, а что — нет. Вы и Бавкида нарочно привыкли замалчивать правду, не считаясь с моими чувствами, и я нашел способ выяснить все без вас.

— Сбавь-ка на полтона, дружок, — не повышая голоса, предупредил меня наставник. — Твои истерики мне совершенно ни к чему. Ты отправился со мной на определенных условиях и обязался их исполнять. И что же мы видим? Неумелую самодеятельность, которая едва не стоила мекту жизни и все ради парочки глупых вопросов.

— Это не глупые вопросы! — горячо возразил я. — Я обязан был узнать...

— И узнал?

Его невозмутимый тон заставил меня ответить уклончиво:

— Не совсем.

— И как тебе удалось проникнуть в его память?

— Понятия не имею, — повторился я. — Все случилось само, я даже усилий толком не прикладывал. Мы сидели и разговаривали, только это. Я задавал вопросы... о маме, о вас, о Занди...

Сомнение отразилось в черных глазах Аверре:

— И он тебе отвечал? Сам?

— Конечно, нет. Ему пришлось. Я подавил его волю, сделав сговорчивее. Это было даже проще, чем когда мы летели сюда. А потом что-то случилось. Как будто разум Измы устал сопротивляться и я, сам того не сознавая, прорвался в недра его памяти.

— Что ты увидел?

Но отвечать на заданный вопрос я не спешил. Вместо этого, еще раз заглянул наставнику в глаза. Я не был уверен, что это подходящий момент для того, чтобы пролить свет на некоторые вопросы, но ждать лучшего просто не хотел. Меня уже тошнило от бесконечных недомолвок и постоянных уверток.

— Вы не сказали, что были на Боиджии вместе с мамой! Что именно вы здесь искали?

— Тебя. Это. Не. Касается. — Каждое слово Аверре намеренно произнес отдельно, акцентируя суть.

Я чувствовал, как наэлектризовался воздух вокруг нас. Никогда прежде разговор с кем-то из наставников не грозил мне столь высоким градусом опасности, однако остановиться на всем ходу и пойти на попятный для меня было равносильно эмоциональному самоубийству. Лучше было рискнуть, чем наложить на себя руки, и я приблизился к нему почти вплотную и

тихо проговорил:

— Еще как касается, иначе вы бы не притащили меня в это захолустье. Я может и не вундеркинд, однако, не дурак, и понимаю, что тут не только воля Бавкиды замешана. Не будь на то веской причины, вы взяли бы с собой кого-то поговорчивее.

— Дело не в этом, — глядя на меня сверху вниз, ответил Аверре.

— Тогда в чем же? Объясните же, наконец! Зачем я вам здесь нужен?

Однако мастер продолжал упорствовать.

— Я видел, чем вы тут занимались, — не желая больше сдерживать отвращения, выпалил я. — Видел эти ваши эксперименты над аборигенами, эти опыты под стать инквизиторам. Скажите, вы сами охотились за ними или нанимали для этой цели кого-то специально?

Несмотря на весь мой яд, вложенный в слова, Аверре не злился. Он казался раздосадованным и... усталым.

— Сет, прекрати, пожалуйста.

— С чего бы это? Мне жутко интересно, с какой именно целью моя мать занималась препарированием мозгов несчастных аборигенов!

— Не такие уж они и несчастные, — парировал мастер. — Или ты забыл, как тебе от них досталось?

— Нет, не забыл, — ответил я. — Однако это не оправдывает того, что вытворяли с ними вы!

— Да с чего ты вообще взял, что мы имели к этому отношение?

Опешив от неожиданности, я даже запнулся о снисходительный взгляд Аверре.

— Предположу, что ты видел то самое воспоминание, в котором Изма тайно проник в лабораторию, а твоя мать его обнаружила, верно?

Я опять не ответил, но этого и не требовалось.

— Так вот, дружок, — продолжил наставник. — Те головы в колбах были отданы нам непосредственно самими махди, вернее, их Старейшиной. На руках твоей матери нет крови, Сет.

— Хотите сказать, что махди сами сделали это с собой? — неуверенно переспросил я.

— Махди никогда не убивают махди, — веско заметил Аверре. — Для них жизнь соплеменника так же свята, как собственная — это главнейший и нерушимый закон. И уже одно это возводит их на ступень гораздо более высокую по своему моральному развитию, чем все прочие цивилизации в галактике.

На мой ехидный смешок внимания он при этом не обратил.

— Старейшина позволил нам забрать головы лишь при условии, что мы прольем свет на загадку этого группового убийства. Именно этим и занималась твоя мать, когда графский тихоня пробрался в ее лабораторию.

— Почему махди это так интересовало?

— Это к делу отношения не имеет, — отрезал мастер.

— Вы узнали, что с ними случилось?

— Не совсем, — уклончиво ответил он. — Даже для нас это оказалось крайне сложно. Никаких следов возможных убийц обнаружено не было и, если признаться, нам с твоей мамой было немного не до того.

— То есть?

— Понимаю, что скажу сейчас нечто отвратительное, но нас на тот момент больше

волновали собственные исследования, нежели поиски убийц. Игра в детективов — это не про Сол.

Это не было тем, что способно повергнуть меня в шок. От наивности я был избавлен еще в детстве, а верой в идеалы никогда не страдал и все-таки знание того, что моя собственная мать и ее друг не помогли положившимся на них аборигенам, вынудило меня сказать следующее:

— Вы правы, мастер, — это отвратительно. Неудивительно, что они бросаются на всех чужаков, если даже вы поступили с ними так подло.

— Не воображай себе, будто они невинные алапы, — сказал Аверре.

— Уж поверьте, от излишней жалости я теперь излечен, но элементарная порядочность...

— Я уже говорил, чтобы ты забыл все, чему был привычен. На Бойджии нет ничего элементарного и обычного. Здесь простые законы логики редко работают, тем более, если это касается аборигенов.

— Ну да, конечно.

В чем я всегда был совершенно убежден, так это в том, что если кто-то раз дав обещание, нарушил его, то он запросто нарушит его снова. А значит, доверять такому человеку — большая глупость.

— Не надо быть лейром, чтобы понять, что ты сейчас обо мне думаешь, — с невеселой усмешкой проговорил Аверре. — Несмотря на всю свою кажущуюся взрослость, ты, тем не менее, мальчишка. Пылкий и неопытный. Ну, ничего, Бойджия это исправит.

Глава 9. Смерть хранительницы

В отель возвращались в полном молчании. Занди приказал одному из своих персональных гвардейцев доставить нас обратно. Его приметный флаер мчался по меройским улочкам с неожиданной для себя скоростью. Было даже несколько странно, что по дороге мы так никого и не сшибли, но об этом я подумал только краем сознания, поскольку основную его часть занимали мысли о результате слишком тесного общения с Измой. Ни граф, ни его слова, ни, даже, заново прояснившиеся мотивы Аверре меня сейчас не трогали так, как то, что я выяснил о своей матери.

Во-первых, это был шок. Едва ли я мог предположить, что встреча с мамой, пусть даже посредством чужой памяти, так на меня повлияет. Бессмысленно уставившись в окно, не замечая ничего за ним, я только и мог, что пытаться совладать с ознобом, который раз за разом прошибал меня, стоило лишь вспомнить момент, когда она появилась... Искося поглядев на сидящего рядом наставника, я все еще злился на него за то, что помешал мне проникнуть в видение глубже.

Он сказал, Изма едва не умер, но... и в этот момент я себя немного презирал, вероятная смерть прислуги меня почти не трогала. Будь я уверен, что его память прольет хоть немного света на загадку исчезновения мамы... что ж, я бы, наверное, убил ради этого.

Но мне этого совершить не дали и вот результат: обессиленный и злой, плетусь в отель, а вопросов в голове в тысячу раз больше, чем было раньше. Что она изучала? Для чего это было нужно? Какую роль во всем этом играл Аверре? И почему они пользовались таким безграничным расположением его светлости Занди? Ответы на них уже могли быть у меня на руках, но возможность была упущена и теперь неизвестно, когда представится снова.

А еще мне было интересно, понимает ли Аверре, чего в итоге это ему может стоить?

Я снова бросил на него украдкой взгляд. С мрачным выражением задумчивости, он пробовал на вкус какие-то решения, впервые забыв надеть свою каменную маску непроницаемости. Хотя, даже, несмотря на это, рисковать и пытаться лезть к нему в голову я не решился и единственное, что мог: предполагать.

Сказать с уверенностью, что для него стала откровением моя способность так легко проникать в чужую память, я не мог, но легко готов был дать палец на отсечение, что впредь не учитывать её он не станет. За совсем недолгий период нашего знакомства, я успел понять, что Аверре едва ли обратит внимание на то, в чем не видит личной выгоды, а моя неожиданная выходка могла грозить ему немалыми проблемами в случае невнимания.

Я задавался вопросом: станет ли он предпринимать попытки ограничить меня или же попытается каким-то образом развить и закрепить этот навык, если сумеет?..

— Что? — Вопрос прозвучал для меня неожиданно и резко.

— Ничего, — отвернувшись обратно к окну, где с новой силой разразился ливень, проговорил я. — Что толку задавать вопросы, если ответы на них не даются?

— Иногда вопросы несут в себе больше, чем ответы, полученные на них, Сет.

— В самом деле?

— Поразмыслий над этим, — посоветовал Аверре, будто слова что-то могли значить.

«Еще чего!» — хотелось заявить мне, но вместо этого спросил:

— Что я вообще здесь делаю?

Прошла секунда, потом — другая. Наконец мастер улыбнулся:

— Ждешь, когда для тебя появится достойное поручение?

Его слова вдруг магическим образом заставили меня забыть о прежних своих переживаниях.

— В смысле?

— Не время для вопросов, Сет, — сказал он веско. — Совсем еще не время.

И снова мои мысли понеслись вскачь, но только направление их слегка переменялось: я вспомнил об организации, упомянутой Занди будто бы, между прочим. Если он и не хотел привлекать к этому внимания, его попытка с треском провалилась. Я хорошо запомнил ту часть, где сообщалось, что Риомм решил вмешаться в дела лейров. Что станет с этим делать Аверре? Будет и дальше пребывать в мечтах об Игле Дживана? А тем временем, судя по словам Занди, какое-то там «лицо» этого Департамента было уже на планете. Могло ли нам это чем-то грозить? Новая загадка, которую мне захотелось разгадать как можно быстрее.

Наше возвращение в отель не осталось без внимания его хозяйки, нарочито заботливо интересовавшейся моим самочувствием. Получив вежливый, но краткий ответ, она быстро остыла, позволив нам с Аверре беспрепятственно подняться на свой этаж.

Двигаясь вперед по коридору, я отставал от наставника лишь на шаг, все надеясь на то, что он что-нибудь скажет. Лишь остановившись у дверей собственного номера, Аверре повернулся ко мне и проговорил:

— Не надо сверлить меня взглядом, Сет. Я знаю, что тебя интересует и ценю, что ты не пытаешься выведать из меня всю правду силой.

— Просто не думаю, что это бы помогло, — прямо ответил я.

— Что ж, тут ты прав, — усмехнулся он. — Входи, я хочу тебе кое-что сказать.

Впервые переступив порог батуловского номера, я первым делом, разумеется, осмотрелся. Как и ожидалось, комната оказалась роскошней, чем моя, и места было в разы больше, но в ней не ощущалось тепла, словно здесь вообще никто не жил. С другой стороны, номер как нельзя лучше подходил характеру мастера, с его несвойственной для лейров тягой к столичной роскоши и блеску.

Аверре жестом предложил мне устроиться на одном из кресел, беспорядочно составленных вокруг низкого стеклянного столика (и почему они все так любят эти кресла?), но, вдоволь насидевшись в гостях у графа, я отказался. Мне не терпелось перейти прямо к делу, нервы были натянуты, как канаты, потому я сходу выпалил:

— Перед отлетом мне говорили, что вам нужна будет помощь. Время идет, а я только и делаю, что таскаюсь за вами, будто на привязи...

— Успевая параллельно встречать в неприятности и залезать в чужие мысли, — закончил он за меня равнодушно. — Надеюсь, это не предел твоих возможностей?

Слегка смутившись, я захлопнул рот. Пусть думает, что хочет. Извинения в мои привычки не входили.

— И дуться здесь совершенно ни к чему, — сообщил мне наставник, а едва заподозрив попытку возразить, тут же добавил: — Своим лицом ты владеешь, а вот глаза всегда выдают тебя с головой. Стоит разозлиться, они вспыхивают, как два факела. Позволь сказать тебе, что это не самая полезная черта для элийра. — Он уселся в кресло и сложил руки на животе, как будто ожидал возражений. — Но раз уж тебе не сидится спокойно на одном месте, можешь сделать кое-что полезное, побывав в местном Архиве. Я хочу, чтобы ты пообщался с

архивариусом и принес мне одну весьма важную вещь.

Все мое на миг пробудившееся воодушевление, словно ветром сдуло. Уставившись на Аверре, как на идиота, я спросил:

— Вы шутите, да? Решили отправить меня в библиотеку за книжечкой? Ничего унизительнее не придумали?

— Успокойся, Сет, — поднял Аверре ладонь вверх. — Сперва выслушай, а уж потом впадай в истерику. Я бы и не просил тебя об этом, если б мог показаться в Архиве сам. Видишь ли, у дамы-архивариуса весьма сложный характер. Договориться с ней непросто, но ты обладаешь особым талантом обаяния. Зовут ее ЧиЭмей. Пообщайся с ней и убеди отдать тебе седьмой инфочип. Она поймет о чём идёт речь.

Такое задание не было пределом моих мечтаний, но выбирать уже не приходилось.

— Что это за инфочип? Ах, погодите, я угадаю: меня это не касается, верно?

— Так и есть, — откликнулся Аверре с ухмылкой. — В нем хранятся некоторые сведения об Игле Дживана, что я успел собрать в прошлый раз. Предупреждаю сразу: можешь не пытаться его прочесть — данные зашифрованы.

— Почему он там, а не у вас?

Голос Аверре сделался тише:

— Так вышло. Вернешь мне инфочип — заслужишь мою благодарность и, может быть, я поделюсь с тобой кое-какой информацией о Сол.

Я недоверчиво покосился на него, пытаюсь выяснить, издевается он или же говорит серьезно? И все же я спросил:

— С чего такая щедрость?

В ответ он улыбнулся:

— Любая работа должна быть вознаграждена, ты так не думаешь?

Я смолчал.

— Ну, так что, идешь или нет? — Он в ожидании смотрел на меня.

А что еще я должен был ответить? Любое свободное поручение сейчас было лучше, чем никчемное просиживание в четырех стенах. Естественно я согласился. Да и был ли у меня выбор?

Мастер Аверре ответ на этот вопрос знал прекрасно.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Теперь иди. И постарайся на этот раз не попадать в неприятности, не то я решу, будто ты находишь их нарочно.

Спустившись в холл, я почти нос к носу столкнулся с дочерью мадам Бабор. Отскочив от неожиданности на полметра, Лита враждебно сверкнула глазами, но, прежде чем отвернуться и уйти, едко осведомилась:

— Оклемался, как я погляжу?

— Да, — в тон ей ответил я, все еще не забыв бесцеремонное вторжение в номер, заставшее меня в самом nepотpeбном виде.

Ехидная ухмылка цвела на лице девицы:

— И уже куда-то флаер нацелил?

— Не твоего ума дело, — оскалился я. — Займись лучше своим зоопарком!

Моментально вспыхнув, точно сухостой от искры, Лита развернулась на каблуках и удалилась за стойку.

Выйдя через парадный вход и сбежав по ступенькам, я осмотрелся, надеясь приметить

где-нибудь свободное такси. Денег мастер выделил достаточно, так что материально я не нуждался, лишь хотел побыстрее все закончить, чтобы не дать ему возможности уйти от своего обещания восполнить пробелы в моих знаниях.

Свободная машина пролетела мимо.

Не представляя себе, как дать знать пилоту, чтобы он остановился, я, воспользовавшись отсутствием наставника, вклинился в его разум, подтолкнув к соображению, что было бы неплохо подобрать меня с собой.

Как выяснилось, здание Архива находилось всего в паре кварталов отсюда, поэтому весь путь занял едва ли больше десяти минут.

— Приехали, — объявил таксист-анаки, притормозив у большого каменного строения, суженным конусом выступавшим вверх из отвесной скалы.

Дав пилоту указание, чтоб дожидался моего возвращения, я выбрался из флаера и, можно сказать, побежал к широкому, окруженному воинственными статуями, входу главного меройского хранилища. Взлетев вверх по белым мраморным ступеням, я приоткрыл тяжелую двустворчатую дверь и вошел.

Оказавшись под сводами атриума, я, к своему удивлению, обнаружил весьма непритязательный интерьер. Разумеется, фирменная пышность и изящество Мероэ никуда не делись, но в глаза не бросалось. Встречала меня опрятного вида очень пожилая дама, представительница инсектоидной расы с забавным названием хэ-хэ[1]. Она была очень приземистой и на вид казалась столь же хрупкой, что и полупрозрачные крылышки, видневшиеся у нее из-за спины. При каждом движении суставы старушки издавали еле слышный треск, схожий со звуком ломающегося хвороста, усугубляя тем самым впечатление, что того и гляди рассыплется.

— Доброго вам дня, юноша, — голос у старушки был приятный, но, как и она сама сухой и трескучий. — Или уже вечер? Впрочем, это если смотреть под каким-то определенным углом. — Она издала звук, отдаленно напоминающий человеческий смешок. — Вы так не считаете? Для кое-кого день не заканчивается никогда, даже если сутки сменяют друг друга, и длится вечно.

Рискуя с первой же секунды показаться невежей, я в ответ на столь длинное приветствие ограничился обычным: «Здрасьте», и улыбнулся.

— Меня зовут ЧиЭмей, — проговорила древняя, как сам архив, дама. — Скажите же мне, молодой человек, чем бы я могла вам помочь?

Счастливым от того, что не пришлось и дальше расшаркиваться в любезностях, я быстро сказал:

— Я здесь по особому поручению и думаю, что много времени у вас не займу.

Фасеточные глаза насекомообразной старушки внимательно сосредоточились на мне:

— Я вас слушаю.

— Видите ли, мне нужен некий инфочип под номером семь. — Должен сказать, что чувствовал я себя при этом полным идиотом. Будто в дешевой риоммской постановке о сверхсекретных агентах.

Однако архивная дама так, похоже, не считала. Прищелкнув жвалами, она окинула меня оценивающим взором с ног до головы.

— Могут ли я услышать ваше имя?

— Сет Эпине, — без задней мысли представился я.

Еще добрый пяток секунд хранительница в полном молчании рассматривала меня, точно экспонат, а затем развернулась и, махнув рукой, чтоб следовал за ней, проговорила:

— Идемте, мастер Эпине. Я дам вам то, что вы желаете.

Признаться, такого поведения я немного не понял. Еще перед входом готовясь к тому, чтобы заставить госпожу ЧиЭмей сделаться стоворчивей, вспоминал о предупреждении Аверре насчет твердолобости старухи и... мысленно обозвал себя кретином, потому что даже ребенок не повелся бы на такую чушь. Очевидно же, что он просто хотел заставить меня перестать ныть и заткнуться. А я и поверил в эту ерунду о невозможности его появления здесь. Было ли хоть что-то, чего легендарный мастер сделать не мог?

Тихо посмеиваясь над собственной глупостью, я шагал за хранительницей через мрачный и пустой атриум в сторону широкого прохода с гласящей над ним вывеской «Информационный зал». Здесь, по ее словам, располагалась самая большая библиотека в этой части Галактического Сектора. Что было немудрено, учитывая, что в радиусе трех десятков световых лет вокруг не существовало ни одной цивилизованной планетарной системы.

Жизнь в изоляции на Яртелле сказалась и на моем отношении к архивам. Для меня это всегда были стерильные светлые места с большим количеством компьютерных терминалов и открытым доступом в базы данных и тихое жужжание воздушных фильтров, создающих рабочий фон. Однако то, что я имел возможность увидеть здесь, представлялось истинным кошмаром наяву. Огромный, просто невероятный по размерам, зал с потерявшимся где-то высоко потолком, уставленный стеллажами и полками всех мыслимых типов и размеров с теснящимися на них тысячами и десятками тысяч древних, еще напечатанных на бумаге, книг, тонул в темноте. Чувствовалось, что температура воздуха заметно ниже, той, что была установлена в атриуме. Запах старой бумаги и пыли щекотал нос. Стоя на пороге этого грандиозного хранилища, я громко чихнул.

— О, будьте здоровы, юноша, — не оборачиваясь, прокаркала старушка.

Слова благодарности потонули в очередном чихе. С трудом подавив приступ, я уставился на весь этот кошмар, боясь сделать еще хотя бы шаг.

Хранительница сочла мой ступор признаком восхищения и потому гордо прострекотала:

— Должна сказать, вы не первый, на кого наша библиотека произвела столь сильное впечатление, ведь ее основателем был сам генерал Занди I. Скажу по секрету, — тут ее голос понизился на пару тонов, — здесь есть фолианты, за которые некоторые коллекционеры с радостью отдадут собственную жизнь. Конечно, книги хорошо охраняются. Бывали, знаете ли, случаи, когда к нам проникали воры в надежде чем-нибудь поживиться, но, ни разу их предприятие не завершилось успехом. — Она умокла на секунду, многозначительно поведя тонкими усиками. — Некоторые из них так и бродили по лабиринтам в темноте, пока их не обнаруживала охрана.

Понятно, что от меня тут требовалась какая-то реакция, однако единственное, что я мог сделать, это якобы удивленно вскинуть брови и покачать головой: «Какой кошмар!».

— Что ж вы встали? — вдруг спросила старушка. — Идемте, молодой человек, я проведу вас в читальный зал. Мне понадобится время, чтобы найти для вас то, о чем вы просили. — Резко повернув налево, госпожа ЧиЭмей повела меня мимо хранилища в сравнительно небольшую, но куда более уютную комнату, оборудованную длинными прямоугольными столами со скамейками. В теплом золотистом свете настольных ламп я

увидел других посетителей, делавших выписки из книг в голопады.

— Подождете меня здесь? — шепотом спросила она.

В ответ я, молча, кивнул. Она удалилась.

Меж тем, никто из присутствовавших даже не поднял на меня глаз. Пройдя немного дальше, я присел на свободный край скамейки и, подперев кулаком подбородок, принялся исподтишка разглядывать каждого. В общей сложности посетителей насчитывалось всего четверо: два плосколицых ганда, худенькая мекта и девушка-человек. Ни на меня, ни друг на друга они ровно никакого внимания не обращали, будто вообще находились не здесь. Совсем скоро сидение мне наскучило и, не придумав ничего лучше, я принялся тихонько бродить между столами, заглядывая в застекленные шкафчики, где опять же не было ничего, кроме книг.

— Может быть, вы прекратите? — вдруг раздался мне в спину чей-то возмущенный вопрос.

Оглянувшись, я увидел хмурое девичье лицо, негодующе взиравшее на меня из-под нахмуренных бровей. Даже в полусогнутой позе выглядела она, кстати говоря, весьма эффектно: выкрашенные в кричащий красный цвет волосы были подстрижены по какой-то малопонятной мне моде, свисая на лоб, виски и шею неравными по длине прядями, в каждом ухе у нее виднелось по целому ряду серег, а на шее — пестрое ожерелье из разноцветных цепочек, спадавшее на внушительных размеров грудь.

Я переспросил:

— Что?

— Хватит мельтешить туда-сюда! Вы мешаете!

— Простите, — вернувшись на место напротив входа, я уставился в стол.

Вдруг ощущение чьего-то пристального взгляда кольнуло меня в бок. Резко подняв голову, я оглядел присутствующих, но каждый из них оставался поглощен своим занятием, а чувство не исчезло. Сосредоточившись, я понял, что исходило оно со стороны выхода. Однако повернув туда голову, естественно никого не увидел. По спине пробежал холодок. Это напомнило мне вечер нападения в отеле. Не знаю, как описать его словами. Было так, словно тебя преследует призрак. Очень неприятно.

Снова встав из-за стола, я подошел к выходу и, рискуя показаться идиотом, осторожно выглянул в коридор. Но там было пусто. Более того, даже на мою попытку прощупать помещение с помощью Теней, никакого отклика не последовало. Все было тихо и спокойно.

Решив списать на разыгравшийся приступ паранойи, я отмахнулся от ощущения, и собрался уже вернуться в комнату, как вдруг совершенно дикий вопль, донесшийся из-за дверей хранилища, заставил меня остановиться и похолодеть. Волосы на затылке встали дыбом от того, насколько знакомым был этот звук для моего сознания. Все, кто был в этот момент в читальне, повскакивали со своих мест и высыпали наружу.

— Что это такое? — испуганно поинтересовалась тоненькая как тростинка мекта. — Где мадам ЧиЭмей?

Но никто ей не ответил. Все, в том числе и та яркая девица вопросительно глядели на меня. Я счел это дурным предзнаменованием, а чутье на неприятности меня еще никогда не подводило.

Не думая о том, правильно ли поступаю, я бросился в хранилище. Один из гандов и Красноволосая отправились следом. Не зная в точности куда бежать, втроем мы быстро углублялись в книжный лабиринт и когда забрались уж слишком далеко, я забеспокоился о

том, что плутать здесь можно бесконечно. Практически полное отсутствие освещения делало наши блуждания еще более затруднительными. Единственное, что вело меня вперед — это чувство, но только не храбрости, а страха, и собственного и того, что излучался из глубины хранилища.

— Мадам ЧиЭмей?! — заорала во всю глотку Красноволосая, чем едва не оглушила меня.

— Ты что вопишь?! — резко обернувшись к ней, прошептал я, впрочем, не решившись добавить, что нам это может уже не помочь. Я боялся обнаружить то, что мне видеть совсем не хотелось.

Предчувствие превратилось в убежденность, когда Красноволосая что-то заметила в боковом ответвлении коридора из стеллажей и сдавленно вскрикнула. Притормозив, я присмотрелся к ее находке и сглотнул подступивший к горлу ком: зажатый между двух полок, лежа на полу лицом вниз, рассыпал во все стороны искры архивный робот.

Гандиец тут же кинулся к нему, а я прошел еще немного вперед и за следующим поворотом увидел то, чего и ожидал — тело. Кровь отлила от лица, и дыхание застопорилось, когда я узнал хранильницу. Опрокинутая навзничь, с переломанными крылышками, мадам ЧиЭмей смотрела в потолок безжизненными фасеточными глазками.

Прикрыв свой рот ладонью, Красноволосая выругалась.

Подавляя внутреннюю дрожь, я подошел к телу и присел. Я хотел получше рассмотреть зияющую рану в центре ее груди. Что-то острое пронзило бедняжку насквозь. Странно, но крови почти не было, как не было и самого орудия убийства.

В том, что старушку убили, сомнений у меня не было никаких.

— Надо позвать охрану, — проговорил, появившись за моей спиной, гандиец и сразу же метнулся обратно.

— И доктора, — веско добавила Красноволосая.

Но я ей возразил:

— Для доктора уже слишком поздно.

Она не стала спорить, лишь поинтересовалась:

— Интересно, что тут произошло?

Хотел бы и я знать ответ на этот вопрос. В медицине инопланетных видов я был не силен, однако в криминалистике немного разбирался. Склонившись над несчастной жертвой, я внимательно рассмотрел рану, но ничего путного сказать о ней не мог. У меня даже идеи не возникло, чем именно был нанесен удар. Единственное, о чем я мог говорить уверенно: смерть наступила почти мгновенно. Мадам ЧиЭмей едва успела испугаться. Видимо, убийца сразу попал в сердце, хотя, если честно, было ли у ее вида сердце и где оно располагалось, я не сказал бы даже приблизительно.

Слегка отодвинувшись, я еще раз осмотрел труп с ног до головы, и внимание мое привлекло что-то плоское и черное, зажатое между тонкими длинными пальцами хранильницы.

Инфочип!

Видимо, она как раз несла его мне, когда случилось нападение.

Оглянувшись на стоявшую рядом девушку, я аккуратно, так чтобы не коснуться тела, попытался вытащить чип из мертвой ладони. Старушка еще не успела закоченеть, так что узкая металлопластиковая штучка спокойно легла ко мне на ладонь.

— Зачем ты это взял? — совершенно холодным тоном инквизитора спросила

Красноволосая.

Поднявшись с корточек, я повернулся к ней лицом, собираясь ответить, когда мой взгляд, скользнув за ее широкое плечо, уцепился за два светящихся синих огонька в противоположном конце коридора. Они висели в темноте в полутора метрах над уровнем пола и явно наблюдали за нами. С отвисшей челюстью я мог лишь попытаться сосчитать количество ударов моего сердца в минуту, когда глаза заскользили к нам.

Я собирался крикнуть Красноволосой, чтоб бежала, но тут услышал приближающийся топот множества ног с другой стороны. Мгновением спустя, узкий проход между стеллажами заполнили люди в форме меройской службы безопасности, а незамеченные более никем глаза исчезли, словно их и не было.

— Наконец-то! — выскочив навстречу охране, воскликнула девушка.

Я не успел удивиться, как быстро среагировала на вызов местная полиция, когда суровый мужской голос задал вопрос:

— Что здесь произошло?

Благодаря ширине плеч моей неожиданной напарницы, говорившего я не видел, однако уже по тону, которым он к нам обращался, понял, что шутить с ним лучше не стоит.

— Парень, выйди-ка в проход.

Быстро спрятав инфочип в карман куртки, я сделал, как он просил. Никто так и не догадался включить в хранилище общий свет, но у службы безопасности при себе имелись фонарики; один из лучей бил мне прямо в лицо.

Прикрывшись ладонью, я указал себе за спину со словами:

— Она там.

Не переставая ослеплять меня светом, кто-то из офицеров прошел мимо. Он подошел к телу и точно так же, как я до этого, присел, склонившись над ним. Глядя этому человеку в затылок, я понял, что говорил именно он. Слишком важный, чтобы быть рядовым полицейским.

Только окинув труп взглядом, он приказал подчиненным привести эксперта для осмотра, тем временем, сам решил уделить внимание нам.

— Ну, рассказывайте, — офицер отвел меня и Красноволосую в сторону.

Только теперь я смог как следует его разглядеть. Он являл собой сочетание всего того, что, по моему мнению, должен был олицетворять человек, облеченный некоторою властью. На голову, а то и полторы, выше меня, и значительно шире в плечах, смотрел с таким недоверием, будто доподлинно знал, что убийство совершили мы и никто иной. Живые черные глаза на его угловатом лице с квадратной челюстью подозрительно перебежали с меня на мою вынужденную спутницу.

Я пока еще соображал, что и как говорить, когда он задал свой второй вопрос:

— Кто нашел тело?

— Мы, — ответила Красноволосая.

— Вы, — задумчиво повторил офицер.

Я уже успел упомянуть, что взгляд его мне все больше и больше переставал нравиться?

— И как же это случилось? — Голос его лился неторопливо и вполне вежливо, но чутье подсказывало, что теперь я и Красноволосая под номером один в списке подозреваемых.

— Мы были в читальне, когда послышался крик.

— Крик? опишите его?

— Отвратительный и громкий, — принялась объяснять девушка. — Слово чем-то

металлическим по камню провели. Мы сразу же побежали сюда и обнаружили на полу робота. А потом он завернул сюда, — она кивнула на меня, — и там нашел... ее.

Поразительно, я думал, она начнет причитать и лить слезы, однако не тут-то было. Девочка оказалась явно неробкого десятка.

Офицер дал понять, что ее слова учтены, потом обратил взор ко мне:

— Есть что добавить? Или это все?

— Это все, — ответил я.

— Больше вы ничего и никого не видели?

— Нет, — хором заявили мы.

Он снова вернулся к трупу. Поскольку нас пока никто не отпускал, мы вдвоем так и стояли в узком проходе и переглядывались. Я старался понять причину, по которой Красноволосая не сообщила о том, что я забрал с места преступления вероятную улику. Я мог бы, конечно, постараться и удалить это воспоминание из ее головы, однако при полиции не рискнул. После фиаско с Измой, я испытывал сильные сомнения по поводу того, что смогу проверить все без риска для девушки. Ладно, в любом случае, паниковать еще рано.

Пара охранников стояла у прохода, ведущего к поврежденному роботу, но пока никто не проявлял к нему интереса. Кроме меня. Жаль, никак нельзя было отвлечь их внимание и подойти...

Возвратившийся помощник Главного привел с собой медэксперта — маленького пухлого наливца[2] с белым как мел лицом. Едва оценив ситуацию, он тут же осведомился:

— Тело никто не трогал?

Старший офицер перевел взгляд на меня.

— Нет, — сказал ему я.

— Нет, — повторил за мной он.

— Отлично, капитан Гетт, — сказал налицец. — Может, тогда позвольте мне осмотреть труп или так и будете восседать подле него, словно насадка?

— Прошу вас, профессор, — произнес капитан с чуть заметной ухмылкой. — С нетерпением жду вашего заключения.

— Заключение будет только после того, как я произведу вскрытие, — отозвался налицец. — А пока что могу только полагаться на беглый осмотр.

— Ну, так осматривайте! Время-то идет.

Пока они препирались, я, благодаря падавшим на пол лучам полицейских фонариков, быстро обыскивал взглядом пространство возле трупа, надеясь раньше других заметить одну деталь... Я прямо-таки нутром чувствовал, что иголка должна быть где-то здесь.

Интуиция не подвела: у самой головы мадам ЧиЭмей слабо выделялся на фоне мраморной плитки маленький и острый кусочек минна. Не скажу, что появившаяся уверенность в собственной правоте меня порадовала, но лучше так, чем просто блуждать в неведении. Проблема была в другом: как теперь незаметно его забрать? Достать иголку раньше Гетта у меня был единственный шанс на миллион, и упускать его, пусть даже ценой собственной тайны, я не собирался.

Дождавшись удобного момента, когда Гетт и наливский профессор перестали обмениваться реверансами, я заставил клочок Теней сплестись в невидимую нитку и аккуратно подтащил иголку к себе. Как бы просто это ни звучало, от напряжения у меня чуть не лопнула вена на лбу. Наконец мне удалось провести ее мимо медэксперта под самым носом капитана и спрятать в кулаке. Что-то рядом буркнула Красноволосая, но я не обратил

внимания, чувствуя лишь облегчение.

— Вы оба можете быть пока свободны, — сообщил нам Гетт и повернулся к подчиненному, приведшему сюда профессора: — Севой, проводи их, но прежде запиши имена и выясни, где живут. Да, и проверь, на всякий случай. А вам, молодые люди, я настоятельно советую не покидать пределов города до тех пор, пока не завершится следствие. Если возникнут вопросы, мы вызовем вас, усвоили?

Свое первое впечатление о капитане я мог охарактеризовать одним словом — заноза, и на его слова обращал внимания не больше, чем на уличную вывеску, предупреждающую о соблюдении правил дорожного движения, весь сосредоточившись мыслями на своей находке. Если убийство совершили махди, сам собой возникал вопрос: зачем им это понадобилось? Имело ли место банальное совпадение или за этим кроется нечто большее, чем я предполагаю?

Неприметный помощник капитана Севой повел меня и Красноволосую к выходу. Я даже не сразу заметил, как изменилось при этом ее поведение. Вышагивая немного впереди меня, теперь девушка выглядела раздражающе надменной, словно она была здесь хозяйкой.

Оказавшись в значительно более теплом атриуме, я незаметно опустил найденное семечко в карман к инфочипу. Остановившись возле стойки, у которой меня встретила мадам ЧиЭмей, Севой обратился к нам:

— Думаю, излишне объяснять, что если капитан Гетт отпустил вас, то это еще не значит, будто о вас забудут.

— По-моему, он выразил это достаточно ясно, — холодно ответила Красноволосая. — Повторять не обязательно.

— Что ж, хорошо. — Он извлек из-за пазухи голографический блокнот и сказал: — Назовите мне ваши полные имена с адресом проживания и можете идти.

Едва с формальностями было покончено, я поспешил к выходу, тут же забыв и о девице и о Гетте вместе со всей его полицейской ватагой, думая лишь о том, как воспримет новость об убийстве Аверре. Но спускаясь по ступенькам вниз, почувствовал, как кто-то похлопал меня по плечу.

Обернувшись, я к удивлению увидел перед собой Красноволосую. Она стояла подбоченившись и немного нагломерно смотрела на меня.

— Я видела, как ты что-то забрал из Хранилища, — проговорила она тем удивительным тоном, к которому обычно прибегают шантажисты и мошенники всякого рода.

Повернувшись к ней всем корпусом, я обманчиво любезно поинтересовался:

— И что с того?

— Это нарушение закона — таскать улики с места преступления.

— А ты что же, еще один блюститель местного правопорядка? Кроме того, таскать запрещено улики, а то, что не имеет отношения к убийству, ничего не стоит.

— Тебе-то откуда это знать?

Вместо ответа я лишь загадочно поиграл бровями.

— Тебе бы быть осторожней, мало ли кто и о чем может сообщить капитану, — сообщила она.

Я хмыкнул. Этого, наверное, и стоило ожидать. Тайны любят все. Особенно, если они чужие. И тем более, когда за них можно кое-что выручить. Жаль, что поделать с этим я пока ничего не мог. Разве что попытаться как-то припугнуть...

— Интересно было бы посмотреть на того, кто это сделает, — проговорил я, как бы

между прочим. — Я думаю, Гетту понравится еще один труп в подворотне Архива.

Но на Красноволосую мои слова должного эффекта, кажется, не произвели.

— Думаешь, я тебя боюсь, лейр? — внезапно спросила она, улыбнувшись, и резко подвинулась ближе. Выглядело это достаточно неожиданно и внушительно, чтобы заставить меня невольно отступить назад. — Можешь не удивляться. Я уже насмотрелась на тебе подобных, чтобы отличать вас с первого взгляда.

Немного нервная усмешка искривила мои губы:

— И что это тебе дало?

— Не так уж и мало, — ответила девица и вдруг заторопилась: — Но я и так слишком много времени тебе уделила, а это не хорошо.

Я стоял и глупо хлопал глазами, совершенно не понимая, что и к чему было? Явно эта осведомленная сверх меры нахалка затеяла какую-то игру, вот только суть ее до меня все никак не доходила.

— Можешь не волноваться, — добавила она в конце, — я не собираюсь выдавать тебя кому-либо, но предупреждаю — по сторонам не зевай. — Развернулась и как ни в чем не бывало, побежала обратно в Архив.

[1] Хэ-хэ — разумные обитатели системы Хотин, что граничит с Виатским регионом. Очень древняя раса, обладающая феноменальной памятью и долголетием. Средний представитель хэ-хэ доживает до трехсот двадцати риоммских лет.

[2] Налийцы — уроженцы системы Нали.

Глава 10. Вечеринка

Лифт поднимался мучительно медленно, и прежде, чем он достиг этажа, я думал, что сойду с ума. Голова буквально лопалась от всего, что успело со мной случиться за какие-то полчаса. А ведь Аверре предупреждал не навлечь на себя неприятностей! И что в итоге? Оказался под колпаком полиции и все из-за любопытства. И почему мне было не остаться в читальне и подождать, пока кто-то другой выясняет, что это был за крик? Для чего обязательно надо было лезть туда самому? Ответ напрашивался сам: инфочип. Сунув руку в карман, я извлек маленькое и довольно хрупкое устройство на свет.

«Что же такого интересного ты в себе хранишь?»

От греха подальше, дабы не искушать самого себя, спрятал его обратно. Лучше всего просто передать носитель Аверре и на этом забыть о нем. Ну а убийство? Что я должен сказать наставнику? Нетрудно представить, как он разозлится. Не то чтобы меня это волновало, просто из-за проблем, ставших на протяжении всего визита на Бойджию практически постоянными, это существенно ограничило бы его доверие ко мне. Однако же и молчать я не мог. Мало того, что в любой момент могла заявиться полиция, так ведь еще мастер был знаком с аборигенами и мог дать мне какие-то подсказки об их вероятных мотивах, повлекших за собой смерть хранительницы.

И, — да! — еще та дамочка с красными волосами. Почти всю дорогу до отеля я ломал себе голову над тем, кем она могла быть и откуда свалилась мне на голову. Конечно, в том, что позволил себя так легко раскрыть, виноват был только я сам, и все-таки, нормалы так легко, как она на встречу с лейром не реагируют. Такое ощущение, будто девица заранее знала, кто я такой, а все, что говорилось ранее и потом — лишь отлично сыгранный спектакль.

Негромкий звоночек известил о долгожданной остановке. Двери лифта разъехались, и я выскочил в коридор. Остановившись напротив номера Аверре, только собрался позвонить, как дверь открылась сама, явив мне раздраженное лицо наставника.

— Где ты был? — гневно спросил он, посторонившись, чтобы я смог войти.

— Как где? — играть в препирательства мне ужасно не хотелось, но против природы не попрешь.

— На часы обращал внимание? Даже гуатана справился бы с этой задачей быстрее!

Сравнение с параксанским приматом меня немного уязвило.

— Вот и раздобыли бы себе экземплярчик!

Сурово сдвинув густые брови, Аверре поднял правую ладонь на уровень груди и слегка шевельнул кончиками пальцев. Весь воздух в моих легких тотчас же пропал неизвестно куда. Задыхаясь от нехватки кислорода, я инстинктивно схватился за горло и медленно, выпучивая глаза, начал оседать на пол.

— Не слишком ли ты много болтаешь, мой друг? — в голосе мастера звучало вселенское спокойствие, но взгляд... даже сквозь красноватую дымку я разглядел ослепительную ярость солнечного протуберанца, плескавшуюся в нем.

Вдруг я почувствовал, что снова могу дышать. Кровь все еще бешено долбилась в виски, но воздух свободно циркулировал в легких. Вместе с ними в груди клокотала злость за оскорбленное самолюбие, и я прилагал массу усилий, чтобы не дать ей вылиться наружу и

еще больше усугубить момент.

— Ты принес то, о чем я тебя просил?

Говорить было трудно — в горле точно стальной щеткой поработали, — так что я поднялся, подошел к письменному столу и положил инфочип сверху кипы бумаг, помеченных риоммским гербом.

Взгляд Аверре медленно опустился с моего лица на предмет.

— Хорошо, — тусклая улыбка нехотя напоззла на лицо наставника, заставив меня отвернуться к окну, за которым, в просветах между облаков, начинал розоветь закат. — Так что же тебя задержало?

— Убийство, — отозвался я, не оборачиваясь.

— Будь любезен, объяснись.

Я сжато как мог, изложил суть произошедшего в Архиве убийства. Выслушав меня внимательно, а может, только сделав вид, мастер подошел к барному столику и плеснул себе из графина на треть стакана густой ядовито-зеленой жидкости и залпом опрокинул ее в себя.

— Видел что-нибудь необычное? — после недолгой паузы спросил он.

Я задумался, а не стоило, потому что он сразу это просек:

— Что именно?

Пришлось отвечать.

— Полицию кто-нибудь вызвал?

Я кивнул:

— Да — ганд, который вместе со мной нашел тело. Капитан Гетт опросил нас и отпустил.

— Гетт? — удивление Аверре показалось мне любопытным, но будучи уже ученым, вопросы я пока не задавал. — Ты сказал ему, кто ты и с кем на планете?

— Кажется, его это не очень интересовало. Только дежурный опрос: кто, что видел и слышал. Прочая мелочь досталась его помощнику.

— Что ж, может быть оно даже и к лучшему. — Аверре на короткое время задумался, потом хмыкнул. — С капитаном Геттом мы давние знакомцы, однако, хоть сколь-нибудь теплых чувств друг к другу не питаем.

Тоже мне удивил.

— Будь внимателен с этим человеком, — предупредил меня мастер. — Узнав, что ты прилетел со мной, он уделит тебе пристальное внимание. Будь готов к этому.

Слова Аверре меня немного напрягли:

— Вы так говорите, будто я в чем-то виноват.

— Но именно так он думать и будет. Во всяком случае, до тех пор, пока сам не поймет, что ошибся.

— Спасибо, утешили.

— Не о чем тебе волноваться, Сет, — сказал Аверре, заглядывая мне в глаза. — Если только ты не позволил себе сделать нечто необдуманное и в высшей степени глупое.

Приняв самый невинный вид, я неохотно подумал о Красноволосой, видевшей, как я таскал улики с места преступления. Стоило сказать об этом Аверре? Конечно, нет.

— Вот и отлично. Иди, переодевайся.

Успев облегченно вздохнуть, я заново насторожился:

— Зачем это?

— Пока ты развлекался с памятью Измы, граф сообщил мне, что сегодня вечером он

устраивает небольшой прием, и мы с тобой входим в число приглашенных.

— А это еще в честь чего?

Аверре мученически воздел глаза к потолку:

— Ты никогда не устаешь от вопросов?

— Вроде бы нет, — отозвался я.

— Отказывать на подобные приглашения не принято. Кроме того, для тебя это будет прекрасной возможностью пообщаться с первыми лицами Мероэ. Такой шанс выпадает раз в жизни.

Вот тут я готов был с ним не согласиться. Сказать, что мне не хотелось тратить свое время на времяпрепровождение у местного вельможи, значит не передать и сотой доли тех чувств, которые я испытывал на тот момент.

— Может быть, я лучше тихо посижу у себя? — предложил я. — Уверен, моего отсутствия граф даже не заметит.

Но встречный тон Аверре был непререкаем:

— Присутствие нас обоих обязательно, и это не обсуждается. У тебя есть три часа на то чтобы подготовиться. Есть с собой что-нибудь подходящее?

Недоуменно похлопав глазами, я вопросительно уставился на него: подходящее? Единственной одеждой, что у меня с собой была, являлась лишь та, в которой я сейчас находился. Мысль о посещении светских мероприятий как-то не приходила в голову.

— Хм, — мастер недовольно прищелкнул языком. — Жди у себя.

Он резво вытолкнул меня из своих апартаментов, а сам заспешил в сторону лифта.

Только и мечтавший о том, как бы остаться наедине, я закрылся в номере и выложил на стол оба минновых зернышка. На вид они казались совершенно одинаковыми, разве что первое было немного темнее из-за машинного масла, налипшего сверху. Опустившись в кресло, я несколько долгих минут разглядывал их, как загнипнотизированный, соображая, за какие такие заслуги, махди или кто-то подражающий им, возжелал смерти совершенно безобидной старушки? Могла ли ее смерть быть как-то связана со мной? М-да, предположение несколько эгоцентрично, но правильнее подразумевать это, чем подводить все под случай или совпадение. Никто никого просто так не убивает. Всегда есть мотив. А его-то я как раз и не находил.

Я подумал об инфочипе Аверре. Возможно, убийца охотился за ним, но не успел забрать, так как вмещались мы? И снова загвоздка: получается, напавший специально ждал меня или... не меня? Тут ход моих мыслей перескочил на Красноволосую. Фразы и намеки, брошенные ею, ясно свидетельствовали, что девочка не из простых. Жаль я не подумал прислушаться, когда она отвечала на вопросы Севоя, и не запомнил ее имени, потому что у меня появилось еще одно лицо, которое могло оказаться как-то замешанным в убийстве.

Вдруг мне ужасно захотелось знать, что хранится на том инфочипе, но я понимал, что подойти к Аверре с просьбой показать эти файлы, будет, мягко говоря, неразумно. Мастер не сделал никаких попыток разъяснить произошедшее, он так же не прокомментировал явную схожесть в почерке с тем, кто чуть не убил меня ранее, а это уже напрягало. Складывалось впечатление, будто ему вообще плевать. Но я-то доподлинно знал обратное и потому просто терялся в догадках.

Поставив локти на подлокотники и сцепив перед собой ладони, я развернул кресло к окну. Спускавшееся все ниже солнце щедро отдавало городу свой оранжевый свет, падая лучами прямо на мое лицо. Наслаждаясь его обволакивающим теплом, я прикрыл глаза.

Загадки всегда оставались одной из моих главных слабостей. Столкновение с необъяснимыми чужими тайнами не просто привлекало мое любопытство, оно сказывалось на мне головной болью, избавиться от которой можно было, лишь разгадав их. А у меня здесь был целый сонм мистерий, вот-вот грозивших взорвать голову. Аверре четко обрисовал сферу своих интересов, так что на его помощь и поддержку я не рассчитывал, однако сидеть на месте и снова просто ждать я тоже не хотел. Я собирался взяться за дело самостоятельно.

Стук в дверь прервал мои размышления. Удивленный тем, что наставник неожиданно проникся соблюдением правил приличия, я быстро прибрал со стола улики и отправился открывать. Но когда увидел на пороге робота-лакея, сжимающего в манипуляторах вешалку с болтавшимся на ней парадным костюмом, просто потерял дар речи.

— Мастер Аверре приказал, чтобы вы одели это, сэр.

Вдохновленное темно-лиловым кошмаром, который принято было называть фраком, мое настроение со стремительностью сверхзвукового поезда мчалось к абсолютному нулю. Проклиная того, кто выдумал никчемную условность непременно рядиться в эту, с позволения сказать, одежду, я волком глянул на лакея.

— Куда прикажете положить? — как и положено машине, ничего не заметив, поинтересовался он.

Посторонившись, чтобы робот прошел, я мрачно пробурчал:

— Оставь на кровати.

В замке мы были ближе к полуночи. Скрывшееся за горизонтом солнце уступило место безлунному и неожиданно-безоблачному небу. Большую часть своего времени проводя в стенах Цитадели, мне редко доводилось видеть звезды вживую и пока присланный за нами флаер мчал через город, я любовался мириадами ярких огоньков, высыпающих сверху.

Следуя приказу Аверре, я все-таки нацепил на себя тот ужас, что он раздобыл для меня и с удивлением обнаружил, что весьма неплохо в нем выгляжу. Костюм сидел строго по фигуре, придавая моему субтильному телосложению чуть более заметный вид. И цвет и фактура ткани, в сущности, были мне по душе. Где Аверре умудрился так быстро его достать? К слову, сам он нарядился ничуть не хуже, хотя, это-то как раз меня и не удивило. Среди всех адептов Адис Лейр он был единственным, кого отличала тяга к щегольству и безукоризненный вкус.

По прибытию у входа нас встречала целая делегация слуг, только Измы пока нигде не было видно. Зато его светлость в роскошной черно-золотой мантии не поскупился и лично приветствовал Аверре и меня, мимоходом сообщив, что почти все уже собрались. Он провел нас в огромную залу, располагавшуюся в одной из восточных башен под стеклом прозрачного купола. Здесь оказалось достаточно просторно, чтобы вместить целую армию гостей, однако сегодняшним вечером их набралось чуть больше двух десятков.

Я все еще кипел от негодования на свою судьбу и Аверре, по какой-то бредовой прихоти возжелавшего моего присутствия здесь, но любые попытки высказаться неизменно увязали в ауре рассеянного внимания, окружавшей наставника всякий раз, когда я открывал рот. Мне было скучно и некомфортно среди множества незнакомых лиц, каждый из которых не преминул засвидетельствовать свое почтение дорогому мастеру Аверре. Шум голосов и звон бокалов заглушали негромкий музыкальный фон, доносившийся с балкона, куда заточили группу музыкантов.

Пока другие не спеша разбивались на маленькие группки, вполголоса обмениваясь

последними новостями и сплетнями и перехватывая напитки и закуски у циркулирующих меж ними слуг, мастер потихоньку объяснял мне, кто на этой провинциальной ярмарке тщеславия исполнял первые роли.

Не такого высокого полета птицы, чтобы в их присутствии подгибались коленки и дрожали руки: всего несколько официальных лиц Бойджии, графская семья, деятели искусства и бизнесмены. Узнав, что мы не единственные чужаки на этом празднике, я не особо удивился, хотя представителя Тайной Канцелярии Риомма нигде пока не встречал.

Я заметил, что все слуги, разносившие напитки, не были роботами, а это несколько не вязалось с моим представлением о современном высшем обществе. Хотя, слово «современный» в отношении Бойджии можно было применить лишь с большой натяжкой.

— Извольте агарисса? — поинтересовался незаметно подкравшийся официант с подносом, уставленным хрустальными бокалами, доверху наполненными искрящимся в свете люстр вином.

— Изволит, — не дав мне и рта раскрыть, отрезал Аверре, немедленно схватив с подноса два бокала и вручив один из них мне. — Пей, а то мне надоело любоваться твоей кислой физиономией.

Покорно опрокинув в себя полный бокал агарисса, я к своему удивлению нашел его вкус очень приятным.

— Это тебя немного расслабит, — сказал Аверре. — Ты будто аршин проглотил. На, возьми еще.

— Больше не хочу, — качнул головой я.

— А кто тебя спрашивает? Пей, пока гости не начали шептаться. Мне не нужно, чтобы за тобой закрепилась репутация нелюдимого и мрачного придатка. Будь очаровательным учеником мастера Аверре. Заставь их полюбить себя.

Я неприязненно покосился на свору разношерстной публики, подумав, с каких это пор Аверре стал так заботиться о своей популярности, но еще одну порцию вина все-таки выпил. На этот раз медленнее, смакуя каждый глоток. Вдруг что-то знакомое в кроваво-красном всполохе волос привлекло мое внимание, но скрылось в толпе раньше, чем я успел разглядеть, как следует.

— Решили напоить своего протеже, мастер Аверре? — поинтересовался приблизившийся граф. Он улыбался, хотя веселым отнюдь не выглядел, впрочем, оно и понятно — следом за ним, как приклеенные всюду следовали две его престарелые тетки. Они непрерывно пререкались между собой, создавая вокруг эдакий фоновый шум. Не замечать его было нетрудно, но голова от этого раскалывалась адски.

Заметив меня, обе старушечки разом умолкли, но лишь на время достаточное, чтобы оценить взглядом, и тут же принялись обсуждать увиденное:

— Даггер, дорогая, ты только погляди на это! — воскликнула одна из тетушек, тощая, как щепка, и востроносая. — Какой симпатичный юный экземпляр! Не знала я, мастер Аверре, что вы питаете склонность к смазливym мальчикам.

Я даже рот не успел открыть, а она гнусно похихикать, когда ответила значительно более плотная по габаритам вторая:

— Вечно ты несешь всякую чушь, Аккев! Прекрати, пожалуйста. Что могут подумать гости? К тому же, он совсем не так хорош: какой-то костлявый и бледный чересчур. Только тебе такое и может нравиться. Хоть убей, а я не понимаю, как это возможно? Даже ухватиться не за что. — Тут она без всякого предупреждения протянула ко мне руку и

попыталась потрепать по щеке своими пухлыми когтистыми пальцами.

Успев увернуться, я непонимающе-возмущенным взглядом впился в Аверре, надеясь получить разумное объяснение данному поведению. На помощь со стороны Занди я не рассчитывал — судя по бурым пятнам, расплзавшимся по его лицу, он сам готов был провалиться от стыда под землю.

— Ух, какие мы строптивые, — проворковала мадам Аккев и снова захихикала, подмигнув, отчего я чуть челюсть на пол не выронил.

— Боюсь, это мое упущение, — изволил, наконец, вмешаться мой наставник. — Не было времени выбирать кого-то лучше.

Самое странное, что он вовсе не казался ни удивленным, ни смущенным, ни даже хоть сколь-нибудь раздраженным. Улыбался, точно речь шла о погоде.

— Прошу прощения, Сет, — ожил Занди. — Позволь представить тебе мои ненаглядных тетушек: мадам Даггер и мадам Аккев — моя основная головная боль на сегодняшний день.

— Кхамейр! Негодник! — хором ахнули старухи, шутливо стукнув его в бок. — Что теперь подумает о нас молодой человек?

— Хуже, чем есть, уже не подумает.

— Вам очень повезло, юноша, — обратилась ко мне напрямую пухлая, как мяч Даггер. — С таким-то наставником! Едва ли в галактике найдется кто-либо, исследовавший ее так полно, как это сделал мастер Аверре. Вы даже вообразить себе не можете, чему он может вас обучить. Выдающийся путешественник, выдающийся!

Решив отомстить наставнику, я окинул его холодно-оценивающим взглядом, после чего повернулся к старухам и проговорил:

— Что-то не особо верится.

У старух и, даже, Занди глаза на лоб полезли, чем испортили все впечатление от недоброго прищуря Аверре. Будет знать!

Видимо почувствовав, что атмосфера накаляется, а я не достоин лишней траты времени, мадам Даггер оперативно подхватила под тонкую ручку мадам Аккев и увела ее прочь.

— Еще раз приношу свои извинения, — немного сконфужено проговорил Занди.

— Ничего страшного, граф, — отозвался Аверре, делая глоток вина. — С таким самолюбием как у моего ученичка, любая критика отскакивает от него, точно дробица от корабельного кожуха.

Я успел лишь сверкнуть глазами, когда к нашей малой группке пристала инопланетянка с похожей на вытянутый конус головой, как выяснилось, весьма знаменитая здесь артистка, Имина Суаммей. Ее вертикально расположенные веки хлопали длинными зеленоватыми ресницами, как опахала. Жеманничая и похихикивая, она обратилась к Аверре:

— Скажите, мастер, неужели правда, что вы участвовали в экспедиции на планету, где с небес сыплется металлический дождь? — При этом ее игривый смех больше всего напоминал кваканье полярных жаб в брачный период.

Я даже не представлял, что известность Аверре в среде нормалов столь широка. Хотя, едва ли они могли его знать в качестве лейра. Скорее, как немного сумасшедшего ученого и путешественника.

Аверре не спеша опустошил бокал, прежде чем ответить:

— В системе Дейт-917 время от времени случаются грозы, когда с небес падают капли раскаленного металла. Мы с экспедицией провели там без малого трое суток, прежде чем

все снаряжение вышло из строя и нам срочно пришлось эвакуироваться.

— И вам не было страшно? — потрясенно спросила артистка.

— Я — ученый, — чуть выпятив грудь, откликнулся Аверре. — Во время исследований я забываю, что такое страх и думаю только о работе.

— Разве отсутствие чувства самосохранения не более опасно, чем те катаклизмы, что могут поджидать вас на исследуемых планетах?

— Нет, если это не противоречит здравому смыслу.

Намеренно ли он веселил публику или же нет, в любом случае байки Аверре вызывали у меня и Занди тихий смех. Это была отличная тактика. Нагромождение выдуманных историй и небылиц, как щит окутывало истинную суть вещей и защищало его от подозрений в связи с темными искусствами лейров, коих, мягко говоря, недолюбливали здесь.

Взболтав остатки агарисса, я опрокинул их в себя. С каждой новой порцией боиджийское вино нравилось мне все больше. Я лишь оглянулся, надеясь перехватить кого-то из слуг, чтоб поменять бокал, как вдруг моим глазам предстала гостья, в первые секунды, казалось, никем из присутствующих не замеченная. Она не спеша продвигалась сквозь скопления народа, высматривая кого-то в толпе. Возможно, причиной тому послужило выпитое, но эта молодая особа показалась мне слишком прекрасной, чтобы быть настоящей. Свет падал на ее хрупкую фигуру, подчеркивая изящные линии силуэта в невесомых складках платья цвета янтаря, струился по блестящим, темным с золотым отливом волосам, оттеняя безупречный овал лица и нежные, но выразительные черты. Однако больше всего поражали ее глаза: немного раскосые, огромные и темные в своей глубине, как два синарийских алмаза. Кто она и откуда, ни я, ни подавляющее большинство приглашенных не знали, но все без исключения смотрели ей вслед, как замороженные.

Однако не для всех личность необычной гостьи, как выяснилось, была загадкой. Заметив хозяина вечера, она улыбнулась и уверенно направилась в его сторону, будто бы не замечая бросаемые на нее взгляды.

Выйдя ей навстречу, Занди отвесил приветственный поклон и протянул свою руку, проговорив:

— Миледи, вы пришли! Я все же не был до конца уверен, что увижу вас сегодня, и счастлив, что моя надежда не оказалась напрасной.

— Благодарю, граф, — откликнулась гостья, позволив ему поцеловать свою белоснежную ладонь. Даже голос у нее был под стать внешности: низкий и хрустально-мелодичный.

— Полагаю, я должна извиниться за то, что заставила вас ждать — меня задержали дела.

— Это привилегия истинной дамы, миледи. — Занди обернулся к гостям: — Господа, я бы хотел представить вам леди Эйтн Аверре, представителя Империи и главу Агентства внешних исследований, а также племянницу нашего многоуважаемого мастера Аверре.

Новая волна шепотков прокатилась по залу. Многие, и я в том числе, с удивлением поглядывали на Батула, лицо которого как обычно не выражало ничего, кроме вежливого участия ко всему происходящему.

— Мне следовало догадаться, что это будешь именно ты, Эйтн, — с наигранной небрежностью проговорил он. — Тебе стоило сообщить о своем приезде заранее.

Улыбка леди Аверре была завораживающей, как снежная вьюга:

— Но ведь и ты не сообщил мне о том, что будешь в Мероэ, дядя. К тому же, мне не

хотелось испортить сюрприз.

— Что ж, поздравляю, — кисло отозвался Аверре, переведя тяжелый взгляд на графа. — Вы не сказали, что знакомы с моей племянницей.

— Разве? — Занди выглядел рассеянно, будто не в себе. — Что ж, это моя вина. Но не судите строго, мастер. Я, скорей всего, просто забыл. — Было очевидно, что он нисколько в этом не раскаивается, хотя лично меня это и не беспокоило.

Как и все в зале, я смотрел только на Эйтн, чье появление произвело фурор. Но даже это удивило меня не так сильно, как присутствие в ее обществе знакомой красноволосой фигуры, державшейся чуть позади риоммской красавицы на манер компаньонки. Взглянув на меня, девушка усмехнулась, оправив юбку своего темно-бардового наряда.

— Ты не одна? — слегка удивленно спросил у племянницы Аверре. — На тебя это не похоже.

— Но так ведь и ты тоже с компанией, — сказала Эйтн, скользнув по мне коротким взглядом. Потом повернулась к своей наперснице и представила ее: — Это Ридж, моя помощница.

Я повторяю, если скажу, что для меня все становилось интересней и интересней? Вот так, ни о чем не подозревая, встретишь девушку в библиотеке, а она окажется имперским агентом. Хотя, мне ли об этом говорить? Зато теперь самоуверенность этой Ридж, граничащая с заносчивостью, которую она проявила в Архиве, имела какое-то объяснение.

— Зачем ты здесь? — тон вопроса Аверре звучал почти грубо, но, судя по выражению Эйтн, никоим образом ее не задевал.

— У нас с тобой схожие цели, дядя, — сказала она. — Хотя, я предпочла бы об этом сейчас не говорить.

Почему-то, мне казалось, что и он не горел таким желанием, что нельзя было сказать о матронах Занди, неизменно готовых совать свои носы везде и всюду.

— Скажите же, юная леди, чем именно занимается это ваше Агентство? — поинтересовалась госпожа Даггер. — Вы, наверняка, тесно связаны с Советом, не так ли? Чем же наше бедное захолустье могло вас так заинтересовать?

Ее вопрос заставил половину зала наострить уши, а вторую громким шепотом переспрашивать первую, о чем идет речь. Если такое количество внимания со стороны меройского света было Эйтн не по нраву, то она прекрасно это скрывала.

— Агентство внешних исследований — это неправительственная организация и, боюсь, никакого отношения к Совету Лордов не имеет.

— Не представляю, что это ваше Агентство может исследовать, — высказалась госпожа Аккев. — В чем заключается суть его деятельности, миледи?

— Мы изучаем скрытую массу, — в том, что у Ридж достанет смелости без позволения влезть в разговор, я не сомневался, однако не предполагал, что она осмелится перебить Эйтн, чье главенство в этой паре было очевидным. — Их также называют Тенями.

Повисла недолгая пауза, в течение которой, гости, казалось, обдумывали, воспринимать ли слова Красноволосой всерьез. Кто-то переглянулся, но большинство просто смотрели на эту пару с недоверием. Даже Аверре нахмурился, что уж говорить обо мне, на мгновение впавшем в ступор. И только один граф Кхамейр оставался улыбочив и невозмутим.

— Простите, — откашлявшись, наконец, проговорила мадам Даггер, — я, кажется, вас не совсем поняла. Это ведь что-то из области древних мифов, да? Вы что же, изучаете лейров? Леди Аверре?

Была ли то переменчивая игра света или что-то другое, но мне показалось, будто взгляд Батуловой племянницы сделался на полградуса холоднее.

— Это правда, — признала она с неохотой.

— Но... — пробормотал дородный седовласый мужчина в темно-пурпурном костюме. — Простите, госпожа, но вы, должно быть, несерьезно... иначе, я просто не понимаю, как...

— Леди Аверре говорит вполне серьезно, министр, — внезапно вставил Занди, волком оглядев каждое лицо в зале. — И мне очень жаль, если у моего кабинета сложилось мнение, будто это шутка.

Такая отповедь министра смутила, но молчать он, тем не менее, не захотел:

— Мои извинения, ваша светлость, но это не желает укладываться у меня в голове. Тени... О-очень интересно... Если память меня не подводит, лейры — существа из области детских сказок, которым эти самые Тени подчиняются, как хозяевам. Или как-то так?..

Министр обвел собравшихся вопросительным взглядом, но никто ему не ответил. Тогда он продолжил:

— Мне и в голову не могло прийти, что кто-то наверху интересуется этими сказками настолько, чтобы затевать полномасштабные исследования. — Он совсем невежливо усмехнулся, глядя в сторону красавицы в янтарном платье почти с жалостью. — Прошу прощения, леди Аверре, но это и вправду весьма... э-э-э... странно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не знаю, кого слова распухшего чинуши задела больше — Эйтн или, все-таки, меня.

Никогда прежде не употреблявший алкоголя, я не подозревал, какое воздействие он может оказывать на мироощущение. До сего момента. Именно сейчас я как никогда был близок к тому, чтобы раскрыть свою сущность, из чего могла бы получиться великолепная демонстрация того, как детские сказки порой превращаются в настоящий кошмар.

Тени вокруг меня вскипели, призывая к действию. Я почти решился на задуманное, почти совершил нужный жест, готовый заставить пышное одеяние министра вспыхнуть...

Но тут тяжелая рука наставника ухватила меня за запястье.

— Поить тебя было ошибкой, — на ухо прошептал он мне.

Сверкнув глазами, я хотел возмутиться, почему он просто стоит и слушает весь этот вздор, вместо того, чтобы заявить кучке разжиревших политиканов, что лейры не менее реальны, чем воздух, которым они, зажавшиеся кретины, дышат, но не успел — Эйтн взяла слово:

— Люди часто воспринимают то, что они не в состоянии объяснить, как нечто мифическое, ненастоящее. История становления Империи, история галактики пестрит такими моментами. Подчас, здесь я соглашусь с вами, они настолько невероятны, что сама мысль об их правдивости кажется наивной и глупой. И все же, время от времени мы наталкиваемся на доказательства того, что большинство древних мифов — истинны хотя бы отчасти. Это касается и вопроса о существовании лейров, а значит и Теней, на самом деле.

— А вы, госпожа, стало быть, тоже занимаетесь научными исследованиями? — сомнение в вопросе госпожи Даггер было практически неприкрыто — слишком молодой и роскошной леди с Риомма для этого выглядела.

— Не совсем, — откликнулась Эйтн. — Моя работа мало связана с научной деятельностью, хотя я много путешествую, но это в основном дела организационного характера.

— Никогда раньше Боиджия не привлекала столь очаровательных инопланетянок, — заметил пурпурный министр. — Откройте секрет, чем ваше Агентство могло заинтересоваться здесь?

— Да, почему Боиджия? — добавила госпожа Даггер. — Почему выбор пал именно на нас? Думаете, у нас есть эти Тени?

— Существует несколько причин, по которым ваш мир интересуется наше Агентство, — ответила Эйтн, не обратив внимания на насмешливый тон графской тетки, — но, я боюсь, что не имею права об этом говорить.

Я услышал достаточно, чтобы понять, в какую сторону ветер дует и был готов, причем, в прямом и переносном смысле: три выпитых на голодный желудок бокала вина ударили в голову сильнее, чем ожидалось. Короче говоря, я был изрядно навеселе, хотя, как мне на тот момент казалось, ясности мысли нисколько не утратил. Во всяком случае, каждое слово, произнесенное Батуловой племянницей, отпечатывалось в моем мозгу четко, словно на бумаге. Я догадывался, о каких причинах она говорила, и, пытаясь играть в переглядывания с наставником, надеялся найти в его лице подтверждение своим догадкам. Мне не терпелось знать, зачем Риомм ищет Иглу Дживана тоже.

Словно угадав мои мысли, Эйтн мельком глянула в мою сторону, но тут же отвернулась. В тот миг меня будто ледяной водой окатили. Вздвогнув от неожиданности и сделав шумный вдох, я уставился ей в спину широко раскрытыми глазами: что это такое было?! Вознамерившись подойти и спросить, я успел сделать лишь несколько шагов, прежде чем крепкая рука наставника опять перехватила меня и потащила в сторону балкона.

— По-моему, тебе уже достаточно, — проговорил он. — Пойдем-ка, проветримся.

Возражений для этого у меня не нашлось, и я покорно поплелся за ним.

Слегка спотыкающейся походкой я вышел на ночной воздух и сразу же почувствовал себя бодрее — легкий прохладный ветерок приятно остудил лицо и освежил мысли.

— Не стоило тебе так увлекаться алкоголем, — заметил мастер, вставая рядом со мной у перил.

Слегка смущенный от того, что меня еще ни разу не видели в состоянии опьянения, я пробормотал:

— Наверное, да. Извините.

— Ну, технически-то это моя вина, — со смешком отозвался Аверре. — Мне не надо было заставлять тебя пить первый бокал. Но только первый. Все остальные уже целиком на твоей совести.

Я попытался улыбнуться ему сквозь непонятно откуда взявшуюся тошноту.

— Кстати, ты еще неплохо держишься для новичка, — добавил он. — Помню свою первую пьянку — это был настоящий кошмар. Следующим утром я не мог вспомнить и половины из того что произошло, а когда все-таки вспомнил, то готов был провалиться от стыда. — И весело рассмеялся.

Я попытался не отстать, хотя это был немалый подвиг, учитывая состояние, в котором находился мой желудок, вот-вот грозивший подняться на бунт, и сказал:

— Для такого я еще слишком мало выпил.

Аверре кивнул, громко хихикнув:

— Но исправлять мы это не будем. Оставим данный пункт твоего образования на более подходящее время.

Оба ненадолго замолчали. Дыша как можно глубже, я привалился к перилам. Внизу,

укрытый бархатным ночным покрывалом, угадывался Мероэ. Видимо, фонари здесь не пользовались спросом и лишь в единицах городских окон горел свет. Я все думал, к чему было столь неожиданное проявление заботы со стороны Аверре? Спонтанные проявления альтруизма были ему так чужды, как дикарю любовь к цивилизации. Заботой здесь не пахло точно, так что я приготовился слушать продолжение, которое, к слову, не заставило себя ждать.

— Итак, что ты думаешь по поводу всего этого? — сказал он, повернув ко мне голову.

— Я думал, у вас только одна сестра.

Брови наставника хмуро сошлись на переносице.

— Не тот ответ, который я ожидал от тебя услышать, — произнес он задумчиво. — Ну и что с того? Что могло бы ей помешать завести детей?

— Но ваша фамилия...

— Эта причуда целиком и полностью на совести Риссы, — отмахнулся Аверре. — Она развелась еще до появления Эйтн на свет и настояла на том, чтобы девочка получила нашу фамилию.

Я изобразил непонимание:

— А как же ее отец?

Мастер посмотрел на меня как-то странно:

— Я понимаю твое желание казаться особенным, но все-таки, полагаю, что тебя заинтересует не это. Еще ни разу я не встречал мужчину, которого общение с Эйтн оставило бы равнодушным. Ты будто ее заметил и меня это удивляет.

Радуюсь полутеням графского балкона, я немного нервно хихикнул, надеясь, что факт моего смущения остался незамеченным.

— Вы зря так считаете, мастер. Ее нельзя не заметить.

Аверре усмехнулся:

— На самом деле, ты первый, кто отзывается о моей племяннице настолько сдержано.

— Просто у меня слов не хватает, — ответил я, и это было чистой правдой. Описать Эйтн оказалось так же сложно, как объяснить на пальцах красоту полярного сияния. — И все же, почему вы мне о ней раньше не сказали?

Аверре ответил сухо и просто:

— Потому что в том не было никакой необходимости.

— Разве? — удивился я. — Она работает на Риомм и руководит организацией, которая хочет «изучать» таких, как мы с вами под микроскопом. И это, по-вашему, не повод? К тому же, она здесь, в Мероэ, и собирается искать то, что сами вы, мастер, спите и видите. И вас это не беспокоит?

— Кажется, свежий воздух пошел тебе на пользу, — заметил он. — Слишком хорошо соображать стал.

— Она ведь знает, кто вы? — спросил я, хотя ответ был очевиден: достаточно вспомнить Красноволосую Ридж и наш с ней разговор.

— Естественно.

— А вы не боитесь, что это может обернуться проблемами?

Но, как обычно, вместо ответа Аверре лишь загадочно на меня посмотрел.

— Вот ты возьми и попробуй выяснить это, — проговорил он. — Сосредоточившись на Игле, я не могу уделить данному вопросу достаточно внимания, так что целиком и полностью полагаюсь на тебя. Ты прав, появление Эйтн игнорировать нельзя. Не являясь

лейром, она все равно может быть весьма предприимчивой и опасной соперницей. Будь осторожен при общении с ней и постарайся воздержаться от любимого занятия и не лезть в ее голову.

По правде говоря, слова наставника я воспринял, как своего рода шутку, причем несмешную, но спорить не захотел.

— Сейчас я хочу, чтобы ты просто понаблюдай за ней. Граф питает к Эйтн заметную слабость, но мы должны знать, насколько сильную, чтобы это не стало роковым обстоятельством. Попытайся составить общую картину их взаимоотношений. Предвидеть угрозу — значит наполовину нейтрализовать ее.

Я представил себе Занди и Эйтн как пару. Получилось неубедительно.

— Кажется, они совсем недавно знакомы. Неужели вы думаете, что между ними что-то есть?

Мастер устремил на меня серьезный взгляд.

— Ты мыслишь немного не в ту сторону, — сказал он. — Где бы она ни появлялась, Эйтн всегда производит особое впечатление на окружающих, будь то мужчины или женщины, неважно. Это преимущество, которым она отлично пользуется при необходимости. Устоять ее природному очарованию практически невозможно, а если учесть, что после пребывания у махди эмоциональное состояние Занди несколько нестабильно, это может вылиться в нечто еще более опасное. Граф важен для меня в качестве союзника, а видеть его у нее на побегушках совсем не хочется. Явившись сюда, она четко дала понять, что собирается побороться за Иглу, а стало быть, будет использовать все имеющиеся в своем распоряжении уловки.

Хотя я так до конца и не понял, с чем предстояло мне столкнуться в лице леди Эйтн, однако с дальнейшими вопросами на эту тему пришлось повременить. Услышав приближающиеся шаги со стороны залы, мы повернулись на их звук и увидели предмет беседы собственной персоной, неторопливо шедшую к нам.

В причудливой игре теней балкона Эйтн казалась еще прекрасней. На ее фарфоровом личике блуждала загадочная полуулыбка и адресована она была, в первую очередь, моему наставнику. Меня же здесь как будто не существовало.

— Дядя, — обратилась Эйтн, — я боялась, что ты уже ушел.

В ответ Аверре изобразил искреннее удивление:

— Разве я мог позволить себе исчезнуть, даже не поговорив с тобой? — Он выступил навстречу племяннице и нежно сжал ее в своих объятиях. — Я очень рад тебя видеть, дорогая.

— Я тоже, дядя.

Поразительно, но присутствуя при этой семейной сцене, я вовсе не ощущал себя лишним. Наоборот, такая идиллия казалась мне театром одного зрителя. Слишком уж слабо вязался Аверре с образом любящего дядюшки. Представить его в этой роли для меня было так же немислимо, как вообразить Бавкиду за рукоделием. Да и Эйтн не слишком шла роль послушной племянницы.

— Как дела дома? — спросил мастер, разомкнув объятия и отступив на полшага.

— Все совсем неплохо, если ты об этом, — улыбаясь, ответила она.

— Я так и подумал, — сказал он, — иначе не имел бы счастья видеть тебя сегодня здесь.

Великолепное лицо Эйтн сделалось слегка надменным. Девушка отвернулась, вновь

удостоив меня лишь секундным взглядом, и подошла к балюстраде. Даже в том, как она поворачивала голову, было что-то гипнотическое, заставляющее непрерывно смотреть на нее. Не могу объяснить себе причину этого, но в ее присутствии я чувствовал себя, будто червь на сковородке. Потребовалось три глубоких вдоха, чтобы выровнять сердцебиение. Сюда бы еще бокальчик агарисса...

— Дорогая, — сказал Аверре, — позволь представить тебе моего помощника: Сет Эпине. Сет, это моя горячо любимая племянница Эйтн Аверре.

Снова царственный поворот головы заставил меня забыть о том, как дышать. Новый оценивающий взгляд, изящный кивок.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно, — я быстро и, надеюсь, незаметно вытер о брюки вспотевшие ладони, чтобы пожать ее протянутую руку, которая на ощупь оказалась такой же нежной, какой была на вид, и теплой, что удивило.

Кажется, рукопожатие затянулось дольше, чем следовало, потому что, снова улыбнувшись, Эйтн сказала:

— Отпустите руку, Сет. Она мне еще понадобится.

Нервно искривив губы, я выпустил ее ладонь, мысленно выругав себя за слабоволие.

— И как давно вы помогаете моему дяде? — Вопрос как будто бы не подразумевал ничего особенного и все же звучал несколько двусмысленно.

Тщательно обдумав его, я произнес:

— Недавно.

— Тогда должна предупредить вас: не верьте всему, что он говорит. — Эйтн лукаво улыбулась дядюшке, затем пояснила: — Вы не первый ученик, который у него был. Многих молодых людей привлекало мистическое могущество мастера Аверре, однако мало кто из них дожил до сегодняшнего дня.

Вспомнив недавнее происшествие на Яртелле, я готов был признать ее слова справедливыми.

— Ты пытаешься запугать его, дорогая, но уверяю тебя, это напрасно, — с широченной улыбкой сказал Аверре, не дав мне ответить. — Я уже успел убедиться, что подобные вещи действуют на молодого Эпине с совершенно обратным эффектом — они лишь подстегивают его неумное любопытство.

Тут ее взгляд сделался колючим.

— Что ж, — проговорила она с непонятной мне враждебностью, — вашей просвещенности, Сет, можно лишь позавидовать. Извините, что приняла вас за новичка.

— За новичка в чем? — прищурился я.

— В том, что вы и вам подобные называете искусством лейров, — голос Эйтн был холоднее полярного ветра.

— Дорогая! — предупреждающим тоном вмешался Аверре. — Не стоит об этом.

Но она лишь усмехнулась.

— Хорошо, не будем. Прикинемся, что это просто совпадение — наша с тобой встреча здесь. Так тебе будет проще держать очередного юнца под контролем?

— Вы очень любезны, — вставил я.

— Хочешь, чтобы я улетела, дядя? — спросила девушка, проигнорировав мои слова.

— Не хочу, но настоятельно советую, — ответил Аверре. — Во имя общего блага.

Она рассмеялась весело и задорно.

— Слова хорошие, жаль, я не особенно учтива и никуда лететь не собираюсь. Во всяком случае, пока первой не отыщу то, зачем прибыла.

— Риссе не следовало отпускать тебя так далеко от дома, — заметил мастер почти с угрозой.

Но даже это Эйтн не задело:

— Я уже давно выросла, дядя.

— Даже большим девочкам часто приходится трудно, причем в местах куда менее опасных, чем Бойджия.

— Не волнуйся, я как-нибудь справлюсь, — сказала она.

Повисла неудобная пауза. Еще секунду они мерялись взглядами, а затем, царственно развернувшись, Эйтн удалилась. Проводив ее взглядом, я добрую минуту выдержал в полном молчании, прежде чем задать новый заинтересовавший меня вопрос:

— Что конкретно она имела в виду, говоря о других ваших учениках?

Поглядев на меня исподлобья, Аверре проговорил:

— Я так и знал, что из всего, сказанного, ты заинтересуешься именно этим. Лучше не обращай внимания и забудь.

— Уже обратил.

Он тяжело вздохнул:

— Сет, ты начинаешь меня раздражать.

— Подумать только, какая новость! — скрестив на груди руки, я буравил наставника взглядом. — Итак, что это за ученики? Как та, что нашлась в Цитадели? И многих вы отправили наблюдать за Бавкидой?

— Я не думаю, что слово «ученики» здесь уместно, — отозвался мастер, однако опустил ответ на более значимый вопрос. — Даже у тебя больше смысла носить это звание, чем у тех, кого я имел несчастье тренировать. — Он предупреждающе поднял ладонь: — Только не начинай устраивать истерик. Принципы Адис Лейр меня не волновали уже тогда, так что свои поиски последователей и их обучение я проводил без каких-либо зазрений совести.

— И что же с ними со всеми стало? — снова повторился я.

— По-моему, ты мог бы и сам об этом догадаться, — странное дело, но обычно невозмутимое лицо Аверре вдруг отразило неприятие, питаемое им к данной теме, словно причиняющей боль.

Экая неожиданность, подумал я, хотя и не поверил: соорудить скорбную физиономию много ума не надо, тем более такому эксперту, как он.

— Разум каждого из них оказался не готов к нагрузке, которой мне пришлось их подвергнуть. Прежде, чем возвести нового претендента в ранг алита, Адис Лейр долгое время подготавливают его, но даже в этом случае не исключен провал. Ты ведь знаешь, что больше половины отсеивается сразу же, и еще часть — во время обучения.

— Отсеиваются? — переспросил я с мрачной усмешкой. — Они сходят с ума, мастер. Некоторые умирают.

— Не суть, — отмахнулся он. — Факт в том, что моя затея с треском провалилась и настоящим учеником я так и не обзавелся. Пожалуй, это была одна из худших идей, которые у меня когда-либо возникали. Во многих областях науки я — гений, но учитель из меня никудышный.

Признание Аверре едва не вырвало из меня неподобающий смешок, и я подумал: а стоит ли мне и в дальнейшем именовать его своим наставником?

Но были еще вопросы, которые я собирался задать:

— Откуда Эйтн известно о вашей деятельности? — Он был продиктован вовсе не любопытством. На тот момент мне казалось жизненно необходимым знать, насколько крепки семейные узы Аверре, чтобы в один прекрасный момент вдруг не оказаться между молотом и наковальней, когда этим двоим случится выяснять отношения.

Ответ мастера меня удивил:

— Эйтн — единственное существо во Вселенной, которое я люблю без памяти. Она очень многое значила для меня и до сих пор значит. Но даже родственные чувства не могли бы подвигнуть меня на то, чтобы посвятить ее в суть своих исследований, если ты об этом.

— Но ведь она о них узнала, — заметил я. — Как?

Если мой тон и показался Аверре неуважительным, то виду он не подал.

— Она никогда не была обычным ребенком. Слишком сообразительна, слишком любопытна, настолько, что, пожалуй, переплюнет в этом тебя. Временами я думаю, что сложились обстоятельства иначе, из нее вышел бы первоклассный элийр. Можешь не делать такое лицо, я говорю это вполне серьезно.

Громко фыркнув, я отвернулся к ночному городу, как вдруг меня осенила сумасшедшая догадка. Резко повернув голову назад, я спросил то, о чем Аверре все никак не мог решиться сказать:

— Мастер, вы и ее пытались обучить?!

Он не смутился и не отвел взгляда, а воинственно уставился на меня:

— Мне все равно, что ты об этом думаешь. — Но в глубине его глаз виднелся стыд за то, что он на это решился. — Я видел ее потенциал и знал, что обязан его использовать в великих целях, а не так, как планировала моя сестра. Но, как я уже сказал, излишняя самоуверенность привела к трагедии — Эйтн едва не умерла. Чудовищными усилиями мне удалось не допустить этого и скрыть правду от ее матери. И, все-таки, последствия были — девочка изменилась до неузнаваемости. — Аверре отвернулся, облокотившись о балюстраду. — Всякий, увидев ее, удивится, как очаровательна она и мила, но никто и не догадается, что в душе Эйтн похожа на Яртеллу — такая же ледяная и непробиваемая, как сама планета. Она тоже может видеть Тени, но не так, как мы с тобой. С помощью Теней она способна подавить и очаровать любого. Многие считают, что быстрое продвижение по служебной лестнице — результат влияния Риссы на Совет, но на самом деле, это собственное достижение Эйтн. Свой пост во главе Внешних Исследований она получила сама.

Впервые став участником столь откровенного разговора с наставником, я чувствовал неудобство от того, что все это не кажется мне настоящим. Но вместе с тем, я понимал, как глубоко, наверное, несчастен сам Аверре, ведь именно он был виноват в том, что случилось с его любимой племянницей. А еще я был удовлетворен тем, что получил хоть какое-то объяснение заинтересованности Эйтн в стремлении постичь суть лейров и ее острую нелюбовь к ним, читавшуюся буквально в каждом взгляде, брошенным в мою сторону.

— И что нам с этим делать? — негромко поинтересовался я.

— Что делать? То, о чем я тебе сказал ранее — наблюдать. Это твоя главная задача.

Что ж, может оно даже и к лучшему, но для большей ясности, я решил сказать:

— Ее помощница была в Архиве в тот день, когда убили мадам ЧиЭмей.

Аверре посмотрел на меня внимательно:

— И что стого? Судя по твоим словам, она все время находилась при тебе, так что

убийцей быть не могла, не так ли?

Я кивнул.

— Ну так и забудь об этом. Оставь расследование на совести Гетта. Ведь ты не сделал ничего, что могло бы бросить на тебя тень его подозрений, верно?

— Конечно, нет.

Соврать Аверре было несложно. Сложнее оказалось сделать так, чтобы ему не стало об этом известно, а тут уж все зависело от дальновидности ищейки-капитана. В ответ на мою завуалированную просьбу продолжить изучать это дело самостоятельно, мастер ясно дал понять, что не одобрит этого. Но я-то остановиться теперь не мог. Схожие улики на местах обоих преступлений сделали расследование почти личным.

— Ладно, — наконец сказал Аверре. — Пора вернуться в зал, не то хозяева подумают недоброе.

Глава 11. Взгляды

Вечеринка затянулась почти до самого рассвета, но гости расходиться не спешили. Все как один внимали Аверре, веселившему публику новыми порциями небылиц о своих якобы подвигах. Я и не подозревал, насколько он, оказывается, искусен в мастерстве рассказывания баек, и раз или два ловил себя на том, что сам с открытым ртом вслушивался в, порой, ну просто невероятный бред, забыв о том, что только что клевал носом от желания провалиться в сон. Ни Эйтн, ни ее наперсницы нигде не было видно, и я со все возрастающей нервозностью долбил пальцами по подлокотнику кресла, в ожидании конца этой провинциальной феерии.

Наконец, под общий шум недовольства, Аверре объявил, что нам пора откланяться и, подхватив под руку, потащил полусонного меня к выходу.

— Где Эйтн? — спросил он, когда мы были на пути к нашему флаеру.

На что я уставился на него с удивлением:

— Понятия не имею.

— Я же велел тебе присматривать за ней! — крепче сжав мое предплечье, прошипел он.

Я подумывал о том, чтобы вырвать руку, но вспомнил, что за нами наблюдает несколько десятков пар глаз и решил на время отложить выяснение прав и обязанностей.

— После разговора на балконе я ее больше не видел. Только ее подружка и мелькала среди народа.

— А Занди?

— Он вернулся позже.

Все оставшееся время вплоть до того, как мы собрались распрощаться перед сном, мастер провел в суровой задумчивости, не изволив проронить ни слова.

— Что-то ты притих, — сказал он, стоя рядом со мной в лифте. — Не к добру это.

Спонтанные проявления участия со стороны Аверре неизменно вводили меня в легкий ступор. То он вообще не обращал внимания, то, как ни в чем не бывало, начинал интересоваться, что и о чем я думаю. И часто я задавался вопросом, а не владеет ли мастер навыками элийров чуточку больше, чем известно другим?

— Я дико спать хочу, — сказал я, широко зевнув для наглядности.

— Понятно, — слегка разочарованным тоном протянул он, проводив меня до двери номера. — Хорошо, отдохни пока, но завтра утром ты понадобишься мне и только попробуй проспять! — Сверкнув глазами, он не дождался, пока я отопру замок электронным ключом, и скрылся за собственной дверью.

Не в силах подавить новый чудовищной силы зевок, я вполз в комнату и привалился спиной к стене. Вот это выдался денек: столько событий, а толком еще и не начинали. А что же дальше-то будет?

Устало хмыкнув, я мысленно потянулся к выключателю, заставив тусклый ламповый свет зажечься. Собираясь по-быстрому заглянуть в ванную, я уже одной ногой переступил ворота царства сна, как вдруг внезапно нахлынувшее предчувствие подсказало, что в комнате что-то не так. В мгновение ока всю дрему с меня точно рукой сняло. Быстро осмотрев номер, я никого не обнаружил, однако след чужого присутствия явственно чувствовался в комнате, словно остатки незнакомого парфюма. Кто-то здесь побывал и это точно не

уборщик номеров.

Бросившись к своей сумке и перевернув все ее содержимое, я понял, что в ней кто-то рылся, хотя ничто из вещей не пропало. Не будь я лейром, вряд ли что-то бы заподозрил, а это говорило лишь об одном — тот, кто сюда проник, искал нечто определенное.

Погрузив руку во внутренний карман пиджака, я извлек маленькую пробирку с закупоренными в ней зернышками минна. Число подозреваемых в том, кто мог это сделать, сразу же сузилось до двух: таинственный убийца из Архива и Ридж — компаньонка Эйтн Аверре. У обоих были и средства, и возможности. Не было только очевидного мотива. Хотя... если причиной убийства мадам ЧиЭмей был инфочип?.. С другой стороны, слишком много «если» не могли гарантировать правильного ответа. В совпадения я никогда особо не верил, зато всегда доверял интуиции, а она твердила, что дело именно в этом. Оставалось надеяться, что находясь у мастера, инфочип под достаточно надежной защитой, чтобы кому-то удалось его стащить.

Переведя дыхание, я попытался успокоить разбушевавшиеся мысли. Рано было паниковать и бросаться в омут. Если некто сделал один шаг в моем направлении, он непременно сделает еще несколько, дабы заполучить то, чего ему не досталось прежде. Вопрос был только в том, что мне делать до тех пор, пока этот момент настанет? Затаиться и ждать? Я ощутил, как дрожь нетерпения пробежала вниз по позвоночнику. Выдержка и ожидание никогда не были моими сильными сторонами, как и, что уж тут скрывать, особенная храбрость, а потому, о том, чтобы преспокойно отправиться на боковую я решил пока не думать.

Элийры как никто подвержены влиянию сильных эмоций. Это то, с чем мы работаем. Наша мощь напрямую зависит от контроля над собственными ощущениями, и любое достаточно сильное переживание может выйти боком. Сошедших с ума недолейров, о которых мы вспоминали с Аверре, даже сравнить нельзя с тем, во что превращается вышедший из-под контроля элийр. Это может оказаться либо замкнутое на себе существо, медленно сжигаемое изнутри собственной силой, либо неуправляемое стихийное бедствие, способное сравнять с землей целые города. В Цитадели есть даже специальные камеры, где таких несчастных содержат под круглосуточным надзором, чтобы они не натворили бед.

Погруженный в размышления, выписывая круги по комнате, я не сразу заметил входящий сигнал, замаячивший на моем запястье. Выругавшись сквозь зубы и прокляв упрямство Бавкиды, считавшей себя вправе решать, когда именно мне удобней всего принимать ее звонки, я вбил подтверждающий код и нажал кнопку приема передачи. В тот же миг над запястьем выросла уменьшенная фигурка прячущейся в складках балахона лейры.

— Полагаю, там, где ты находишься, время уже весьма позднее, Сет, — проговорила она сквозь непрерывные потоки статики. Качество связи как обычно оставляло желать лучшего.

Украдкой глянув на антикварные часы, венчавшие один из шкафчиков, я ответил:

— Через два часа рассвет.

— Что ж, рада видеть, что не разбудила тебя, — ухмыльнулась старуха, на секунду показав подбородок. Надо сказать, улыбаться она никогда не умела, а то, что получалось, неизменно походило на звериный оскал. — Ты как-то по-особенному выглядишь. Вечеринка?

подавив зевок, я отозвался:

— Граф Занди устраивал прием в честь новоприбывших гостей. Аверре обязал меня там быть.

Кажется, Бавкиде это понравилось.

— И как прошел прием?

— Надеюсь, что гости в восторге.

— А ты не кажешься особенно довольным.

— Я от таких вещей больше устаю, — еще один зевок был тому отличным доказательством.

Бавкида кивнула, дав понять, что удовлетворена ответом, и сразу же перешла к делу:

— Как продвигается твоя работа?

Ну что ей ответить?

— Неплохо, я думаю.

— Рада слышать, — ее тяжелый взгляд из-под тьмы капюшона меня точно в прицел взял, только выстрела не последовало. — Итак, тебе есть что рассказать?

Чтобы дать ответ, устроивший Бавкиду и не бросивший тень на меня самого, потребовалась пауза, в ходе которой я лихорадочно прикидывал, что ей знать следует, а о чем пока что лучше умолчать. Стоит ли рассказывать о нападении и убийстве я, честно говоря, сомневался, но подумав, что, в отличие от Аверре, отмахиваться от этого Бавкида не будет, решил все же поделиться с нею.

Весь краткий пересказ событий трех минувших дней не занял и двадцати минут. Внимательно выслушав меня до конца, ни разу не перебив и не задав ни одного вопроса, старуха только что-то непонятно пробурчала себе под нос. Когда я завершил, она спросила:

— Эти семена минна, где они?

Снова достав пробирку, я показал ее содержимое наставнице всех лейров. Не ведаю, что могла она разобрать через голограмму, однако спустя несколько секунд дала свое заключение:

— Материал довольно любопытный. Ты пробовал его изучить?

Я отрицательно качнул головой — на то, чтобы вплотную заняться анализом улики у меня до сих пор не нашлось времени, да и, если честно, я не представлял с чего начать. В конце концов, ботаника никогда не была моим коньком. Будто почуяв это, Бавкида сказала:

— Умение лейров концентрироваться на мелочах, позволяет им беспрепятственно проникать в самую суть вещей. Неужто ты об этом забыл?

Да вроде бы не забыл. Я потупился, но с ответом не спешил.

— Найди способ узнать, кому они принадлежат, — заявила Бавкида. — И не говори мне, будто для тебя это проблема. Все равно не поверю. Выдели время и узнай. В конце концов, раз уж Сол питала к этому растению такой интерес, то ты просто обязан выяснить причину этого.

— Помнится, не так давно вы были против моего интереса к этой теме, — невинным тоном напомнил я, хотя внутри весь наполнился воодушевлением — раз уж сама Бавкида дала разрешение копнуть поглубже, то обращать внимание на запреты Аверре было бы просто смешно.

Однако не тут-то было:

— Не забывайся, Сет! — предупредила она. — И не вздумай переиначить мой приказ! Выясни, кто пытался убить тебя, но прошлое оставь в покое. Не переоценивай свои таланты и не считай, будто твой поступок в отношении того лакея ускользнул от меня. Ты поставил под угрозу все, ради чего здесь находишься, а для Адис Лейр, если ты этого еще не понял, принципиально важно, чтобы Аверре нашел артефакт и желательно до того, как на это

сподобится кто-то из его конкурентов.

К слову о конкурентах:

— На приеме у графа мы встретились с племянницей Аверре. Она недвусмысленно дала понять, что собирается побороться за Иглу тоже.

— Эйтн Аверре здесь? — Бавкида казалась мне удивленной, будто знала ее, притом неплохо. — Неожиданно, сказала бы я.

— Вы знакомы?

— Заочно, — отозвалась она. — И скажу, что эта юная особа весьма необычна.

— Ее интересуют Тени, — сказал я.

— А кого не интересуют? — смешок Бавкиды казался неуместным, но не мне было судить. — Риомм всю жизнь снесла зависть, порожденная страхом. Они не понимали нас, боялись нас. Даже после окончания войны лейров, не переставали собирать крохи того, что могло бы натолкнуть их на путь к нашему могуществу.

— Мастер Аверре признался, что пытался обучить ее, — проговорил я, уставившись на нее исподлобья. — Но ничего не получилось.

— Естественно. Даже он не все знает о том, что представляют собой Тени и как обратить их на службу себе. Ведь это не просто наука, которую можно постичь, вызубрив учебник. Даже лучшие из нас не могут сказать, что знают о своей силе абсолютно все.

— Однако Эйтн далеко продвинулась, — заметил я, вспомнив леденящее внутренности ощущение, исходившее от нее на балконе.

— Несомненно. И все же плохо знает, чего хочет. Иначе бы попросту держалась от Бойджи подальше. И от артефакта тоже. — Высказавшись, Бавкида на секунду задумалась. — Любопытно, знал ли Аверре о том, что его драгоценная Эйтн заявится на Бойджию и попытается увести Иглу у него из-под носа?

— Он показался мне удивленным, — пожал я плечами.

— Ах, это еще ничего не значит, — отмахнулась она. — Аверре большой любитель играть на публику. Может даже чуточку больше. Ему, видишь ли, нравится заставлять окружающих думать, будто они его понимают, хотя на самом деле это не так. Поэтому я и тебя хочу предупредить: не пытайся постичь его поступки. Просто делай то, что от тебя требуется, будь полезным и послушным, держи ухо востро и только тогда ты, возможно, и сумеешь докопаться до сути его планов. Это все, что от тебя требуется на данный момент.

— А как же нападение? — напомнил я.

— Одно другому не мешает, знаешь ли, но нужды Адис Лейр должны волновать тебя в первую очередь.

— Понимаю.

— Я полагаюсь на тебя, Сет. Не подведи!

Голограмма распалась в воздухе прежде, чем я успел хоть что-то сказать. Чувствуя себя так, будто пережил испытание на выносливость, я перевел дух и тоскливо глянул на дверь в ванную. Сил ни на что уже не оставалось и, плюнув на все, я прямо во фраке рухнул в кровать и тут же отключился.

Ничего удивительного, что проснулся я еще более усталый, чем был, когда ложился спать. Взглянув на время, обнаружил, что мои мучения продолжались от силы три часа. За окном давно рассвело, и комнату заливал яркий солнечный свет, что вызвало только раздражение и злость.

Издав громкий негодующий рык, я перекатился набок, с головой накрывшись одеялом, и

тут что-то, а вернее кто-то неожиданно запрыгнул на меня. Резко дернувшись от неожиданности и испуга, я высунулся наружу, а мой загадочный гость с недовольным мяуканьем соскочил на пол и с укоризной воззрился на меня огромными черными глазами.

— Ты еще кто? — туго соображая спросонья, уставился я на лохматого зверька в ответ. — Брысь отсюда! Давай, давай! Пшел!

Зверек съежился, недовольно вздыбив шерсть, но с места двигаться даже и не подумал.

— Нельзя кричать на гокки.

Без всякого стеснения открыв дверь и войдя в номер, Лита Бабор по-хозяйски окинула комнату придирчивым взглядом.

— Они нежные, но очень мстительные создания. Например, если обозлятся на кого-нибудь, то могут здорово подпортить жизнь.

Ни малейших сил удивляться у меня уже не было, так что, перевернувшись удобней на кровати, я пробубнил:

— У вас много общего. — Затем подозрительно прищурился и спросил: — А ты зачем пришла?

— Ну, уж не ради того, чтобы снова лицезреть твои неодетые мощи, — раздраженно отозвалась девица. — Мастер Аверре велел тебя разбудить.

— А постучать, что трудно было? — сказал я и откинул одеяло.

Увидев меня одетым во вчерашний дорогой костюм, Лита громко рассмеялась.

— Вставай быстрее. Через полчаса тебя ждут в столовой. — И, подхватив зверька на руки, под звук собственного заливистого смеха, направилась к выходу.

— Эй, погоди-ка, — резко окликнул я ее. — Дверь же была заперта! Как ты открыла? И твоя скотинка, как она тут оказалась?

Остановившись у двери, Лита обернулась и скользнула пальчиками по лоснящейся шерсти мурлычущего питомца.

— У тебя окно было открыто, — сказала она.

— Мы на восьмом этаже, — напомнил ей я.

— Гокки спокойно могут лазить по отвесным стенам, так что забраться сюда ей ничего не стоило. Я как раз была в пекарне напротив, когда увидела, как она залезла в твоё окно. А сама я сюда вошла, используя запасной ключ, — она продемонстрировала копию моей гибкой карточки.

— Значит, у вас имеются запасные ключи ко всем номерам?

— Естественно.

— А где они хранятся?

— Внизу, у портье, — ответила девушка. Ее взгляд вдруг стал подозрительным: — А ты почему спрашиваешь?

— Кто в отеле имеет к ним доступ? — проигнорировав вопрос, продолжил допытываться я.

— Только я и мама. Все ключи хранятся под замком.

— А как же обслуживающий персонал?

— Роботы? У них в память заложены генераторы ключей, которые позволяют свободно открывать любые двери.

— А робот мог бы открыть дверь для кого-нибудь? Они вообще реагируют на подобного рода просьбы?

В ответ Лита серьезно и отрицательно помотала головой.

— Здесь тебе не Риомм, — сказала она. — Все наши автоматы устаревших моделей и подчинены единому компьютеру. Каждый их шаг четко отслеживается программой, так что то, о чем ты говоришь невозможно.

— Знаешь, — проговорил я, подумав, — по-моему, не так уж и плохо иметь роботов, зависимых от головного компьютера.

— Да, но почему тебя это интересует?

На секунду я задумался, стоит ли ей говорить, но решил, что хуже не будет.

— Мне кажется, вчера вечером здесь кто-то был. И это не горничная.

— Исключено, — абсолютная убежденность в ее голосе заставила меня померить свой пыл. — Тебе должно быть показалось.

— Ну да, конечно, — мрачно хохотнул я. — Еще скажи, привиделось.

Девушка пожала плечами:

— Всякое бывает. Но только не то, о чем ты подумал. Здесь по номерам никто не лазает.

— Угу. Оно и заметно.

— Послушай, — уперев руки в боки, заявила Лита. — Может быть, у нас и не фешенебельная риоммская гостиница, однако это вовсе не значит, что тут воровство и разбой на каждом шагу.

— Никто и не говорит о воровстве, — спокойно заметил я. — Но в номере кто-то был, я это точно знаю.

Взгляд Литы готов был прожечь во мне дыру.

— Ты это знаешь? — с каким-то истерическим смешком переспросила она. — В каком смысле, ты это знаешь?

— Просто знаю и все, — отрезал я. Потом добавил: — Вещи лежали не так, как я их оставил. — Не мог же я ей сказать, что чувствовал чужака в номере так же отчетливо, как запах ее духов.

— Глупости, — заявила девушка и покрутила указательным пальцем у виска: — Знаешь, по-моему, у тебя паранойя.

Недоверие Литы меня не сильно взволновало. Скорей я бы забеспокоился, прояви она участие. Но суть была даже не в этом. Разговаривая с ней, я успел прощупать сознание девушки Бабор, однако ни единого признака лжи или уверток обнаружить не смог. И, все же, несмотря на все ее заверения, я продолжал сильно сомневаться в абсолютной невозможности раздобыть дубликат ключа кем-то посторонним. Не стоит забывать и об окне — я не мог припомнить, чтобы оставлял его открытым, хотя подобного рода рассеянность была мне вовсе несвойственна.

Лита ушла прежде, чем я успел сообщить ей данное обстоятельство. Очевидно, что считать меня шизиком доставляло ей неизмеримо большее удовольствие, нежели решение этой загадки. Другое дело, что я на этом успокоиться никак не мог и потому, вместо того чтобы поторопиться привести себя в порядок перед завтраком, подошел к окну и насколько мог внимательно осмотрел его со всех возможных ракурсов. Что я искал, догадаться нетрудно, но, к сожалению, ни единой минновой иголки так и не обнаружил. Даже Тени были спокойны, словно молочный пруд.

Отправляясь в ванную, я все думал о том, как мог, пусть даже очень виртуозный махди вскарабкаться на высоту восьмого этажа и протиснуться в столь узкое отверстие форточки?

Только спустившись в вестибюль, я впервые задумался над тем, что даже не

представляю, где в этом отеле находится то самое место о встрече в котором вчера договорился Аверре. Спас проходивший мимо скелетоподобный робот.

— Доброе утро, сэр, — с безукоризненной вежливостью дворецкого отозвался он, жужжа суставами. — Завтрак подают ровно в восемь в столовой на втором этаже. Смею вас заверить, даже утренний прием пищи в нашем отеле, благодаря умениям шеф-повара, может стать для вас наиприятнейшей из трапез.

Он еще продолжал нести эту завлекательную белиберду, а я уже мчался на всех парусах в указанном направлении.

Глупо было подниматься на один этаж, используя для этого лифт, так что взбегая по злополучной лестнице, я на мгновение задержался у того самого места, откуда три дня назад совершил свой замечательный, в самом дурном смысле этого слова, полет. Тонкое и холодное как нож чувство страха больно кольнуло под ребра, заставив непроизвольно вздрогнуть от неприятных воспоминаний. Как будто вот-вот из-за статуи выскочит тень, сияющая синим пламенем глазами, и бросится на меня...

— А я все думал, проспал ты или заблудился? — раздался позади знакомый громкий голос.

Чуть не потеряв в пятках собственное сердце, я обернулся к Аверре, с маской самого добродушия на лице, взиравшего на меня смеющимися глазами. Схватившись за грудь, я облокотился о перила, чтобы перевести дух, и только потом проговорил:

— Это было так необходимо, да?

Свежее лицо Аверре расплылось в уже осточертевшей мне ухмылке:

— А разве алитов Адис Лейр уже не учат быть на шаг впереди событий через предчувствия, чтобы искоренить в душе своей такую постыдную слабость, как страх?

— Нормальный инстинкт самосохранения, — огрызнулся я, всегда считая прорицания будущего уделом уличных гадалок и прочих шарлатанов. Лейры таковой ерундой не занимаются. По крайней мере, не в век Бавкиды.

В ответ Аверре только усмехнулся, стряхнул несуществующую пылинку со своего повседневного костюма и поманил меня за собой.

Миновав крылатый скульптурный ансамбль, мы прошли по широкому коридору в темные паатовые двери, за которыми и находилась просторная светлая столовая зала. Едва заметив Аверре на пороге, тут же подлетел робот-лакей и усадил нас за круглый столик резного дерева, располагавшийся у высокого овального окна с витиеватым переплетом. Серебряные приборы и хрустальные бокалы поблескивали в золотистом свете солнца и старинных потолочных ламп, придавая всему антуражу излишний, на мой взгляд, налет аристократического лоска. К моему удивлению, столик был сервирован на четверых.

— К нам кто-то присоединится? — поинтересовался я, усаживаясь на один из стульев.

— А ты как думаешь? — откликнулся Аверре и дал распоряжение официанту, чтобы пока не торопился с меню. Заняв место сбоку от меня, он достал из кармана голопад и самозабвенно углубился в сводки последних галактических новостей, выложенных на риоммском сетевом портале.

Просидев так добрые пять минут, я уже начал потихоньку закипать.

— И долго?.. — но закончить свой вопрос не успел, так как в этот момент в столовой появилась Эйтн Аверре. Безупречна до ослепления, она уверенно направилась к нам, и Ридж неизменно следовала за ней попятам.

— Доброе утро, — мягкая улыбка, располагающий жест, и все это предназначалось

исключительно моему наставнику. Меня же взгляд леди Эйтн поразительным образом избегал.

— Доброе утро, дорогая! — поднялся мастер, отложив в сторону утреннее чтиво. — Спасибо, что оказала мне честь своим присутствием. Я польщен. — Его взгляд метнулся ко мне: — Мы оба польщены.

Да уж, конечно! Но вслух я, разумеется, ничего подобного не сказал и пока Аверре любезничал с Ридж, тоже приветственно встал со своего стула:

— Леди Аверре.

В ответ мне достался лишь равнодушный кивок, а вот ее компаньонка удостоила даже фразой:

— Кажется, посиделки у графа допоздна кое на ком дурно сказались?

Посмотрев на Ридж самым убийственным из своих взглядов, я лишь пожаловался наставнику:

— Ужасно есть хочется. Давайте уже что-нибудь закажем.

Позволив дамам рассесться, Аверре щелкнул пальцами и через мгновение возле нас возник механический официант.

— Чего изволите?

В прошлом продемонстрировав свою неразборчивость в меройской кухне, я опять позволил Аверре сделать выбор, за что и поплатился, в результате оказавшись перед тарелкой ярко-красной студенистой каши.

Завтрак проходил за ничего не значащей беседой, во время которой Аверре, как будто, пытался наверстать прошедшие в разлуке с племянницей годы общения и сильнее сблизиться с ней. Он все болтал о разнообразной чепухе, вроде семейных уз, не переставая сыпать на этот счет банальностями, и периодически ловил сентиментальной настрой, вспоминая юность и былые приключения. Эйтн слушала внимательно и где надо кивала, иногда даже поддерживая разговор, но там, где он начинал касаться ее собственных дел и дел Агентства, неумолимо срезала его с неповторимой ангельской улыбкой. Я слушал их обоих почти с тем же удовольствием, с которым поглощал навязанную мне наставником кашу. Ридж же все это время сидела молча и периодически поглядывала на меня, как будто ждала, что я ни с того ни с сего кинусь на ее обожаемую Эйтн.

— Какие планы на сегодняшний день, дорогая? — спросил Аверре, когда завтрак уже начал подходить к концу и подали кесс, местный эквивалент риоммскому кои. — Чем планируешь заняться?

— Работой в основном, — ответила Эйтн, чуть пригубив дымящийся и ароматный напиток из своей чашки.

— Ну, разумеется, — усмехнулся он. — Ты, как и твоя мать, просто помешана на работе.

— Если смотреть с этой точки зрения, то и ты, дядя, исключением не являешься.

— Это верно, — кивнул Аверре, хихикнув. Отпил кесс и добавил: — Но что за кошунство тратить столь чудесный день на унылую работу, когда можно полюбоваться красотами Мероэ? Уверен, твои дела могли бы и подождать. Сразу после завтрака, я собираюсь в Пир Ямей, крайне любопытный райончик в торговой части города. Не желаешь присоединиться? Твою очаровательную помощницу я, разумеется, приглашаю тоже.

— Прости, но я, пожалуй, откажусь, — ответила Эйтн вежливо, но твердо. — Слишком много всего нужно успеть, а у меня не так много времени, как хотелось бы.

Аверре с сожалением развел руки и понимающе кивнул:

— В этом ты целиком пошла в мать. Твоя работа — твоя единственная страсть.

Эйтн еще раз улыбнулась, но разубеждать своего родственника не стала:

— Никогда не думала, будто это отрицательная черта. — Она передала сливочник через стол Ридж. — Кроме того, ты от нее, кажется, не многим отличаешься. Во всяком случае, стремление преумножить собственную власть у вас обоих гипертрофировано одинаково.

Аверре рассмеялся:

— А твое нет?

Но тут Эйтн слегка ожгла его взглядом:

— Я никогда не возводила могущество в культ и не стремилась обладать силой, способной подчинять и подавлять всех, кого только можно. Меня интересовали только лейры, да и то лишь потому что в прошлом они уже доказали, какую опасность могут нести обществу в целом. И если вдруг такой опасности суждено повториться, я должна сделать так, чтобы Риомм был готов к угрозе.

— Стало быть, и твой интерес к Игле Дживана исключительно академический?

Но Эйтн не ответила и обменялась взглядами с Ридж.

— Кстати, — проговорил мастер, — я так и не поинтересовался о твоей новой помощнице. Не припомню, чтобы видел ее среди твоего прежнего окружения.

— Ты так уверен, что знаешь каждого? — парировала Эйтн. Она опять переглянулась с Красноволосой, а затем сказала: — Ридж для меня настоящая находка. И познакомились мы не так давно, чтобы ты успел ее заметить. Чуть меньше года назад она выступала на имперской конференции, связанной со скрытой массой. Ты, может, об этом слышал? Шесть месяцев назад экспериментально было доказано существование неких частиц силы, по природе своей очень схожих с так называемой темной энергией. Их называли реллиями. Ум и взгляды Ридж на эту тему подтолкнули меня к тому, чтобы предложить ей должность ассистентки.

— Всего лишь ассистентки? — переспросил Аверре, взглянув на Ридж. — Уверен, вы способны на большее.

Однако прежде, чем Красноволосая успела что-то ответить, он задал ей новый вопрос:

— И каковы же эти самые взгляды, уважаемая Ридж? Не поделитесь?

Опустив свою расписанную орнаментом чашку на блюде, она распрямила широкие плечи и ответила:

— Мне кажется, лейрам пора перестать считаться единственными в галактике, кто способен подчинять себе силы природы. Существование реллий или Теней доказывает, что их умения — вовсе не какой-то там дар. Лейры не уникамы, а те, кто просто додумался о, так называемых, Тенях раньше. Они такие же простые смертные, как и все вокруг. Лично мне жаль, что нам, чтобы понять это потребовалось полторы тысячи лет и бесчисленное множество невинных жизней.

Громкие слова не в меру храброй девушки поразили меня, но значительно больше, чем моего наставника, казалось, от всего сказанного получавшего искреннее удовольствие. Ужасно хотелось сделать Ридж какую-нибудь гадость, такую, чтоб у нее навсегда отпала охота не только искать ключ к разгадке силы лейров, но и вообще упоминать их имя вслух. Зато Аверре веселился от души.

— Bravo, юная леди, — он пару раз прихлопнул в ладоши. — Ваш энтузиазм достоин искреннего восхищения. Уж поверьте, немного найдется тех, кто готов говорить на эту тему

так открыто и с таким пылом, как это делаете вы.

— Все суеверные страхи — лишь порождение незнания, мастер Аверре, — гордая собой отозвалась она, стрельнув в меня взглядом. — Когда-то лейры были могущественны, но теперь они кажутся мне не более чем вымирающей сектой философов.

Негромкий звон возвестил о лопнувшем бокале для воды, стоявшем возле Ридж.

Повисла пауза. Все как по команде уставились на меня. А я смотрел только на мокрое пятно, медленно расползавшееся во все стороны по белоснежной скатерти, и еле сдерживался от того, чтобы не разметать хрустальные осколки по всей столовой.

— Прошу прощения, — тихонько проговорил я.

— Теперь я вижу, почему Эйтн наняла вас к себе, — заговорил Аверре, словно беседа не прерывалась, но улыбка его магическим образом исчезла, и следующие слова он произнес уже совершенно серьезно: — Однако дам вам один совет, барышня: мудрый человек знает, что обсуждать вещи, о которых понятие имеешь весьма отдаленное — дурной тон. Нелепо считать, будто технический прогресс и научные достижения подарили вам возможность раскрыть все тайны Вселенной. Возросший эгоцентризм большинства разумных рас заставляет забыть, что для окружающего мира, они не менее ничтожны, чем те же муравьи. Полученные доказательства существования реллий — слово-то какое придумали! — еще не дают право судить о том, будто кто-то проник в их суть. И поэтому, Ридж, если нетрудно, постарайтесь о Тенях при мне больше не упоминать.

Скажу, что для меня было удовольствием наблюдать, как краска потихоньку сползает с лиц обеих дам. С одной только разницей: если Ридж оказалась смущена и подавлена словами Аверре, то его племянница белела от еле сдерживаемого гнева. Мне показалось, будто от ее тела исходил поток какой-то энергетической силы, сковывавшей напряжением всю столовую. Даже Батулу стало заметно не по себе.

— Из каждого правила есть исключение, дорогой дядя, — тоном каменного цветка произнесла Эйтн, положив салфетку на край стола. Она встала: — Благодарю за завтрак. Все было... замечательно.

Все еще словно невидимыми нитями опутанные ее волей, мы поднялись тоже.

— Надеюсь, что он будет не последним, — отозвался Аверре, натянуто улыбаясь в ответ.

Не ответив, Эйтн лишь пожала плечами и увела Ридж за собой.

— Удачного дня, — ядовито бросил я им вслед и перевел свое внимание на наставника: — Это и было то, о чем вы мне вчера говорили, мастер?

— Неприятное ощущение, правда? В Эйтн скрыта сила, которую даже я не в состоянии объяснить.

Стайка мурашек пробежала по спине, и это отбило всякое желание углубляться в подробности. На время.

— Не знал, что они остановились здесь же.

— Я и сам узнал об этом лишь вчера. Она, знаешь ли, не особо любит распространяться о своих делах, особенно при мне.

— Но сегодня, кажется, вам удалось побить все рекорды.

Аверре усмехнулся:

— Ты просто не понимаешь ее, Сет. Эйтн не испорченное политикой дитя, а идеалистка. Она всей душой верит в правильность выбранного Риоммом курса и потому слепо следует ему, не слишком задумываясь, правильно ли это на самом деле.

— Вы вроде сказали, что она умна, — напомнил я. — Разве не может она понять, что идет не той дорогой?

— Ты точно так же умен, Сет, — отозвался Аверре. — И ты точно так же веришь в правильность доктрин Бавкиды. Но уверен ли ты, что это единственный верный путь?

Ответить что-либо на это я не решился, но лишь по той простой причине, что боялся ненароком проболтаться о неведомых мастеру разговорах с Бавкидой.

— Все зависит от качества убеждений, — сказал он. — Если каждый уверен, что поступает правильно, как доказать их ошибку?

— Только примером.

— Верно, — с улыбкой отозвался наставник. — А для этого нам нужно заняться поиском Иглы.

— Но я не до конца понял, зачем империи Игла? Или они считают, что, уничтожив нас с ее помощью, сумеют воспитать своих собственных адептов, восприимчивых к Теням?

— Не могу говорить с абсолютной уверенностью, но, боюсь, что именно так они и думают.

— Если Эйтн возглавляет поиски, то почему бы не попытаться переманить ее на нашу сторону? — предложение казалось здравым. Нет на свете лучшего союзника, чем враг или соперник, а для нас Эйтн была и тем и другим.

Однако Аверре не разделял моего мнения.

— Даже для меня это было бы непросто, — ответил он. — Психически на нее воздействовать невозможно, а убедить аргументами... что ж, я пытаюсь уже не один год, но, как видишь, получается не очень. Скажи, разве тебя легко было бы переубедить отказаться от тех принципов, по которым ты существовал всю свою жизнь?

Честно попытавшись представить себе такую ситуацию, я понял, что в любом случае, стоял бы на своем до конца. Разве что возникли какие-то непредвиденные обстоятельства...

— Вот тут в силу вступает степень упрямства, — сказал Аверре. — Ты, без сомнения, верен Адис Лейр, но твой гибкий ум способен отыскивать различные решения одной проблемы, действовать строго по правилам при этом для тебя необязательно. А Эйтн — упрямец, ее твердолобая вера в собственные идеалы непоколебима, как скала. И это не единственная наша проблема, ведь она, вполне возможно, гораздо ближе к находке, чем я предполагаю.

— Думаете, Занди помогает и ей?

— Почти уверен. Его тяга к ней прошлым вечером была практически осязаемой, и Эйтн этого без внимания не оставит. Она умеет пользоваться своим влиянием на людей.

— Если это так, тогда почему он принял у себя и вас?

Аверре ненадолго задумался.

— На этот вопрос ответ дать сложнее. Но я предполагаю, что это своего рода дань памяти твоей матери. Занди сентиментален и, по-моему, старается быть честным игроком. Возможно, он полагает, что это несколько уравнивает шансы, ведь, в сущности, кто станет обладателем Иглы, его самого практически не волнует.

— Мастер, но ведь вы занимались поисками Иглы еще, когда здесь была мама! Не верю, что все эти годы были потрачены вами понапрасну.

— Нет, не понапрасну, — откликнулся он. — Есть кое-что, что стало нам известно.

— Ну и что же это? — Я затаил дыхание.

— Скажу, когда придет время, — ответил он.

— За этим вы собираетесь в Пир Ямей?

— Отчасти, да. Я надеюсь, что там вполне может оказаться разгадка.

— Мне идти с вами?

— Нет. Ты займешься наблюдением за Эйтн, как я и говорил. И, Сет, сделай это так, чтобы ни она, ни кто-либо другой об этом не узнали.

— Шпионить, значит, — недовольно пробормотал я.

— Да, — с твердостью кивнул он. — Именно так и никак иначе. Хочу, чтобы ты проследил за ней и выяснил, с кем она встречается сегодня, и о чем будет вести речь. Мне важно, чтобы ты запоминал все, о чем бы там ни говорилось.

— И как я, по-вашему, должен это сделать?

Аверре загадочно улыбнулся.

— Ну, ты же элийр, — проговорил он. — Используй свою изобретательность. Насколько я осведомлен, ты один из немногих учеников Бавкиды, кто в этом особенно отличился. И поспеши, не то упустишь!

Вернувшись в холл, я первым делом узнал у робота-портъе, не покидала ли леди Эйтн отель и, получив отрицательный ответ, отошел на диваны, откуда великолепно обозревались и лестница, и лифт, и центральный вход, так что при всем желании упустить я ее не мог. Меж тем, прикидывал в уме свои последующие действия. Аверре развязал мне руки и, разнообразия ради, я не собирался его подводить. На самом деле, несмотря на все свои заверения по поводу шпионских игр, унижающих мое достоинство, я в тайне питал особую склонность к занятиям подобного рода, хоть и не всегда готов был признаться в этом. В Цитадели алитов нередко заставляют разбиваться на группы ищек и беглецов и выпускают их на специально огороженную от хищников территорию ущелий, где каждый должен проявить усвоенные за годы обучения и тренировок знания, включая навыки преследования жертвы и умение скрываться. Не стану хвастать своими достижениями, но играть против меня желающих, как правило, набиралось немного. Собственно, поэтому те трое и мстили мне, когда бросили в пещере...

Разумеется, то, что предстояло мне сейчас, игрой уже назвать было трудно, и все-таки суть почти не менялась. Одна беда — я все никак не мог придумать способ, который позволял бы мне следовать за Эйтн по пятам, оставаясь при этом незамеченным.

Некто теплый и пушистый неожиданно потерял о мою ногу. Опустив взгляд, я увидел мурлычущего гокки, одного из тех вездесущих питомцев, которыми окружила себя Лита. Тварюшка подняла свою заостренную мордочку, взглядом большущих черных глаз умоляя взять ее на руки. Подобрал ее, я погладил пеструю плюшевую макушку. В ответ, звереныш довольно прищурился и негромко заурчал. Еще одно доказательство того, что у природы тоже есть чувство юмора, по моему мнению, заключалось в том, что на каждой пригодной для жизни планете, среди бесконечного многообразия удивительных форм жизни, всегда можно найти создание, почти идентичное боиджийским гокки.

Убаюкивающее мурлыканье тварюшки заставило бурный поток моих мыслей течь медленнее. Как сказал один мудрец, у каждой задачи, существует несколько решений, но не обязательно ломать голову в их поисках. Они сами придут к тебе. Главное, не прозевать, когда это случится.

Что ж, в этот раз мудреца можно и послушать.

Продолжая почесывать питомца Литы, я почувствовал, как уверенная улыбка медленно наползает на мое лицо.

— Кажется, — тихо проговорил я гокки, — придумал.

Среди тех, кто становится лейром, нет особой генетической предрасположенности или метки, открывающей доступ к невидимым токам Теней, струящимся сквозь пространство. Для того чтобы почувствовать, а затем и прикоснуться к их течениям, будущий лейр должен пройти сложный и крайне опасный процесс психической подготовки, и на это, как правило, уходит несколько месяцев. Сам процесс включает в себя применение особых препаратов, которые на генетическом уровне преобразуют тело и разум алита, делая его более устойчивыми к безграничной мощи Теней, мгновенно накрывающей с головой. Тогда-то лейры и теряют способность к самовоспроизведению. Мало кто справляется с такими нагрузками. Но те, кому это удается, обретают способность разделять свое сознание на

части, чтобы лучше удерживать контроль над текущей сквозь космос энергией.

Элийры же пошли дальше. Они научились заставлять части своего сознания работать почти независимо друг от друга. Это не только значительно повышало качество мышления, но и позволяло внедрять одну часть себя в чей-нибудь разум и таким образом путешествовать вместе с ним. Правда, лишь на расстояние, ограниченное радиусом психических возможностей самого элийра. К примеру, мой собственный диапазон с трудом превышал двести метров.

Стоит добавить, что ощущения при этом испытываешь не самые радужные, но куда ж без побочных эффектов? Временная дезориентация, кошмары по ночам и периодическая головная боль обеспечены. Но это только когда захватываешь сознание равного себе по интеллекту субъекта. Проникновение же в животных, как правило, проходит практически без последствий. Разве что, некоторый дискомфорт из-за непривычного строения тела и органов восприятия...

Я с интересом поглядывал на блаженствующего в кольце моих рук гокки и едва не прозевал объект своего наблюдения: в темно-сером дорожном плаще, скрыв лицо под капюшоном, леди Эйтн, на удивление без присмотра Ридж, промелькнула в вестибюле и исчезла у выхода.

Медлить было нельзя, но я и сам удивился, как неожиданно легко все получилось. Без обычных потуг, я расщепил свое сознание надвое и, направив его по тоненьким струнам Теней, скользнул под оболочку животного — гокки даже пикнуть не успел.

На несколько секунд мое внимание рассеялось, все органы чувств ослепли. Я невольно опустил руки; не менее дезориентированный зверек, пошатываясь, спрыгнул на пол и потряс головой. На секунду оба потеряли нить происходящего, но почти тут же собрались воедино, вернее, раздвоились. Было немного странно и непривычно смотреть на себя со стороны. Теперь главное не отвлекаться на мелочи, чтобы не потерять концентрации. Сверкнув глазками, я в кошачьем воплощении бросился к выходу. Дав самому себе несколько секунд форы, чтобы расстояние между мной и гокки не превысило допустимой нормы, и связь не истончилась и не разрушилась, заторопился следом. Дискомфорт и ноющая боль сначала мешали мне двигаться ровно, но позже пришла и привычка.

Проскочив в щель между закрывающимися дверями, я в теле гокки проворно сбежал по ступенькам на мостовую, когда Эйтн забиралась на заднее сиденье аэротакси. Времени на раздумья совсем не оставалось. Стремглав бросившись к машине, мне удалось никем незамеченным вскочить на подножку — места здесь было как раз, чтобы уместился кто-то моего нынешнего размера, — и таким образом продолжить преследование.

— Переулок Джиптан, пожалуйста, — услышал я команду Эйтн пилоту.

— Как скажете, мадам.

Не самый старый, из виденных мною в Мероэ, флаер, тронулся с места не сразу, но раскачавшись, стремительно помчался мимо строений, унося с собой прижавшегося к корпусу пушистого зверька. Стоя на вершине ступенек, я слышал и видел все, как если бы присутствовал там физически. Оставалось лишь решить, как выдержать оптимальное расстояние между двумя воплощения моего «Я», не позволив нарушиться связи и не дать Эйтн себя заметить. Но сегодня удача мне явно благоволила: прямо напротив отеля притормозила знакомая летающая карета.

— Эй, подбвосить? — физиономия рикши расплылась в беззубой улыбке.

Буквально спорхнув по ступенькам, я быстро забрался на сиденье.

— Следуй за той развалюхой.

— Покативи, двуг, — что-то где-то надавив, рикша рванул с места, словно гоночный. — Погоня иви свежка? — он уже успел аккуратно присесть первой машине на хвост, и потому позволил себе поинтересоваться. — Есви певвое, то стоиво бы газку пвибавить.

— Не то и не другое, — ответил я, натянутый как струна — почти все внимание уходило на то, чтобы не дать гокки свалиться с подножки. — Держись на расстоянии, но так чтобы в глаза не бросаться.

— Да без пвобвем!

Аэрокар Эйтн двигался так, будто она намеренно хотела запутать вероятных преследователей, но для меня это большого значения не имело, ведь я и так дышал ей в затылок, причем почти буквально. В какой-то момент пришлось сказать рикше, чтобы шел параллельным курсом — движение в городе было вялым, и лишний раз попадаться на глаза было ни к чему. Управляя животным, я в точности знал, каким путем лучше двигаться.

Когда, наконец, преследуемое такси сбавило скорость, готовясь к остановке, я попросил притормозить на противоположной улице, одновременно заставив подчиненного своей воле гокки спрыгнуть с подножки флаера Эйтн.

Побуждаемый мною, бесстрашный зверек совершил изящный скачок, мягко приземлившись на четыре лапки, и засеменял следом за машиной. Такси Эйтн остановилась у захудалой забегаловки, с невзрачной вывеской, гласившей: таверна «Тибо». Расплатившись за извоз, она выбралась из машины и подошла к грязному обшарпанному входу. С моей нынешней позиции ее лицо просматривалось прекрасно. Ни один мускул на нем не дрогнул, когда, взявшись рукой, обтянутой в бархатную перчатку за сальную ручку, она толкнула громко скрипнувшую дверь.

Войти внутрь Эйтн все же не успела: навстречу ей выросла высокая широкоплечая фигура графа Занди. Только сейчас его было практически не узнать: роскошные и дорогие одежды он сменил на какую-то невзрачную домотканую робу, подпоясанную потертым кожаным ремнем. Волосы и большую часть лица он прятал под серым куском ткани, намотав его вокруг головы на манер тюрбана. Даже на ноги он не поленился нацепить сандалии. Глянешь издали — вылитый труппный попрошайка.

Быстренько перехватив руку девушки, граф отвел ее в сторону и приветливо улыбнулся.

— Кхамейр? — удивление в голосе Эйтн подсказало, что о таком маскараде она не была предупреждена заранее. — Что это с вами?

— Не надо имен, — понизив голос, перебил ее Занди. — Без маскарада невозможно было бы выбраться из замка. — Он быстро окинул улицу взглядом — не следит ли кто.

Ах, если бы только гокки умели улыбаться...

Парочка стояла под козырьком таверны, и граф все еще держал Эйтн за руку, пока та не попросила ее отпустить. Я порадовался, что хоть она смогла догадаться, как нелепо и броско они смотрелись сейчас вместе: королева и нищий. Все-таки Занди надо было быть посдержанней в выборе наряда для конспирации. Не будь улица пустынна, все только бы на них и пялились.

— Мне кажется, лучше отсюда уйти, — предложила Эйтн. — Пока никто нами не заинтересовался.

— Разве меня кто-нибудь в этом наряде узнает? — удивленно поинтересовался граф. — Но если хотите, мы можем зайти внутрь. Здешний бармен — мой старый приятель, уж он нас не выдаст, поверьте.

— Не знала, что вы водите дружбу с кем-то за пределами замка.

— Вы многого обо мне не знаете, миледи, — обнажив белоснежные зубы, улыбнулся он, отчего сидящий неподалеку гокки, совсем по-человечьи фыркнул. — Прошу. — Занди толкнул дверь и посторонился, пропуская даму вперед.

Не ответив на его улыбку, Эйтн скользнула внутрь. Не способный в своей нынешней ипостаси выругаться, я бросился к двери, но граф ногой преградил мне путь, отправив гулять дальше.

Вот тебе и пожалуйста — выяснил все, что хотел. Надо было вселиться в муху или еще кого-то столь же мелкого...

Быстро оббежав строение, я обнаружил в заднем дворике открытое окно и без промедления скакнул на подоконник. В подсобке никого заметно не было. Бесшумно соскользнув внутрь, я быстро-быстро засеменял по полу маленькими лапками, надеясь, что никому не попадусь под ноги. Но мне все еще везло и в зал, где за маленькими столиками сидели местные выпивохи, я проник незамеченным. Народу в таверне оказалось немного, и большинство к человеческой расе не принадлежали. Не тратя времени на излишнее разглядывание посетителей, я окольными путями, пролезая под столами, мимо табуреток и обутых в грязные башмаки ног, приблизился к интересующей меня парочке, выбравшей местечко в самом углу бара подальше от света засаленных ламп.

— Выпьете чего-нибудь? — спросил Занди, когда я приблизился достаточно, чтобы слышать все четко.

Эйтн отказалась, но граф настоял:

— Пейте, иначе на нас точно обратят внимание.

— Хорошо. На ваше усмотрение.

Занди встал и отошел к стойке. Пока он был занят заказом, к Эйтн приблизился совершенно бандитского вида тип и, безобразно скалясь во все свои два ряда сгнивших зубов, поинтересовался:

— Красавица вроде тебя не должна скучать в одиночестве. Угостить чем-нибудь? — Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно уселся на место, которое только что оставил граф. — Поскучаем вместе.

Глядя снизу вверх на вонючего малого, с челюстью похожей на пасть катраны и мощными обезьяньими лапами, я начал сомневаться, что Занди, даже если сейчас вернется, сможет что-нибудь с ним сделать. Наглый головорез не выглядел тем, кого можно было запугать регалиями — прихлопнет и рта раскрыть не успеешь. Я, честно говоря, занервничал, так что даже шерстка на загривке гокки встала дыбом. Что станет с Занди, меня не очень волновало, но за Эйтн я, почему-то, переживал.

Даже если сейчас брошу рикшу и на всех парах помчусь сюда, вряд ли успею раньше, чем их обоих начнут выносить...

Тихой серой тенью перебравшись под соседний столик, я смог видеть Эйтн, чье лицо просто поражало своим спокойствием и холодностью.

— Скучать я предпочитаю в одиночестве, — тихо произнесла она. — А те, кто мне мешает, очень часто заканчивают свои дни гораздо раньше отпущенного им срока.

Несчастный мордоворот, казалось, даже не понял, что произошло. Под гипнотическим взглядом Эйтн, он весь как будто усох, вмиг позабыв, зачем вообще подошел к ее столику. Однажды уже испытав на себе сокрушающую силу леди Аверре, я мог лишь посочувствовать бедняге. Вмиг растеряв весь свой крутой нор, инопланетник, пробормотав нечто

нечленораздельное, поспешил обратиться восвояси.

Спустя пару секунд вернулся ни о чем не подозревающий Занди с двумя бокалами выпивки.

— Можете не пить, если не хотите, но, хотя бы, делайте вид, — посоветовал он, снова устраиваясь на своем месте.

Мудро умолчав о происшествии, Эйтн предложила перейти сразу к делу.

— Что ж, воля ваша, — без энтузиазма согласился граф. — Но прежде, чем мы начнем, я бы хотел знать, известно ли мастеру Аверре о том, что я вам помогаю?

— Я ему не сказала, если вы об этом, — ответила Эйтн. — Однако не сомневайтесь, он сам догадается. Но ведь вы и ему тоже помогали?

— Мы знакомы с ним уже довольно давно, и я не видел причин, по которым должен был бы утаивать от него то, что известно мне, — Занди отпил из кружки и дал знак Эйтн повторить за ним. — Не скажу, что сведения эти весомы — так, общие данные, не более того. Честно, они едва ли приблизят его к артефакту.

— Но сам он так, по всей видимости, не считает, — заметила она.

— И это хорошо, разве нет? — улыбнулся он.

— Несомненно, если у вас есть что-то более, что значительно продвинет меня в тех же поисках.

— Как я уже сказал, самому мне известно мало, однако я знаю кое-кого, давно занимавшегося этой тайной. Собственно, ради знакомства с ней я и предложил вам встретиться сегодня.

— С ней? — переспросила Эйтн, чуть изогнув бровь.

— Ее имя — Аманра. Она что-то вроде местной гадалки, колдуньи. Но в городе ее многие знают. Я уверен, она — та, кто может вам помочь. Если согласны, я вас представлю.

— Вы так в ней уверены?

— Уверен, миледи, уверен. — Граф опрокинул в себя остатки пойла. — Идем. Мой флаер уже ждет.

Они одновременно поднялись и, не привлекая более ничьего внимания, направились к выходу. На этот раз бегать окольными путями мне не пришлось: чтобы поспеть за ними, я нагло бросился под ноги собравшейся покинуть бар парочке.

— Это еще что? — выругался Занди, едва не споткнувшись. — А ну, брысь!

Быстро юркнув наружу, я спрятался в высокой траве, засорившей газон вокруг таверны. Высунув свою вытянутую мордочку из густых зарослей, наблюдал за тем, как Эйтн, а следом за ней и граф, усаживаются в притормозивший на противоположной обочине флаер. Лицо пилота отсюда разобрать было трудно, но я не сомневался, что это Изма. Кому еще граф мог бы довериться, ускользая из замка?

Я знал, что на этот раз мне нипочем не угнаться за ними, и потому решил больше не мучить бедное животное, разорвав с ним связь. Возвращение в собственное тело было сродни погружению в нирвану, но лишь на первые пять секунд. Я едва только дух перевел, как голову пронзила почти нестерпимая боль, будто каленым железом проткнули.

— Эй, павень, тебе пвохо? — толкнул меня в плечо рикша. — Хвеново выгвядишь, ты знаешь?

— Знаю, — не глядя на него, ответил я, продолжая думать о том, как бы не упустить теперь Эйтн из виду. Единственная зацепка, которая у меня была — имя какой-то гадалки. Хм, докатились... Но Занди сказал, ее многие знают. — Отвези меня к Аманре.

Несколько секунд рикша смотрел на меня, хлопая своими водянистыми глазками, точно в первый раз увидел. Потом спросил:

— Ты откуда свавився, двужок? Ах, да, я и забыв, что ты неместный. Не мое это дево, но зачем тебе понадобилось соваться к этой ведьме? Не вез бы ты туда, товько пвоблем себе наживешь.

— Посмотрим, — сказал я и постучал по счетчику. — Вперед.

Лететь пришлось куда дольше, чем предполагалось вначале. Жилище Аманры оказалось на самой окраине города, занимая нижний уровень отвесной скалы над самой кромкой лесного массива. Тут обнаружилось целое гнездовье мелких красноперых птиц с блестящими изогнутыми наподобие сабли клювиками. Даже, несмотря на скромные размеры, клюв придавал каждой птахе довольно воинственный вид. Сам ведьмин домик был в еще более плачевном состоянии, чем я ожидал, хотя, после убожества таверны, хуже, казалось, быть просто не могло. Облупившиеся стены похожего на выросший из скалы лишай дома сплошь покрывала колония мха, маленькие окна оказались наглухо заколочены, видимо, чтобы не проникал солнечный свет, которого, кстати говоря, тут и без того было немного. Входа с этой стороны улицы не наблюдалось, и я решил за лучшее укрыться уровнем выше, о чем и сообщил рикше.

— Звя ты туда суешься, павень, — не прекращая, бубнил себе под нос он. — Ой, звя.

Я отсчитал ему положенную по тарифу сумму:

— Спасибо.

— Стванный ты какой-то, честное свово. — Оставив меня в густой тени высокого здания, выстроенного аккуратно над домом этой самой Аманры, рикша, не задерживаясь, убрался восвояси.

Новый дом казался не более жилым, чем убежище ведьмы, но выглядел куда внушительнее и опрятней. Осторожно вскарабкавшись на оконный выступ, откуда открывался значительно более выгодный обзор на дворик Аманры, я присел на корточки и принялся наблюдать: Занди и Эйтн как раз успели подъехать, вспугнув стайку клювастых птичек.

Выбираясь из флаера, Эйтн с не меньшим, чем я до этого, сомнением окинула убогое жилище взглядом. Повернувшись к графу, она задала ему какой-то вопрос. Слов я расслышать не мог, ровно, как и ответа Занди, последовавшего за загадочной улыбкой. Необходимо было срочно что-то предпринять.

Ответ, как обычно, бросился в глаза сам.

Вселиться в птичьи мозги оказалось в разы проще. Пролетая красной молнией мимо меня, она даже не почувствовала, как стала марионеткой в чужих руках. Правда, тут же камнем рухнула вниз и, если бы я вовремя не сумел сладить с умением летать, осталась бы она лежать маленьким мокрым пятнышком на засыпанной мусором улице.

Сделав небольшой круг в стане своей стайки, управляемая мной птичка опустилась на перила ведущей в дом ведьмы лесенки.

— Не похоже, что здесь кто-то живет, — проговорила Эйтн, не заметив или сделав вид, что не заметила, странного взгляда, брошенного на нее Занди.

— Эйтн, вам ведь известно, что Бойджия переживает не лучшие времена. Далек не лучшие. И с каждым днем это становится все заметней, особенно в таких местах, как это, — он кивнул в сторону лачуги. — Когда-то мы были впереди, когда-то мы диктовали свою волю многим секторам галактики и даже Риомм прислушивался к мнению Мероэ. Но эти

времена давно прошли... Слишком давно, чтобы даже вспоминать о них. Много поколений моих предков сменились с тех пор... Не думайте, пожалуйста, будто я оправдываюсь, но когда пришел мой черед править, изменить что-либо было уже слишком поздно. Это болезнь, которая разрушила нас до основания. Люди разлетаются, кто куда, остаются лишь самые упрямые или те, кто потерял веру в жизнь и их не заботит собственное будущее.

— Так вы обвиняете в этом Риомм? — Птичка негромко чирикнула, а я улыбнулся, когда услышал в голосе леди Аверре знакомые стальные нотки.

— Нет, разумеется, — легкая улыбка Занди незаметно растворилась, сменившись привычной угрюмостью.

— Тогда в чем причина?

— Сейчас вы узнаете. — Он жестом предложил ей пройти вперед к дому. — Идемте, Эйтн, и не бойтесь. Вы получите ответы на свои вопросы.

Если Эйтн о чем-то и беспокоилась, то прекрасно скрывала это. Поднимаясь по ступенькам, она подала графу руку. Тот опять улыбался. Оба не замечали еще более бесстрашной птички, внимательно наблюдавшей за ними буквально на расстоянии вытянутой руки.

Внезапно дверь отворилась и на порог вышла старуха. Самая дряхлая из всех когда-либо мною виденных. Сгорбленная и невероятно маленькая, едва по грудь графу, она куталась в бесчисленное количество, кажущихся такими же, как она старыми, шалей, что признать в ней человека было очень трудно. Тем не менее, она им была. Лицо — череп обтянутый бледной сморщенной кожей, большие бесцветные глаза навывкате и чуть выглядывающий из-под накинутой на голову шали белесый пушок — остатки волос. Даже не взглянув на незваных гостей, она прошаркала к болтающейся на крюке кормушке и, вытянув вперед трясущуюся костлявую ручку, высыпала что-то из зажатого в ней кулёчка на поддон. Маленькая терраска тут же наполнилась громким щебетанием слетевшихся красноперых птиц. В считанные секунды кормушка оказалась пуста, а птицы разлетелись. Молча понаблюдав за ними, старуха внимательно посмотрела на меня, изображавшего голод и скакавшего в поисках остатков корма, затем развернулась и заковыляла обратно в дом, будто никого и не видела.

— Аманра? — окликнул ее граф.

Старуха остановилась и, оглянувшись через плечо, подозрительно уставилась на гостей:

— Занди? — голос ведьмы скрипел как несмазанная петля. — А это еще кто?

Эйтн собралась было ответить, но граф ее опередил:

— Она со мной. Нам нужно поговорить с вами.

— Конечно, нужно, — сварливо отозвалась старуха. — Разве кто-нибудь приходил к Аманре просто так? Чего стоите-то? Заходите, раз уж явились. И третьего гостя впустите заодно, нечего ему на улице торчать.

Занди решил, что она об Изме, оставшемся в машине, поэтому сказал:

— Ничего страшного, подождет снаружи.

Но Аманра не удостоила его ответом, уже скрывшись внутри дома. Переглянувшись, Эйтн и Занди вошли следом. Я тоже стесняться не стал и, прежде чем дверь закрылась, алой молнией пролетел мимо графского плеча, заставив того негромко вскрикнуть:

— Что за?.. Проклятые птицы.

Мы оказались внутри темной и тесной прихожей, где единственным источником света была открытая дверь. Эйтн и Занди тут же зажали носы от накатившего смрада. Я, будучи в

теле птицы, ощущал все запахи так же хорошо, как если бы сам пришел сюда, едва не свалился в полете от мощной волны застоявшейся вони, усугубленной невыносимой духотой. Словно попали в инкубатор. Понятно, что дом никогда не проветривали. В воздухе смешались крепкие ароматы пыли, старой грязи, какой-то гнили и еще чего-то непонятного. В общем, букет был просто дивный. Чуть не наткнувшись в темноте на косяк, я, кое-как преодолевая головокружение от недостатка свежего воздуха, пролетел, видимо, в гостиную, откуда слышался голос хозяйки.

— Что вы там копаетесь? Занди, потрудись скорее закрыть за собой дверь. Проходите. Проходите же! — Удивительно, но тихое бормотание Аманры звучало со всех сторон, будто сами стены говорили ее голосом.

— К вам тут птичка залетела, — сказал Занди, провожая Эйтн в не менее темную гостиную.

— Пусть, — спокойно отозвалась старуха. В темноте ее сторбленный силуэт почти невозможно было разглядеть.

— Может, зажжете свет? — предложил граф.

— А я чем, по-твоему, занимаюсь? — ворчливо откликнулась ведьма. Что-то прошуршало возле нее, и сразу же три настольных светильника замерцали тусклым бледно-оранжевым светом. Старуха зловеще склонилась над одним из них, призрачный свет обрисовал ее угловатое лицо, еще больше подчеркнув глубину морщин. — Зачем пожаловали?

Притихший, я нашел себе вполне укромное местечко наверху огромного серванта, заваленного, как мне позже удалось рассмотреть, всевозможным хламом. Вообще, жилище этой Аманры никоим образом не походило на логово ведьмы из детских страшилок, скорее, это был дом-музей, а еще точнее — дом-сарай. Здесь все было забито самыми разными вещами: предметами мебели, стопами книг, горами посуды, каких-то старых тряпок, бумаг и склянок. В центре гостиной стоял огромный письменный стол, и на нем так же не осталось свободного места от вещей хозяйки. Кое-какие предметы напомнили мне научные приборы из лабораторий Цитадели. Здесь же был и ее компьютер: его плоский дисплей мерцал диаграммами и столбцами цифр.

Обойдя стол, старуха грузно опустилась на большое — больше ее самой, — деревянное кресло, раскинув руки по подлокотникам, и вопросительно уставилась на неожиданных гостей.

— Садитесь, — кривым пальцем она указала на старый вытертый диван по другую сторону стола.

Взглянув на диван, я подумал, что не решился бы опустить на него свое седалище — слишком велик был риск подцепить клопов или еще какую-нибудь заразу. Благо, оставаясь в образе птички, мне этого и не требовалось. Судя по искривленным губам, Эйтн целиком разделяла мое мнение, только ей деваться-то было некуда, поэтому, следуя примеру Занди, осторожно присела на самый краешек.

— Ну? — нетерпеливо спросила старуха.

Подозрительно покосившись на меня, Занди начал:

— Аманра, вы знаете, что просто так без надобности я бы вас ни за что не побеспокоил, но в деле, с которым мы к вам пришли, никто больше нам помочь просто не сможет.

— Ближе к делу, Занди, — проворчала ведьма, заерзав в своем кресле. — Уж ты-то знаешь, как я не люблю все эти виляния.

— Нам нужна информация.

— Я — не справочное бюро.

— Согласен, но кто еще знает об Игле Дживана больше вашего?

Вопрос старухе если не удивил, то позабавил. Возможно причиной тому была игра света, но мне почудилось, словно в ее глазах на секунду промелькнули желтые огоньки. Старческие морщины как будто разгладились и тут же съежились вновь, и нечто алчное появилось в выражении лица ведьмы.

— Зачем тебе это нужно? — спросила она, пристально изучая графа, затем взгляд ее перетек к Эйтн. — Ах, понимаю. — Лицо Аманры исказилось, иначе и не скажешь улыбкой. — Ну как отказать, когда дева в беде, а? Нет на свете того, кто бы устоял перед влиянием леди Аверре, не так ли, моя дорогая?

— Откуда вам известно мое имя? — спокойно спросила Эйтн. То, что старая провинциальная ведьма его знала, ее будто бы не удивило.

— Что ж, на этот вопрос я могу ответить, — гаденько хихикнув, ответила старуха. — Мне будет совсем нетрудно. Однако для вас он может стоить ответов на более злободневные вопросы. Так что пусть это будет моя маленькая тайна, ладно? На всякий случай. Ведь случай бывает всякий, не правда ли?

На безмятежном лице Эйтн заиграла ангельская улыбка.

— Расскажите нам об Игле, — попросила она.

— Собираетесь ее искать? Бросьте это дело, пока не поздно. Вы сами не понимаете, куда лезете. Никому из вас счастья это чудовищное изобретение не принесет, — слова вылетали изо рта ведьмы, будто бластерная очередь, словно она боялась не успеть сказать что-нибудь важное. — Мой вам добрый совет — забудьте о нем и живите дальше, как жили до этого, иначе сильно пожалеете о том, что вообще ввязались во все это.

Не знаю, какого эффекта старуха надеялась добиться своей пламенной речью, однако смутить графа ей удалось.

— Не понимаю, к чему вы так говорите? — нахмурившись, проговорил Занди. — От того, найдется Игла или нет, зависят миллионы жизней.

— Да неужели? — осклабилась ведьма. — Хочешь убедить меня, будто собираешься предотвратить новую войну, я права? О, цель благородная, не спорю. Да только ты сам в нее не веришь! — Тут она глянула на Эйтн: — Уж, поверьте, моя дорогая, вы не первая, кому интересна Игла. За свою не самую долгую жизнь я повидала таких же, как вы искателей с намереньями самыми, что ни на есть чистыми. Вот только намеренья эти, зачастую имеют неприятную тенденцию изменяться в самый неподходящий момент, и тогда уже становится совсем не так спокойно на душе за жизни миллионов. Кстати говоря, именно поэтому никто из искавших Иглу так до нее и не добрался.

— Хотите сказать, они мертвы? — спросила Эйтн.

— Очень может быть, что да, — ответила ведьма, взгляд ее при этом стал каким-то задумчивым. — Мертвы. Или настолько близки к смерти, что уже и сами не видят разницы. Немало народу пропало в лесах, но еще больше попросту перебило друг друга во время дележа еще не обретенной добычи. Едва ли ошибусь, сказав, что последняя смерть произошла десять лет назад — именно тогда Иглу искали в последний раз. — От этих слов дрожь охватила все мое тело и физическое, и ментальное, так что затаившая дыхание птаха неожиданно шумно дернулась на своем насесте, чем привлекла к себе внимание старухи.

Но тут снова заговорил Занди:

— Аманра, расскажите нам все, что вам известно, и уж мы решим, стоит продолжать

поиски или же нет.

Обратив на него свой, совершенно неожиданно показавшийся мне знакомым, взгляд, ведьма с насмешкой спросила:

— А почему бы мне вдруг это делать, а? Уж не из-за того ли, что меня просит сам отрок великого рода Занди?

Судя по выражению его лица, именно на это он и рассчитывал.

— Из-за твоего предка все зло в галактике! — заявила ведьма, ткнув пальцем в его сторону.

— Как так? — судя по голосу, Занди не был оскорблен или задет, скорее он удивился. — Генерал Занди положил конец войне. Благодаря ему и его находке лейры пали и наступил мир, который, смею напомнить, длится уже тысячелетие. Если бы не он, мы бы с вами, возможно, сейчас и не разговаривали вовсе.

— Ну, это логично, — громко хохотнула ведьма. — Ведь и Иглу тогда бы тоже никто не искал, разве не так?

Однако Занди так просто уступать не собирался:

— Война лейров...

— Много ты знаешь о войне! — недовольно выпалила ведьма, чуть-чуть приподнявшись в кресле. — В тех историях, коими пичкали тебя с пеленок, не было и половины правды об ужасах, которые принесла с собой та далекая бойня. Ты думаешь, твой предок вот так запросто взял и нашел Иглу, потом быстренько разобрался, как ею пользоваться и — хлоп, — война закончена, так?

Слова Аманры явно сильно смутили графа, потому что он отвернулся, сцепив перед собой ладони, и пробурчал в темноту:

— Совсем не так.

— Вот именно! Но мне интересно, что ты скажешь, если добавлю, что Игла была вовсе не средством спасения, как принято считать, а ее главной причиной? Что ты на это мне скажешь, Занди?

— Разве это возможно? — уточнила Эйтн. — Ведь до битвы при Шуоте никто и не знал о ней, или я ошибаюсь?

— Вот именно — ошибаетесь, — сказала ведьма.

Однако Эйтн это не смутило:

— А вам, откуда об этом известно?

В ответ старуха залилась утробным смехом, при этом тряслась так сильно, что я всерьез стал переживать, как бы она не свалилась с кресла.

— Ведь я — ведьма, как-никак, — сквозь смех выговорила она. — Такое от меня не скроешь.

Идеальная бровь на светлом лице Эйтн скептически приподнялась:

— Вы можете кормить этими сказками местное невежественное население, пожалуйста, я не против, но принимать меня за дуру не надо.

Присмотревшись к Эйтн более внимательно, старуха, наконец, изрекла:

— Занди, она мне определенно нравится. Давненько я не встречала такого сочетания красоты, ума и характера. — Она запустила руку в один из ящиков своего стола и извлекла оттуда горстку золотистых зернышек. Рассыпав их на столешнице, ведьма вдруг проговорила в мою сторону: — Птичка, птичка, иди-ка сюда, покушай.

— Не знал, что вы любите животных, — заметил граф.

— Птичка, птичка, не бойся, тебя никто не обидит.

Я же, склонив голову на бок, мысленно прикидывал, во что это предложение мне выльется. Со старушкой явно было что-то не так. Но вот бы знать, что именно. Из-за сил, которые тратились на поддержание связи между мной и птицей, я не мог прислушаться к Теням. Однако Эйтн, кажется, тоже заметила, что «ведьма» как-то связана с лейрами и никакой магией здесь не пахнет. Но ощущала ли Аманра мое присутствие, оставалось загадкой. И ведь не узнаешь, пока не проверишь!

Насколько это было возможно, изображая птичью нерешительность, я спорхнул с серванта и спикировал на стол прямо перед старухой.

— Вот моя умничка, — сверкнула гнилыми зубами она.

Судя по виду, эти зерна провалялись в ящике не мерянное количество времени. Придирчиво осмотрев корм, я порадовался, что переваривать их придется все-таки не моему желудку. Расковыряв горку лапкой, склевал одно-два зернышка под старухины умиленные возгласы.

— Аманра, расскажите леди Аверре, что собой представляет Игла, — сказал Занди, возвращая разговор в прежнее русло.

— Черная дыра для Теней лейров, — ответила ведьма и на следующие несколько секунд задумалась. Во всяком случае, она неотрывно смотрела на меня, разбрасывающего зерна по всему столу, а потом сказала: — Всем в Мероэ известно, что за хорошие советы, которые я даю, полагается плата. Если вы настолько хотите узнать все об этой Игле, то вам придется несколько потратиться, ибо благотворительностью я никогда не занималась.

Эйтн хотела что-то сказать, но граф ее опередил:

— Какого рода плату вы от нас ждете?

— От вас? — усмехнувшись, удивилась ведьма. — Не от вас, дружок мой Занди. А от твоей очаровательной подруги. В конце концов, это ей нужна информация. Оговорюсь сразу, что речь вовсе не о деньгах.

— Тогда, чего же вы хотите? — спросила Эйтн.

— Вы, моя дорогая, вернете мне то, что было однажды украдено у меня вашим достопочтенным дядюшкой.

Занди с Эйтн переглянулись, а я постарался не подавиться очередным зернышком.

— Аманра, вы не сказали, что мастер Аверре уже бывал у вас, — упрекнул ведьму граф.

— А какое это имеет отношение к делу? — осведомилась старуха.

— Что он у вас украл?

— Она поймет сама, когда увидит, — загадочно ответила ведьма, подмигнув. — Условие, кстати, не такое уж и невыполнимое. Я дам вам информацию, за которой вы пришли, а за вещь приду сама, но позже. Только не считайте, будто это поможет вам обмануть меня. Как и у всех порядочных ведьм, у меня есть договор, который леди Аверре подпишет собственноручно, и в случае невыполнения условий, понесет вполне справедливое и весьма суровое наказание, — она неопределенно взмахнула рукой и снова уставилась на Эйтн: — Итак, вы согласны?

— Мне кажется, приходить сюда было ошибкой, — не глядя на ведьму, сказала оскорбленная Эйтн. Поднявшись с дивана, она собралась уйти, но граф ее удержал.

— Погодите, Эйтн, — сказал он. — Давайте для начала ознакомимся с условиями договора.

На это Аманра выдала одну из своих жутких улыбок. В этот раз она дольше рылась в

столе, прежде чем извлечь на свет обыкновенную сенсорную деку и протянуть ее гостям. Приняв деку, Занди быстро пробежался глазами по тексту. Читая, он периодически хмурился и, закончив, передал ее Эйтн. Глядя на них со стола, я изнывал от любопытства.

Едва только взглянув на текст, Эйтн разразилась звонким хохотом:

— Вы это серьезно?

Может ведьма и была уязвлена такой реакцией, но внешне этого не показала.

— Абсолютно, — спокойно ответила она.

— Но это глупость какая-то! — сказала Эйтн. — С чего вы взяли, будто я соглашусь отдать вам свое тело? Умирать я, пока, не собираюсь.

— Я ни с чего это не взяла, — сказала ведьма. — Я лишь предложила выход. Вернее, один из вариантов выхода. В конце концов, вы всегда можете просто уйти и разбираться со своими проблемами самостоятельно. Да и я ведь не требую платы сейчас же. У вас будет прекрасная возможность вернуть мне украденное, оставив себя, простите за каламбур, себе. Разве это такая уж невыполнимая задача?

— Будь это просто, вы бы и сами с ней справились, разве нет?

— Нет, не справилась бы, — зло бросила ведьма и резко встала со своего кресла. У нее это получилось так легко и изящно, словно она и не была скована глубокой старостью. Неожиданно бодро Аманра заковыляла в сторону Занди, заставив меня подлететь к самому потолку. — Смотри! — бросила она, свирепо уставившись на графа и отогнув несколько своих шалей, продемонстрировала нечто, побудившее обычно хладнокровного Занди с отвращением отпрянуть на диване, едва не опрокинув его вместе с Эйтн.

С высоты затянутого паутиной и плесенью потолка, мне не было видно, что она показала ему, но неестественного шевеления под тряпьем оказалось вполне достаточно, чтобы несколько раз удариться головой о выступающую балку. Одна только Эйтн не изменилась в лице, а наоборот смотрела на ведьму с интересом человека, выдавшего и не такое.

Завернувшись обратно в свои тряпки, Аманра поковыляла назад к своему креслу.

— Что с вами?! — широко раскрыв глаза, спрашивал Занди, держась за подлокотник.

— А на что это, по-твоему, похоже, а? — обойдя стол, ведьма стрельнула глазами в сторону забившейся под потолок птицы.

— Тела небесные, да оно же шевелится! — воскликнул граф и его глаза стали еще шире. — Как такое возможно?!

А ведь мне и в голову не приходило, что такого человека как Занди можно было чем-то напугать. Его паника распространялась в воздухе как зараза и отбила у меня всякое желание сидеть поблизости с ведьмой. Только Эйтн и оставалась невозмутимой.

— Похоже на растение, — сказала она, пристально глядя на Аманру.

— Минн, — кивком подтвердила та.

— Этого быть не может! — отрезал Занди, все еще не в силах взять себя в руки.

— Как видишь, может, — ответила ведьма и снова посмотрела на меня: — Птичка, птичка, не бойся. Хочешь еще зернышек?

Она уже засыпала весь стол своими проклятыми зернами, но перебороть отвращение мне было нетрудно. Из всех инстинктов, преобладающих надо мной, сложней всего удавалось подавить любопытство, которое от увиденного только сильнее распалилось. Так что, пару раз чирикнув, я снова вернулся на стол.

— Оно живет внутри вас, я так понимаю? — предположила Эйтн, невольно

приблизившись к столу.

— С некоторых пор, оно и есть я.

Слова старухи заставили меня вспомнить о тех ужасных головах аборигенов в лаборатории моей матери и слова Занди о симбиозе растения с махди. Все на Бойджии, как будто, вертелось вокруг этого минна. Даже улики, оставленные убийцей после себя. А ведь тогда мне казалось, что хуже уже быть не может!

— Это болезнь или что? Как эта дрянь в вас оказалась и можно ли этому как-то помочь? — нервно спросил Занди.

— Помочь? — усмехнулась ведьма. — А я зачем, по-твоему, навязываю вам свой контракт? Верните то, что украл Аверре или отдайте мне тело, об остальном я позабочусь сама. Вот и все.

— Об Эйтн забудьте, — вдруг совершенно твердо заявил граф.

— Но контракт я подпишу, — неожиданно сказала девушка.

Я чуть не подавился очередным зерном, Занди выпучил глаза, а старуха опять заухмылялась.

— А ты умнее, чем я думала, — сказала она, протягивая контракт через стол.

— Вот и не забудьте об этом, — отозвалась Эйтн, приняв деку, и без лишних слов оставила внизу свою подпись. — А теперь, будьте добры, ближе к делу об Игле Дживана. — И добавила: — Пожалуйста.

— Хорошо, — забрав деку и спрятав ее в стол под замок, отозвалась Аманра. — Только предупрежу, чтоб не вздумали хитрить, потому что этот контракт — не просто файл с подписью. Любое его нарушение повлечет за собой последствия, притом, я гарантирую, что вам они не понравятся. — Она поочередно обвела взглядом гостей, включая меня, и, поскольку никто возражать не изволил, наконец, заговорила о главном: — Для того чтобы вам было проще это понять, я расскажу историю так, как воспринимают ее аборигены. Как и мастеру Аверре мне довелось немало с ними пообщаться, чтобы вывести несколько любопытных умозаключений относительно этого.

Так вот, у махди есть поверье о том, что их происхождение, как и происхождение всей системы Бойджии — не просто результат долгих лет эволюции и развития, согласно законам природы, а результат вмешательства неких божественных сил извне. Они уверены, что эти мистические силы, называйте их богами, если вам так нравится (у аборигенов для них есть свое имя), приложили руку и за сравнительно короткий срок создали не только звезду с вращающейся вокруг нее единственной планетой, но и живые организмы, эту планету населившие, в том числе и махди. Такова в общих чертах их собственная Теория всего.

Замечу, кстати, что исследования ученых подтвердили этот миф. Системе Бойджии и впрямь чуть больше восьми тысяч лет, хоть и выглядит она как вполне зрелая и естественно-образованная единица галактики. На многие годы эти открытия сделали Бойджию самой таинственной планетой, известной науке. На самом-то деле, у нее куда больше загадок, чем можно предположить, и Игла, далеко не самая большая из них.

— Вы тоже считаете, будто эти могущественные сущности были на самом деле? — поинтересовался Занди, не стараясь как-то прикрыть скепсис, звучавший в его голосе.

— Но ведь именно они и создали Иглу Дживана, — парировала ведьма. — А как еще объяснить находку генерала Занди I? Не сама же она народилась!

— Это могли быть махди.

— Ты видел их, общался с ними, даже жил на их территории. Неужели у тебя еще

остались сомнения в том, какое место аборигены на самом деле занимают на этой планете? — И, поскольку, Занди молчал, ведьма ответила сама: — Они — стражи этого мира, верные хранители того, что некогда было припрятано в его недрах их создателями. Я думаю, затем Боиджия и была создана — как некий склад, хранилище для артефактов, порожденных разумом куда более высшим, чем мы можем себе представить.

— И вы верите, что эти... боги действительно существовали? — спросила Эйтн.

Но ведьма погрозила указательным пальцем.

— Это махди могут считать их богами, — сказала она. — Еще бы, ведь они их создали. На самом деле, это могла быть просто раса очень древних и высокоразвитых существ. У большинства народов галактики есть мифы, в которых речь идет о могущественных существах из света, сошедших к ним с небес. Некоторые даже называют их по имени — юхани. В этом нет ничего принципиально нового. Просто старая история, рассказанная на другой лад. Но доказательств тому немало, так что сомневаться в их существовании не приходится.

Согласно еще одной легенде, юхани были первыми разумными существами, населявшими Вселенную непосредственно после ее зарождения. Вы ведь слышали популярную одно время теорию рождения Вселенной?

— Мы сейчас опять говорим о Тенях? — уточнила Эйтн.

— О, да, — ухмыльнулась ведьма. — Ведь согласно той теории, именно из этих крохотных сгустков энергии сформировалось все, что нас сейчас окружает. И, согласно ей же, появились юхани, являвшиеся разумными воплощениями этих сгустков.

— Чем больше я вас слушаю, Аманра, — вдруг сказал Занди, — тем сильнее мне хочется согласиться с мнением батуловского недоучки, считающего, будто Игла — это лишь сказки для идиотов.

Мне такие слова, пожалуй, могли бы польстить, скажи он их в любое другое время, однако после слов ведьмы, я уже не был так уверен в своей правоте, ибо всегда верил, что за силой лейров, способных подчинять законы природы, стоит нечто большее, чем простое стремление к власти определенной группы существ. Однако старуха на это никак не отреагировала.

— Я продолжу, если позволите, — прошипела она. — Не скованные пространством и временем, юхани путешествовали по Вселенной, постигая самые глубочайшие ее тайны. Они создавали империи, стремились к познанию себя и смысла всего сущего. Они верили, что есть на свете некто, приложивший руку к их созданию так же, как они делали это с другими. Их жажда познания уверенно стремилась к тому, что принято называть божественной частицей, а в итоге вылилась в предмет, ставший для них самих проклятьем. Да, это была Игла Дживана. Кстати, для тех, кто не знает, слово «Дживана» на махдийском означает «смерть-дух». — Граф и Эйтн переглянулись. — Странно, что ты, Занди, этого не знал. Именно создание Иглы, опять же по легенде аборигенов, повлекло за собой разделение юхани на два лагеря: ратовавших за немедленное ее уничтожение и против этого. Махди утверждают, что за этим последовала война, причем та, что произошла позже и по вине лейров, ей даже в подметки не годится. Юхани воевали столетия, пока практически не перебили друг друга. Они не гнушались использовать Иглу против своих же сородичей, что, по всей видимости, и стало причиной их вымирания.

Далее есть несколько предположений, что оказавшись на грани самоуничтожения, группка юхани приняла решение спрятать Иглу где-то в недрах Боиджии, под охраной

махди. Говорится, что потом эти юхани принесли себя в жертву в качестве платы за свою гордыню и превратились в минн. Вот, собственно, и все.

Несколько минут все хранили молчание, не решаясь нарушить тишину. Даже я, забыв о том, что претворяюсь неразумной птицей, уселся на край стола и нахохлился, поглядывая то на старуху, то на Эйтн, то на Занди.

Наконец, девушка проговорила:

— Насколько, по вашему мнению, эту легенду можно соотносить с реальностью?

Ведьма пожала плечами:

— Зависит целиком от вас, моя дорогая. У меня вовсе нет желания вас в чем-либо убеждать. Однако в существование Иглы вы же верите. Так почему не можете поверить в тех, кто ее создал?

— Потому что слишком гладко и неправдоподобно это звучит.

— Согласна, — кинула ведьма. — Но такова природа вещей. Подчас реальность оказывается куда менее правдоподобной, чем самый изощренный вымысел.

— Но вы так и не дали объяснения, по какому принципу Игла работает.

— А тут все довольно просто: она создает особые колебания в гуще Теней, заставляя их активные частицы, те самые, что и составляли сущность юхани и те же, что позволяют лейрам манипулировать ими, самоуничтожаться. Только психически активный разум, вроде самих юхани или этих... как их там... элийров! способен включить Иглу. Для всех остальных это просто бесполезная иголка, к тому же не больно острая.

— Вы верите, что Игла может быть спрятана где-то у аборигенов? — спросил Занди.

— Насколько мне известно, твой предок не оставил на сей счет каких бы то ни было ответов. Однако такое предположение кажется вполне логичным.

— Но я был у них, и ни о чем подобном не слышал.

— Вы были у махди? — удивилась Эйтн.

— Однажды, — ответил граф. — Очень давно. И больше меня туда совсем не тянет.

— Твоя беда в том, Занди, что аборигены с чужаками своими тайнами просто так не делятся, — вставила старуха. — Даже генералу пришлось попотеть прежде, чем они стали ему доверять. Но если бы ты действительно хотел помочь своей даме, то не отказался бы сопроводить ее даже к ним. Ведь именно через махди пролегает тропа, ведущая к Игле.

Если и так, то Аверре по той тропе давно уже прогулялся, подумал я, от нечего делать, начав разгребать лапками птичий корм. То, что он знал об этих легендах не хуже самой ведьмы, сомнений не было никаких. А раз так, то был ни на один шаг впереди Эйтн. Вопрос оставался в том, зачем он столько пыли всем в глаза пускал и до сих пор не воспользовался своим преимуществом? Он мог бы давным-давно заставить махди открыть ему тайное урочище Иглы, в этом я был уверен. Тогда чего он столько времени ждал? И не является ли эта его игра в поддавки чем-то гораздо более глубоким, нежели банальная жажда знаний и могущества?

Я решил, что на сегодня сказочных историй хватит, хотя не отказался бы узнать, считает ли Эйтн поведенную ей легенду достаточной, чтобы оправдать цену, которую ведьма за нее запросила. Я был бы, пожалуй, даже рад позлорадствовать над тем, как умная на вид девушка совершила такую непростительную глупость, но лимит моего присутствия в чужеродном теле подходил к концу, сопровождаемая усиливающейся болью в голове. Так или иначе, а я услышал более чем достаточно, чтобы не только позабавить наставника, но и поделиться с Бавкидой.

Мое влияние на мелкий мозг птицы истончилось, и я уже собрался вернуться в свое тело, как вдруг нечто пригвоздило меня к столу, причем в физическом и ментальном смысле.

Сначала я не понял, что произошло, и яростно задергался, издав самый пронзительный вопль, на какой только были способны слабенькие птичьи легкие. Завертев головой, я сперва увидел лица ведьминых гостей, явно так же не понимавших, что происходит, а потом посмотрел на старуху, нависшую надо мной с совершенно ненормальной улыбкой. Два тонких прозрачно-зеленоватых стебелька, усыпанных острыми шипами вонзились мне, вернее, птице в затылок, едва не прошив его насквозь. Эти стебли торчали из отворота ведьминых шалей и шевелились, точно живые.

— Вы не заметили, что привели с собой шпиона? — несмотря на отвратительность сцены, Аманра обращалась к гостям совершенно будничным тоном. — Интересно кто бы это мог быть?

Я пробовал расправить крылышки и улететь, но растительное продолжение старухи намертво оплело меня своими путами. Шипы причиняли боль, но не физическую, хоть и пронзали тельце. Боль была ментальной. Теперь я мог представить, что могло произойти, попади один такой шип в меня. Аверре не зря говорил о свойствах минна, как об ингибиторе, парализующем волю лейра. Из-за него я не мог оставить тело птицы и все, что мне теперь оставалось это кричать и биться, в тщетных попытках вырваться.

— Тихо, тихо, не верещи так, — проговорила Аманра, подтянув меня к себе и взяв в руки. Она поднесла рассыпающее яркие перья тельце птахи к самому носу, отчего я ощутил отвратительный запах смеси гниющего компоста с отработанным космическим топливом. — Ну, кто же ты у нас такой?

— Кто это? — за собственными воплями я с трудом различил голос Занди.

— Лейр, — вместо ведьмы ответила Эйтн.

— Вот именно, — сказала старуха. — И чертовски одаренный. Хотя и глупый ничуть не менее, если думал, будто я его не замечу.

— Я и не знал, что они на такое способны! — воскликнул Занди.

— А тебе и не положено, — сказала ведьма.

— Это Батул? — предположила Эйтн.

— Нет, — качнула головой старуха, все еще вгрызаясь взглядом в мой разум. — Его бы я вмиг распознала. Кого он притащил сюда с собой?

— Эпине!

Внезапно, что-то как будто ударило ведьму в живот, и она раззявила рот, выпучила глаза и втянула побего. Я представить себе не мог, что тому послужило причиной, но едва только почуял слабинку и собственную ментальную свободу, мгновенно разорвал связь и вернулся в свое тело.

Яркая вспышка молний и раскатистый гром заставили меня открыть глаза, и вяло осмотреться. Задрав голову, я увидел, что все небо заволочло черными тучами, и с их расползшихся туш вовсю хлещет ливень. Я и не заметил, как промок до нитки и не знал, сколько времени просидел вот так в беспмятном состоянии. Возвращение в собственное тело в этот раз сказалось на мне серьезнее, чем ожидалось. Меня словно через гигантскую соковыжималку пропустили. Лениво усмехнувшись этому, я решил, что подобное состояние уже становится нормой.

Тяжело поднявшись на затекшие ноги, осторожно, чтоб не поскользнуться на мокром уступе и не улететь в зеленую пучину, пролез между тонкими столбцами, поддерживающими навес, и вышел на улицу. Рикшу отпустить мне, наверное, не стоило. Слегка пошатываясь, поплелся в отель пешком.

На то, чтобы вернуться на своих двоих потребовалось немногим больше двух часов. Конечно, я мог бы подхватить по дороге какой-нибудь флаер и без лишних разговоров заставить пилота отвезти меня куда нужно. Но, во-первых, мое состояние на тот момент было слишком плачевным, чтобы усугублять его еще задачами подобными этой, а во-вторых, требовалась срочная мысленная разрядка, и способа лучшего, чем прогулка по омываемому дождем Мероэ, я придумать не смог.

Мокрый с головы до ног я шагал малолюдными проулками, стараясь лишний раз не попадаться горожанам на глаза. Город я не знал совершенно, но врожденное чувство направления вело меня верной стороной. Разум же все не желал успокаиваться, пытаюсь предугадать реакцию Аверре на ожидавшие его известия.

Я переосмысливал все, услышанное от Аманры. Пусть старая ведьма и догадалась с слезке, а Эйтн узнала меня, доказать, что-либо они, тем не менее, едва ли сумеют. О том, чем могло грозить любопытство, не выпусти Аманра меня из своих минновых силков, думать не хотелось, а вот выяснить, откуда она так много знает о лейрах, махди и остальном, было желанием практически непреодолимым. Все эти странные ритуалы и знакомства с кем-то вроде Аверре подталкивали меня к мысли, что она куда ближе к Адис Лейр, чем можно было представить вначале. Краткое упоминание некоторых событий десятилетней давности лишь добавляли веса к данной догадке. Плюс — я получил еще одну каплю информации в пустую бочку вопроса об исчезновении моей матери. Но тут, опять же, все, скорее запутывалось, чем проливалось свет. Единственное, в чем я убедился окончательно — все ниточки этой истории, так или иначе, вели в сторону дремучих боиджийских лесов...

— Куда направляемся?

Погруженный в себя я не сразу услышал вопроса, пока его не повторили уже в более настойчивой манере. Оторвав взгляд от тротуара, я уставился на притормозивший рядом знакомый флаер и на ехидное лицо Занди, видневшееся в приоткрытом окне.

— Может, тебя подвезти? Погодка-то не для прогулок.

Мысленно выругавшись, я недовольно пробурчал:

— В самый раз. Обожаю бродить под дождем.

В ответ граф хищно ухмыльнулся:

— Я, в общем, так и предположил, но леди Аверре настояла, чтобы мы остановились.

Так что прояви благодарность, сядь в машину.

Чувствуя себя до невозможности глупо, я, тем не менее, испытал легкое ощущение забавы: неужели они и впрямь предполагали, что своими играми сумеют смутить меня достаточно, чтобы признаться в том, что шпионил за ними?

— Залезай, — повторил Занди тверже. Пассажирская дверь спереди открылась.

Постаравшись скопировать ухмылку графа, я уселся справа от Измы, который всеми силами старался делать вид, что мое присутствие его никоим образом не тревожит. Обернувшись назад, я встретился с обжигающе-ледяным взглядом Эйтн.

— Привет, — сказал я. — Буду признателен, если довезете меня до отеля — мастер Аверре ждет.

— Не сомневаюсь, — проговорила Эйтн тоном, который мой затылок ощутил будто физический удар.

— Изма, вперед, — приказал граф.

Кивнув все с тем же затравленным видом, мект тронул машину с места.

— Сет, не знаю, как ты это воспримешь, но нам с леди Аверре хотелось бы с тобой кое о чем поговорить.

Чуть повернув голову в сторону Занди, я ехидно процедил:

— Я и не сомневаюсь. Ладно, задавайте свои вопросы, выбора у меня все равно, похоже, нет.

— Для чего мастер Аверре устроил эту слезку? — спросил граф. Очевидно, эта парочка заранее успела сговориться, что слово будет держать именно он.

Изо всех сил стараюсь, чтобы мое лицо не выражало ничего, кроме вежливого интереса, я спросил:

— А о чем идет речь?

— Брось, Сет! — воскликнул Занди. — Мы знаем, что ты был у ведьмы, причем чуть не попался! Давай, рассказывай!

— Вы знаете? — тут я уже обернулся к нему всем корпусом и им это, кажется, не сильно понравилось. — Не думаю, что вы хоть что-то обо мне знаете. И, кстати, вам придется постараться, чтобы заставить меня в чем-то признаться.

Тихий смешок Занди и мимолетная улыбка, промелькнувшая на лице Эйтн, заставили меня насторожиться и, как выяснилось, не зря.

— Постараться? — переспросил граф. — Например, вот так? — Эйтн передала ему небольшой лазерный пистолет, извлеченный ею из складок ее шерстяного плаща, а он упер его дуло мне в висок.

Не знаю, доводилось ли вам когда-либо испытывать на себе чувство, вызванное направленным в вас оружием, но скажу так: даже если вы лейр, это все равно, мягко говоря, неприятно. Один вид темного жерла, готового в любую секунду исторгнуть из себя кипящую плазму, гарантировано охладит пыл даже самого отчаянного задиры. Что уж говорить о провинциале вроде меня, чаще встречавшего лучевое оружие на картинках учебника, чем в жизни. Такими, во всяком случае, представлялись мне мысли в упор глядящего на меня графа: в конце концов, и лейры тоже смертны.

Жаль было его разочаровывать.

— Не думал, что наше знакомство в итоге сведется к этому, — мой голос был спокоен, хотя внутри все обрывалось: а если не получится?..

Рука Занди оставалась тверда, как и взгляд Эйтн, направленный на меня.

— Когда иные аргументы не работают, приходится прибегать к самым действенным методам. Я не могу допустить, чтобы услышанное тобой достигло ушей дяди.

Деланно усмехнувшись, а заметил:

— А, по-моему, он и без этого все прекрасно знает.

— Но только не о контракте с ведьмой, — напомнила она.

— И что? — тогда пришлось мне спросить. — Убьете меня?

Взгляд графа сделался опасным:

— Есть и другие способы заставить тебя держать рот на замке.

Я понял, что он хотел этим сказать: слабый заряд способен на несколько часов парализовать тело.

— Честно говоря, я не очень люблю боль, — признался я, простодушно заглядывая ему в глаза. Я ждал появления в них искры, сообщившей бы мне о намерении нажать на курок, и когда этот момент настал, легким теневым толчком отклонил его руку немного в сторону.

Прозвучавший выстрел был не громче пролетевшей мухи. Я щекой почувствовал его тепло, зато все остальные, едва ли успели что-то понять прежде, чем оглушенный Измарухнулся на штурвал, а лишённая управления машина резко дала крен вбок. Хвала полумертвому меройскому движению, что шедший по встречной полосе флаер был всего один, иначе вряд ли удалось бы избежать жертв. Воспользовавшись замешательством Занди, я, не дожидаясь, пока он вздумает возобновить стрельбу, выскочил на всем ходу из аэрокара и аккуратно приземлился на тротуар.

— А еще я не люблю, когда мне угрожают, — пробормотал я себе под нос, глядя, как Занди сам пытается избежать аварии, выравнивая машину.

Не дожидаясь продолжения и не разбирая дороги, я припустил в отель. О том, какими последствиями обернется для меня эта история, я, по своему обыкновению, старался не думать, но мрачные мысли волей-неволей лезли в голову. Аверре точно будет в ярости. Еще бы, ведь одним махом едва не угробил местного правителя и его собственную племянницу! Хотя, что еще мне оставалось делать? Позволить им вывести себя из игры, когда что-то, наконец, стало проясняться? Ну, уж нет! Изму, конечно, было жалко — бедняга страдает из-за меня вот уже второй раз. Однако себя я жалел в гораздо большей степени.

В отеле про мои новые подвиги еще пока никто не слышал. Проскочив незамеченным мимо стойки портье и суетившейся там Литы, я молнией взлетел наверх, где первым делом стал ломиться в дверь наставника. Я планировал доложить ему обо всем из первых уст и заодно прикрыть себе тыл. Но на стук, к удивлению, никто не ответил. Спустившись обратно, я вытянул у хозяйской дочки, сбившейся с ног в поисках одного из своих питомцев, что Аверре ушел из отеля сразу после завтрака и сообщил раньше обеда себя не ждать.

Глянув на часы, я понял, что время только-только приближалось к полудню, а это давало мне возможность осуществить идею, на которую я пытался уговорить себя еще со времени убийства в Архиве. Отсутствие Аверре на месте открывало доступ в его апартаменты, где, как я, пусть и с малой долей вероятности, надеялся, должен был храниться тот самый инфочип, что стоил госпоже ЧиЭмей ее жизни.

Возвратившись к дверям мастера, я мысленно обратился к замку с просьбой открыться. Не сумев отказать направленному на него заряженному моей волей потоку Теней, замок еле слышно щелкнул и дверь открылась.

Я и сам не знал, почему решил, будто наставник вдруг оставил инфочип здесь без присмотра, но не проверить наиболее простую из возможных версий местонахождения

вещицы не мог. Во всяком случае, это хоть как-то займет мое время в ожидании его прихода, вместо того, чтобы изводить себя угрызениями совести по поводу аварии...

На всякий случай замечу: это был первый раз, когда я без разрешения хитростью пробрался в чужое жилище, так что легкое волнение, испытываемое мной на тот момент, можно было назвать вполне уместным.

Обойдя весь номер, заглянув в ванную и в каждый из шкафов, под завязку забитых франтовскими нарядами наставника, и убедившись, что, кроме меня, в номере нет ни души, я принялся обыскивать тумбочки его письменного стола. Включил терминал, бегло просмотрел хранившиеся на нем файлы, не имевшие ни малейшей практической ценности, и разочарованно откинулся на спинку кресла: не осталось даже признака того, что этот инфочип вообще здесь когда-то был. Между тем, я предположил о наличии каких-нибудь тайников, где без труда могла оказаться спрятана столь невеликая вещица, как вдруг приближающиеся шаги по ту сторону двери, заставили меня подскочить и вырубить терминал.

Кто бы там ни пожаловал, мастером Аверре он определенно не являлся — ментальное эхо наставника я бы учуял еще с первого этажа. Поэтому, когда в замке завозились, отошел к окну, собираясь провернуть еще один трюк из нестандартного набора элийров. Суть его заключалась в том, чтобы стать невидимкой для посторонних глаз и встретить незваного гостя лицом к лицу, в то время как сам гость даже не будет подозревать о моем присутствии. Разумеется, заставить свое тело сделаться прозрачным я не мог, однако этого мне и не требовалось. Дело в том, что элийры, путем концентрации на ментальных волнах противника, при необходимости умели заставить его полностью игнорировать свое присутствие. Иными словами, они как будто превращались в предметы мебелировки: они есть, но внимания на них никто не обращает. Создавая свою небольшую касту ассасинов, Бавкида намеренно обошла правила Адис Лейр и позволила лейрам-убийцам перенять технику ментальных манипуляций элийров.

Раздался щелчок. Я застыл, стараясь лишней раз не дышать. Дверь медленно отворилась и, к моему удивлению, в комнату, уверенно ступая, вошла любезная помощница леди Эйтн. В отличие от меня, Ридж держалась достаточно свободно, словно доподлинно знала, что в комнате в этот момент никого не окажется. Я ухмыльнулся: вот ведь незадача...

Тем временем, ее острый взгляд медленно скользил по комнате, подозрительно осматривая на предмет вероятных устройств слежения. Уже одно это подогрело мой интерес почти до состояния кипения. Стоило ли говорить о том, что мне было любопытно, как Ридж удалось взломать замок? Интересно, чтобы ответила на это Лита?

Меня Ридж, как и ожидалось, не замечала в упор. Оставаясь у окна неинтересной для нее статуей, я пронаблюдал, как она, заглянув на всякий случай в ванную, подошла к столу и, очевидно с теми же намерениями, что и я, активировала терминал Аверре. Однако, вопреки моим ожиданиям, вовсе не данные жесткого диска интересовали Красноволосую. Протянув руку к клавиатуре, девушка произвела несколько быстрых манипуляций, после чего в крышке стола открылась потайная панель. Довольная собой, она извлекла из узкого компьютерного разъема инфочип.

На целую секунду я стал видимым снова, однако овладел собой прежде, чем Ридж успела что-либо заметить. Лишь приглядевшись, я понял, что чип у нее в руках отличается от того, что я доставил Аверре из Архива.

Пока я приходил в себя, Ридж успела дойти до настенных бра и отсоединила от плафона

маленькое устройство, неприятно напомнившее приспособление для скрытой видеосъемки. Уронив его в свой карман, она, отрубив компьютер, довольная покинула номер.

Новые неожиданности прибавили количество новых вопросов, но прежде чем сломать себе голову в попытке их объяснения, я, не мешкая ни секунды, ринулся вслед за Ридж.

Не представляю, каким образом Эйтн удалось поместить камеру в номере своего дяди, а самому Аверре ее не заметить. Разве что чувствительный к электронике мастер-лейр был сбит с толку местным терминалом, который являл собой одну из самых устаревших моделей и потому не был никак экранирован...

Выждав несколько секунд, дабы позволить Ридж спокойно загрузиться в лифт, я, быстрый и бесшумный, словно призрак, выскочил в коридор и помчался вслед за ней, но уже по лестнице. Цель моя на тот момент казалась абсолютно ясной: добыть чип с записью, причем прежде, чем они успеют просмотреть отснятый материал. Главную роль тут играло даже не мое чувство ответственности перед наставником, а, скорее, стремление из вредности не дать его племяннице заполучить желаемое. Встроенные в стенную панель датчики движения кабинки подсказали, что лифт остановился этажом выше, так что две-три секунды спустя я уже находился у нужных дверей. К слову, это было вовсе не трудно: Эйтн Аверре занимала мансарду площадью равной правому крылу отеля.

Без долгих колебаний я тем же способом, как до того поступил с замком мастера, отпер дверь и мигом проскользнул в прихожую, будто спроектированную специально для Эйтн. Признаюсь, что на короткое мгновение засомневался, на Бойджи ли я нахожусь, настолько утонченно, изящно и изысканно тут все было оформлено: куда ни глянь, везде цветы, бледно-золотистые стены, белые ковры и резная мебель. И нежный аромат духов...

— Мне показалось, или дверь действительно хлопнула? — раздался приближающийся голос хозяйки номера, а спустя секунду появилась она сама.

Поразившись слуху Эйтн, я, по-прежнему оставаясь незамечаемым, еще больше удивился ее внешнему виду в облаках прозрачного шифона и белого шелка, составлявших вариант домашнего облачения. Спровоцированная мной небольшая аэроавария на ней, кажется, никак не сказалась. Выглядела Эйтн, как обычно, цветущей, хоть и оставалась несколько напряжена.

Окинув прихожую быстрым взглядом, она скользнула им мимо меня и, чуточку нахмурившись, вернулась обратно. Не отставая, я прошел в просторную светлую гостиную, где, свободно расположившись на диване, восседала Ридж. Закинув ногу на ногу, она вертела в пальцах только что добытый инфочип и ухмылялась.

— Кто-то пришел?

Отрицательно качнув головой, Эйтн заняла диван напротив.

— Ну? — спросила она.

— Оно у меня, — сообщила Ридж, демонстрируя носитель. — Даже странно как-то, что твой дядя ничего не заметил. При нашей последней встрече он не показался мне таким уж никчемным.

— Ты уверена, что тайник не вскрывали?

— Абсолютно. Я специально оставила парочку индикаторов на этот случай. Оба остались нетронуты.

Эйтн кивнула:

— Хорошо.

— Кстати, — заметила ее помощница, — ты не сказала, как себя после всего чувствует

граф?..

— Он в порядке, — сдержанно ответила Эйтн. — Если бы не его реакция, все могло закончиться куда трагичнее.

— Вот уж не думала, что у этого Эпине хватит храбрости сделать нечто подобное. Ну не выглядит он как человек, от которого можно ждать неприятностей. Хлюпик. Симпатичный, конечно, но все равно хлюпик.

Оставаясь неподвижным, как соляной столп, я ухмыльнулся в ответ на эти слова. С моей позиции было видно, как сузились глаза Эйтн.

— Не стоит доверять видимости, — проговорила она, потерев пальцами необычной формы кулон у себя на шее. — Человек, внешне грозный, часто на самом деле труслив. Но Сет... время от времени в его взгляде мелькает что-то непредсказуемое и меня это настораживает.

— Настораживает? Тебя? — хохотнула Ридж, хотя слова леди Аверре поразили не ее одну. — Вот уж, не поверила бы.

Но Эйтн решила не продолжать эту тему и со значением ответила:

— Но лучше бы занялась своими прямыми обязанностями.

Ридж тут же перестала вертеть инфочип, заново и с интересом посмотрев на него:

— Думаешь, найдется что-нибудь любопытное?

— Во всяком случае, убедимся, что ничего важного не упущено.

Брови помощницы слегка подпрыгнули вверх:

— А могло быть?

— Не знаю, — после короткой паузы сказала Эйтн. — Но чем скорее мы это выясним, тем лучше.

Не став больше спорить, Ридж поднялась с дивана и направилась через гостиную в соседнюю комнату.

Собираясь тихонько проследовать за ней, дабы изъять вероятный и компрометирующий моего наставника материал, я едва успел сделать в том же направлении пару шагов, прежде чем меня остановил заданный уже знакомым ледяным тоном вопрос:

— Думаешь, я не знаю, как лейры становятся невидимыми?

Медленно повернувшись на звук, я наткнулся на тяжелый, словно пресс, взгляд Эйтн.

— Что ты здесь забыл?

Последний вопрос прозвучал мимо моего сознания, поскольку я все еще был под впечатлением ее недюжинных способностей и просто не знал, как на это реагировать.

— Нечего сказать? — пропела она, приближаясь к терминалу. — Тогда, может быть, при разговоре с полицией слова у тебя появятся? — Протянув ладонь к панели, Эйтн собралась нажать кнопку быстрого набора.

— Полицию вызывать не обязательно, — проговорил я, наконец, выйдя на середину гостиной.

Изящно очерченная бровь девушки скептически приподнялась:

— Вот как? И почему же это?

Без долгих размышлений над ответом, я выдал первое, что пришло на ум:

— Что-то мне подсказывает, причины, побудившие твою помощницу залезть к мастеру Аверре и унести из его номера инфочип, их заинтересуют куда больше.

Вопросительно-насмешливое выражение Эйтн сделалось угрожающе-холодным:

— Да ну? Сначала докажи.

— А зачем? — искренне изумился я. — Мне будет достаточно просто рассказать обо всем Батулу.

— Только попробуй!

— А иначе что? Или забыла, с кем имеешь дело? — Я будто бы невзначай взмахнул рукой, и пара драгоценных ваз позади Эйтн сорвались со своих постаментов, полетев на пол. Звон бьющегося фарфора заставил девушку обернуться, а меня — вернуть себе прежнее ощущение уверенности: — Вот незадача.

Я улыбался, пожалуй, даже слишком самоуверенно и нагло, чем следовало. Видимо, этим-то и переполнил чашу ее терпения. Из глаз Эйтн только что искры не сыпались, но это оказалось мелочью по сравнению с тем, что произошло дальше.

Подняв ладонь к шее, она одним резким движением сорвала кулон, выпустив из него что-то мелкое — не больше пары сантиметров, — и серебристо-серое. Я даже не понял, что это, пока тихо жужжащая тварь, похожая на насекомое, не метнулась ко мне.

Ни одного лейра, ясное дело, такими штуками врасплох не застать. Скорость реакции и молниеносность рефлексов были, фактически, вшиты в подкорку нашего мозга на ментальном уровне с начала обучения в Цитадели.

Но я не собирался уклоняться от твари. Я хотел сделать так, чтобы ее маленькое нашигованное электроникой тельце обуглилось прямо в полете, превратившись в горстку металлической пыли.

Но не тут-то было. Даже не отреагировав на мой ментальный посыл, эта тварь своими тонкими и острыми, как иголки, лапками, впиалась мне прямо в лицо. Вздвогнув от неожиданности и вскрикнув от боли, я дернулся, но споткнувшись о диван, рухнул спиной назад. Сделав надо мной круг, насекомое заново спикировало к моему лицу и, растопырив конечности, занесло длинное блестящее жало, собираясь вонзить его в глаз. От попыток согнать ее, тварь отбивалась вдвое яростней, но с места даже не двигалась.

— Убери это! — заорал я, когда тень Эйтн выросла надо мной, и мой свободный глаз увидел ее удовлетворение.

— Постарайся не двигаться, — сказала она и сделала что-то, а может и вообще ничего не делала, но тварь, вцепившаяся в правую половину моего лица, застыла, словно каменная. — Жало этой красавицы ядовито. Одним ударом она может пронзить твой мозг и начинить его метатоксином, который сначала блокирует ментальное восприятие, а затем парализует нервную систему. И все это сопровождается непередаваемой по силе болью.

— Убери это, — повторил я, но уже тише, хотя дрожать продолжал, точно лист на ветру.

Эйтн улыбнулась.

— Вы лейры, порой, кажетесь настолько самоуверенными, что иногда я недоумеваю, как до сих пор никто не сумел завершить то, чему генерал Занди I положил начало полторы тысячи лет назад. А ведь аборигены Бойджи не единственные, кто может противостоять вашим ментальным силам.

Вдруг оседлавшая меня тварь втянула жало и легко упорхнула обратно к своей хозяйке на шею, обратившись в тот же хромированный кулон, каким была до этого.

— Откуда у тебя эта игрушка? — спросил я, поднимаясь на ноги. Коснувшись лица, я увидел капельки крови на кончиках своих пальцев. Ранки от шести лапок оказались довольно незначительными, и остановить кровотечение было делом двух секунд.

— Я же говорила, что много путешествовала, — ответила Эйтн, любовно поглаживая

указательным пальцем кулон. — В нашей галактике есть места, где о лейрах даже не слышали, но у них существуют свои культы поклонения тем же течениям, что наделили могуществом вас. Этот кулон — подарок Верховного шамана народа курсу специально для защиты от демонов.

Ее многозначительная ухмылка разозлила меня еще больше, однако снова поддаваться горячности я не спешил, решив для начала как можно больше выяснить об этом подарке у наставника.

Силой образовавшегося между нами напряжения можно было обеспечить электроэнергией половину Мероэ. Немного разрядить обстановку удалось только Ридж, влетевшей в гостиную с криком:

— Я кое-что нашла! — Увидев меня и Эйтн, застывших друг напротив друга с далеко не дружескими выражениями лиц, она резко затормозила, выдав вопросительное: — А он что здесь делает?

Обернувшись к помощнице, Эйтн невозмутимо ответила:

— Визит вежливости.

— День добрый, — оскалился я в поддержку.

— Что ты обнаружила?

Прежде, чем ответить, Ридж подозрительно покосилась на меня:

— А это ничего, что он тут?

— Все в порядке, — кивнула Эйтн. — Ну?

— Тебе следует пойти и самой посмотреть.

— Только меня не забудьте, — проговорил я, уже стораю от нетерпения узнать, что такого смогла запечатлеть скрытая камера в номере мастера.

Будто не услышав, девицы пересекли гостиную и скрылись за дверью из рифленого стекла. Не собираясь торчать в неведении, я заторопился следом и оказался в комнате, значительно отличавшейся антуражем от прочих жилых помещений мансарды леди Эйтн. Здесь не было ни цветов, ни ваз, ни статуэток или картин, а только голые белые стены, пара шкафов, большой письменный стол и одно единственное кресло. За застекленными дверцами шкафов теснились приборы и приспособления, назначения для меня непонятного. Внешне они могли чем-то напоминать те, что были видены мной в воспоминании Измы, только гораздо более модернизированные. Над столом, рядом с лампой, висела поставленная на паузу трехмерная проекция апартаментов Аверре и фигура хозяина в ее центре. Эйтн и Ридж стояли здесь же и обе смотрели только на голограмму. Стоило мне приблизиться, Ридж нажала кнопку воспроизведения записи и изображение ожило.

— Я не вижу в этом смысла, — громкий веселый голос Аверре раздался из встроенного в стол динамика. Качество передаваемого звука и изображения оставляло желать лучшего, что, скорей всего, объяснялось примитивностью следящего устройства. Вместе с миниатюрной фигурой мастера проектор отображал некоторую часть комнаты, но адресат слов в видеоискатель не попадал. — Если бы он знал о ней, то давно бы достал и использовал. Он не из таких людей — тянуть не станет. Нашего знакомства было вполне достаточно, чтобы понять это. Я думаю, стоит еще немного подождать.

О ком шла речь, я не понимал, да и Эйтн, судя по ее напряженному выражению — тоже. Но Ридж, уже просмотревшая запись до конца, раскрывать интригу раньше времени не собиралась.

— Времени и так прошло немало, — отозвался невидимый собеседник глухим и

безэмоциональным, словно пропущенным через фильтр, голосом. — Иши требует возвращения.

— Передай старейшине, что ему не о чем беспокоиться, — сказал Батул. — Я сделаю так, что он сам придет к вам, пусть не сомневается.

— Иши вам доверяет, мастер, я — нет, — сказал таинственный гость. — Но моего мнения никто не спрашивает. Иши сказал, что дает вам еще два дня. И если возвращения не произойдет, мы возьмемся за него сами.

Прозвучавшая угроза, казалось, нисколько не повлияла на добродушие Аверре, напротив — он стал улыбаться еще шире.

— Через двое суток все будет готово, — произнес он.

— Я передам ваши слова Иши.

— Нет необходимости, — ответил мастер. — Я собираюсь сделать это сам, как только закончу здесь и навещу лавку Си-Джо.

Неприятно-злое шипение крупной посыпалось из динамика:

— Вам не будут рады, Аверре!

— Ничего. Я это переживу, — сказал мастер и взмахнул рукой. — Можешь идти.

Внезапно с изображением что-то случилось — будто волна помех пробежала, — а потом появился и собеседник, узнав которого, я едва сам не зашипел: коренастый синекожий махди со светящимися синим пламенем глазами вплотную подскочил к нему и зло пророкотал:

— Я тебе не подчиняюсь, чужак!

На что Аверре, и глазом не моргнув, спокойно проговорил:

— А мне этого и не требуется. Лучше подчинись приказу своего Иши и возвращайся к нему, пока я не потерял терпение.

Оскалившись, махди отступил на шаг назад.

— Я мог бы убить тебя, — рыкнул он. — Я бы сделал это меньше, чем за мгновение.

— Если бы сумел, — оборонил Аверре. Он лишь слегка изогнул бровь, и аборигена неожиданно скрутила жуткая судорога.

Невольно вздрогнув, я мог легко представить себе, какие чувства испытывал на тот момент туземец. Он несколько секунд извивался и корчился, ощущая острые спазмы боли и не обронив при этом ни звука.

— Не заблуждайся насчет своих возможностей, — произнес мастер, меланхолично наблюдая за корчами аборигена. — И вспомни, что ты сейчас далеко от своей деревни, так что твои обряды тебе помочь не смогут. Я повторяю: не испытывай моего терпения, а отправляйся к Кхемса и передай ему, что все идет, как и задумано. Ты меня понял?

Сквозь хрипы и еле сдерживаемые стоны, удалось разобрать нечто напоминающее согласие.

— Славный мальчик, — одобрительно кивнул Аверре. — А теперь ступай.

Стоило ему отвернуться, невидимые пути, сковывавшие махди, ослабли. Однако он не стал беспомощно валяться на ковре, приходя в себя от пережитой боли. Поражаясь силе воле махдийского воина, я наблюдал, как он медленно поднимается на ноги, сверля своим злобным взглядом затылок мастера. В какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот на него бросится, но абориген, развернулся и, будто птица, выскочил в распахнутое окно, растворившись в темноте меройской ночи.

— Вот, — заключила Ридж, остановив запись. — Что скажете?

— Когда была сделана запись? — спросил я, не дав Эйтн и рта раскрыть.

Сверившись с данными на чипе, Ридж ответила:

— День сегодняшний. Вернее, ночь.

Резко развернувшись, я вылетел из комнаты, оставив обеих девушек недоуменно смотреть мне вслед. Нужно было срочно вернуться в номер Аверре и осмотреть его на наличие семечек минна, которые мог оставить абориген. Я не верил в удачу, но в тот момент уповал на везение, как никогда в жизни, мысленно умоляя судьбу, чтобы в номере еще не успели произвести уборку. Занди не зря говорил, что у аборигенов с их растением-тотемом есть своя метафизическая связь. Найти минн представлялось мне жизненно важной задачей, ведь сумев сопоставить его с теми семенами, что были у меня при себе, я мог бы определить, сделал ли это один и тот же махди. И если — да, то личность убийцы была у меня на руках.

Лифт распахнул свои двери как раз в тот момент, когда робот-чистильщик собирался войти внутрь батулова жилища. Я нервничал так сильно, что тратить времени на просьбы и уговоры не стал и просто сшиб его с ног узконаправленной волной энергии. Робот вкатился в номер кубарем и так и остался лежать на полу — шла перезагрузка программы.

Быстро войдя следом и, прикрыв за собой дверь, я сразу же принялся искать требуемые мне улики. Но даже полчаса спустя тщательнейших поисков не принесли результатов: в комнате не было и следа минна.

Сильно раздосадованный неудачей, я уселся прямо на ковер и осмотрел номер с новой перспективой, не желая сдаваться и думая, что мог упустить. Требовалось утихомирить разум, но, взбудораженные видеозаписью, мысли не желали останавливать пробужденный ими шторм. Выводы и рассуждения рождались и умирали внутри моей головы подобно мириадам микроскопических вселенных, чьи потуги стать полноценными были обречены на провал. И чем больше я о них думал, тем сильнее запутывался, а это порождало раздражение и невнимательность к деталям. Разбираться во всем требовалось по порядку, а для этого, к сожалению, у меня существенно не хватало данных.

Если Аверре был как-то связан с аборигенами, знал ли он заранее о готовящемся на меня нападении и убийстве старухи-архивариуса? Хотел ли он, чтобы это произошло, или просто побоялся вмешаться в ход событий?

Вспомнились слова аборигена, сказавшего, что кто-то там ждет возвращения. Интересно, о каком возвращении шла речь? Уж не Иглы ли? Но если это так, то, стало быть, артефакт вовсе не у махди, как все предполагают. Тогда, где он?

Дальнейшие рассуждения на воде были прерваны Эйтн, объявившейся на пороге с претенциозным вопросом:

— Как проходит мозговой шторм? — За это время она уже успела переодеться — опять! — и сейчас стояла, облаченная в черное с синими кружевами платье. Не дождавшись ответа, добавила: — Я собираюсь навестить ту лавку, о которой упомянул дядя.

— Зачем это? — помимо воли вырвалось у меня.

Она улыбнулась:

— Надеюсь застать его там. Если помнишь, за завтраком он предлагал присоединиться к его прогулке. Я проверила — эта, так называемая, лавка находится в Пир Ямей, целом районе подобных заведений.

— Снова собираешься эксплуатировать Занди в качестве провожатого?

Девушка, как будто задумалась.

— Вообще-то, — начала она, — я подумывала, предложить эту роль тебе.

Мои брови тут же поползли вверх:

— Мне?

Эйти усмехнулась.

— Надо же, как это тебя удивило. Так привык следовать за кем-то тайно, подглядывая исподтишка? В любом случае, видеозапись дает мне право задать дяде некоторые вопросы и на этот раз отвечать ему придется. — Она обвела номер взглядом. — Ну а тебе, разве, не о чем его спросить?

— Предлагаешь сделку? — настороженно предположил я.

— Только на время, — хитро улыбнувшись, кивнула она и протянула руку.

Просто из вредности выждав несколько секунд, я не торопясь поднялся с ковра и пожал ее.

Район Пир Ямей оказался не так велик, как я себе представлял, и состоял из переплетения нескольких крупных улиц, усыпанных мелкими и средними лавочками, каждая из которых предлагала товары на любой вкус: от продовольствия до утвари, производимой местными ремесленниками и умельцами. И это было вполне естественно, что они не могли тягаться с торговыми центрами Риомма, о чем леди Аверре не преминула упомянуть. Для меня же это был мир внутри мира, забавный и, порой, интригующий, со своими правилами, моралью и тайнами. Здесь даже нашлось место для парочки ярмарочных площадей. Правда, откуда взяться такому количеству людей и нелюдей, чтобы это все окупилось, оставалось неясным. И, все-таки, народ на улицах был, и его казалось вполне достаточно, чтобы задать райончику собственный жизненный ритм.

Проезжая мимо на борту флаера, который незадолго до этого Эйтн приказала арендовать Ридж, я с интересом наблюдал, как размерено и никуда не торопясь, горожане семьями, парами или поодиночке прогуливались между лавчонок, предлагая, выбирая, приглядываясь.

— Ты точно знаешь, где эта лавка находится? — спросил я у Ридж, занявшей пилотское кресло.

Как выяснилось, Красноволосая оказалась докой не только в научной сфере, но и неплохим пилотом. Исподтишка наблюдая за тем, как уверенно она сжимала ладонями штурвал, должен был признать, я слегка завидовал таким навыкам, так как сам в этом деле почти не разбирался.

Мой вопрос стал причиной ее раздражения:

— В чем удовольствие задавать вопросы, ответы на которые смысла не имеют?

Вскользь взглянув на расположившуюся рядом Эйтн, я безмятежно проговорил:

— Смысл в том, чтобы получать удовольствие от того, как ты бесишься. — И капризно добавил: — Нельзя ли быстрее?

— А я что, по-твоему, делаю? И так на всю жму! — воскликнула Ридж, лавируя между торгующих горячими закусками рикш. — По пешеходам должна ехать?

Дать ей развернутый ответ мне не позволила Эйтн, ткнувшая пальцем в один из поворотов:

— Туда.

Красноволосая повернула, разогнав звуком клаксона группку притихших ребятишек с опаской заглядывавших в этот темный проулок.

— Прекрасное место для магазина, — проговорила она.

Уловив в ее тоне иронию, я готов был согласиться: ни один из толпившихся на главной улице горожан даже носа своего сюда показать не решался. Оглянувшись назад, я только теперь отметил, как большинство, проходя мимо поворота, перебежали на противоположную сторону площади. Никто не совался туда, куда по доброй воле явились мы.

— Ну и?.. — собрался спросить я, но не успел закончить, увидев прятавшийся в густой тени раскидистой кроны высоченного паата, за увядающими клумбами маленький и совсем неприметный магазинчик. — Это то, что нам нужно? — Изумленно приподняв брови, я оглянулся на Эйтн: — Уверены?

Однако отвечать леди Аверре посчитала явно ниже своего достоинства и, подобрав юбки, выбралась из машины и принялась осматриваться. Следуя ее примеру, Ридж заглушила двигатель и, обернувшись ко мне, поинтересовалась:

— Мне закрыть тебя здесь?

Прошипев ругательство, я тоже вылез на улицу и, приглядевшись получше, прочел на большой, обшарпанной ветром и временем вывеске: «Си-Джо. Сувенирная лавка».

— Видимо, туристический сезон закончился, — проговорил я.

— Ну да, — кивнула Ридж. — Лет эдак сто назад.

Благодаря чересчур густой листве паата, закуток в действительности выглядел на редкость зловеще, так что даже при одном взгляде на него кожа прокрывалась мурашками. Во всяком случае, у меня.

Причем от предвкушения.

Одновременно приблизившись к входу, мы вдвоем уставились на почерневшую от старости дверь с прибитой к ней табличкой «Закрето».

— А здесь ли мастер Аверре на самом деле?

Не отреагировав на бормотание Ридж, Эйтн громко постучала. Ее настойчивые удары звонким эхом отдавались в тишине по ту сторону, но никто отвечать не спешил. Темные проемы окон оставались такими же безжизненными, как будто намекая, что в лавке давно нет ни одной живой души.

Несколько раз безрезультатно дернув дверную ручку, Эйтн почти удивленно объявила:

— Заперто.

Интересно, а она чего ожидала?

Однако не для того я позволил притащить себя сюда, чтобы возвращаться с пустыми руками. Ненавязчиво оттеснив девушку в сторонку, я лишь приложил ладонь к тому месту, где только что лежала ее рука. Замок оказался проще, чем щеколда в ванной, и даже легчайшего усилия с моей стороны хватило, чтобы дверь с легким скрипом отворилась, гостеприимно приглашая нас войти в темное и мрачное помещение.

— Даже в Мероэ за такие вещи можно схлопотать немалый срок, — прокомментировала Ридж мое выступление.

— То ли еще будет, — отозвался я. — Хотя не стану возражать, если ты решишь остаться снаружи.

Сарказм в моем предложении, кажется, никто не уловил, зато леди Аверре и впрямь озаботилась им.

— Кто-то должен присмотреть за машиной, — сказала она.

— И входом, — с готовностью вызвалась Ридж, неторопливо отступая назад. — Идите вдвоем. Я дам сигнал, если что.

Нарочито громко фыркнув, я первым переступил порог Си-Джо. Но сделал только шаг и почти сразу начал задыхаться от удушающе-пряного запаха, концентрированным потоком ударившего мне в нос. Слезы тут же брызнули из глаз, и я, размахивая руками и спотыкаясь, попятился назад.

— Что?! Что там такое?! — подлетевшая Эйтн помогла мне вернуться на улицу, где ухмыляющаяся во всю ширину рта Ридж наблюдала за тем, как, кашляя и вытирая слезы, я пытаюсь привести себя в порядок.

— Ну, там и вонь!

— Что-то я ничего такого не заметила, — свысока глядя на меня, сказала Эйтн. —

Просто пахнет минном. Думаю, это сделано специально для придания атмосфере магазина определенного колорита. Занди как-то сказал, что аборигены считают, будто минн еще и отпугивает нечистых духов. — Она приподняла одну бровь. — Видимо, в чем-то они правы.

Перестав тереть распухшие глаза рукавами куртки, я зверем глянул в ее сторону, но, вместо того, чтобы как-то высказаться, заставил свой организм сократить чувствительность обонятельных рецепторов и с новой попыткой шагнул внутрь магазина. И хотя, перестать замечать специфический запах полностью мне не удалось, способность ментально контролировать восприимчивость собственного носа помогла хотя бы не задохнуться.

— Не всем сказкам можно верить, — проговорил я, наконец, сумев осмотреться.

Несмотря на царивший в помещении полумрак, каждая мелочь внутреннего антуража лавки виделась вполне отчетливо и ясно. И все же, несмотря на это, судить по первому впечатлению, чем именно здесь когда-то торговали, оказалось задачей непростой.

— М-да. Не так я представлял себе сувенирную лавку, — заглянув в одну из пыльных витрин, проговорил я вошедшей за мной Эйтн.

В витринах, если можно было их так назвать, на подставках паатового дерева под стеклом на черной, сильно истлевшей местами, ткани, красовалось, что угодно, но только не безделушки на память о Бойджии. Во всяком случае, не то, что принято понимать под этим словом. Сувениры Си-Джо имели свой специфический характер. Прочитав описание на табличке под витриной, я немного закашлялся: «Здесь хранятся ритуальные куклы, вырезанные из костей махди и расписанные заклинаниями из смеси толченых семян минна с их собственной кровью».

— Ты это видела?

Но Эйтн сказала:

— А ты сюда посмотри.

На полке в соседнем шкафчике, выполненные в виде ожерелья и сцепленные нитью, покоились сушеные головы пяти махдийских шаманов. По крайней мере, так они были подписаны.

Признаться честно, от безделушек подобного рода кровь в моих жилах стыла, и недавний ленч грозил возвратиться на свет в не самом аппетитном виде. Зато леди Аверре вела себя до неприличия ко всему равнодушно, словно ничто в этом мире уже не могло ее удивить.

Еще одну витрину целиком занимала цветущая ветвь минна с уже знакомыми мне маленькими колючими гроздьями иглообразных семян. Примечательным было то, что ни один лепесток или листик на этой ветке не был засушен. Ее словно только что сорвали с куста и положили в пыль под стекло. Табличка гласила, что эту неувядающую ветвь граф Занди I обнаружил в одном из святилищ махди, посвященному их богу Юху.

Далее на глаза попадались различные примитивные орудия труда, всевозможная домашняя утварь и боевое оружие. Длинные костяные пики, украшенные резьбой, и деревянные сабли, настолько острые, что способны с одного удара перерубить взрослого китха пополам.

— Теперь понимаю, чем это место могло заинтересовать Батула, — сказала Эйтн, не без интереса изучая коллекцию ритуальных кинжалов из дерева тонбук, как говорилось в описании, мало чем уступавшим по свойствам металлическим. Потом прервала созерцание и обратилась ко мне: — Ты ничего не чувствуешь?

Моргнув, я, не понимая, попытался уточнить:

— Что еще, кроме смрада, я должен чувствовать?

— Я читала, что лейры обладают способностью... видеть некоторые события в ретроспективе. Ты же уникал. Неужели тебе это умение неподвластно?

Не обратив внимания на снисходительный тон, я отмахнулся от ее предположения:

— Это все ерунда и сказки для идиотов.

Иногда, правда, события, сопровождавшиеся особо сильным эмоциональным всплеском, как, например, убийство, создают в потоке Теней сильный резонанс и оставляют искажение. Что-то вроде отпечатка. Но он ослабевает со временем.

— У горожан должны быть веские причины избегать этой лавки, — сказала Эйтн.

— У них есть причины избегать планеты в целом, так ведь они не берут это в расчет, — ответил я, начиная ощущать больший дискомфорт, чем обычно. И нужно же было заговорить об этом именно сейчас? Как будто мало, что я и так дышал через раз, теперь еще и зуд по всему телу усилился. — По-моему, мы зря сюда тащились. Аверре даже не пахнет.

Однако Эйтн моего мнения не разделяла:

— Погоди. Здесь должны быть и подсобные помещения. Надо их осмотреть.

— Ты думаешь? — поинтересовался я. — Лично мне ничего не надо. — Вся эта меройская возня и нехорошие предчувствия уже довели меня, вконец испортив настроение.

Смерив меня презрительным взглядом, Эйтн обошла прилавок и отодвинула плотные, слегка поеденные молью, шторы, за которыми обнаружился узкий проход и лестница, ведущая вниз.

— Нам туда, — сказала она и изящным движением руки предложила пойти первым.

С тяжелым вздохом я смотрел на ее прекрасное юное лицо, впервые остро прочувствовав, насколько оно меня бесит. И дело было даже не в том, что Эйтн мне не нравилась, ведь, в каком-то смысле, я ею, пожалуй, восхищался. Во всех смыслах она была слишком идеальна для смертной, что порой казалось непостижимым, но от этого раздражала только сильнее.

А еще я ненавидел, когда мною командуют, пусть и неявно. Поэтому, проходя мимо и заранее зная, что это не принесет результата, пытался просверлить ее разум взглядом.

— Предположу, что там темно, — сказала она, но лучше бы просто раздобыла фонарик.

Я не хотел, чтобы ей стало известно о моих мыслях, и потому промолчал.

Сплетя вокруг пальцев маленький светящийся шарик из Теней, я небольшим усилием воли заставил его плыть по воздуху чуть впереди себя, освещая, таким образом, путь. Может быть, я ослышался, а может Эйтн и впрямь была недовольна моим действием, но я не стал обращать на это внимания.

В подвале, расположенном этажом ниже, нас приветствовала тяжелая металлическая дверь, запертая снаружи на замок.

— И что? Ты все еще надеешься найти Батула там? — поинтересовался я, для наглядности подсветив старинную замочную скважину для ключа из металла, какими вот уже лет сто никто не пользовался.

Но Эйтн настояла, чтобы я открыл его.

То было дело пары секунд, за которые замок, а вместе с ним и дверь с грохотом открылись, ударившись о стену.

— Дамы вперед.

— Еще чего.

Закатив глаза, я прошел внутрь помещения, которое в свете моего импровизированного

фонаря на первый взгляд казалось складом. Но только казалось, потому что ряды металлических стеллажей, занимавших основную часть подвала, были искорежены и деформированы. Словно под воздействием очень высоких температур их мощные остовы оплавилась на месте, а некоторые так и вовсе оказались выдраны из стен вместе с крепежами. Пластиковые контейнеры и металлические ящики с экспонатами валялись по всему полу, смятые или также расплавленные.

Увиденное заставило меня замедлить шаг, и даже Эйтн показалась застигнутой врасплох.

— И ты этого не предвидел?

— Я же не бюро предсказаний! — До чего же это по-риоммски — обвинять лейров во всех смертных грехах, но в самую трудную минуту непременно ожидать от них чудес. Но, если уж откровенно, моя нынешняя вспышка была вызвана отнюдь не этим. Ведь я и в самом деле ничего не уловил, хотя из-за масштаба разрушений просто обязан был почуять неладное, стоило лишь переступить порог лавки. Могла ли вонь минна быть тому виной? Но глядя на спокойно изливающий серебристый свет шарик, отмел данное предположение. Будь это минн, а бы даже спичку не зажег.

— Есть предположения? — спросила полушепотом Эйтн.

— А чего ты шепчешь? — в свою очередь удивился я, пройдя чуть дальше за стеллажи, в самый эпицентр того, что тут произошло.

Судя по состоянию, в котором находился металл, он кипел. Застывшие лужи на покрытом трещинами полу и насквозь прожженные ящики являлись тому подтверждением, однако никакого намека на дикое буйство пламени, не было. Пожар такой силы не оставил бы от всего магазинчика даже намека. Значит, это что-то другое. А вот что именно, сказать оказалось не так уж и трудно. Только мастер уровня Батула Аверре мог бы сотворить локальный ад, подобный этому.

— Кажется, кто-то или что-то очень сильно разозлил твоего дядю, — проговорил я, склоняясь над горами пепла и не до конца истлевшего мусора. — Хотел бы я на это посмотреть...

— Да ну? — фыркнула Эйтн, приближаясь. — Думаю, они с большой радостью обменялись бы с тобой местами.

Я сначала не понял, о ком идет речь, но когда повернул голову к девушке, увидел у ее ног едва различимые в полумраке под грудой серого мусора останки. Трупов я особо никогда не боялся, но, даже не смотря на это, сердце свалилось куда-то вниз, и на лбу проступила испарина.

— Только этого не хватало.

Пока решался приблизиться, Эйтн с уверенностью заправского криминалиста подобранной ветошью смахивала пепел с конечностей, видимо, надеясь установить хоть какую-то принадлежность убиенных.

— Они еще теплые, — проговорила она, заставив меня сморщиться от отвращения.

— Ты уверена, что стоит это делать? Я думаю, лучше вызвать полицию.

— Полиция здесь мало чем поможет.

Тут я, по правде, был с нею согласен, однако озвучил иное мнение:

— Это как раз по их части.

Леди Аверре на секунду замерла, чтобы обжечь меня взглядом:

— Пока сама не выясню, что здесь произошло, ни о какой полиции речи быть не может.

Ты ведь знаешь, кто в этом виноват.

Вернув ей взгляд с процентами, я ответил:

— Вот именно. На твоём месте, выставить Батула виновным было бы вполне логично, ведь тогда бы он не мешал тебе в поисках Иглы и того, что так желает заполучить Аманра. Но почему-то ты этого не делаешь.

— Даже если бы я захотела что-то тебе объяснять, мои сомнения удержали бы меня от этой ошибки.

Хмыкнув, я решил несколько ускорить дело с раскапыванием мумий, создав ветерок, аккуратно сдувший легкий мусор и пыль с тел, коих здесь оказалось три. Они лежали так, словно их швыряли о стену с невероятной силой, как марионеток, запутавшихся в бесконечном клубке собственных конечностей. Ни пол, ни расовую принадлежность трупов определить было уже невозможно, настолько изуродовала их сила, обрушенная Аверре. Кожа вздулась и пошла пузырями, наподобие старой жеваной бумаги, пожелтевшей, а кое-где и отслаивающейся тонкими лоскутами. Тела были высохшие, точно тростник, но не съежились, как это обычно бывает, а наоборот распухли, словно расплавились вместе с металлом, потекли и небрежно застыли. Особенно жутко выглядели лица, ставшие гротескными масками агонии ужаса и боли, слепленные руками скульптора-извращенца, так что не представлялось возможным понять, где глаз, а где ухо. Представив себе тот ад, который здесь творился, я с трудом сдержал рвотный позыв. Но Эйтн этого не замечала, интересуясь только убитыми.

— Махди, — сказала она, после минутной заминки.

— С чего такая уверенность? Тел не узнать.

В ответ, Эйтн продемонстрировала мне кусочек витого ремешка, меньше всего пострадавшего от пламени.

— Это церемониальный пояс воинов махди, — сказала она. — Такую вещь у них заслужить непросто, а надевают ее, когда отправляются на особое задание.

Да, я был удивлен не меньше:

— Откуда такие познания?

— Не округляй глаза. Все это весьма подробно изложено в табличках у экспонатов наверху. И еще... — Эйтн указала на оттопыренный мизинец правой руки. — Ничего не напоминает?

Ни просто смотреть, ни, тем более, приближаться к трупам желания у меня не было, но ради того, чтобы побыстрее покончить со всем этим кошмаром, я присмотрелся. Из когтя единственного нетронутого указательного пальца одной из жертв торчал кончик миннового семечка.

Всякие сомнения отпали тут же:

— Это они.

То, что я узнал сейчас, превратило мои до этого рваные порывы в скупые и отточенные действия механизма, когда я доставал из-за пазухи припрятанную ранее капсулу с двумя другими минновыми иголками. Откупорив ее, я кончиками пальцев вытащил семечко из перста мертвеца и бросил его в склянку.

— Зачем ты это сделал? — вот теперь леди Аверре показала, что и ее время от времени можно чем-нибудь пронять.

— Собираюсь выяснить, нет ли среди этих красавчиков того, кому помешала архивариус ЧиЭмей.

— Каким же образом, интересно?

— Скажу, когда узнаю. — Неожиданно даже для самого себя я улыбнулся. — Проблема всех аборигенов в слишком большой зависимости от своего растения-покровителя. — Даже если исключить природное любопытство, меня, как лейра, интриговало могущество Аверре. Кроме того, я хотел убедиться, что не упустил из виду ничего важного. В который раз интуиция давала подсказку и как обычно, я не собирался ею пренебрегать.

Распрямившись и припрятав склянку с семенами обратно в карман, я, чтобы не спотыкаться о кучи мусора, которые здесь были повсюду, запустил светящийся сгусток энергии впереди себя. Я хотел пройти вглубь подвала, за стеллажи, которых пламя наставника не коснулось, оставив Эйтн хлопотать над трупами.

— А мне свет, по-твоему, не нужен? — спросила она, едва только я отошел.

Воздев глаза к потолку, я с обреченным видом повернулся, заставив шаровой фонарь вернуться на прежнее место:

— Не могла прихватить с собой спички?

Эйтн, кажется, что-то ответила, но на ее слова я уже не обратил внимания, полностью сосредоточившись на создании второго такого же шара из света. Однако стоило мне сделать шаг, неожиданно из глубины подвала вспыхнули, словно привидения, два светящихся синих глаза...

В жизни не испытывал страха большего, чем мне довелось ощутить в этот раз. На секунду я даже забыл, как думать, что уж говорить о способности поддерживать свет. Оба шара энергии потухли, точно свечи. Испуг заставил меня одновременно вскрикнуть и отскочить назад, но прежде, чем я успел проорать во всю глотку: — «Беги!», — два больших и холодных огонька резко метнулись ко мне.

Не могу сказать, поняла ли Эйтн мои слова, поскольку единственное, что я осознавал на тот момент, это ощущение полета и последовавший за ним удар: словно тряпичную куклу, не способную оказать сопротивления, меня швырнули об стену.

Это был колокольный звон в ушах, сдавливающая боль в груди и искры из глаз, похожие на фейерверк ко Дню Империи. А еще это была злость. Во-первых, на себя — за то, что вот уже дважды позволил поступить с собой подобным образом. Во-вторых, на Аверре — за то, что не добил уродца, как его собратьев. И, в-третьих, разумеется, на самого аборигена — за то, что решил, будто и в этот раз подобное сойдет ему с рук.

Лишь вскочив на ноги, я осознал, что нахожусь в подвале один, а с лестницы доносятся крики отчаянной борьбы. Похоже, чудом оставшийся в живых махди не счел меня достойным своего внимания и ринулся напрямик за Эйтн. В тот момент, когда унижение и боль преодолели пик моего раздражения, я решил, что больше в стороне не останусь и призраком бросился наверх.

Ворвавшись в торговый зал лавки, я стал свидетелем того, как длинные узловатые пальцы с когтями сжимали горло повисшей в полуметре над полом девушки. Сильно пораненный в схватке с Аверре абориген явно обезумел и что-то злобно шипел на собственном наречии, брызжа слюной на дорогуший наряд Эйтн. Сама же девушка отбивалась, как могла, пинала его ногами и царапалась. Она будто бы вовсе не боялась, свободной рукой шаря по полкам в поисках чего-нибудь увесистого и пригодного для удара.

Только ждать от нее чудес я не собирался.

Узел, до того стягивавшийся в центре моего нутра, с самого приезда на Бойджию, наконец, расплелся. Сосуд моего терпения лопнул, как накачанный гремучим газом пузырь.

С неистовым воплем я рванул вперед, одним прыжком преодолев расстояние в четыре метра, и сбил синекожую тварь с ног. Вцепившись в шею и волосы аборигена ногтями, я пролетел еще метр или полтора верхом на нем и врезался в стойку.

Я только и успел расслышать тяжелые хрипы пытавшейся заново дышать Эйтн, да крики спешащей с улицы Ридж, когда в голову мне прилетел удар. Новый звон в ушах и россыпь светляков заставили на мгновение потерять ориентацию, чем и воспользовался махди, снова и без особых усилий сбросивший меня с себя.

— Хватит опытов! — проорал он, а я, благодаря освещению, наконец, понял, что именно его видел на видеозаписи в номере Аверре.

Вскочив на ноги, махди кулаком разбил ближайшую витрину и вытащил оттуда один из церемониальных кинжалов. Но успел сделать лишь шаг в мою сторону, прежде чем прямое попадание из бластера, который сжимала ворвавшаяся в лавку Ридж, сшибло его с ног.

Заряд плазмы оглушил аборигена, но не убил и, даже, не парализовал. Уцепившись за стойку, туземец упрямо занес кинжал над головой, чтобы метнуть в меня.

Действуя чисто рефлекторно, я выставил перед собой ладони, надеясь, что мощная сотканная из Теней волна переломает ему ребра, но она прошла сквозь него, даже не всколыхнув почерневших ритуальных перьев на головном уборе туземца. Впервые я стал свидетелем того, что сказки Занди о невосприимчивости махди к силам лейров оказались правдой. И тут, словно молния пронзила мое затуманенное тучами ненависти сознание: если я не мог причинить туземцу вред, то, как тогда Аверре умудрился превратить его собратьев в кучу обезображенных трупов?

Я успел сгруппироваться и отскочить в сторону, прежде чем брошенный кинжал воткнулся в пол там, где только что находилась моя голова. Изменив вектор силы притяжения по отношению к своему телу, я, точно паук, прицепился к стене и с ответной злобой уставился на махди. Гнев и ненависть ко всему его роду в этот миг переполняли меня и, подобно раскаленной магме, рвались наружу. Но это был не бездумный прилив ярости, какой часто накрывает в минуты отчаянья. Это был концентрированный поток того, что принято называть темными эмоциями, и сейчас он оказался направлен на то, чтобы испепелить аборигена дотла.

Но я знал, что все мои попытки сделать это заранее обречены на провал, поэтому прыгнул снова. Быстрее, чем капелька крови упала с рассеченной скулы Эйтн, проворней, чем палец Ридж, собравшейся снова нажать на курок. Энергия, направленная внутрь меня, придавала нечеловеческую силу моим пальцам, нацеленным на горло будущей жертвы. Возможно, махди подумал, что от страха я потерял рассудок. Вероятно, он решил, будто это последний крик отчаянья, рывок к неминуемой гибели.

Может быть.

Хотя, не думаю, что он успел.

Мгновение — это отрезок времени. Сами определите для себя его рамки и сократите наполовину. Это и будет моментом смерти аборигена, когда мои руки свернули ему шею, переломив ее с такой легкостью и хрустом, каким дети разламывают высохший прут. Сраженный наповал, махди безжизненным кулом рухнул на пол и я вместе с ним, но только непосредственно на нем.

В эти последние секунды пелена гнева, застлавшая мне зрение, растворилась, явив всю мерзость совершенного только что убийства. Резко выпрямившись, я отскочил назад, возможно испугался, что он может подняться — точно сказать трудно, — но глаз отвести от

неподвижного тела с неестественно завёрнутой назад головой просто не мог. Распутавшийся вначале узел стянулся заново в два раза туже, и на сей раз виной тому послужило осознание себя как убийцы.

Я хотел убить его, и я это сделал, но вместо удовлетворения получил только ощущение внутренней пустоты, да озабоченный и, кажется, осуждающий взгляд Ридж. Сердце все еще ходило ходуном, а воздух с трудом просачивался в легкие сквозь крепко стиснутые челюсти.

Мыслями я оставался где-то далеко, пока из прострации меня не вытянул мрачный голос Красноволосой:

— Ты что наделал?

Если бы я действительно знал ответ на этот вопрос, я бы, пожалуй, даже сказал ей, но момент был неподходящий и все, что мне оставалось это обороняться.

— А что оставалось делать? — резко вскинул голову я. — Ждать, пока ты справишься со своим чертовым бластером? Нас, вообще-то, пытались убить, на случай, если ты не заметила!

Ридж опустила руку с оружием и огрызнулась:

— Я-то заметила! Только вот не собиралась марать руки в крови этого дикаря.

Я все еще оставался на взводе и потому без усилий заставил воздух вокруг Красноволосой вспениться потоками ветра — невесомый такой намек на угрозу.

Но тут вступилась Эйтн:

— Успокойтесь. — В отличие от своей приближенной, она казалась на диво хладнокровной, хотя почему меня это до сих пор удивляло, я, хоть убейте, не понимал. — Что сделано, то сделано. Нет смысла теперь препираться.

— Ты что с ума сошла? А как мы объясним все это в полиции?

Но даже одного брошенного взгляда со стороны леди Аверре хватило, чтобы Ридж замолчала.

Будь я на тот момент чуть более собран, это, возможно, показалось бы мне странным, но я не обратил на ее слова внимания, а все, что говорила и делала Эйтн дальше, лишь отчасти задевало мой занятый самокопанием мозг.

— Платье порвал. Ублюдок...

— Что делать-то будем? — спросила Ридж.

— Мы так и не выяснили, где Батул. Надо найти его.

Но на это я ответил скорее по инерции, чем осознанно:

— Что его искать? Я больше чем уверен, он у махди.

— Значит, мы должны каким-то образом попасть туда, — сказала Эйтн.

— Что значит «мы»? — удивился я новому повороту, который в свете последних событий ничуть не прибавил мне радужных чувств. — Нет никаких «нас» и быть не может. Как бы там ни было, я с вами по разные стороны.

Занятая бесполезными попытками привести свой наряд в порядок, Эйтн медленно выпрямилась и посмотрела на меня:

— Ты в этом так уверен? Взгляни себе под ноги, и если успел забыть свой подвиг, освежи память. Ты теперь, друг мой, убийца, так что не тебе вставать в позу и говорить мне, что делать. Даже интересно представить, что будет, когда полиция все-таки нагрянет сюда. Думаю, капитану Гетту будет весьма любопытно узнать, какую роль во все этом спектакле сыграл один малоопытный лейр. Что ты тогда им скажешь? Уж кого там в первую очередь станут слушать, так это меня.

Не надо особо мудрствовать, чтобы понять, какие эмоции во мне данное заявление вызвало. Со стороны девушки достаточно было не отводить от моего переменчивого лица глаз.

— Умные девочки не играют с убийцами, — мрачно сообщил я, сжав кулаки, и просто сделал шаг...

Дуло бластера Ридж сразу же уперлось мне прямо в сердце.

— Не так быстро, дружок. Мертвые убийцы обычно никого не пугают.

Медленно подняв вверх руки, я отступил на шаг назад. Ни спорить, ни пререкаться с ними сил уже не было. Кажется, последние крохи воли вытекли вместе с жизнью аборигена, изуродованное лицо которого, как я подозревал, теперь будет преследовать меня множество ночей подряд.

— Все, чего я сейчас хочу, это вернуться в отель.

В следующую секунду что-то настолько необычное промелькнуло во взгляде Эйтн, что поначалу я даже не поверил, возможно ли такое. Может быть, мне просто померещилось, но это действительно походило на сочувствие.

Она сказала:

— Что это?

Я сначала не сообразил, о чем речь, да и Ридж нахмурилась явно. Однако проследив взгляд леди Аверре, направленный на труп, увидел причину, побудившую ее задать этот вопрос.

— Сомневаюсь, что это входит в стандартное обмундирование махдийских воинов, — проговорила Ридж.

Прежде, чем кто-то из них успел пошевелиться, я протянул руку и маленький, незаметный инфочип послушно скакнул ко мне на ладонь. Край пластиковой оболочки был подплавлен, и вся она была покрыта сажей, но не узнать предмет, при схожих обстоятельствах добытый мною с тела мертвой госпожи ЧиЭмей, я не мог.

Инфочип только лишний раз подтверждал мою догадку, что все это дело рук Аверре. Вот только, каким именно образом такому опытному лейру удалось превратить в ничто сразу трех аборигенов, которым, в принципе, навредить не мог, а с одним — промахнуться, оставалось загадкой, дать подсказку на которую могла лишь она...

— Мне нужно в отель. Сейчас же!

Глава 15. Переходные моменты

Близился конец этого дня, и солнце лениво ползло за горизонт, но в комнате света оставалось по-прежнему много. Мне бы испытывать облегчение, да только куда там! После мрачного сумрака убогого магазинчика и темных деяний, совершенных в нем, ясная погода выглядела как насмешка над убийцей, больше всего мечтавшем сейчас скрыться в самой глубокой тени, какой только можно.

Два часа прошло с тех пор, как мы вернулись из Си-Джо, и я, слоняясь из угла в угол, точно запертый в клетке китх, ждал ответа с Яртеллы, который все не торопился приходить. Как будто она знала, что произошло, и хотела намеренно позволить мне лишний раз повариться в собственном соку.

Запрос на разговор с Бавкидой я отправил, едва оказавшись в номере отеля. Ни вопросов, ни возражений у Эйтн мое неожиданное требование не вызвало, разве что лишний раз заставило ее проявить удивление. В прочем, мне не было дела до чувств каменной девицы, так что вопрос относительно ее эмоций мог оставаться открытым. Только Ридж вела себя, как подобает, не стесняясь в выражениях, поведав мне обо всем, что думает по данному поводу. Моя истерика едва ли могла повлиять на ее решение, а вот приказ леди Аверре, вдруг согласившейся, что лавки с нас достаточно, не выполнить не могла.

Инфочип наставника оставался со мной; никто из дам на него претензий предъявлять не собирался. Дорогой обсуждали последующие действия. Хотя, опять же, слово «обсуждали» в данном случае не совсем подходит, поскольку я находился не в состоянии давать полезные комментарии и, глубже погружаясь в себя, пропустил мимо ушей большую часть того, что говорила Эйтн. Из сказанного я понял лишь, что полицию решили не привлекать до тех пор, пока не найдем Аверре, и если по какой-то причине капитану Гетту станет известно об убийствах в Си-Джо, мы трое неизменно будем хранить молчание. И говоря «мы трое», я не просто прибегаю к обобщению. Случившееся в лавке в каком-то смысле объединило нас. Полагаю, за спасение своей жизни Эйтн испытывала нечто вроде благодарности и тем, что не спешила отправить меня за решетку, выражала ее. А Ридж просто некуда было деваться, так как совершить что-то против воли своей начальницы для нее было равносильно смерти. Все мы, таким образом, оказались на борту одной лодки, и шаг одного за ее пределы — это шаг в бездну.

Или же мне просто так приятно было думать, ведь если Эйтн и ее помощница имели выбор, то у меня его не было. Стоило одной из них открыть рот и мой обратный путь на Яртеллу затянется очень и очень на долгое время.

А между тем, они даже не задумались о том, каким образом Аверре удалось совершить столь впечатляющее по своим масштабам и ужасающее жестокостью действие, когда я не сумел даже элементарно сбить аборигена с ног.

Невольно взглянув на свои ладони, я вспомнил, с какой чудовищной силой они сжимали шею обезумевшего махдийского воина, заново прочувствовав каждый позвонок, каждую мышцу и артерию, и то, как легко они ломались и рвались под давлением моих пальцев. Это было вдвое ужасно.

Прекратив метаться из стороны в сторону, я тяжело опустился на край кровати. Когда в дверь постучали, я подскочил, будто ужаленный, испугавшись, что это может быть полиция,

но по ту сторону оказалась только Литя. Без обычного ехидства и колкостей, и даже с надеждой, спросила не видел ли я одного из ее гокки. Я, разумеется, солгал, и вновь совесть, словно пинцетом, отщипнула крохотный, но такой драгоценный кусочек моей души. Девушка ушла вдвойне расстроенная, ну а я, будто драконами, терзаемый душевными муками, вернулся за стол, и в который раз за вечер вперился в разложенные передо мною инфочип и пузырьки с семенами минна.

Несмотря на желание, во что бы то ни стало выяснить информацию, хранящуюся внутри этого маленького носителя, я так и не осмелился подсоединить его к разъему своего компьютера. Случившееся в лавке существенно изменило мои мотивы и, путаясь в каше собственных мыслей, я боялся добавлять новые ингредиенты. Во всяком случае, до тех пор, пока не обрету хотя бы часть утраченной уверенности, а для этого я должен был посоветоваться с Бавкидой, которая спешить явно никуда не собиралась.

Но вот, наконец, замаячил долгожданный сигнал напульсника. Нажав кнопку приема сообщения, я откинулся на спинку кресла, наблюдая, как из клочков света передо мной материализуется голограмма старухи в своем неизменном плаще.

— Что такого срочного могло произойти, раз ты не мог подождать спокойно несколько минут? — лишенный всяческих эмоций голос вдруг напомнил мне, почему Бавкида считалась могущественнейшей из адептов Адис Лейр.

Но подавлять в себе раздражение оказалось слишком тяжело:

— Два часа — это не пара минут!

Даже не смотря на тень, ниспадавшую на старухино лицо, я почувствовал, как сузились под капюшоном ее глаза:

— Что произошло?

Я уже сломал себе голову, решая, как лучше всего обрисовать ей ситуацию, но подходящих слов за все время ожидания так и не нашел.

— У меня проблема возникла, — наконец сказал я.

Притворившись, что вся обратилась в слух, Бавкида позволила мне изложить ситуацию кратко, насколько это было возможно. Когда я умолк, она еще добрую минуту сверлила меня своим призрачным взглядом. Затем заговорила:

— Насколько я поняла, ты сам вполне успешно избежал связанных с этим проблем?

Я моргнул. Затем еще раз. Да ведь не о том совсем речь-то!

— Смотря, что считать под словом «избежал», — ответил я. — Эйтн Аверре пока молчит, но что будет дальше, я не знаю.

— Дальше будут ваши совместные поиски Батула. Сомневаюсь, что это займет много времени. Уверена, что насчет аборигенов ты не ошибся.

— Мне от этого намного легче, — истекая сарказмом, проговорил я. — Спасибо.

— А, — улыбнулась под капюшоном старуха. — Так вот, что тебя волнует...

Недоумение отразилось на моем лице:

— А не должно?

Она немного помолчала.

— Ты, как будто бы, забыл от кого ведешь свой род, — произнесла Бавкида с намеком на упрек. — Забыл, кем являешься, как и то, кем являются окружающие. Знаешь, сейчас я в большей степени раздосадована своим решением не привлекать тебя к учению ассасинов. Оно бы вытравило из твоего мозга всю эту дурь насчет всеобщего равенства и сострадания.

Я хотел было возразить, ведь по поводу собственного превосходства над всеми прочими

у меня никогда сомнений не возникало, но старуха не дала и слова вставить.

— Убивая таракана, ты угрызений не испытываешь. Так почему смерть какого-то дикаря должна задевать твою совесть?

— Потому что он — не таракан. — Знаю, звучит глупо, но это большее, что я мог на тот момент сказать. — Нельзя убить кого-то и ничего при этом не почувствовать. Только машины на такое способны, такие же, как те, что окружают вас денно и нощно. Я — не они! — Последнюю фразу я почти прокричал. От эмоционального всплеска заколыхались шторы.

Но Бавкиду было не пронять.

— Эмоции — дурной советчик, Сет, — тихо проговорила она. — Могущество лейров слишком велико, чтобы мы могли позволить себе такую слабость, поскольку действия, совершенные на горячую голову, очень часто приводят к последствиям самого катастрофического характера.

— Но именно эмоции и делают нас людьми, — возразил я.

— Но людьми слабыми, — добавила старуха, — не способными воспринимать всей панорамы в ее реальном виде. Я, безусловно, понимаю, что тебя тревожит, но это не стоит того, чтобы винить себя до конца дней своих.

— И что вы предлагаете? — мрачно усмехнулся я. — Просто взять и выбросить это из головы?

— А ты разве сумеешь? Сомневаюсь, — подмигнула она. — Тебе следует не забыть сделанное, а проанализировать это. Разобрать на детали, хладнокровно и без эмоций, как трупорез, проводящий вскрытие.

Я устало покачал головой.

— И как это поможет?

В ответ Бавкида совсем невесело рассмеялась:

— А ты надеешься, что есть способ облегчить твою совесть? Разочарую тебя, потому что нет такого способа. С тем, что ты наделал, тебе придется жить. Таков порядок вещей и даже нам, лейрам, никуда от него не деться.

— И это все, что вы можете сказать?

— Не будь ребенком, Сет. Прими свое деяние, как необходимость и уйми чувства, поскольку в любой ситуации они — наихудший твой советчик. Учись на примере своего нынешнего наставника. Уж он-то оставлял те трупы без малейших колебаний, и едва ли мучился совестью.

В который раз я собирался отмахнуться от такого совета, но последние слова старой лейры мне кое о чем напомнили, и я сказал:

— Не понимаю, как он мог уничтожить тех махди, если по всем законам никакой угрозы для них в нем не должно было быть. Мои усилия на аборигена не действовали! Каким тогда образом у Аверре получилось? Можете вы это объяснить?

Я ожидал, пожалуй, любого ответа, но не откровенной растерянности, которую, на моей памяти, Бавкида не проявила прежде ни разу.

— Учитывая, что существование махди само по себе есть противоречие природе лейров, у меня нет ответа на твой вопрос. Их способности поразительны и, как ты сам успел понять, несут определенную угрозу для таких, как мы. Лейры сумели подчинить себе Тени, но сути их до конца не постигли. Для большинства из нас эта материя — до сих пор самая большая тайна Вселенной. И только Аверре удалось чуть-чуть приоткрыть над ней завесу. Кто знает,

каких успехов в своей исследовательской деятельности он успел добиться, чтобы творить подобное случившемуся в подвале той лавки. Я считаю, ответ на свой вопрос ты получишь только тогда, когда найдешь непосредственно его самого.

Не могу сказать, что от общения с Бавкидой мне сделалось легче, и, тем не менее, хотя бы за попытку помочь советом, я должен был проявить благодарность. Во всяком случае, она дала мне возможность выговориться, не остаться со всем, что произошло один на один.

— Это все, о чем ты хотел со мной поговорить?

В этот момент мой взгляд остановился на склянке с семенами, оставленной на столе.

— В подвале я нашел еще одно минновое семечко. Хочу сравнить его с двумя предыдущими.

Но вместо ожидаемого одобрения, понял ее сомнение, что было несколько необычно, ведь в прошлый раз эта идея старухе понравилась.

— С таким же успехом ты мог бы собирать минн с каждого аборигена, который обитает в джунглях, чтобы исключить его из списка подозреваемых. Едва ли это самый эффективный способ найти убийцу.

— Что вы предлагаете? — скрестил я руки на груди. — Выбросить все?

— Не нервничай, Сети, — посоветовала Бавкида. — Просто побереги эти семена до своего появления на территории махди, а в это время вспомни базовые принципы метафизических связей, коим тебя учили.

Меня слегка озадачила и сбила с толку такая перемена темы. Пока что никакой логики в словах сказанных старухой я не видел, но она была уверена в том, что предлагает.

— Начало обучения, Сети. Вспоминай!

Вспомнить-то труда не составило, но увязать с тем, что нужно было мне на данный момент, я все равно не мог. Если не ошибаюсь, Бавкида имела в виду природные связи, создаваемые не лейрами, а самими Тенями в ментальной матрице пространства. Только как это могло помочь, если на руках у меня не было ничего, кроме парочки высохших минновых зерен, коих вряд ли теперь родная земля примет. Но тут мое сознание, слегка заторможенное ставшими в действительности лишними переживаниями, принялось выстраивать логическую цепочку, которая мало-помалу привела к верному решению.

Склонив голову на бок, Бавкида поинтересовалась:

— Сообразил?

— Природные связи не ограничены во времени и пространстве, — затараторил я, опасаясь потерять мысль. — В отличие от тех, что создаем мы сами. Они как путеводная нить, вшитая в само сущее. Если отделить часть целого и унести его на другой конец планеты, связь не истончится, а останется прежней. Направив эхо по такой нити от семени минна к носителю основной ветви, я найду убийцу!

— Я в тебе не сомневалась, Сети, — с излюбленной ноткой сарказма проговорила старуха. — Искренне надеюсь, что тебе это поможет.

А уж как я на это надеялся!

— Полагаю, это все?

Я несколько неуверенно кивнул, но на самом-то деле думал об инфочипе, все еще занимавшем мои мысли, и, даже, приоткрыл рот, чтобы спросить о нем. Но тут какое-то шестое чувство остановило меня, словно кольнув в бок, и я промолчал.

— Напоследок дам маленький совет, — в завершении сказала Бавкида. — Когда леди Аверре привлечет его светлость Занди к помощи, будь с ним чуточку аккуратней.

Я так и не понял, что именно она хотела этим сказать, но уточнить возможности не получил. Едва проронив последние слова, голограмма испарилась, уже по обыкновению оставив меня терзаться неопределенностью. До всего всегда и везде я обязан был доходить собственным умом.

Не отрывая взгляда от деформированного инфочипа, я простоял у стола минуту-другую, раздумывая обо всем случившемся, пробуя собрать воедино разрозненные кусочки мозаики. Мне все никак не удавалось получить цельную картинку, и я прекрасно знал почему: большей части фрагментов не доставало.

Солнце уже успело опуститься за горизонт, но я этого даже не заметил, пока в комнате безраздельно не воцарилась непроглядная темень. Включив свет и отбросив головоломки, я отправился в ванную. Теперь, после неутешительного разговора с Бавкидой я ощущал острейшую необходимость смыть пыль и прах Си-Джо.

На все про все понадобилось минимум полчаса. Выйдя из ванной, я сверкал, как заново начищенная монета, выбритый, в свежей сорочке, будто и не я вовсе. Жаль, только взгляд затравленного зверя спрятать было некуда.

Пройдясь босиком до сумки чтобы взять носки, я почувал некий холодок, веющий по полу. Взглянув на окно, понял причину и заново озадачился, испытав ощущение уже виденного. Прямо на подоконнике, у слегка приоткрытой оконной рамы сидело и самозабвенно вылизывалось мелкое лохматое четвероногое существо.

— Эй, ты чего здесь делаешь?

Прервавшись на секунду лишь за тем, чтобы окинуть меня высокомерным взглядом, гокки, что-то негромко мякнув, возвратился к своему занятию. Каким уж образом ему удалось открыть запертое окно, я выяснять не стал, а, закончив одевание, подхватил зверька на руки и потащил его к хозяйке. Если уж он сумел найти дорогу домой, то, может быть, и остальные проблемы как-нибудь разрешатся? Впрочем, это даже в мыслях казалось глупым.

Вечерний вестибюль, как обычно, тонул в полумраке и ни единой живой души не наблюдалось. Стоило мне только выйти из лифта, и гокки с неожиданной для такого мелкого животного силой принялся вырываться. Кусаясь и царапаясь, он все норовил убежать. Впрочем, в этом я его не особо винил, поскольку после всего, что по моей воле ему пришлось пережить, оставалось удивительным, почему он вообще забрался именно в мое окно. Конечно, можно было просто отпустить зверька и пусть он сам ищет свою хозяйку, но для меня, почему-то, вдруг стало важным, чтобы Лита получила пропажу именно из рук в руки. Кто знает, может это хоть на малую долю заглушит чувство вины?..

Перебравшись через стойку, мы со зверенышем толкнулись в единственную незапертую дверь с табличкой «Для персонала» и застали сцену, из-за которой онемело даже безмозглое животное у меня на руках. Лита оказалась не одна, а принимала гостей, точнее, гостью, чья яркая, будто луч солнца на закате, шевелюра бросалась в глаза красным пятном даже в такой сумрачной и тесной камерке. И вот, эта самая гостья в момент, когда в комнату ворвался я, находилась гораздо ближе к хозяйке, чем в таких случаях позволяют приличия. Руки Ридж были на талии Литы, и они... но тут уж я не возьмусь утверждать, почувствовав слабость, гокки больно укусил меня за палец, заставив выпустить его из рук. Пока я чертыхался, девицы успели отскочить друг от друга и, как одна, зверем уставились на меня.

— Даже такой идиот как ты, должен понимать, что вламываться без стука в чужую комнату нельзя! — прошипела Лита, пока я пытался остановить кровь.

Глупость всей ситуации усугублялась еще и тем, что по обыкновению бравая Ридж в

данный момент выглядела ребенком, пойманным родителями за поеданием сладкого. А боль на месте укуса была такой, что я, сжимая палец, никак не мог определиться, стоит ли мне смеяться. Честное слово, плакать хотелось несравненно больше.

До частной жизни отдельных лиц мне никогда не было дела и потому, оставив при себе все комментарии, которые родились в моей голове по этому поводу, я просто произнес:

— На этот случай у дверей есть замки. Твой звереныш нашелся. Не стоит благодарности. — Зыркнул в сторону гокки и вышел.

Но далеко уйти не успел. Добрался до закрытых дверей лифта, которые, стоило мне только приблизиться, как по волшебству, гостеприимно распахнулись.

В кабинке стояла Эйтн, а рядом с нею граф. На этот раз на нем был костюм, приличествующий его титулу, но не такой броский, как на вечеринке. Увидев меня, оба, не то, чтобы расцвели от удовольствия, но, во всяком случае, проявили куда больше радушия, чем та же Лита.

— А, Эпине, — ухмыльнулся Занди. — Тебя-то мы и искали. Заходи в лифт. Леди Аверре сказала, у вас есть о чем со мной поговорить.

Роскошная гостиная в номере Эйтн подходила для нашей беседы как нельзя лучше. В том смысле, что усугубляла враждебность, образовавшуюся после истории с ведьмой и нелепости, произошедшей затем по пути в отель. Каждый устроился на диване напротив друг друга. Сидеть мне не больно-то хотелось, но показывать свою напряженность графу — еще меньше, так что, с благодарностью приняв чашку кесса из рук, вдруг превратившейся в радушную хозяйку, Эйтн, я улыбался, тихо удивляясь тому, что поблизости не видно Измы.

— Итак, — сказал граф, когда и Эйтн заняла свое место, — вы сказали мне, что дело не терпит. Я здесь и готов выслушать. В чем ваша проблема, Эйтн? И каким образом с ней связан этот молодой человек.

— Проблема? — сделал удивленный вид я, пригубив из чашки. — Лично у меня проблем нет.

— Забавно, правда? — опять заухмылялся граф. — Вы — счастливый человек, Сет, раз их у вас нет. Но если хотите оставаться таковым и впредь, позвольте леди Аверре говорить. Не то обещаю — проблемы вам будут обеспечены.

Само собой, я тут же сжался в пружину и уже почти заставил чашку графа опрокинуться ему на штаны, но суровый взгляд пронизательной Эйтн удержал меня от этой ошибки. Сейчас, когда многое зависело от того, согласится ли Занди нам помогать, не стоило его провоцировать.

— Я думаю, вы уже и сами догадались, зачем я пригласила вас сюда, — проговорила она, одарив его светлостью потрясающей красоты улыбкой.

— Возможно, — сделав вид, что пьет, он все еще подозрительно косился на меня. — Я обязан быть в курсе всего, что творится в Мероэ.

Дохлый номер пытаться узнать, о чем думал граф. Почти ничуть не легче, чем раскусить саму Эйтн. В отличие от своего верного лакея, собственными эмоциями Занди владел почти в совершенстве. Или же попросту знал, как следует вести себя, когда рядом находится лейр.

— Вы нам поможете? — сразу и без обиняков спросила Эйтн.

На целую минуту в комнате воцарилось молчание, во время которого Занди обдумывал свой ответ.

— Только если вы убедите меня, что вам это действительно необходимо, — проговорил

он затем.

У Эйтн, наверняка, был большой опыт по части ведения тонких игр, и ее наивная якобы неосведомленность обманула бы кого угодно:

— Что вы хотите этим сказать?

Граф пояснил:

— Скажите, зачем вам его искать? Технически мастер Аверре — ваш соперник. Его исчезновение освобождает вам путь к артефакту. Для чего он вам? Не лучше ли сразу сосредоточиться на том, что действительно важно?

Я сидел и недоумевал, почему он допустил столь грубую ошибку, заставившую пошатнуться доверие Эйтн к нему.

— Вы знаете, что произошло в лавке Си-Джо? — тон голоса девушки сделался заметно холоднее.

Занди кивнул:

— То, что случилось там, не поддается описанию. Кроме трюкачества нашего несравненного Эпине, разумеется.

— Благодарю, — процедил я.

— Поэтому моего дядю и необходимо найти, — убежденно заявила она, — поскольку он — ключ к тому, где спрятана Игла. Без него мне в любом случае успеха не добиться. Мы догадываемся, где сейчас он может находиться, но без вашей помощи нам туда не попасть.

Занди раскатисто рассмеялся:

— Хотите, чтобы я помог вам проникнуть в самое логово махди?

— Никто больше туда идти не осмелится, — сказала Эйтн. — К тому же, вы — единственный, кому удалось побывать у них и вернуться обратно невредимым.

— Вы очень добры, Эйтн, — проговорил граф. — Невредимым я вовсе не остался.

— Кхамейр, мы просто обязаны туда попасть.

— Неправда, — мотнул он головой, чем напомнил зверя, заблудившегося в клубах ядовитого тумана. — Нет у вас такой обязанности. Это просто ваша прихоть. Но это глупо. Махди чужаков ненавидят. Назад никто не вернется.

— Мы должны попытаться.

— Нет!

Граф поднялся так резко, что чашка кесса, до этого поставленная им на подлокотник дивана, опрокинулась на пол. Но далеко уйти он не смог, поскольку за то время, что Эйтн заговаривала ему зубы, я сплетал вокруг его воли невидимую сеть из ниточек Теней, и теперь бедному графу просто некуда было деться.

Он плюхнулся обратно на диван, словно его удерживал поводок. Вряд ли Занди понял, что с ним произошло. Бавкиде следовало бы мною гордиться, ведь ее просьбу быть с ним помягче я исполнил, можно сказать, с точностью. Подавляя его желание сопротивляться, я на мгновение сумел прорваться сквозь природную защиту сознания графа, где стал свидетелем странного расплывчатого видения. Правда, разобрать, что это было, я не успел — нечто похожее на сушеный плод боону, только неаппетитный до ужаса, — видение исчезло слишком быстро.

— Помогите нам, Кхамейр, — сказала Эйтн.

— Не могу, — белея на глазах, прошептал он.

Взгляд девушки упал на меня. Она хотела, чтобы я усилил давление на графский мозг, хотя могла бы уже за то, что вообще за это взялся сказать спасибо, ведь ни о чем подобном

заранее мы не договаривались. Весь спектакль оказался чистой воды импровизацией.

— Прошу вас, Кхамейр! — заклинала она.

— Не могу!

— Почему вас так пугает возвращение в лес?

Но Занди не отвечал, его взгляд затуманился. Граф после пребывания у аборигенов, был, мягко говоря, не совсем здоров, и я понял, что без дополнительных усилий, нам ничего не добиться. А это уже грозило самыми непредсказуемыми и необратимыми последствиями.

Я отпустил его.

Несмотря на то, что напряжение на лице Занди разгладилось, мелкая дрожь продолжала сотрясать тело. Глаза графа блестели, но, ни на меня, ни на Эйтн он не смотрел. Как будто боялся.

— Вы в порядке? — забота в голосе и мягкое осторожное прикосновение к плечу должны были заставить его светлость вернуться к реальности, но здесь, Эйтн, кажется, себя переоценила.

— В полном, — голос Занди обрел нормальные обертоны, когда он выпрямился и уверенным движением отстранил руку девушки. Его сапфировые глаза буквально вонзились в меня: — Мастер Аверре всегда знал, где пролегает грань между необходимостью и желанием, а вот его ученик — нет.

Исключительно для вида, я опустил взгляд, как будто мне ужасно жаль.

— Мы все не те, за кого себя выдаем, — повторил он излюбленные слова наставника и перевел взгляд на Эйтн: — Но вам вовсе не обязательно было прибегать к его помощи. Я бы и так сделал для вас, Эйтн, все, что только в моих силах. Но я хотел знать, насколько далеко вы готовы пойти, ради поставленной цели. Что ж, я узнал. Спасибо вам. Я окажу помощь, с которой вы просите, но взамен вы и ваша помощница должны будете покинуть мою планету и больше никогда здесь не появляться.

Трудно было определить, жалеет ли теперь о своем поступке Эйтн. Она лишь обронила:

— Я вас поняла.

— Завтра на рассвете у отеля вас встретит мой флаер. Об остальном узнаете по дороге. Надеюсь, вы оба осознаете, на что решаетесь, потому что когда мы окажемся на месте, назад пути уже не будет. Запомните это хорошенько и подготовьтесь, как следует. Лишнего в дорогу не берите. Только самое необходимое, что может потребоваться вам самим, об остальных мелочах я позабочусь.

Граф встал и, поправив лацкан своего пиджака, добавил:

— Жаль, что вы выбрали не ту сторону, Эйтн. Но мастер Аверре должен вами гордиться. Обоими. — Он кинул свой взгляд на меня: — Провожать не надо. Доброй ночи, — сказал напоследок и вышел в коридор.

За всей неловкостью момента я даже не подумал о том, что это был первый раз, когда мы с Эйтн оказались наедине в столь интимной обстановке. Мы молча смотрели друг на друга, пока она, наконец, не произнесла:

— Что ж, могло быть и хуже.

Я пожал плечами:

— По крайней мере, у меня теперь будет время просмотреть инфочип. — И тут, словно сигнальный маячок в моем мозгу зазвенел. Я вскочил, как ошпаренный и, выпучив глаза, уставился на Эйтн: — Идиот!

— Что случилось?

Но отвечать ей времени не было. Рванув к выходу, я едва не снес неожиданно появившуюся на пороге Ридж, но вместо извинений проорал ей в лицо:

— Прочь с дороги!

Мне было плевать на ее реакцию, хоть я и знал, что при любом раскладе в карман за словом она бы не полезла. Однако что-то отвлекло Красноволосую от желания препираться со мной или швырять вдогонку пресс-папье. Вместо этого, обе девушки — и Эйтн, и Ридж, — старались от меня не отставать. А мой разум был занят одной лишь только мыслью: «Как можно было так сглупить?».

— Можешь ты объяснить, в чем дело? — на бегу спрашивала Эйтн.

А я лишь ускорял бег, торопясь вернуться к себе. Лифт ждать было долго. Всего один этаж вниз по лестнице можно преодолеть и пешком.

— Куда мы так несемся? — спрашивала Ридж.

Меня точно кто-то подгонял. Вернее, что-то...Предчувствие. Одна из тех ужасных вещей, которые я в своей жизни ненавидел, именно за их обыкновение быть дурными. А мои дурные предчувствия, как правило, имели потрясающее свойство сбываться.

Подошвы ботинок грохотали по каменной лестнице, эхом отдаваясь в голове. Хотя может это кровь стучала в висках, утверждать не возьмусь, но частота сердечного ритма зашкаливала, это точно.

Перепрыгивая чрез ступеньки, я буквально влетел в коридор своего этажа.

— Идиот! Кретин! Тупица! — еле слышно бормотал я, на бегу доставая ключ, хотя и этих слов было бы мало для растяпы, оставившего инфочип, ради которого Батул Аверре убил целый отряд аборигенов, на виду в самом незащищенном месте, какое только можно было придумать. Еще бы поздравительную открытку подписал!

Чисто формальным движением отперев дверь своего номера, я, точно сгусток разбушевавшейся стихии, ворвался внутрь и... обмер.

Впрочем, не я один: выросшие позади меня Эйтн и Ридж оцепенели тоже, но об этом я догадался значительно позднее, когда миновал шок.

Инфочип никуда не делся. Он по-прежнему покоился на крышке стола весь в мелких крапинках бордового цвета. Как и склянка с забытыми мной семенами, как и лампа, да и весь стол, если уж на то пошло. Однако не это стало причиной нашего общего ступора. Причина находилась чуть дальше за столом, в кресле, которое еще несколько минут назад принадлежало мне, приняв облик обвисшего трупа госпожи Бабор, ниже головы превратившейся в одно сплошное кровавое месиво.

Глава 16. Письма из прошлого

Судя по звуку, кого-то вывернуло. Я оглянулся. Ну, да, желудок Ридж не выдержал зрелища. Мой собственный, вроде как, создавал похожие потуги. Зато самочувствие Эйтн никакого беспокойства не вызывало. Её любопытство явно одержало вверх над отвращением. Но зрелище было настолько омерзительно-неправдоподобным, что я не мог до конца поверить в реальность происходящего, в то время как она почти сразу подошла к телу, желая осмотреть его.

Пальцы девушки лишь на секунду прикоснулись к шее убитой, затем Эйтн обернулась к Ридж:

— Она теплая. Скорей за полицией! Убийца еще может быть поблизости.

Красноволосая унеслась прочь. Я же подумывал о том, кому достанется незавидная роль сообщить Лите о трагической смерти матери, но тут же последние слова, сказанные Эйтн, заставили меня задуматься о другом. Я спросил:

— Как, по-твоему, кого Гетт внесет в список подозреваемых под номером один?

Но она лишь отмахнулась, со знанием профессионала сообщив:

— Единственное, что он может от тебя требовать — это причины, заставившие госпожу Бабор ночью прийти в этот номер. Судя по тому, что тело еще не остыло, убийца был здесь не более получаса назад. В это время ты находился со мной, а значит, убить ее просто не мог. — Тут Эйтн кинула в мою сторону хитрый взгляд: — Как ни крути, Сети, а на сегодняшний день, я — твой самый лучший друг.

— Но лучше тебе меня так не называть, — пробормотал я, поскольку иных контраргументов не нашел. Что ни говори, а Эйтн была права, поскольку вот уже дважды за день она оказывалась в роли силового троса, удерживающего энергетическое лезвие гильотины от падения на мою несчастную голову.

— Подойди-ка сюда, — сказала девушка.

Но такого желания я отнюдь не испытывал. Хватит с меня на сегодня тесных общений с трупами.

— Мне и отсюда все прекрасно видно.

— Подойди, сказала.

Что-то в ее голосе заставило меня повиноваться, и это была вовсе не та пресловутая сила убеждения, коей она любила пользоваться направо и налево. Нотки казались несколько тревожными. Подавив в себе новый приступ тошноты, я, ступая без особой спешки, приблизился к тому месту, где застыла сама Эйтн, при этом изо всех сил старался не смотреть в пустые глаза мертвой госпожи Бабор. Вряд ли кто поверит, но на ее раны смотреть оказалось гораздо проще. Здесь я хотя бы мог ужаснуться кровожадной чудовищности убийцы, оставившего множество глубочайших резаных борозд на груди и животе своей жертвы. Словно одичалый зверь поработал стальными когтями. Естественно, это сразу же навело на мысли о махди, да только показанное затем Эйтн полностью развеяло данную теорию.

— Взгляни сюда. Прочтешь?

Я уставился под ноги не успевшему окоченеть трупу, где от лужи собравшейся на полу крови бордовыми мазками была выведена надпись: «Не дай им прочитать письма!».

— И что это, по-твоему, означает? — спросила Эйтн.

— Хотелось бы мне знать, — растерянно пробормотал я.

Наши взгляды почти одновременно остановились на инфочипе.

— Только не говори мне, что до сих пор не знаешь, что там записано, — произнесла она, обогнув тело и нависнув над столешницей, словно хищная птица. — Ты понимаешь, что если Гетт увидит это, он конфискует все, не дав тебе даже возможности что-либо выяснить?

Эта попытка подтолкнуть меня к очередной краже с места преступления выглядела настолько неуклюжей, что я не особенно интересуюсь ответом, спросил:

— Тебя-то это почему заботит?

— Потому что убийца явно старался, чтобы инфочип попал именно к тебе. Думаю, в нем есть что-то важное. Возможно информация. Может быть даже более ценная, чем ты себе представляешь. Недаром же чип оказался у того аборигена.

— Об этом я и без тебя догадался. Но, скажи, само наличие трупа хозяйки отеля, тебя не на какие мысли не наводит?

Моя собеседница покосилась на тело, потом вернула взгляд обратно на меня:

— Только на одну: ей не следовало соваться в это дело.

— Хотел бы я услышать, что сказала бы тебе на это ее дочь, — проговорил я и замолчал, так как со стороны коридора послышались приближающиеся шаги нескольких пар ног сопровождающиеся громкими рыданиями и всхлипами.

Оба оглянулись на дверь как раз в тот момент, когда в комнату ворвалась Лита. Узнать ее в нынешнем состоянии оказалось задачей практически невыполнимой, поскольку ясное привлекательное личико воспалилось от горьких слёз, от которых и камню стало бы не по себе. На труп она пока внимания не обратила, зато на меня — целиком и полностью. Рванув вперед с громким воплем: «Это все ты!», со всего маху влепила мне увесистую оплеуху, отчего и без того неослабевающий звон в голове дополнился новыми нотками разыгравшейся там какофонии. Отклонившись от удара, точно маятник, я только на слух смог определить, что кто-то подбежал к ней и удержал от порыва врезать мне еще разок.

— Я тебя убью, наглая ты скотина! Отпусти меня, Ридж! Я убью его!!! Мама!!! А-А-А-А!!! — Никогда в жизни не слышал крика, более раздиравшего душу, чем этот. Все мои внутренности будто съежились, а душа уползла в пятки. Это было просто невыносимо.

— Лита, возьмите себя в руки, прошу вас, — сказал Эйтн голосом, чуть более теплым, чем восход полярной звезды. — Ридж, выведи ее отсюда. Лучше, чтобы она на это больше не смотрела.

Дверь негромко хлопнула, но почти тут же распахнулась снова, и на этот раз на пороге стоял капитан Гетт в компании криминалистов и коротышки-доктора. Всем своим видом олицетворяя представителя меройских властей, он обвел комнату пронизательным взором и, на мгновение застопорившись на трупе, тихо проговорил:

— Твою мать... — Затем, минуя Эйтн, перевел взгляд на меня и добавил: — Ну, здравствуйте, мастер Эпине. И почему я не удивлен?

— Понятия не имею, — мгновенно откликнулся я, насторожившись. В том, что Гетт не питал особой любви к чужакам я усвоил еще с прежней нашей встречи.

— Леди Аверре, я так понимаю? — голос капитана сделался значительно вежливее.

Эйтн царственно кивнула. Повисшая в комнате тишина прерывалась лишь стенаниями и всхлипываниями Литы, доносившимися из коридора. Меж тем, Гетт по-хозяйски прошелся по номеру, заглянув в каждый его уголок, пока, наконец, не остановился напротив меня и с

нескрываемым удовольствием задал новый вопрос:

— Я смотрю, мы обожаем следовать за смертью по пятам, да?

После нашей последней встречи и предупреждений Аверре, я готов был начать относиться к капитану местной полиции поуважительнее, однако же моя ехидная натура, вопреки всякому здравому смыслу помешала удержать язык за зубами:

— Едва ли. — Я потер ушибленную скулу.

Увидев синяк, он спросил:

— Кто это тебя так приложил? Уж не наша ли несчастная жертва?

— Ее дочь, — ответила ему Эйтн, едва я успел снова рот открыть.

Гетт с удивлением перевел взгляд на нее:

— То есть?

— Мисс Бабор ворвалась сюда, видимо полагая, что мастер Эпине убил ее мать, и потому ударила его.

Он натянуто усмехнулся, потом опять поглядел на меня:

— Вот как? И почему такая мысль вдруг пришла в голову юной леди, интересно?

— А вы ее спросите, — мрачно посоветовал я.

— Обязательно, — улыбнулся капитан. — Ты только не волнуйся. — Он оглянулся на своих мордovorотов и дал им сигнал приступить к осмотру места преступления, а меня, подхватив под руку, потащил на выход. — Вот скажи мне, как объяснить, что уже второй раз я нахожу тебя на месте убийства почти сразу же после того, как оно произошло?

Даже не пытаясь высвободиться из его железной хватки, я на секунду обернулся к столу, думая о том, чтобы не дать инфочипу попасть в руки полиции, но, к своему удивлению, предмета на месте не обнаружил, и склянки с семенами — тоже. Только бесстрастный взгляд идущей позади нас Эйтн дал мне ответ, куда они исчезли.

— Как хотите, — ответил я, наконец.

Тут Гетт легонько и будто невзначай встряхнул меня. Легонько, по меркам полицейского, разумеется. Сам я от этого вполне мог заработать сотрясение.

— Ты мне тут не умничай, парень. Это тебе не шуточки — у меня на руках второй труп, и круг подозреваемых уже, чем тебе кажется. Улавливаешь, к чему я? Вижу, что улавливаешь.

Ну, кто бы в этом сомневался. Капитан просто отработывал наиболее простую из версий. Подумать над чем-то более сложным ему, видимо, оказалось недосуг.

— Я никого не убивал! — воскликнул я достаточно громко, чтобы собравшиеся в тот момент в коридоре постояльцы, служащие отеля и полицейские устремили на меня свой осуждающий взор.

— А ну тихо! — шепотом приказал Гетт. — Я тут навел о тебе справки. Интересный ты малый, я погляжу. Личный помощник мастера Аверре, знаком с его племянницей и даже посещаешь ужины у графа. Всё это, несомненно, говорит в твою пользу, только меня этим не проймешь. Мне наплевать на твои знакомства и прочую чепуху. Мне не за это платят.

— Рад за вас, — отозвался я, прикрыв глаза — вот теперь меня начало потряхивать.

— Да, ты за меня порадуйся, а вот о себе побеспокойся. Рассказывай, что тут произошло и только без своих обычных сказок. Про огоньки в темноте я уже наслушался в прошлый раз. Теперь я хочу знать всё, как было на самом деле.

— Ничего интересного он вам не расскажет, капитан, — заявила Эйтн, встав подле нас несколько в стороне от прочих любопытствующих, — поскольку в момент убийства

находился наверху вместе со мной и графом. Мы пили кесс и разговаривали о делах. Но если моего слова вам не достаточно, то вы вполне можете обратиться к его светлости за подтверждением.

Взгляд Гетта на миг застыл на великолепном лице леди с Риомма. Затем капитан откашлялся и произнес:

— Я... не считаю нужным, миледи.

До чего же приятным зрелищем, оказалось, наблюдать за тем, как маска чванливого самодовольства сползает с лица обнаглевшего служаки. Я наконец-то сумел выдернуть руку из его цепких пальцев и поправить съехавший набок воротник. Руки чесались садануть чем-то увесистым по его заносчивому затылку, и только здравый смысл, да присутствие толпы удерживали меня от этого опрометчивого поступка.

— Возможно, миледи, — продолжил капитан, — вы сумеете мне в деталях обрисовать обстоятельства, при которых вами было обнаружено тело, а заодно поделитесь догадками, почему госпожа Бабор находилась во время убийства в чужом номере?

— Сделаю для вас, все, что в моих силах, капитан, — любезно согласилась Эйтн, ну а мне оставалось лишь полагаться на то, что она понимает, с кем имеет дело. Несмотря на все свои попытки держаться с грубой простоватостью деревенщины, Гетт был самой настоящей катраной своего пруда. Батул зря бы не стал предупреждать держать с капитаном ухо остро, любое ненароком оброненное слово Гетт с виртуозностью жонглера ножами мог обращать против своего собеседника.

Но она едва успела открыть рот, как из номера высунулась голова одного из криминалистов:

— Капитан, вам следует взглянуть на это.

Гетт чертыхнулся. В который раз оглядел нас обоих:

— Подождите здесь. — И исчез за дверью, что оказалось как нельзя кстати.

Едва он вышел, Эйтн, следя, чтобы никто из посторонних этого не заметил, быстро протянула мне склянку и чип.

— Выкручивайся, как хочешь, но до утра выясни, что хранится на этом чипе.

Если бы она только знала, насколько мне самому хотелось покончить со всем этим цирком настоящих кошмаров, то даже не подумала бы произносить эти слова. Впрочем, мне оставалось только кивнуть и спрятать вещицы за пазуху.

Что тоже получилось очень во время, так как лишь долей секунды спустя, разукрашенная резьбой деревянная дверь моего номера резко распахнулась и со всего маху врезалась в стену. Мелкая белесая пыль посыпалась с потолка, а глаза, вновь появившегося в коридоре, капитана излучали пламя.

— Эпине, не хотите рассказать, что за надпись красуется у вас под столом? — любезно спросил Гетт, сам же едва не лопааясь от злости.

— Вы будете первым, кому я сообщу ответ, как только узнаю его, капитан.

Но он, конечно же, не поверил:

— Ты лучше еще раз хорошенько все обдумай, парень. Твои следы здесь повсюду и то, что леди Аверре утверждает, что все это время ты был рядом с ней, хорошим оправданием не станет. Чуешь, какие проблемы тебе светят? Мертвая старушка, а затем и хозяйка отеля. Обе убиты и везде рядом ты. Кому, как думаешь, придется за это отвечать? — Взгляд капитана, казалось, готов был прожечь во мне дыру.

Я и сам едва не воспламенялся от раздражения, но отвечал как можно спокойнее:

— Не мне.

— Хорошо, что ты такой оптимист. А вот я бы на твоём месте поволновался.

— Пусть волнуется настоящий убийца. И тот, кто его должен искать.

— Да я тебя... — но что он со мной собирался сотворить мы все так и не выяснили,

поскольку появившийся в дверях маленький доктор в своей добродушной манере сообщил:

— Капитан, ваша теория ошибочна. Тело несчастной дамы надо перевезти в лабораторию. Первичный осмотр не может дать стопроцентной гарантии, но раны были нанесены никак не больше тридцати минут назад, а возможным орудием убийства может оказаться кинжал, и притом весьма острый... Только не понимаю, почему мне думается, что это вовсе не металл... хм... Однако полное заключение только после вскрытия.

С невероятным трудом я удержался от того, чтобы переглянуться с Эйтн. Неметаллическое орудие убийства? Кто ещё так любит пользоваться ножами не из стали? А ведь мы оба уже успели отместить теорию о причастности к этому делу махди...

— Оорза, — обратился к доктору капитан, — только постарайтесь сделать все как можно скорее. У меня на руках уже есть один труп, с которым я понятия не имею, как быть. Второго такого же мне вовсе не нужно.

— Сделаю все, что в моих силах, — откланялся судмедэксперт и удалился вместе со своим чемоданчиком.

— Я так понимаю, что пока мы все можем быть свободны? — поинтересовалась Эйтн.

Гетт сверкнул глазами, но ничего не ответил, только что-то тихонько себе под нос прорычал. Мне было удивительно, почему капитан родился человеком, а не представителем какой-нибудь расы, для которой брызганье слюной и постоянный рык — вещи вполне естественные.

— Можете идти, — махнул рукой он, не сводя с меня глаз. — Только из города чтоб не ногой, Эпине! Иначе, обещаю, что тебе не поздоровится.

Я почти промолчал. Почти сдержался. Но вечно нелады с этим самым «почти».

— А мастеру Аверре вы так же в свое время отвечали?

— Что? — ну да, он поначалу не понял, затем осознание понемногу стало проступать на лице: — Ты о чем это толкуешь, сопляк?

Видимо, мне не удалось сдержать ядовитой ухмылки, потому что резкий рывок капитана в мою сторону оказался настолько неожиданным, что я успел испугаться, а кто-то даже вскрикнуть. Следующие мгновения происходили как будто в замедленной съемке. Я видел, как занесенный кулак Гетта летит в мою сторону со всей присущей ему силой, и мне, пожалуй, следовало попросту увернуться от удара. Но недаром есть поговорка, предупреждающая о том, что никогда не следует махать руками в присутствии лейра. Во всем, что произошло затем, мое сознание фактически не участвовало, только инстинкт, подстегиваемый Тенями.

Находясь буквально в миллиметре от меня, капитан вдруг завис в воздухе. В прямом смысле, как кукла на веревочках, в той же самой позе, в которой стремился разmozжить мне голову. Пару секунд он так и болтался над полом на виду у онемевших зевак, выпучив глаза в мою сторону.

— Лейр! — прошептал он со всей ненавистью, на какую только был способен.

Мысленная волна, прошедшая через весь коридор, отшвырнула капитана в самый его конец, чудом не задев посторонних, едва успевших рассыпаться по сторонам. Меня все еще знобило, но с Геттом ничего страшного, кроме ушиба, случиться не могло. Он довольно

быстро пришел в себя, в то время как его подчиненные не знали, то ли им кидаться помогать ему, то ли хвататься за оружие и бросаться на меня. Эйтн лишь покачала головой, спокойно сложив на груди руки.

— На твоём месте я бы здесь больше не задерживалась, — проговорила она, пока капитан поднимался на ноги, громко ругаясь.

Я согласился.

— Встретимся завтра на рассвете, как и договорились.

Она кивнула.

— Куда ты теперь?

Я не ответил, кинув быстрый взгляд ей за плечо, где Гетт уже хватался за оружие, одновременно раздавая распоряжения.

— Мне он живым нужен, — рычал он в перерывах между проклятьями.

По вполне понятным причинам сдаваться на его милость я вовсе не собирался и потому быстро осмотрелся в поисках подходящего способа отступления. Пустой номер Аверре показался мне блестящим выходом.

Толкнувшись в дверь, я одним только прикосновением заставил ее сломаться внутрь. Следующий ментальный всплеск полностью вынес окно, подбежав к которому, я на секунду застыл, глядя вниз за подоконник. До тротуара оставалось никак не меньше пятидесяти метров. Всегда было две вещи, которых я боялся больше смерти: вода и высота, и в тот момент я пытался заставить себя преодолеть собственный страх и, очертя голову, рвануть вниз. Я так же пытался приглушить в голове настойчивый голос, твердивший, что даже более опытный лейр подумает дважды прежде, чем сунется в окно с риском свернуть себе шею, а между тем позади уже слышался топот тяжелых полицейских ботинок и голос капитана, отдававшего новые распоряжения. Теперь для меня отсюда было только два выхода: либо в наручниках и под конвоем, либо по широкому выступу карниза и вниз. Само собой, ни тот, ни другой особо не радовали, однако на выбор времени не оставалось. Еще раз выглянув в окно и набрав в грудь побольше воздуха, я переступил через подоконник и выскользнул наружу.

Даже на такой высоте ветер оказался достаточно силен, чтобы заставить меня волноваться. И как только гокки умудрялись забраться сюда, без страха сорваться, ведь у них отсутствует такой надежный способ страховки, как Тени? Вовремя вспомнив о своих навыках, я заставил тело в каком-то смысле привязаться к камню, точно страховочными тросами и, коротко вскрикнув, ухнул вниз на флагшток, удобно торчащий из стены двумя этажами ниже.

Прыжок оказался вовремя, потому что именно в тот момент от камня, на котором я только что стоял, отстрелили приличный кусок. Сверху послышался разгневанный вопль капитана:

— Я сказал, мне он живым нужен! Отправьте группу вниз на перехват. Старику однажды удалось обвести меня вокруг пальца. Но этот не уйдет!

Я сидел на флагштоке, будто параксанская кислотная лягушка на ветке, ища глазами новое место для очередного прыжка. Новый выстрел, просвистевший рядом с ухом, заставил меня ускорить процесс выбора, и я вновь сиганул на следующий выступ, а с него на балкон, украшенный парой вычурных скульптур. Собственно, на голове одной из них я и оказался.

Дав себе твердое обещание, больше ни при каких обстоятельствах не повторять подобных трюкачеств, я, успешно избежав нового града выстрелов, наконец-то, сумел

приземлиться на крыше одного из пролетающих мимо флаеров.

Это было нечто. Seriously. В жизни своей не совершал ничего подобного. Но мне раньше и не доводилось убегать от разъяренных отрядов полиции, так что, может быть все как раз и закономерно. Вцепившись, точно клещ, в крышу аэрокара, я несколько секунд подождал, пока сердце раздумает вырваться наружу через глотку, и только потом стал понимать, что выбрал не самый тривиальный способ передвижения по городу. Во всяком случае, проплывавшие мимо лица горожан говорили именно об этом. Ладно, хоть скорость движения оставалась не слишком велика.

Тем временем пришло осознание того, что пилоту пора бы уже сообразить о присутствии у него на крыше безбилетника.

Едва я подумал об этом, машина сбросила скорость и начала прижиматься к обочине. Выругавшись, я соскочил на тротуар. Вышло, может быть, и не очень грациозно, зато ни обо что не ударился. И на том спасибо.

— Эй, ты чего творишь?! — это хозяин флаера, треугольноголовый рунн, высунулся из бокового окна, потрясая длинными трехпальными руками. Это был первый представитель системы Танниим Руны, которого я видел живьем. Но как бы мне ни хотелось с ним пообщаться, время убегало катастрофически — уже были слышны звуки полицейских сирен.

Облава!

Вот так оно, как правило, и бывает. Еще вчера ты никому не нужный ученик и, вроде бы, помощник, но всего пара проступков, и ты уже подозреваемый в убийстве номер один, скрывающийся от всех сил меройской полиции. Еще чуть-чуть и у меня вполне могла начаться истерика. Во всяком случае, дико хохотать уже хотелось.

— Тебя полиция ищет! — дошло, наконец, до моего извозчика. — Стой! — завопил он, но куда там.

Я уже несся вперед по узким переулкам полутемного Мероз, наугад бросаясь в каждый наименее приметный поворот. Сбить полицию со следа это не помогло, зато позволило выиграть несколько минут времени, достаточных чтобы продумать, куда двигаться дальше. Единственным безопасным местом, которое я на тот момент мог придумать, был батуловский «Шепот». Теоретически, Гетт мог догадаться выставить у корабля оцепление, но даже если и так, для меня это не будет большим препятствием. Капитан знает, кто такие лейры, но как играть с ними не имеет ни малейшего представления.

Обратившись к встроенному навигатору своего напульсника, куда еще во время полета загрузил карту Мероз со всеми его окрестностями, я вычислил наиболее короткий путь до посадочных площадок и помчался в нужном направлении. Не надо думать, будто дорога стоила мне огромных усилий. Постоянный контакт с Тенями поддерживал мое физическое состояние в тоне. Я не бежал, а, фактически, летел, точно призрак, неслышимый и незаметный для посторонних.

Очень быстро я оказался у здания таможни, за которым располагались посадочные площадки. Памятуя о нашем с Аверре появлении, когда ни одна живая душа не выбралась нас встречать, но, по словам того же мастера, тем не менее знала о прибытии, я не стал сбрасывать свою ментальную маскировку и все тем же стукотом ночной тени перебрался через забор. Это оказалось приятно. Пробежка на свежем воздухе здорово охладила мысли и разум привела в порядок.

Оказалось, что я переоценил умственные способности капитана, поскольку ни какой охраны вокруг корабля наставника даже близко не было. Некоторые трудности доставили

камеры слежения, рассованные по всему периметру взлетно-посадочного полотна, но и эту проблему мне удалось преодолеть. Правда, не без помощи Теней и одинокого охранника космопорта, без лишних слов (кто бы сомневался!), устроившего так, чтобы в системе видеонаблюдения произошел кратковременный сбой. Этого хватило, чтобы, никем незамеченный, я добрался до корабля. Все-таки, мастер ошибался: манипулировать людьми — весьма приятно.

Оказаться внутри судна, принадлежащего наставнику, было не так драматично, как это мне представлялось вначале. Чутье подсказывало, что Аверре ни за что не оставил бы свой драгоценный «Шепот», полагаясь только на защиту одних кодов, которые я, кстати говоря, еще во время полета на Бойджию тайно скачал себе на напульсник с бортового компьютера. Тут могло обнаружиться немало неприятных сюрпризов, предназначенных как раз для грамотеев, вроде меня. Я, бывало, слышал рассказы о том, что некоторые пилоты, чья любовь к собственному звездолету достигает маниакальности, обзаводятся ловушками, некоторые из которых выстреливают ядовитыми дротиками, а иные так и вовсе детонируют, отрывая руку или ногу, в зависимости от того, куда неудачного взломщика занесло. Попадаться на таких вот уловках, рискуя собственным здоровьем, мне не улыбалось, однако другого выхода я просто не видел. Конечно, лейры отличались чувствительностью к электронике, но когда вокруг сплошные компьютеры, как понять: датчик системы жизнеобеспечения перед тобой или замаскированная взрывчатка?

Пришлось рискнуть.

Затаив дыхание и прищурившись, словно что-то должно вот-вот рвануть, я осторожно ступил в рубку. Не торопясь садиться в кресло пилота, ввел еще один пароль в бортовой компьютер. Огоньки на панели с красных превратились в зеленые. И ничего больше.

Подождав несколько секунд с тем же результатом, я повторил ввод данных. На дисплее появилась надпись: «Нужна проверка ДНК. Пожалуйста, подставьте указательный палец к отверстию. Будет взята проба крови».

Ну, вот и приехали. И где мне было взять кровь Аверре? Я сильно сомневался, что у него здесь где-нибудь завалялась лишняя пинта с образцом. Но делать-то что-то было надо, поскольку все пути назад теперь оказались отрезаны. Не к Занди же отправляться! Изначально риск, как таковой, вообще не был присущ моей натуре, но когда порой иные из вариантов попросту отсутствуют, приходится идти на нечто не совсем ординарное. Например, дать компьютеру собственную пробу ДНК вместо требуемой. Глупо, конечно, но все же лучше, чем просто бесцельно сидеть, уставившись в пустой монитор и ждать с моря погоды. Я обязан был проверить содержимое инфочипа прежде, чем отправлюсь в джунгли.

Приложив палец к овальному пятну света на панели, я почувствовал легкий укол и, вдохнув поглубже, глядел на монитор, ожидая сообщения о том, что ДНК не соответствует владельцу корабля и меня немедленно распьют на атомы.

Прошла секунда. Другая.

Я уже готов был вскочить на ноги и бежать прочь, как вдруг по экрану забегали мелкие строчки. Прочитав их в первый раз, я моргнул, подумав, что, вероятно, нервное перенапряжение все же сыграло со мной злую шутку, но перепроверив данные, удостоверился, что вовсе не ошибся. Защитная система корабля оказалась полностью снята, а надпись гласила: «ДНК тест пройден. Совпадение 100 %. Личность подтверждена как Сел Эпине».

Вот так сюрприз. Не сказать, что приятный, но интригующий без сомнения. Никогда бы

не подумал, что Аверре станет оставлять для меня лазейку в системе защиты собственного корабля. Я считал, он мне не доверяет. Но, с другой стороны, и инфочип не мог остаться сам у недобитого аборигена, так что некоторая и довольно своеобразная закономерность прослеживалась. Выходило, что все подстроено нарочно моим собственным наставником, и для чего? Чтобы я отправился к махди вооруженным информацией. Но отсюда вытекает, что он-то и убил госпожу Бабор, положившую глаз на чип... А разве это логично? Зачем Аверре предпринимать столько усилий и все ради того, чтобы подкинуть мне чип, который он сам же всеми силами не желал отдавать?

Голова пошла кругом. Я откинулся на спинку кресла и сжал виски пальцами. Ясно же, что чего-то в этой цепочке не хватает. Знать бы еще чего...

Достав инфочип из-за пазухи, я вставил его в считывающее устройство и принялся ждать, когда данные загрузятся. Нелепое предчувствие родилось, когда я нетерпеливо ерзал в кресле. Ощущение напоминало скомканный листок бумаги, неторопливо разворачивающийся в животе. Что-то сейчас будет...

И действительно: загудел, разогреваясь, проектор. Я даже на секунду решил, что он принимает от кого-то сообщение, и лишь позднее оказалось, что голограмма инициирована инфочипом. Программа, записанная на нем, активировала виртуального проводника, но каково же было мое удивление, когда в лице спроецированной в воздухе оболочки, я узнал собственную мать. Сначала голограмма оказалась размытой, но довольно быстро настроилась, добавив резкости, явив до скребущей боли в сердце знакомое с самого детства лицо молодой и красивой женщины с копной темных волос и такими же темными и большими, но добрыми глазами.

Сердцебиение зашкаливало до предела, в висках застучало молотками. Вдохнуть удавалось через раз и в глазах предательски щипало.

— Мама? — узнать свой собственный голос в ту минуту стало невозможно. Дрожь в теле отразилась на нем, превратив в еле слышимое блеяние.

Изображение мамы улыбалось, не реагируя на вопрос. Она молчала, глядя прямо на меня ничего не выражающим взглядом и отзываясь щемящей болью в груди. Я не обратил внимания на слезы, сами собой покотившиеся по моим щекам.

— Инициация программы, — вдруг откликнулась голограмма. — Проверка совместимости кодов. Совпадение сто процентов. Доступ открыт.

Я какое-то время не понимал, что происходит, и потому повторил вопрос:

— Мама? Что это?

Изображение мигнуло, как будто обдумывало ответ.

— Это блок памяти, который я создала специально для тебя, — голос, сказавший это, уже не был холодно-электронным, а наполнился родной и ужасно близкой теплотой, что жила в потаенном уголке моей памяти. — Здесь мои письма, заметки и воспоминания об экспедиции на Бойджию. Если ты их сейчас слушаешь, значит, ты уже достаточно повзрослел, чтобы понять, а я... — тут голограмма запнулась, — ...а меня, скорей всего, уже нет среди живых.

Странные слова, заставили мои внутренности упруго сжаться, словно их все перетянули невидимые жгуты, но слушать я не переставал, впитывая каждое слово как губка.

— Если это так, то Батул потерпел поражение, — продолжала тем временем голограмма. — Но это не означает, что он больше не будет пытаться. Я достаточно хорошо его знаю, чтобы понимать: в следующий раз он возьмет с собой тебя, и поэтому я хочу,

чтобы отправившись с ним, ты был готов к тому, к чему не была готова я. Допустить твоей смерти я не могу даже в воображении. Потому-то никогда ему о тебе не говорила. И все-таки... — последние слова мама произнесла как будто себе. — Что если она расскажет?.. Но даже если и нет, то лучше уж я перестрашусь... на всякий случай...

Изображение немного задрожало и заговорило дальше:

— ...Конечно, есть вероятность, что он не сумеет тебя убедить отправиться с ним, даже если и все узнает... Хотя я уверена, что сам ты на месте усидеть не сможешь и сделаешь все, чтобы оказаться подальше от Бавкиды, — в этом месте смешок голограммы был почти как настоящий. Мое сердце тихонько ёкнуло. — Я постараюсь сделать так, чтобы эти записи попали к тебе до того, как ты окажешься втянут во все это и... ты смог трезво оценить ситуацию, принимая верные решения, как я тебя всегда учила, обдумав все варианты и не доверяясь слепо суждениям человека, которого никто из нас по-настоящему не знает. Своих ошибок я до этого не видела, но ты их, пожалуйста, не допусти. Прислушай мои письма целиком, и... я люблю тебя, сынок.

Голограмма замерла.

Жгуты грозили порваться, вместе с сердцем и легкими. Отвернувшись от панели, я резко вскочил и выбежал из рубки — ужасно не хватало воздуха. Опустившийся трап позволил боиджийской ночной прохладе наполнить корабль. Я простоял, прислонившись спиной к краю переборки, с закрытыми глазами вдыхая воздух, продолжая не замечать безудержно льющих по щекам слез. Раньше-то я по глупости считал, что вовсе не способен плакать.

Маму я знал очень мало. Те первые десять лет своей жизни, что мы провели вместе, казались далеким смутным сном, постепенно тонувшим в глубине туманного океана памяти. У меня больше ничего не было, кроме чувства вины за собственный эгоизм и того теплого чувства, оставленного ею перед тем, как навсегда исчезнуть.

Возвращение в рубку было сродни героическому подвигу, но с этим я справился. Сжимая в руках стаканчик со стимулирующим коктейлем, производимым пищевой автоматикой корабля, я уселся обратно в кресло и снова уставился на мать. Она смотрела на меня неизменная, точно живая, и ждала.

— Активируй первое письмо, — судорожно вздохнув, сказал я.

Снова рассеявшись на секунду, голограмма вернула резкость и заговорила спокойным размеренным тоном записавшей ее Сол Эпине:

— Сет, милый, прости, что узнаешь обо всем таким вот образом. Ты, должно быть, думаешь: что я за мать, раз не взяла тебя с собой? Мне действительно ужасно жаль, но, кажется, иного выхода просто не существовало. Знаю, слова звучат банально, но я хочу, чтобы ты понял: все, что я сделала, я сделала ради тебя. Прости меня, если можешь. А если не можешь, то, хотя бы, просто послушай то, что я хочу тебе рассказать.

Я согласилась на эту поездку не просто ради любопытства, хотя, признаюсь, Батул здорово сыграл на моем интересе к новой, никем неизученной расе аборигенов, обитаемых в густых джунглях Боиджии. Планета была малоисследованной, а история ее была полна древних легенд. Все это безумно интриговало, но, тем не менее, я не видела по-настоящему веских причин, по которым мне стоило бы составить ему компанию. Никакого особенного интереса эти махди для меня не представляли, к тому же, у меня рос ты, а за тобой нужен был глаз да глаз: твое неумемное любопытство уже создавало немало проблем. Мне было страшно оставлять тебя на попечение чужих, ведь на тот момент мало кто мог с тобою

справиться.

Батула мои слова, конечно же, не убедили. Он продолжал уговаривать, пока я, наконец, не сдалась. Ты можешь подумать, что я не очень-то и протестовала, но, поверь, мастер Аверре всегда умел убеждать... В итоге мы все-таки отправились в эту странную экспедицию, а кусочек моего сердца остался в Цитадели...

Батул снабдил нас самым передовым оборудованием, которое только можно было достать. Он с упоением рисовал картины открытий, которые меня ждут по прибытии, вот только умалчивал о собственном интересе. Как ни старалась, я не могла из него и слова на эту тему выжать. Ни антрополог, ни ксенобиолог, Батул, по сути, не имел оснований так интересоваться Боиджией, однако свои мотивы у него, несомненно, существовали. И я о них непременно узнаю. Люблю тебя.

Конец записи.

— Активируй второе.

— Прибытие на Боиджию оказалось не совсем обычным. Планета производила мощное впечатление, но не своими красотами или хиреющим стилем жизни, а какой-то неотвратимой аурой. Не знаю, как описать точнее. Я пробовала получить хоть какое-то объяснение ментально, но ничего не получилось. Я спрашивала его, но он все делает вид, что не понимает о чем речь. Атмосфера здесь загнивающая. Что-то давит на меня извне, как если бы на грудь положили десятикилограммовый камень. Даже вдохнуть поначалу оказалось невыносимо больно, и много времени понадобилось, чтобы привыкнуть...

Ты не поверишь, но город, который колонисты тут выстроили, меня очаровал. Ничего прекраснее я в жизни своей не встречала. Столько тонкости и изящества в каменных стенах и золотых шпилях, сочетаемых с дикой растительностью, было трудно ожидать от такого удаленного места как Боиджия. Мероэ вырос из снов, как будто ожившая сказка.

Мы разместились в гостинице, и здешняя хозяйка, была как будто рада нашему появлению, но что-то в ее взгляде меня настораживало, хотя лезть в ее мысли мне даже в голову не приходило. Батул заранее предупредил о более чем отрицательном отношении местных жителей к лейрам, так что нам приходилось соблюдать инкогнито, прикидываясь имперскими учеными.

Но не от всех.

Как оказалось, правитель Боиджии, был в курсе происходящего. Ты не представляешь, насколько меня поразила наша первая с ним встреча: граф Занди оказался чересчур молод. Во всяком случае, моложе, чем я ожидала от правителя — ему едва исполнилось двадцать семь. Две тетки непрестанно кудахтали вокруг, и, все-таки, планетой он управлял самостоятельно. Выяснилось, что граф сам связался с Батулом, прося у него помощи в решении «вопроса аборигенов». Так он сказал, чтобы это ни означало. От прямого ответа Аверре, конечно же, уклонился.

Я предполагала, что вскоре мы посетим поселения аборигенов, но я ошибалась. Выяснилось, что эти махди не терпят на своей территории посторонних, так что все исследования мне придется проводить дистанционно. Это не то, на что рассчитывала я, когда соглашалась на поездку, о чем и сказала Батулу, но тот снова выкрутился, сославшись на то, что всем необходимым для изучения материалом меня обеспечит Занди.

Тут он не солгал. Почти мгновенно в мое распоряжение была предоставлена лаборатория, устроенная в недрах небольшой сувенирной лавки под названием Си-Джо, куда было перенесено все оборудование. Дело оставалось за малым — дожидаться, когда мне дадут

рабочие материалы. Оказалось, что с этим могут возникнуть некоторые осложнения. Но все решается, успокоил меня граф.

Он выделил мне помощника — своего лакея. Изма оказался весьма неразговорчив, но я поняла, что он душой и сердцем предан своему хозяину, а потому выполнит все, что тот не пожелает.

Именно он доставил мне первые образцы для анализа. Предполагалось, что мои исследования будут проводиться над живыми махди. Я не планировала препарировать кого бы то ни было, однако получила труп. И не один, а почти десяток. Откуда Изма сумел их достать, я не знала. Мне сообщили, чтобы я поторапливалась, что не могло мне понравиться, о чем я и сообщила Батулу. Но тот лишь глупо отшутился, сказал, что я зря беспокоюсь и предложил списать все на горячность молодого графа. Я сделала вид, что поверила, но что-то подсказывало, что его светлость тут вовсе ни при чем.

Изображение остановилось, и я перевел дух. Так вот почему Аверре так рвался в Си-Джо! Заметал следы! Он уже тогда темнил, скрывая свои истинные мотивы от женщины, которую называл ближайшим другом. Радовало хотя бы то, что и мама не спешила верить ему полностью.

Не медля, я запустил третью запись.

— Даже мертвыми махди оказались куда интереснее большинства изученных мною рас. Проведя поверхностный осмотр, я выявила несколько весьма любопытных моментов.

Первое и, пожалуй, самое главное, — они не поддавались ментальному воздействию. Сама понимаю как, должно быть, глупо это звучит для тебя, но так и есть. Как бы я ни старалась, я не могла мысленно проникнуть сквозь их оболочку, чтобы осмотреть внутренности без аутопсии. Тени как будто натывались на невидимый барьер и отказывались прорываться сквозь него, постоянно соскальзывая.

Второе: я обнаружила образования в затылочной доле их мозга. Сначала решила, что так и должно быть, но потом, обследовав еще несколько тел разного возраста, поняла их искусственную природу. Оказалось, что махди вживляют себе в затылок и шею острые как иглы семена какого-то растения. Я отложила несколько образцов, чтобы изучить их чуть позже.

Третье: вскрытие показало, что внутренние органы аборигенов буквально напичканы растительными клетками. Сравнительный анализ подтвердил — растение внутри и семена в затылке — одного и того же вида.

Я не хочу говорить об этом кому-то, пока не проверю, как следует. Надо сказать Изме, что мне нужны еще несколько образцов.

Батула нигде не видно уже двое суток.

Следующее письмо:

— Сегодня застучала Изму в лаборатории без моего ведома. Вытолкала его взащей. Думаю, стоит ли сообщить об этом графу? Если он шпионил, то не по своей инициативе, а если это так, то и сообщать ни к чему. В конце концов, ничего важного он выяснить не мог. Результаты исследований я держу тщательно зашифрованными и... хотя об этом, думаю, пока не стоит...

Анализ растения подтвердил стопроцентное совпадение. Значит, махди не только едят его, но и вонзают себе в голову. Может быть, в качестве нейростимулятора или иного наркотического вещества? В истории галактики не раз встречались расы, чьи религиозные ритуалы сопровождались применением психотропных веществ, однако это не объясняет,

почему я не могу просканировать их тела. Чутье подсказывает, что здесь нечто иное...

Пока Аверре продолжает заниматься неизвестно чем неизвестно где, я решила посетить местную библиотеку. Милейшая старушка госпожа ЧиЭмей без вопросов позволила мне ознакомиться с материалами о махди, имеющих в их архивах. К моему сожалению, оказалось, что таковых крайне мало. Бегло пробежав глазами каждую из пяти книг, я поняла, что едва ли найду ответ здесь. Наудачу, я задала пару вопросов госпоже-архивариусу и она меня не разочаровала. ЧиЭмей сказала, что минн — так называется растение — для махди нечто вроде тотема, их покровитель и защитник от посланцев извне. Что это значило, я сама понимаю смутно, но думаю, что мне следует поговорить с Батулом и графом и постараться убедить их отправиться в джунгли. Мертвые махди едва ли поведают мне что-либо еще, а вот живые могут.

На этом письмо обрывалось. Но за ним было еще:

— Занди отказал. До сих пор не понимаю причину этого, но он только сказал: «Чужакам путь в леса закрыт. Те, кто уходят, назад не возвращаются». Не слишком обнадеживающе, как считаешь? Я пыталась объяснить ему, что мои исследования продвигались бы быстрее, имей я возможность работать с живым махди, но он отказался наотрез. И при этом смотрел на меня как-то странно. Я никогда не встречала столько боли в глазах молодого человека. Но что еще больше меня поразило, так это страх. Да, да. Я видела жуткий, первобытный страх в его глазах. Хотелось бы мне знать, какие мысли скрываются в его голове... В такие моменты я почти жалею, что не элийр.

Батула я так и не увидела. Занди сказал, что не знает, где тот может быть. Так я ему и поверила...

Вернулась в лабораторию, где снова обложила книжками о культуре и истории боиджийских аборигенов. Читать о них оказалось несравненно интересно. Мне хотелось знать, кто был автором всех этих исследований, но обложки книг такового не называли.

Изма, думаю, понимал мой интерес и предложил проверить экспонаты, хранящиеся в лавке наверху. До этого я практически не уделяла внимания отвратительному шоу уродцев, выставленному в старых пыльных витринах. Зато, каких только безделушек я здесь не увидела, и все они принадлежали культуре махди, включая мумифицированные головы некоторых их жрецов. Я взяла одну из голов в лабораторию. Мне было любопытно, отличалась ли она чем-нибудь от тех, кто был просто мертв.

Вскрыв череп, я обнаружила мозг, что было странно, ведь обычно при мумифицировании, если верить обрядам большинства рас, занимавшихся примерно тем же самым, его извлекают, чтобы предотвратить разложение. Но тут о разложении не шло и речи. Мозг просто затвердел и по составу напоминал сушеную древесину.

Подвергнув фрагмент серого вещества анализу, мне стал ясен принцип обряда. Видимо, махдийские жрецы или те, кто этим делом заведовал, высаживали на клетках мозга пророщенные семена минна и как-то стимулировали их дальнейший рост. Развивающееся растение поедало клетки, перерабатывая их в некую клейкую массу, растение растворялось в этом веществе и погибало, а полученная субстанция застывала и уже не разлагалась. Получался непроницаемый кокон, сквозь который не смог бы пробиться и элийр!

Я так потрясена, однако это лишь малая толика того, что я могла бы узнать, будь у меня на руках образец живого растения и кто-нибудь из аборигенов. Я должна отправиться в лес сама.

Вероятно, это будет последнее мое письмо, пока не вернусь обратно в Мероэ. Понятия

не имею, как они меня там встретят, но хочу надеяться на лучшее. Возьму с собой только минимум оборудования, сосредоточусь на работе. Думаю, так даже интересней, когда мне будет что рассказать тебе. Люблю тебя, мой малыш. Не скучай.

Здесь запись завершилась.

Я вылез из-за панели и, с трудом дойдя на ватных ногах до кесс-автомата, кое-как наполнил трясущийся в руках стаканчик горячим напитком.

Мама стремилась попасть к аборигенам. Не это ли ее погубило? Если хоть один махди виноват в ее смерти... Я позабочусь о том, чтобы от их деревни не осталось и камня на камне, неважно, сколько усилий для этого понадобится...

Из-за нахлынувшего раздражения, я непроизвольно сжал ладони в кулак, расплющив стаканчик и ошпарив себе ноги расплескавшимся кипятком.

Смачно выругавшись, отправился в кубрик, чтобы переодеться, но именно в этот момент хронометр запястья дал сигнал о наступлении рассвета. А ведь еще надо успеть добраться до таверны, откуда мы условились начать свое путешествие в джунгли Боиджии!

Быстро переоблачившись в свежую одежду, я вернулся к панели управления и отсоединил инфочип матери от проектора, еще раз перепроверил наличие при себе склянки с семенами минна. Занди пообещал, что обо всем позаботится. Я надеялся, что снабдить нас оружием к этому тоже относится, потому что сами мы безоружные для аборигенов никакой опасности не представляли. Зато я мог поздравить себя с тем, что впервые в жизни, меня это мало беспокоит. Желание выяснить правду наконец-то вытеснило страх смерти. Махди оказались той точкой, в которой сошлись все нити, а раз так, то пришла пора нанести им визит.

Глава 17. Сумеречной тропею

Если ночью Мероэ будто вымирал, то и с приближением рассвета ситуация не спешила меняться. Первые солнечные лучи уже облизывали верхушки городских шпилей бронзовым светом, а на улицах по-прежнему не было ни души — местные жители никуда и никогда не спешили. Недавно прошедший дождь оставил после себя мелкие лужицы и бодрящий запах свежести, вдыхая который, мне было проще бороться с той растрепанностью чувств, которая владела мной теперь безраздельно.

Добираться до таверны «Тибо» пришлось тем же способом, что и до космопорта. Полное отсутствие людей на улицах только упростило задачу. Если Гетт и поднял шум по поводу моего побега, то это пока никак не проявлялось. Разве что парочка патрульных машин встретила по дороге, да и те просто проплыли мимо, не сумев распознать меня среди неухоженных клумб. Для них я был не более чем темным пятном, неподвижной тенью, неинтересной и легко забываемой.

Переулок Джиптан отличался от большинства прочих улочек Мероэ обилием разросшейся дикой зелени. Густые верхушки паатов, дотягиваясь сюда из джунглей под городом, вгрызались в каменную кладку домов воздушными корнями, оплетая их своими тонкими прутьями и превращая мелкие закутки и подворотни в настоящие скрытые убежища для бездомных и прочих опустившихся представителей местного общества. «Тибо» располагалась аккурат между двумя такими участками, насквозь пропитанными смесью из вони отходов жизнедеятельности обитателей переулка и запаха буйно-цветущих лоз.

Полуживые диоды вывески все еще мерцали, хотя света на улице уже было достаточно, чтоб это стало незаметным. Взойдя на крыльцо на этот раз как человек, я оказался внутри и тут же с удивлением обнаружил, что заведение заполнено почти до отказа. Как будто час пик только-только начал спадать. Видно местное представление о ночном образе жизни не слишком отличалось от прочих миров Империи. Народ всех мастей развлекался, как мог. Кое-кто резался в азартные игры, но большинство примитивно заливало свои внутренности химическими соединениями, в разной степени приводящие их организмы в состояние эйфории.

Для большинства мое появление осталось незамеченным, а на тех, кто, все-таки, повернул голову в мою сторону, я воздействовал так же, как до этого обошелся с таможенником и патрульными. Так что даже если кому-нибудь из них вдруг случится попытаться припомнить, что я собой представляю, ничего кроме размазанного черного пятна они воспроизвести не смогут.

Не снимая капюшона, я осторожно двинулся к барной стойке, присматриваясь к завсегдатаям на всякий непредвиденный случай. Проходя мимо одного из столиков, мне посчастливилось стать свидетелем короткой разборки, закончившейся тут же практически без шума и пыли, когда один выпивоха вырубил хуком справа своего разгорячившегося собутельника. Но большинству не требовалось и этого. Они самостоятельно возили носами, хоботами и прочими обонятельными органами по грязным столикам, едва ли осознавая, где находятся.

Медленно поворачивая головой то влево, то вправо, я выискивал знакомые лица, однако никого не видел. Остановившись у бара, уселся на табурет. Утомленный ночной сменой,

бармен почти мгновенно материализовался рядом, интересуясь желаниями нового гостя в области питья. На разговоры с посторонними сил у меня не осталось, поэтому отмахнувшись, словно от насекомого, я заставил питейных дел мастера убраться восвояси, а сам развернулся к выходу и стал ждать.

Никаких признаков Занди или Эйтн не замечал, что было странно, ведь о времени все условились заранее. Могло ли произойти что-то, заставившее их обоих задержаться? Вдруг Эйтн не удалось отделаться от Гетта, или Занди, услышав об убийстве, наотрез отказался идти со мною в джунгли? Хотя оно маловероятно, но исключать такого поворота я все равно не стал.

Минуты текли, народ начинал потихоньку расползаться, а я нервничал все сильнее.

Чтобы не раздражать бармена, даже сделал заказ и теперь потягивал нечто под названием «Слеза паата» для поднятия, как сказал все тот же бармен, боевого духа. Вкус пошла оказался настолько же гадким, насколько отвратительным оно было на вид. Дав себе твердый зарок, что через две минуты я отправляюсь на поиски графа, вдруг увидел Изму, неторопливо пробирающегося в мою сторону.

— Что так долго? — спросил я, не особо заботясь о вежливости тона, когда лакей поравнялся со стойкой.

— Возникли некоторые трудности с...в общем, была причина, — не поднимая глаз, проямлил мект.

— Где он?

— На заднем дворе ждет. Сюда, через подсобку. Я провожу.

Прежде, чем уйти, я отсчитал за выпивку несколько кредиток и последовал за как всегда сгорбленным Измой, в проход, которым уже однажды воспользовался.

Он вывел меня во внутренний дворик, где обнаружился и Занди, замотанный в точно такую же, как у Измы не самую новую робу, больше похожую на образец военной экипировки для пехоты неопределенного грязно-зеленого цвета. На манер тюрбана, граф обматывал голову длинным серым шарфом, но увидев меня, остановился и молча кивнул.

— Что это на вас надето? — мой интерес был чисто академическим.

— Гораздо удобней для верховой езды, чем всякие мантии и прочие хламиды, — отозвался граф не в пример веселее, нежели я от него ожидал.

— А мы что, собираемся путешествовать верхом?

Но мои округлившиеся глаза и закономерный вопрос остались без ответа.

— Я готова, — из соседней двери появилась Эйтн. В охотничьем костюме защитного окраса она оставалась столь же неотразимой, как если бы на ней было бальное платье. Безупречна, как и всегда. И бластер с собой прихватила. В отличие от меня.

— Он сказал, были трудности? — спросил я, кивнув в сторону Измы. — Это потому мы не летим?

— Разве кто-то сказал, что мы не летим? — поинтересовался Занди с начинавшей уже бесить усмешкой.

— Тогда о каких трудностях идет речь?

— Ерунда, — отмахнулся граф. — Капитан Гетт воспринимает свои обязанности слишком близко к сердцу. Его взор обращен не только к вам двоим. Пришлось немного попотеть, чтобы заставить его смотреть в другую сторону.

— Понятно, — проговорил я, стараясь украдкой присмотреться к Занди повнимательней. Наша предыдущая встреча прошла не самым приятным образом. И я, и

Эйтн, оба позволили себе много лишнего, так что едва ли нам это вот так запросто сойдет с рук. Я старался поймать ее взгляд, чтобы получить хоть какой-то намек, но леди Аверре, словно и знать не желала о моем присутствии, зато с графом держалась как никогда сердечно.

Что же такого произошло между ними за минувшую ночь?..

Изма передал Занди небольшой холщевый мешок, в котором друг о друга побрякивали какие-то предметы. Граф пристегнул мешок к поясу.

— Так где же флаер? — спросил я, оглядывая внутренний дворик.

Граф кивнул куда-то в сторону очередного островка паатовых верхушек.

— Идемте, — сказал он. — Мы и так отстали от графика.

— А у нас есть график? — удивился я, следуя за процессией в противоположную от входа в таверну дверцу. Оказалось, что она вела к скрытой от посторонних глаз длинными и плотными ветками деревьев платформе, нависавшей над зеленой пропастью. Но транспорта не обнаружилось и там.

— Не понимаю...

— Сейчас увидишь, — неожиданно пообещала Эйтн.

Выйдя вперед, Занди достал из кармана маленький предмет, по форме напоминающий губную гармонику, и, поднеся его ко рту, несколько раз дунул. Почти неслышимый, похожий на стрекот насекомых, звук пробежал по площадке и исчез в шелесте плотной листвы. Громкие вскрикивания сразу же прекратились. На несколько секунд все замерли в ожидании. Сбитый с толку, я хмурился и поочередно переводил взгляд с Эйтн на Изму и графа, а они не отрываясь, смотрели куда-то в заросли.

Вдруг деревья пришли в движение, затрещали, ломаясь под весом чего-то или кого-то очень тяжелого, посыпалась листва и спустя еще мгновение на пандус один за другим спланировали два удивительных пернатых зверя.

С широко раскрытыми от изумления глазами и открытым ртом, я смотрел, как эти, похожие на гигантских крылатых ящериц, существа складывают свои громадные пестрые крылья по бокам широких оседланных спин, и поверить не мог, что вижу их наяву.

— Это... это...

— Килпасс, — сказал Занди и подмигнул: — Наши флаеры, Сет.

Огромная, украшенная цветастым хохолком голова одного из существ повернулась набок и уставилась на меня своим желтым и не очень дружелюбным глазом.

— Почему оно на меня так смотрит? — тут же спросил я.

— Она почуяла твою силу, — ответил Занди. — У нас тут не только аборигены с секретами, знаешь ли. Изма!

Мект быстро швырнул графу вторую сумку. Перехватив ее на лету, Занди запустил внутрь руку и извлек кусок сырого белого мяса и подбросил его зверюге. Огромная пасть, усыпанная острыми, словно иглы зубами мгновенно проглотила угощение.

— Кушай, девочка, — любовно приговаривал Занди. — Кушай.

Громко клацнула мощными челюстями вторая зверюга, явно требуя внимания и к своей персоне.

— Ты тоже хочешь? Лови-ка!

— Мы, вроде бы, торопились, — заметила Эйтн, когда показалось, что любование графа собственными питомцами несколько затянулось.

— Все верно. Но нужно, чтобы они привыкли к вам. Килпассы весьма строптивые

существа, они не любят чужаков. Если их не задобрить, они могут попросту сбросить своих седоков где-нибудь посреди джунглей. Не думаю, что вам это понравится.

— Можно было бы обойтись и настоящим флаером, — пробубнил я. — Я, конечно, люблю животных, но не до такой степени.

— Думаете, почему территория аборигенов считается запретной для чужаков? — сказал Занди. — Махди презирают цивилизацию. Они однажды уже обожглись и больше не допускают в свои земли людей с машинами.

— Вы говорите о себе или о ком-то другом? — спросила Эйтн.

Лицо графа потемнело.

— Не о себе, — сказал он. — Хватит терять время. По местам. Эйтн, вы — со мной. Изма возьмет Эпине. Залезайте.

Схватив птице-ящера за узду, Занди лихо вскочил в седло и протянул руку Эйтн, помогая ей устроиться позади себя. Если леди Аверре и нервничала, то не соизволила это продемонстрировать. Обхватив графа за пояс, она окинула меня взглядом полным шутливого превосходства.

«Ах, так?» — я не собирался оставаться в долгу. Пока Изма перепроверял крепления стремян, я осторожно коснулся сознания зверя через токи Теней, ожидая ментального отклика. Килпасс не распознал вторжения, но почувствовал наличие между ним и мной психической связи. Встретившись с ящером взглядами, я осторожно подавил волю животного, тем самым установив, кто из нас главный.

Изма уже взобрался верхом и молчаливо ждал.

— Эпине, чего копаемся? — окликнул Занди.

— Иду, иду, иду.

Устроившись позади мекта, я теперь, по крайней мере, мог вздохнуть спокойно — никто выбрасывать из седла в полете меня не станет. Разве что Изма посчитает, будто двоим здесь тесновато, но это уже беспокоило меня не так сильно.

— Теперь прошу еще немного вашего внимания, — объявил граф, доставая из кармана небольшой округлый кристалл, и вставил его в ячейку портативного проектора, встроенного в переднюю луку седла, — я в этот момент вспомнил его слова о нелюбви аборигенов к достижениям цивилизации, и мне сразу же стало интересно, выбросит ли он потом седло? Через мгновение в воздухе изобразилась во много раз уменьшенная карта Боиджии.

Пришлось развернуться, чтобы рассмотреть голограмму лучше. Красной точкой на ней высвечивался Мероэ, второй огонек скрывался в нескольких тысячах километров к юго-западу от столицы, и от одного к другому зеленым пробегала ломаная кривая нашего маршрута.

— Не близко, — заметил я.

— Точно. Но на Боиджии следует бояться не расстояний, а троп, по которым идешь. Учитывая, что нам придется держаться близ верхушки леса, полет займет не так уж мало времени. Если все пройдет гладко, то на границе их главной деревни мы будем приблизительно на закате. Пару привалов можно будет устроить. Надеюсь, высоты никто не боится?

Я нервно сглотнул, но не ответил.

— По-моему, поздно об этом спрашивать, — отозвалась Эйтн.

Граф хрипловато рассмеялся.

— Тогда вперед.

Он хлопнул поводьями и что-то громко выкрикнул. Оба пернатых ящера прокричали в ответ, наполнив просыпающуюся округу звонким эхом. Расправив свои огромные крылья, килпассы несколько раз синхронно взмахнули ими, подняв вокруг себя тучи пыли, а затем, резко оторвались от пандуса, перемахнули через верхушки паатов и рванули вниз со скалы.

Такого резкого старта я не ожидал и непременно бы заорал во всю мощь собственных легких, но плотный поток воздуха, забив глотку, заставил меня поперхнуться и закашляться. Капюшон сорвало с головы, ветер бил по лицу, заставляя щуриться. Килпассы неслись к земле с невероятной скоростью, но у самой поверхности лесного массива неожиданно выровнялись и полетели вперед, уносясь, прочь от городской черты. Из-за притока адреналина в кровь, мое сердце заходило от бурной радости и рвалось из груди. Еще ни разу в жизни мне не доводилось летать на ком-то подобном, и неожиданно для себя я очень быстро стал понимать, до чего же мне это нравится. Все заботы последнего времени, переживания и проблемы вмиг отошли на задний план, сменившись ощущением неограниченной свободы и позволяя мне просто наслаждаться полетом.

— Сэр, — вдруг сказал Изма, обращаясь ко мне.

— Что?

— Вы слишком крепко держите. Я не могу, как следует управлять килпассом.

Только сейчас до меня дошло, что я буквально вцепился в бока мекта мертвой хваткой.

— Ой, прости.

— Просто расслабьтесь, — посоветовал он. — И не давите.

Глядя на Эйтн, летящую вместе с графом слева от нас, я поймал себя на мысли, что как будто бы для нее это далеко не первое путешествие верхом на таком чудовище. Она сидела так, словно родилась в седле килпасса. Ни высота, ни скорость ее, казалось, вовсе не беспокоили. Правда, я заметил, что она прижималась к спине Занди несколько теснее, необходимого, и при этом успевала о чем-то с ним переговариваться. Лица самого графа я видеть не мог, но при этом четко представлял себе выражение самодовольства, вызванное тем, что ему, наконец, удалось произвести впечатление на риоммскую леди.

Я ухитрился извернуться и посмотреть назад — Меройские холмы, оставаясь позади, стремительно уменьшались в размерах — единственный маяк цивилизации на тысячи и тысячи километров вокруг, а впереди лишь бескрайний океан зелени всех возможных оттенков. Уже смотреть на всю эту красоту с городских стен было непередаваемым удовольствием, но парить над бескрайними просторами — такое просто не поддавалось сравнению. Деревья росли так плотно друг к другу, что с высоты полета казались единым непроницаемым лоскутным покрывалом, неповторимый узор которого местами прорезали макушки древних паатов, достигших поистине исполинских размеров.

— Здесь килпассы выют себе гнезда, — сказал Изма, когда миновали один из таких гигантов, чьи толстые кривые ветви усеивали своими тушами стаи разномастных птицеящеров. — У нашего мира неповторимая природа.

Никто и не собирался с этим спорить, но меня слегка удивила неожиданная словоохотливость обычно молчаливого мекта.

— Решил устроить мне экскурсию? — весело поинтересовался я, перекрикивая шум ветра в ушах.

— Подумал, вам может быть интересно, сэр, — сконфуженно отозвался лакей. Он снова весь как-то подобрался.

— Совсем не обязательно заговаривать мне зубы, Изма. Я вовсе не чудовище.

— Сэр, вы не...

Невооруженным глазом стало заметно, как его чешуйки начали менять свой цвет.

— Я знаю, что моя компания тебе не по душе, — сказал я, — но поверь, бросаться на тебя из-за этого я не собираюсь.

— Ваше мнение ошибочно, — еле слышно проблеял мект.

Я все-таки решил не мучить упряма, умолчав о том, что вполне ясно ощущал, как от него просто-таки разило первобытным страхом, вызванным моей сущностью. Еще возьмет, да и потеряет сознание. Кто потом будет управлять зверюгой?

— Изма, бери ниже, — крикнул граф. — От гнездовой лучше держаться подальше.

— А что может случиться? — спросил я.

— Килпассы килпассам — рознь, — ответил он. — Они — хищники. Наши приручены, но диким-то никто не говорил, что нельзя охотиться на людей.

Следуя примеру Занди, Изма заложил вправо, уходя как можно дальше от потенциально опасных мест.

— А как, кстати, вам удалось их приручить?

— Его светлость научился от махди, когда жил у них в джунглях. Они, вообще, много чему могут научить, если относиться к ним по-доброму. Этих двоих он притащил еще птенцами и спрятал на заднем дворике у «Тибо». Граф сам выхаживал их, кормил, а я помогал, поэтому и мне посчастливилось стать частью их жизни. Думаю, на свете нет более преданных существ.

Я рассмеялся, почти неслышно, но Изма это заметил:

— Почему вы смеетесь?

— Просто впервые ты разговариваешь по собственной воле, без давления и страха, — ответил я. — Я больше тебя не пугаю?

Кажется, мект впервые свободно рассмеялся в ответ:

— Нет, просто сейчас я знаю, что ваша жизнь зависит от меня, и потому не боюсь.

За временем я особенно не следил, но мы летели уже около двух часов, а вокруг по-прежнему простиралось безбрежное море растительности. Солнце поднялось выше, скрывшись за наползшими на небеса темными массами кучевых облаков.

— А если пойдет дождь? Что мы будем делать?

— Укроемся в деревьях.

— И это безопасно?

— Не так опасно, как лететь на открытом пространстве в грозу, — зловеще проговорил Изма. — А грозы здесь жуткие.

— Отыгрываешься на мне за то, что пугаю тебя? — разве мой вопрос можно считать нелогичным?

В ответ мект умудрился изобразить самую невинную из всех мин:

— Разве я могу быть на такое способен? Я всего лишь скромный лакей.

— Я запомню это, на случай если решу отомстить.

— Вы же сказали, что я могу вас не бояться, — напомнил мект.

— Ага, — подмигнул я. — А еще я мог солгать. Догоняй их.

Я как-то упустил из виду тот момент, когда Изма взял слишком большой крен влево, чтобы обойти очередное дерево и едва не оцарапал лицо об острые ветки. Не будь я так уверен, что мект гораздо искуснее в пилотировании живого транспорта, нежели механического, решил бы, что он сделал это не нарочно.

Еще час спустя граф приказал остановиться и передохнуть. Для привала был избран небольшой участок на стволе паата, чей изгиб шел параллельно поверхности. С удовольствием вцепившись своими огромными когтями в прочные ветки, килпассы повисли на них, сложив крылья.

— Можете немного пройтись, — посоветовал Занди, доставая из сумки очередное мясное угощение для своих любимцев. — Нам еще лететь ой-ой-ой сколько. Полюбуйтесь здешними красотами, пока есть возможность.

— С удовольствием продолжила бы путь, обойдась и без этого, — проговорила Эйтн, с трудом спешиваясь. — Выигранное время дороже.

— Если вам не требуется отдых, миледи, то он требуется им, — сказал граф, кивая на килпассов и ласково трепля их за холки. — Если животные выдохнуться и не смогут вас везти дальше, думаете, сможете оказаться у махди быстрее?

Она ничего на это не ответила, но спустилась по стволу чуть ниже.

— Будьте осторожны, Эйтн, — предупредил граф. — Не сорвитесь, а то вся поездка вообще окажется бесполезной.

— Постараюсь.

Пока Изма обсуждал какие-то проблемы со своим хозяином, я решил воспользоваться советом графа и осмотреться здесь как следует. Ведь я не знал, когда еще выпадет возможность так близко соприкоснуться с дикой природой чужого мира.

А посмотреть здесь было на что. Из-за плотной листвы вверху, свет сюда попадал мало, но тех нескольких вертикальных лучей оказывалось достаточно, чтобы превратить дикий лес в сказочный. Я даже глазам своим сначала не поверил. Поросший мхом ствол паата, на котором мы остановились, плавно спускался вниз, теряясь в мглистой дымке нижних уровней. Сколько он был в высоту? Наверняка километр, не меньше. Во все стороны от него под разным углом уходили прочные толстые ветви, усыпанные, словно драгоценными камнями, блестящими пестрыми листьями размером с человеческую голову, и с каждой ветки на длинном, толщиной в запястье, стебле свисали аметистовые люстры цветков.

Внимание Эйтн привлекла как раз одна из таких розеток, висевшая на расстоянии вытянутой руки от края ствола. Лишь поравнявшись с ней, я понял, чем именно ее так заинтересовал этот цветок — он шевелился.

— Что это?

— Колонии бабочек, — отозвалась Эйтн. — Занимаются тем, чем им и положено — переопыляют цветы.

— Не знал, что ты еще и в зоологии разбираешься, — проговори я, глядя на то как, стайки перевернутых вверх тормашками бабочек-гигантов теснятся на лепестках, надеясь получить порцию сладкого нектара. Вытянул вперед руку и задел кончиками пальцев нераспустившийся бутон ближайшего цветка. Невидимая энергия перетекла по моей коже в цветок, заставив его на глазах распуститься. Небольшая стайка бабочек сразу же перекочевала к нему, исполняя свой долг, записанный в их генетический код самой природой.

— Насекомые всегда выполняют свою работу, делают то, что нужно, — произнесла Эйтн с оттенком грусти в голосе. — В отличие от существ разумных.

— Считаешь, мы не тем делом занимаемся? — Несколько бабочек перескочили с бутона мне на ладонь, приятно щекоча кожу своими тонкими лапками.

Она повернула голову, взглянув на меня.

— Нет. Но в отличие от них, на существ разумных нельзя положиться.

Почти целая минута ушла на то, чтобы я смог осознать сказанное ею и прийти к заключению:

— Ты что, боишься? — Я даже не заметил, как улетели насекомые и только смотрел на девушку во все глаза и не верил им. — Ты это серьезно? Я думал, ты на такое просто не способна. Не верится мне и все тут.

— Рада за тебя, — девушка отвернулась.

— Эйтн, погоди, я не то хотел сказать! — опомнился я и рванул следом. — Прости. Но это и правда очень необычно, ведь раньше ты никогда не позволяла себе проявлять эмоции.

— Не позволяла — еще не значит не испытывала, — бросила она. — И почему тебе это кажется таким уж странным? Уж ты-то должен меня понимать. Разве не от контроля над собой зависит успех лейра?

Я невольно усмехнулся.

— С этим-то у меня как раз и проблемы.

Я попытался сделать улыбку более мягкой, но Эйтн на нее не ответила.

— Может быть, как раз это и делает тебя особенным? — проговорила она задумчиво. — Что ты узнал из инфочипа?

Весь мой покой, точно ветром сдуло.

— Многое, — отозвался я, отступив от нее на шаг назад. — Это и впрямь письма. Письма моей матери. И адресованы они мне.

Взгляд Эйтн быстро менялся от непонимающего и растерянного до странно озабоченного.

— Как они попали в архив?

— Тот самый вопрос, который мне не терпится задать твоему дядюшке, — проговорил я, и получилось, почему-то, едва ли не угрожающе.

— Что в этих письмах?

Едва смогу с достаточной долей ясности описать причину, но мне отчего-то расхотелось делиться с нею тем, что открылось мне из писем мамы. Это были сокровища. Только мои и ничьи больше. И хоть я и понимал, что это все так по-детски, а ничего с собою поделаться не мог.

— Вопросы, — отозвался я глухим тоном. — Только вопросы.

Даже смотреть на нее не нужно было, чтобы понять — такой ответ Эйтн не устроил, однако появившийся из ниоткуда Занди избавил меня от необходимости вести беседу дальше.

— Пора в путь, — сказал он, глядя на нас обоих как-то странно.

Следующая часть полета проходила уже в менее радужных тонах, во всяком случае, для меня. Расстроенный воспоминаниями о письмах, я уже не обращал внимания на захватывающие виды, сосредоточившись на себе и том, что предьявлю Аверре, едва его увижу. Я знал, что разговор с ним будет долгий и на этот раз он от меня не отвяжется.

Пролетели над открытым каскадом водопадов, начинавшимся из ниоткуда и исчезающим в никуда под извечным зеленым покровом. Рев срывающейся вниз воды и бьющие во все стороны ледяные брызги немного освежили путешественников, придав нам дополнительных сил — поездка утомляла скованностью движений и постоянным напряжением.

— Почему нельзя было лететь по прямой? — озадачился я вопросом, снова вырывавшим

меня из мрачных лабиринтов мыслей. — На карте Занди показал какой-то немислимый зигзаг. К чему он? Разве мы так еще больше времени не потеряем?

— Его светлость знает что делает, сэр, — был ответ.

— Ну, естественно, — протянул я. — А у его светлости не возникало мысли поделиться с нами своим знанием?

— Все дело в метках, которые оставили аборигены. Его светлость потратил несколько лет на то, чтобы восстановить маршрут таким, каким его создали махди для первых пришельцев. Эти метки расположены в особых местах леса, и если мы их обойдем, это станет смертельным оскорблением для аборигенов. Без них мы и назад-то вернуться не сможем.

— То есть, выходит, они знают о нас?

— Без ведома махди в джунглях даже килпасс не вылупится, — сказал Изма. — Наша старая поговорка, но она правдива. Граф думает, за нами уже наблюдают.

Слова Измы заставили меня насторожиться и прислушаться к Теням.

— Но я ничего такого не ощущаю.

— Так и должно. Иначе они бы не были махди.

Решив, что эту тему мне пока что трогать не хочется, я поинтересовался:

— А что граф держит во второй своей сумке? — По правде сказать, я уже давно обратил внимание на то, что за все время полета, Занди ни разу с ней не расстался.

Но, кажется, отвечать лакей не собирался:

— Сэр, впереди по курсу Лозная чаща. Не говорите под руку, а?

«Смотри-ка, — подумалось мне. — Дикие места делают и прислугу дикой».

Раздумывая над тем, как бы поострее срезать зазнавшегося служку, я не придавал значения тому, о какой Лозной чаще шла речь, но когда мы снова ушли под лиственную сень, и я смог воочию увидеть это, мне стал понятен смысл сказанных слов.

Оказалось, что это настоящее кладбище паатов. Огромные многоствольные, изогнутые под любыми углами и переплетенные между собой как им вздумается, древние великаны леса были задушены паразитическими объятями лоз. Лавировать среди этого частокола оказалось невероятно трудно и обоим наездникам пришлось приложить все свое значительное мастерство, чтобы не расплющиться о какую-нибудь свободно болтающуюся лиану.

— Ну почему было не облететь это место? — прошипел я, когда несколько торчащих веточек пару раз хлестнули меня по физиономии. — Почему не поверху?

— Потому что существуют птички и побольше килпассов, — неожиданно проорал летевший рядом Занди.

Как он услышал? Вопрос этот, видимо, так явственно отразился на моем лице, что расхохотавшийся граф пожал плечами:

— Читаю по губам. Поверь, Сет, тебе бы не хотелось встретиться с тем чудовищем лично.

Отвечать на это что-либо казалось бессмысленным, так что я лишь повторил свой другой вопрос:

— Что в сумке?

— Кое-что, способное позволить нам всем остаться в живых, когда окажемся среди аборигенов.

Я стрельнул глазами в сторону Эйтн, но вид у девушки казался столь же недоуменным.

— В каком смысле? — попытался уточнить я, но двух килпассов, будто нарочно, разделило очередное дерево-гигант.

Навскидку до конца пути оставалось меньше часа — хоть с точностью судить об этом было трудно, но, кажется, солнце уже начинало свой неторопливый спуск по небосклону, а значит, совсем скоро путешествию должен был настать конец. Я ждал этого с нетерпением, вся моя задняя часть уже онемела, а ноги затекли. Мочевой пузырь требовательно напоминал о том, что его пора бы и опорожнить. А еще меня обуяла дикая жажда. Ладно, хоть погодка стояла не самая знойная.

Переводя от нечего делать взгляд поочередно на каждого из своих спутников, я отмечал степень внешней усталости каждого из них: Эйтн, хоть называла себя путешественницей бывалой, вымоталась почти так же, как и я сам, с одной лишь только разницей, что каким-то чудом умудрялась выглядеть при этом безукоризненно (усталость в ней выдавали только глаза); Изма, без необходимой дозы райса, дышал через раз, но стоически продолжал управлять килпассом (за него я переживал, ясное дело, больше всех); один только граф вел себя так, будто ему все нипочем (и это просто бесило). Казалось, всем будет глубоко плевать, объявись сейчас вооруженный до зубов отряд махди, — никто бы и бровью не повел.

— У тебя хоть что-нибудь еще осталось? — моя рука сама потянулась к Изминой поясной фляжке с водой.

— Вы спрашивали полчаса назад, — устало отозвался мект. — Пусто там.

— Я пить хочу.

— Я тоже.

— Терпение, друзья, — сообщил граф. — Еще чуть-чуть, и тогда сможете вдоволь напиться, наесться и отоспаться с дороги.

— Звучит хорошо, — проговорил я.

— Еще бы так же оказалось и на деле, — заметила Эйтн. — Сколько нам осталось лететь?

— Расслабьтесь, миледи, — возвестил граф. — Уже прилетели.

Все как один встрепнулись, словно каждого в ледяную реку окунули. Послышался общий облегченный вздох:

— Наконец-то!

Однако, как понимал я, радоваться было еще рановато, — мы уже сбросили скорость, идя на снижение, но никаких намеков на существование деревни махди в ближайшем радиусе не наблюдалось. Даже преданный графу Изма заметил, что это весьма необычно, хотя, по обыкновению перечесть своему хозяину не решился.

Я ума не мог приложить, куда мы будем приземляться — куда ни глянь, всюду извивались лианы и стволы деревьев, как в сеть затянутые снизу каким-то кустарником, и ни намека на сколько-нибудь пригодную прогалину или поляну, одни лишь заросли. Только в редких местах в точках сплетения паатов разрастались колонии гигантских грибов, их излучающие едва заметный призрачный свет шляпы могли бы спокойно поместить на себе взрослого килпасса. Удивило то, что от веса туши спикировавшего на него зверя, гриб даже не прогнулся. Выбрав похожий плацдарм, Изма посадил и наше животное.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стоило килпассу приземлиться, граф выбрался из седла; впервые на моей памяти не

предложил руку и помощь Эйтн, — сразу же и, не терпя конкуренции, джунгли поглотили все его внимание целиком. Занди неподвижно замер на краю гриба, как будто прислушиваясь к чему-то, особенно если принять во внимание, какая какофония поднялась вокруг, стоило ушам перестать воспринимать шелест крыльев килпасса и шум ветра: вечерний воздух заполнили периодические крики, свидетельствующие о том, как многообразна и богата местная фауна. Сколько я ни пытался прочувствовать местность ментально, Тени вокруг звенели от напряжения, что отдавалось гулким эхом в голове и мне пришлось вновь запереть свое сознание.

— Я думаю, они близко, — загадочно проговорил граф. Он обернулся и вопросительно обвел всех троих взглядом: — Чего вы ждете? Идем. Или вы уже передумали и не спешите на помощь своему драгоценному мастеру Аверре?

— Куда идти-то? — попробовал уточнить я.

— Вперед, — скривился он. — Куда же еще?

Взгляд, которым я одарил Эйтн, был красноречивее любых слов, но девушка только плечами пожала: а я что говорила?

— А как же ваши зверушки? Бросим их здесь?

— Изма о них позаботится, не переживай, Сет, — ответил Занди, прицеливаясь, куда бы поудобней спрыгнуть. — Будьте осторожны — тут довольно скользко.

Эйтн я из вежливости пропустил вперед, пока наблюдал, как Изма отсылает явно нервничавших в тесноте килпассов на свободу.

— Они будут рядом и прилетят, когда мы позовем, — пояснил мект, а затем так же легко, как и граф поскакал с гриба на гриб, с ветки на ветку.

Я, признаюсь, немного переживал, что трудности возникнут у Эйтн, но моя тревога была напрасной — леди Аверре, двигаясь с проворством акробатки, ежеминутно продолжала убеждать всех, что далеко не хрупкая фарфоровая кукла.

— Эпине, не отставай! — крикнул граф.

Среди всей нашей разношерстной компании, мне, пожалуй, путешествие пешком давалось легче всего. Тени поддерживали мой организм, не только заставляя позабыть об усталости, но и значительно развивали физические возможности, поэтому там, где другие спотыкались и часто долго думали, куда сделать следующий шаг, я просто шел, прыгал или лез, точно древолаз-гуатана, проворно и абсолютно бесшумно.

Постепенно спускались все ниже, пока уже крытые макушки паатов не исчезли за ветвями среднего уровня. Граф хотел достичь нижнего яруса леса, но при этом всеми силами стремился избежать наиболее труднопроходимых мест.

— Не понимаю, почему нельзя было пройти по верхам? — удивлялась Эйтн, перелезая следом за Занди через трухлявый ствол одного рухнувшего, да не упавшего дерева. То и дело она кидала мрачные взгляды вниз. — Мне кажется, там идти гораздо опасней.

— Верно, потому до самой земли мы не полезем, но немного спуститься все-таки стоит, — ответил граф, обернувшись и внимательно посмотрев не девушку. — Или вы уже не доверяете своему проводнику, Эйтн? Изма, а на твоём месте этот цветочек я бы не трогал.

Мект как раз только-только склонился над распустившимся бутоном небесно-голубого цвета, с мясистыми бархатными лепестками, покрытыми капельками влаги. Цветок источал очень тонкий аромат, необычность которого привлекла и меня, вспомнившего о том, что слуга графа весьма неравнодушен к разнородным фимиамам. Запах привлекал целые стаи насекомых. Одно из них оказалось достаточно смелым, чтобы присесть на цветок, как в то

же мгновение он резко захлопнулся. Вдруг откуда ни возьмись, у цветка выросли глазки, появились четыре лапки и хвост. Соскочив с насиженного места, живой цветок быстро юркнул в норку, только его и видели.

Изма от увиденного так и застыл с раскрытым ртом и растерянно захолопал глазами.

— Это — туа, — объяснил Занди. — Выдохни, Изма, это всего лишь безобидная ящерица. Правда, если бы вместо мухи, к ней в пасть попал твой палец, он бы так там и остался. Поэтому не суй их, куда попало.

С того момента Изма начал шарахаться буквально каждой твари, встреченной нами в пути. Правда, не он один. Мне тоже в каждой тени мерещились насекомые и прочие склизкие ползучие гады, от которых под воротничком дико зудела покрывшаяся испариной кожа. Пару раз казалось, что за нами издали кто-то наблюдает, но каждая попытка подтвердить это заканчивалась неудачей — ментальные щупы, направленные в том или ином направлении, не сообщали ровным счетом ничего, только напряженно гудели внутри моего сознания. Но так было с тех пор, как мы оказались в джунглях.

Я наблюдал за остальными, не заметил ли кто-нибудь из них того же, но и Эйтн, и Занди, и, что неудивительно, Изма вели себя совершенно спокойно. Несколько секунд я раздумывал, не поделиться ли своими предчувствиями. Судя по тому, что мне удалось узнать о махди, Тени на них реагировать не станут. А раз так, то и не зачем пока превращаться в параноика.

— Как долго нам еще плутать? — наконец спросила Эйтн. — Уже почти час как мы оставили килпассов, но никаких следов махди я не заметила. Граф, вы уверены, что мы не заблудились?

Занди остановился на месте и медленно повернулся к остальным, при этом сохраняя на лице какую-то странно-пугающую полуулыбку, сумасшедшие искорки плясали в его глазах.

— Еще как уверен — мы совершенно заблудились, — объявил он.

Я непроизвольно раскрыл рот.

— Так и знал.

— Конечно, — сиял Занди. — А иначе зачем бы нам понадобилось бросать килпассов?

— Ведь вы сами сказали, что махди...

— Махди никому не позволяют знать местоположение своих поселений, даже со спутников разглядеть их совершенно невозможно. После того, как я вернулся от них много лет назад, я несколько дней провалялся в беспомощности, а когда, наконец, пришел в себя, то вспомнить не мог, как к ним добраться. Я еще много раз пытался их отыскать, но безрезультатно. Словно джунгли сами укрывали их от меня.

— Тогда какого черта мы сейчас стоим здесь по уши в грязи и насекомых, и рассуждаем о том, чего найти не можем? — не выдержал я. — Или не вы говорили, что знаете, как провести нас туда? В чем тогда смысл всего этого идиотского похода, если ни вы, ни кто-либо другой не знает, как найти этих проклятых аборигенов?

У, в общем-то, полезной способности лейров гасить свою усталость существовал один, но существенный недостаток — повышенная раздражительность, способная вылиться в нечто куда более серьезное. Лично у меня, руки уже чесались по самый локоть...

Но ответила Эйтн, а не Занди:

— Смысл в том, что мы сколько угодно можем бродить по лесам, пока махди сами нас не отыщут, я права?

— Совершенно верно, — все со своей кривой ухмылкой, кивнул его светлость.

— Хотите сказать, это специально?

— Ну, конечно! Теперь нам надо только дождаться, когда хозяева джунглей решат, что их незваные гости поплутали достаточно, чтобы быть принятыми Старейшиной.

— Ваша светлость, — почти неслышно выдохнул Изма, — по-моему, дождались.

Он указывал в густую тень из переплетенных лиан над головой Занди, а глаза округлились от испуга, вот только непонятно, за кого он переживал больше — за себя или же за хозяина. На том месте, куда показывал мект, из тени, словно по волшебству, материализовалась приземистая фигура; из-за сумрака было сложно разобрать нечто большее, чем ее очертания, но уже тогда мне почудилось в ней что-то знакомое — я уже наблюдал этот трюк как минимум пару раз. Когда зажглись два фиолетовых фонарика вместо глаз, все сомнения разом отпали.

— Это они.

Мгновение темная фигура оставалась неподвижной, но потом с ней стала происходить какая-то метаморфоза, пятно стало делиться и множиться, будто живая клетка, и уже не одна, а четыре, пять, шесть фигур смотрели на чужаков в здешних краях сверху вниз своими фосфоресцирующими глазами.

— Там еще, — проговорила Эйтн, указывая в противоположную сторону. — Мы окружены.

Рука девушки инстинктивно легла на кобуру.

— Только без резких движений, пожалуйста, — предупредил нас Занди, по-прежнему не отрывая взгляда от того, что появился первым. — Они должны понять, что мы не представляем угрозы.

Он отстегнул от пояса свой таинственный мешок и очень медленно поднял его на уровне головы. Этот довольно странный ход графа спровоцировал реакцию — свечение тринадцати пар глаз на секунду сделалось ярче, отчего мне стало основательно не по себе. Я в который раз мысленно обругал себя за то, что не прихватил с собой хоть какое-нибудь оружие.

— Они знают, что у вас в мешке?

— Скорее догадываются, — ответил Занди. Он что-то выкрикнул на языке, странно напоминающем утробное урчание желудка проголодавшегося.

Затем на несколько секунд повисло молчание, которое сменилось тихим стрекотанием, отдаленно похожим на смех.

— Что вы им сказали? — спросила Эйтн.

— Что пришел вернуть то, что украл.

От удивления я разинул рот:

— В смысле? Что у вас в мешке?

Но граф не обратил на мои слова внимания, продолжив переговоры на неведомом языке.

— Где он успел выучить их язык? — шепотом спросил я у Измы, но тот не ответил. Казалось, еще немного и бедный мект грохнется в обморок.

Тем временем Занди уже разворачивал мешок у себя на ладони с явным намерением продемонстрировать все так же остававшимся в тени махди его содержимое.

Громкий и совсем не радостный ропот раздался над поляной, когда граф показал всем маленькую, размером с крупную луковицу, почерневшую и сморщенную, но все еще сохранившую черты лица, засушенную голову аборигена. Я застыл, снова раскрыв от

изумления рот, ведь нечто похожее, мы с Эйтн и Ридж уже видели раньше, в лавке Си-Джо.

— Где вы это взяли? — не веря глазам своим, потрясенно спросила девушка.

Уже смотреть на сушеные останки было само по себе неприятно, но как Занди хватало выдержки держать это в руках, уму непостижимо. На аборигенов, кажется, зрелище тоже произвело своеобразный эффект. Они опять застрекотали и один за другим стали выходить на свет, образуя плотное кольцо, в центре которого оказались заключены мы четверо.

Оказавшись лицом к лицу с махди, я обнаружил, что, когда знаешь своего врага в лицо, он уже не кажется таким ужасным. Вблизи выяснилось, что обитатели джунглей куда ниже ростом, чем ожидалось. Я и сам далеко не великан, но даже мне они едва доставали макушками до подбородка. При наличии освещения, их глаза перестали так зловеще мерцать, однако это ничуть не умаляло угрожающей воинственности, волнами исходящей от аборигенов. Их внешность лишь отдаленно напоминала человеческую: голова значительно крупнее, очень грубые черты лица, скошенный лоб и выступающий вперед широкогубый рот, а нос практически отсутствовал. Здесь были представители обоих полов, одетые в одинаковые набедренные повязки. Каждый сжимал в руках деревянный нож, ятаган, пику, либо расписную духовую трубку.

Из-за невозможности прощупать их ментально, мне было чрезвычайно неудобно. Так себя, наверное, чувствуют слепые на один глаз — видеть можно, но угол обзора уже не тот.

Один из аборигенов, судя по виду главный, сделал еще несколько неуверенных шагов к Занди. Выпятив вперед грудь, он что-то зло залопотал на своем. В ответ граф выставил перед собой голову. Махди тут же отступили назад.

— Почему они ее боятся? — спросила Эйтн.

— Потому, что им запрещено ее касаться, — ответил Занди, ухмыляясь, обводя взглядом ночных стражей. — Брать в руки Святыню могут только жрецы.

— Но вы осквернили ее тем, что украли, — сказал я. — Ведь потому вы так отчаянно не хотели вести нас сюда, верно?

— Весьма проникательно, мастер-лейр, — кисло произнес Занди. — Так и есть. Я украд эту голову много лет назад и теперь, рискуя своей жизнью, принес ее обратно, лишь бы вам помочь, так что можете быть благодарны.

— О, да. Как раз, когда из нас решат сварить праздничный ужин, я буду рассыпаться в благодарностях!

— Можете не переживать, Сет, на вас у них иные планы.

— Н-да? Это они вас об этом просветили?

— А вам в голову не приходило, что они прекрасно понимают, о чем мы тут толкуем? — негромко встала Эйтн. Этого оказалось достаточно, чтобы мы оба приутихли.

А ведь в видеозаписи Аверре один из махди изъясняется на прекрасном риоммском и практически без акцента. Я подозрительно уставился на ближайшего аборигена. Тот смотрел на меня так, будто перед ним кусок слизи. Это навело на мысль о том, что либо махди ненавидят всех чужаков одинаково, либо у них какое-то особое отношение именно ко мне. Второе, отчего-то, казалось более правдоподобным, но установить точно, можно было, лишь дойдя до конца.

— Где Батул Аверре? — спросил я.

— А мне откуда знать? — отозвался Занди.

— Да я не вас спрашиваю! К ним обращаюсь, — и кивнул на аборигенов.

— Думаешь, это поможет? — с сомнением проговорила Эйтн.

— Понятия не имею, — признался я, но для верности повторил, глядя главному махди прямо в глаза: — Где он?

Для пушного эффекта, я сделал так, что деревья вокруг нас возмущенно зароптали, треща стволами, и потирая друг о друга ветками. Пусть разум махди и остается вне моей досягаемости, зато в физическом плане, они ничем не отличаются от любых других нормалов, а значит, кое-какое преимущество у меня все-таки есть.

Мое действие произвело нужное впечатление — аборигены неслабо всполошились. Правда, я ожидал, что они вообще перепугаются и сбегут, — не вышло. Кажется, о лейрах они знали куда больше, чем я предполагал, и понимали, откуда ветер дует...

Главный что-то сказал графу.

— Они пропустят нас в деревню, — перевел Занди. — Но для начала им необходимо обезопасить себя.

— Оружие я не отдам, — тут же сказала Эйтн.

— Им оно не нужно.

Я все еще пытался вникнуть в эти слова, когда главный махди дал сигнал своим соплеменникам. За шумом поднятого мною ветра, не было слышно просвистевшего позади выстрела из духовой трубки. Лишь когда я почувствовал легкий укол в основание шеи, все понял, хотя было уже поздно. Схватившись за ужаленное место, я нащупал маленький шип, очень похожий на те, что были у меня в кармане.

— Минн, — выдохнул я. Все сразу поплыло перед глазами, джунгли завертелись, и меня поглотила темнота.

Глава 18. В деревне

Пробуждение превратилось в пытку, когда стало казаться, будто кто-то щипцами пытается вытянуть мое сознание из глубокого сна. Я извивался и ворочался, требуя, чтобы меня оставили в покое, но терзания все не прекращались и тогда, проклиная все на свете, я, наконец, сел, замахнувшись на того, кто так назойливо мешал выспаться.

Однако рядом никого не оказалось.

Я моргнул несколько раз, опустил руку на одеяло, которым кто-то заботливо меня накрыл. Нахмурился. Как следует протер глаза и осмотрелся.

Пусто.

Место, в котором я себя обнаружил, знакомым совсем не казалось: убогая лачуга, сколоченная из досок, с парой прорезанных окошек и кусками плотной тряпки вместо штор, и узким дверным проемом. Лежал я не на кровати, вместо нее — мягкая шерстяная подстилка, смердящая, точно стадо бешеных буунов[1]. Повышенная влажность и сильный сладковатый аромат в воздухе говорили о том, что я все еще в джунглях.

Мгновенно события, предшествующие далеко несладкому пробуждению, выстроились в голове по порядку ровно до того момента, как мне в затылок выстрелили отравленным минновым дротиком, после которого я и потерял сознание. Сколько времени прошло с тех пор, я точно сказать не решался, хотя мои биологические часы настойчиво шептали о том, что на дворе глубокая ночь.

Откинув в сторону старое покрывало, я бесшумно поднялся и несколько раз осторожно мотнул головой — на случай, если транквилизатор в дротике не до конца прекратил свое действие. Я совершенно не чувствовал слабости, головной боли или тошноты. Более того, я славно выспался, хотя подобного со мной не случалось уже давно. Я ощущал себя полным сил, и только совсем немного хотелось пить.

Странно.

Сделав пару глубоких вдохов, я прислушался к себе, но тело отреагировало совершенно обыкновенно. Тени плескались вокруг меня как обычно, вяло нашептывая что-то, словно шум морского прибоя. Все как будто бы было в порядке... Лишь небольшая припухлость обнаружилась, в том месте, куда воткнулся шип.

Тут я вспомнил об Эйтн и Занди, чья судьба, пусть и на короткое время, стала меня некоторым образом заботить. Но о том, где махди могли их держать, я не имел даже приблизительного понятия.

Подойдя к окну и отодвинув в сторону занавеску, я выглянул наружу. На дворе, как и предполагал, стояла глубокая ночь, но, несмотря на поздний час, вся округа была залита тусклым светом. Спутать его с солнечным было невозможно — призрачное зеленоватое свечение, чьим источником оказались все те же флуоресцентные растения, разгоняли глухой мрак по всему лесу. Хотя увиденное мной за окном едва ли сильно походило на лес, разве что на тот, что я рисовал в своем воображении: с домами на деревьях и узкими, плетеными улочками на канатах.

Мне вдруг захотелось выйти наружу.

Отпустив шторку, я еще раз осмотрелся и теперь обнаружил маленький деревянный столик, незамеченный мною ранее, а на нем стакан. Трудно описать материал, из которого

он был сделан, но это было не стекло. Вытянув вперед руку, я мысленно позвал стакан к себе, и тот, без особых препятствий, протанцевал по воздуху прямо мне на ладонь. Стакан не был пуст. В нем плескалась жидкость по виду и запаху очень сильно похожая на воду, но проверять так ли это на самом деле, даже не смотря на жажду, я не стал и просто вернул его на место.

Исходя из того, как встретили нашу компанию, я сделал вывод, что в этой местности мы далеко не гости, а потому закономерно ожидал найти возле двери что-то вроде охраны, и с удивлением отметил, что ее нет.

Отодвинув скрипучую створку в сторону, я осторожно выглянул на улицу, а затем, ободренный отсутствием чьего-либо внимания, вышел из хижины на узкий пандус, за которым развернулся махдийский поселок.

Оценить величину поселения с первого взгляда оказалось делом непростым, но впечатление оно производило весьма глубокое. Домишки тут хоть и были однотипные — сферообразные и без какой бы то ни было претензии на изящество, — но располагались, создавая видимость полной гармонии их обитателей с царившей вокруг природой. Словно колонии причудливых лишайников, они тут и там вырастали из кривых паатов, со всех сторон надежно укрываясь зарослями вездесущего ползучего кустарника. Аборигены явно и со знанием дела выбрали место в лесу, наиболее безопасное от посягательств со стороны хищников и иноземцев.

Кажется, темное время суток в селении сохранялось в течение всего дня, в чем винить следовало слишком густую листву деревьев, но местных это, как будто, не волновало — достаточным освещением здесь являлись цветущие розетки растений-паразитов и люминесцентные грибы. Были и искусственные источники света — над каждым домиком висел заключенный в прозрачную (опять же только похожую на стекло) сферу с отверстиями масляный фонарь.

Но это все вызывало лишь поверхностное любопытство. Куда серьезней меня интересовали сами обитатели деревни, которые, заметив чужака, спускавшегося на подвесной мосток из отполированных досок, застревали как вкопанные и провожали кто любопытным, кто испуганным, а кто и откровенно враждебным взглядами.

Странное дело, кажется, что до сих пор я не воспринимал их как полноценный народ. То есть я, конечно же, понимал, что они раса, обладающая собственной культурой и бытом, но в моей голове это укладывалось с большим трудом.

Дело в том, что вся эта череда покушений и убийств заставляли меня думать о махди как о неких религиозных фанатиках, приверженцев одной секты, что, по сути, было не так уж далеко от нас, лейров.

Куда иду, я и сам не знал, однако останавливать меня никто не пытался. Стоило только приблизиться к аборигенам, большинство из них тут же отходили в сторону, уступая дорогу. В основном это были женщины, кутавшиеся в тонкие полупрозрачные палантины. Некоторые из них, позволив мне пройти, стекались в небольшие стайки и принимались оживленно обсуждать увиденное на своем стрекочущем наречии. В общем-то, их естественное любопытство я понимал, как никто другой, но не раздражаться почему-то не мог, особенно из-за детворы, с выпученными глазами шлепавшей попятам, куда бы мне не вздумало повернуть. Представители мужской части населения, которых присутствие свободно шатающегося по всей деревне чужака, очевидно, очень нервировало, вели себя значительно сдержаннее. Но исходящую от них враждебность можно было ощутить и без

всяких ментальных навыков. Каждый из них прекрасно знал, кто я такой, и явно презирал меня за это.

Вдруг мне до того сильно захотелось ответить им тем же, что в памяти сама собой всплыла картинка случившегося в лавке Си-Джо, нападение того аборигена на меня и его лютая непередаваемая ненависть...

С каким удовольствием я свернул бы ему шею еще раз!

И не только ему одному.

Кто-то сказал, что ненависть — это зверь. Покорми его гневом, и он вырастит. Ослабь поводок, и он сорвется. Отвернись от него, и он набросится на тебя со спины.

Я остановился и обвел всех тех, кто с таким негодованием пялился на меня, взглядом, заставившим их отступить. Копившееся во мне раздражение, как тлеющий уголек в сухом лесу, позволило воспламениться гневу, а тот, в свою очередь, дал достаточно тепла, чтобы разгорелась ненависть. Мои пальцы дрожали от нетерпения, кровь пульсировала в висках барабанной дробью, внутренняя сила шептала, что сейчас я смог бы вырывать деревья с корнем одним движением пальца. Откуда что взялось, я и сам не понял, что-то странное происходило со мной. Была только слепая ярость и желание отыграться за те сюрпризы, что происходили вокруг с момента моего прибытия на планету.

Пусть их разумы оставались для меня недостижимы, но сам лес легко мог стать жертвой неугасимого пламени, ревающего внутри моего сердца. Напряжение Теней вокруг ощущалось почти физически — затронь, и вспыхнут, а вместе с ними и вся ткань материи, что создала эти гигантские деревья. Достаточно будет искры, чтобы тут все воспламенилось. Затем останется лишь смотреть, как дикари и убийцы сгорают внутри крепости, которой стал для них этот лес...

— Сет! — резкий оклик откуда-то со стороны заставил меня оглянуться наверх.

На террасе ярусом выше в просторной накидке древесного цвета стоял мой наставник.

— Прежде чем совершить поступок, — сказал он, — подумай об этом дважды.

Вмиг все претензии, что были у меня к махди, перетекли на Аверре и, будучи уже не в силах контролировать себя, я, к ужасу окружающих, заставил Тени сгуститься и сделать воздух вокруг меня горячим.

Мысль — огниво, и вот уже струя жидкого пламени несется прямо в наставника.

Кто-то из аборигенок закричал, испугавшись доселе невиданного зрелища, вот только моя невольная цель даже не шелохнулась, без каких-либо видимых усилий погасив весь испепеляющий поток материализовавшейся злобы открытой ладонью.

— Это был неплохой трюк, — спустя секунду признал Аверре. — Но не достаточно. — Он опустил ладонь и облокотился о перила. — От ошибок никто не застрахован, Сет, — добавил мастер тоном, словно укорял за плохо выученный урок. — Однако не стоит действовать поспешно, руководствуясь лишь своими эмоциями. Поднимись сюда, я хочу с тобой поговорить.

Усилием воли я удержал себя от ответа, возможно, еще более мощного, чем был до этого, и быстро взлетел по ступенькам на верхний ярус. Аверре был здесь один, а позади него находился вход в хижину.

— Заходи, — указал он на дверь.

По-прежнему молча, я скользнул внутрь. Гнев внутри меня все еще бурлил, но уже не выплескивался через край. Тот самовольный всплеск, мишенью которого и стал наставник, избавил меня от излишек ярости. Так что к тому моменту, как оказался внутри, я был уже

достаточно спокоен, чтобы понять, чем моя выходка могла закончиться, если бы не он.

В домике было темно, но лишь до тех пор, пока Аверре изящным движением руки не заставил масляные лампы вспыхнуть. Окинув комнатку беглым взглядом, я отметил, что жилище было не из тех, к которым обычно привык мой обожающий комфорт учитель, однако по уставленным экспериментальными образцами, склянками и прочей опытной ерундой ветхим шкафам, тумбочкам и столикам, становилось очевидным, что именно здесь он и обитал.

— Что со мной только что было? — спросил я даже не из любопытства, а просто, чтобы хоть что-то сказать. Меня трясло, как в самый лютый мороз.

Он посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, затем громко фыркнул:

— Не переживай. Всего лишь маленький эксперимент.

Резкий поворот головы и инквизиторский взгляд в сторону Аверре заставил его засмеяться еще громче.

— Ты как риоммский еж, — веселясь непонятно от чего, проговорил он. — Что не по нраву, сразу выпускаешь иголки. Бавкида упоминала об этой твоей черте. Теперь понимаю, что она имела в виду. Твои глубины будут страшнее Тиалийской впадины[2], где эта колючая тварь обитает.

Чтобы не отвечать, я решил сделать вид, будто не понял, о чем он. Вместо этого лишь пристальнее пригляделся к Аверре. Возможно, мне это только показалось, но за те два дня, что прошли с момента его внезапного исчезновения, мастер очень сильно изменился. И даже внешне. Лицо осунулось, появились мешки под глазами, некогда ухоженную щегольскую бородку никто не стриг, и даже волосы, свисавшие по обеим сторонам лица грязными сосульками, как будто не знали воды уже месяц. Незаметно поведя носом, я уловил кисловатый запах немывтого тела. Что с ним стало?

Этот вопрос я задал наставнику.

— Все в порядке, — ответил он, хлопнув себя по накидке, из-под которой выглядывал покрытый какими-то пятнами сюртук. — И даже еще лучше, чем ты себе воображаешь.

— Неужели?

— Ты, должно быть, есть хочешь? — вдруг, точно заботливый хозяин опомнился Аверре. — Давай я попрошу, чтобы сюда что-нибудь принесли?

— Я не голоден, — отозвался я и вовсе не соврал — не смотря на то, что ел в последний раз несколько часов назад, чувство голода мне совершенно не докучало. — О каком эксперименте вы говорили?

— Просто проверяю одно... вещество, — ответил мастер. — Ты, должно быть, заметил, что твои силы вовсе не уменьшились? Хотя, находясь здесь, ты должен был бы испытывать определенное бессилие. Все это благодаря одному соединению, что попало ко мне не так давно.

— Что за соединение?

— Тебе-то зачем этим голову забивать? Главное, что оно работает, — усмехнулся он. — Жаль только побочный эффект у него несколько спонтанный...

— Поэтому мне так хотелось их всех убить?

Ему от этого стало еще веселее:

— Очевидно.

Я перевел дыхание, хоть и не успокоился совсем. Что еще за эксперименты с неизвестными препаратами Аверре решил надо мной провести? И как это самое вещество

вообще в меня попало? Тут же я вспомнил, что пока находился в отключке, у него имелась масса возможностей сделать мне инъекцию без всяких проблем.

Но заикливаться на этом я не стал и вместо этого спросил следующее:

— Где Эйтн?

— Еще не проснулась.

— Вы ее видели?

— Конечно. С ней все в порядке, — сказал Аверре, с любопытством посмотрев на меня. — Но я удивлен, что тебя это волнует.

— Видимо, такова моя природа — удивлять, — кисло осклабился я и тут же поморщился — припухлость, оставшаяся от иглы минна, вдруг отдала легкой болью. — Зачем им нужно было нас усыплять? Если так переживали, что мы запомним дорогу в их деревню, могли бы просто завязать глаза.

— Махди весьма религиозны. Они чтят традиции и ритуалы, и следят за их тщательнейшим исполнением. Один из них требует, чтобы чужеземцы, вознамерившиеся попасть на их территорию, должны быть в бессознательном состоянии. Это условие они и выполнили. Единственное исключение было сделано для Занди, но на то есть свои причины. Да ты садись, — он указал на вырезанный из цельного куска древесины табурет. — Нам еще многое необходимо обсудить. У тебя, я предчувствую, накопилось немало вопросов. Думаю, что на некоторые из них я сейчас смогу ответить.

— Только на некоторые? — переспросил я, присаживаясь.

Наставник усмехнулся:

— Даже мне известно далеко не все, Сет.

Это более чем скромное преуменьшение собственных знаний натолкнуло меня на мысль, что со мной ведут какую-то игру. Но первый вопрос я задал в лоб:

— Вы нашли Иглу?

— Вот так значит? — Аверре вновь заулыбался. — Решил сразу с места в карьер?

— Вы только что позволили мне задавать вам любые вопросы, а теперь отказываетесь на них отвечать?

— Просто не ожидал, что ты перейдешь сразу к главному.

— А это главное?

— Безусловно, — с серьезным видом кивнул мастер. — Ведь мы за этим и прилетели на Бойджию, не так ли?

Я сделал вид, что тщательно обдумываю вопрос.

— У меня теперь отчетливое ощущение, что не так.

— Интересно, — протянул Аверре. Он в два шага пересек комнатку и навис над своими колбами и пробирками, распростер над ними ладонь, словно в некоем колдовском ритуале. — Иглу я не нашел, но знаю точно, что близок к ней как никогда. Мне лишь нужна небольшая помощь. Потому-то я и хотел, чтобы ты прилетел сюда.

— Вы хотели, чтобы я прилетел сюда? — переспросил я, удивленный и сбитый с толку. — Откуда вы вообще могли знать, что я сюда отправлюсь, если всего сутки назад я и сам об этом не думал?

— Иногда предсказывать тебя не так уж и трудно, — обронил наставник. — Думаешь, для чего я оставлял все эти наводки, когда отправил тебя в архив, а после заставил следить за Эйтн? Признаюсь, я не был уверен, что именно ей удастся разузнать, но все-таки не прогадал, да? Я даже знал, что ты попытаешься залезть в мой компьютер, а она станет

шпионить, и потому нарочно сделал так, чтобы наговорить достаточно и привести вас туда, куда мне и было нужно.

— Си-Джо! — выдохнул я.

— О, да, — улыбнулся Аверре. — Я был уверен, что ты обязательно туда пойдешь, и не ошибся. Пришлось, правда, поработать над лабораторией Сол, чтобы ты не смог узнать о ней раньше времени, но вышло все очень и очень неплохо.

— Жаль аборигена не добились, — едко произнес я, надеясь, что он смутится, но улыбка мастера стала только шире, правда наигранной теплоты в ней уже не осталось, лишь холодный расчет. — Это ваше вещество помогло вам справиться с ними?

— Думаешь, не добил? — неприятно захихикал он. — Знаешь, Сети, Бавкида и впрямь вырастила из тебя очень тонкого элийра, но как управлять людьми, пользуясь лишь словами, ты не имеешь понятия. В ином случае ты бы знал, что контролировать человека, которого гложет чувство вины, во много раз проще.

Я уставился на него как ошалелый:

— Вы?..

— Я прекрасно тебя знаю, Сет, и потому предугадать, как ты поступишь, если возникнет угроза, мне было нетрудно.

Новый взрыв плазмы, произошедший где-то в глубине моей души, заставил меня скрючить пальцы, но зарождение бури было прервано одной только фразой:

— Побереги свои силы, Сет. Поверь, они тебе еще понадобятся. В конце концов, ты мог и избежать убийства, так что в своем выборе виноват только ты сам.

— А инфочип зачем тогда подбросили? — сквозь зубы проговорил я. — Ведь вы не позволяли мне знать, что на нем.

Тут Аверре удивленно нахмурился:

— Какой инфочип?

— Тот, что я выкрал для вас из Архива, — выплюнул я. — Тот, что затем оказался у того аборигена. Тот, что хранит память моей матери, адресованную мне! Это мой инфочип! Как вы посмели скрывать его от меня?!

Стены хижины жалобно застонали, а огонь в масляных лампах затрепетал, и только Аверре было все нипочем.

— Успокойся, — сказал он мне. — Много ли проку от твоих истерик? Я поступил так, как считал нужным и отчитываться не собираюсь. Нельзя было, чтобы ты прочел эти письма раньше, чем мы найдем Иглу.

— Но я их прочел! — уверил его я.

— И потому, что ты все еще пытаешься вытянуть из меня ответы, понимаю, многого они тебе не открыли. — Он ухмылялся.

А я прищурился:

— Вы издеваетесь надо мной?

— О, нет. Просто кое-что выясняю...

И тут вдруг до меня дошло:

— Вы, ведь, знаете, где Игла, так?

Губы Аверре растянуло в чуть озадаченной улыбке:

— Почему ты так решил?

Но вопрос я проигнорировал.

— Кажется, вы с самого начала это знали. Только не понимаю, зачем весь этот фарс?

Для чего было везти меня сюда? Чего вы хотите?

— Не спеши, скоро узнаешь. — Взгляд наставника из блуждающего вдруг стал цепким. — Хотя тебя это не сильно удивило.

Я не отвернулся и никак иначе не стал препятствовать ему проникнуть в мои мысли, поскольку знал, что любая его попытка сделать это, заранее обречена на провал. Слишком долго, слишком тщательно я выстраивал свою защиту, чтобы кто-то малоопытный в этой области мог просто прорваться сквозь нее.

Почти сразу понял это и сам мастер. Спустя пару секунд он опять улыбался:

— Меня больше интересуют области иные, нежели копание в чужих мыслях. Я всегда считал и продолжаю считать, что лейрам следует держаться подальше от посторонних разумов. То, что творится в душе у любого разумного существа должно принадлежать лишь ему, и никому более. Ни мы, и ни кто-либо другой не вправе решать это за него.

— О, да, — вот тут уже рассмеялся я. — Лучше всего манипулировать словами. Да вы и впрямь мастер, учитель!

— Не злоупотребляй своей властью, Сет, иначе, рано или поздно, она сыграет с тобой злую шутку.

— А вы всегда следуете собственным советам?

Среди Адис Лейр за Аверре давно закрепились репутация смутьяна и отщепенца, не едва ли она образовалась на пустом месте. Мне, как человеку, предпочитавшему иные правила, нежели общепринятые, это даже немного импонировало, но время кумиров давно прошло. Я мог сказать ему, что власть дается для того, чтобы быть использованной, но это бы ни к чему не привело. В какой-то момент я осознал, что Аверре для меня авторитетом уже не является, а это снимало всякие обязательства хранить ему верность, даже не смотря на долг перед Бавкидой. Верность — это не тот товар, который оплачивается в кредит. Ее необходимо завоевать. А Аверре никогда не предпринимал ни малейших попыток этого добиться. Ему было плевать, поддерживаю я его идеи или нет. Он просто шел своей дорогой, не задумываясь о последствиях. И вот теперь, благодаря его собственным усилиям, мы оказались по разные стороны.

— Кстати, тут кое-кто хотел бы встретиться с тобой, — сказал он, предпочтя сменить тему. — Иши Кхемса, местный старейшина, ждет, что ты нанесешь ему визит вежливости.

— Почему это он вдруг ждет? — спросил я.

— Мне не сообщили, — ответил мастер. — Просто просили по возможности привести тебя для беседы. — Он отошел от стойки со склянками и поманил меня к выходу. — Поднимайся.

Пока мы спускались по винтовой лестнице, я не делал попыток заговорить, Аверре тоже хранил молчание, но тишина каждого отличалась одна от другой. Мастер вышагивал уверенно в такт себе помахивая руками, при этом выражение его лица явственно говорило о том, что его мысли сосредоточились в точке, куда мы направлялись. Я же в который раз едва ли не лопался от переполнявших чувств и потому мой мысленный крик мог бы огласить всю округу... Жаль, некому его было услышать.

Пока я пытался примириться с новой дозой информации, отмеренной Аверре, он уводил меня все ниже ко дну леса, туда, где даже светящиеся грибы стали встречаться реже. Я спросил:

— Он что, живет здесь?

— Отнюдь.

Я решил, что большего добиться не удастся, и во все глаза смотрел на постепенно вырисовывающиеся из затхлого мрака нижние уровни лесного массива.

Мы будто в другой мир попали. Здесь пааты выглядели иначе: черная плесень покрывала кору, а прочные лысые ветки тесно сплетались между собой и образовывали клетки, достаточно большие, чтобы в одной из них мог поместиться взрослый махди... или человек. В некоторых кто-то шевелился, но убедиться в том, что это не игра моего воображения мешало практически полное отсутствие хоть какого-нибудь освещения. В редких местах встречались фонари, но и их хватало лишь для того, чтобы привлекать тучи крылатых насекомых и пауков, плетущих вокруг свои ловушки.

— Добро пожаловать в темницы, — провозгласил Аверре.

— Что мы тут забыли? — подавляя неприятное предчувствие, осведомился я.

Ответом стал тихий шорох, сопровождавшийся появлением двух махдийских воинов с тонбуковыми саблями, заткнутыми за пояс. Один из них что-то проговорил моему наставнику и тот жестом показал направление, проследовав по которому, я очутился возле клетки, внутри которой сидел...

— Занди? — мое удивление было нешуточным, и я обернулся к Аверре: — Почему он здесь?

— Ожидает приговора за злодеяние, которое совершил.

Я озадачился:

— Какое еще злодеяние?

Невозмутимость мастера в этот момент самым неприятным образом напомнила мне Эйтн.

— За надругательство над священной реликвией по местным законам преступнику полагается смертная казнь, — проговорил он.

Наши голоса пробудили узника и граф, зашевелившись в полутьме, припал лицом к прутьям решетки, увидев которое, я просто ахнул: на нем живого места не осталось, все лицо оказалось разукрашено жуткими побоями.

— Эпине? Это ты там? — спросил Занди, пытаясь присмотреться через узкие щелки, в которые превратились его глаза. — За тобой должок, дружище. Я вам помог, так что теперь твоя очередь. Ты должен вытащить меня отсюда.

Я, все еще пребывая в состоянии легкого шока, непонимающе переводил взгляд с узника, на наставника, удивляясь выражению удовлетворенности на лице последнего.

— Надо ему помочь, — тихо сказал я.

— Разве? — донесся из темноты скрипучий, словно древняя ветка на ветру, голос неизвестного. — А мне так не кажется. В любом случае, его светлости надлежит оставаться здесь до рассвета, с наступлением которого, он уже не будет волноваться, о том, где и с кем находится...

Сначала мне и вправду показалось, что это заговорило дерево, но присмотревшись, я увидел как в тени, образованной одной из паатовых ветвей, закопошилось нечто, по форме напоминающее очень объемистый куль, при близком рассмотрении оказавшийся закутанным в хламиду древним махди, шаркающей походкой направлявшимся к нам.

При его появлении оба воина синхронно преклонили колена и, даже Аверре отвесил низкий поклон. Возможно, мне тоже следовало склониться перед старейшиной, однако я продолжал глазеть на странного старика, изучая его. Иши Кхемса выглядел настолько же старым, насколько древней являлась сама Бойджия, словно он еще жил при правлении Занди

1. Дряблая кожа истончилась и приобрела необычный для местных белесый оттенок, волосняные жгуты стали льдисто-серые, и только сверкающие синие глаза оставались по-прежнему острыми, как те сабли, что покрепче прижали к себе его воины. Поймав мой взгляд, старейшина обнажил в улыбке полусгнившие зубы и с воодушевлением прощамкал:

— Рад знакомству, юный лейр, и благодарю тебя за услугу, которую ты нам всем оказал.

Старейшина был не один. В тени рядом с ним оказалась хрупкая молодая девочка-махди с заостренным лицом, обрамленным густыми черными косами с вплетенными в них алыми цветками минна. По меркам аборигенов она, возможно, считалась красивой, но нечто хищное, проступающее в ее выражении, не позволяло мне судить о ней в том же ключе.

— Какую услугу? — спросил я, словно только что очнулся.

— Мастер Аверре, я замечаю, что ваш протеже любит говорить вопросами, — проговорил старейшина.

— Такова его натура, Иши Кхемса, — с тенью неодобрения отозвался тот.

— Натура вольнодумца, — бросил абориген, кивнув. — Сайя — моя ученица, — старик указал на девочку. — Даже помыслить невозможно о том, чтобы она вела себя подобным образом. В иерархии Учитель-Ученик, ученик непременно должен знать свое место и никогда не противоречить хозяину.

— У лейров нет хозяев, — тут же откликнулся я, мгновенно поменяв свое отношение к этой парочке с подозрительного на негативное.

— У нас у всех есть свои хозяева, юноша, — безобразно улыбнулся старейшина. — Но оставим этот спор. Я хотел бы сердечно поблагодарить тебя за возвращение нашей реликвии, столь ценной для нас.

Слово «возвращение» тонкой нитью провело мне вглубь памяти, в тот самый вечер, когда мы с Эйтн просматривали видеозапись переговоров Аверре с аборигеном, напавшим на нас в Си-Джо. Фрагменты головоломки сами собой сложились во вполне читаемый кусок общей мозаики. Стало быть, речь шла о голове махдийского святого, которая так и осталась бы в Мероэ, если бы нам не приспичило во чтобы то ни стало лететь в джунгли.

Похоже, что понимание отразилось на моем лице слишком явно.

— А-а-а, — довольно протянул старейшина. — Я вижу, что смысл моих слов начинает доходить до тебя. И каково это чувствовать, что все время тобой только манипулировали?

— О чем это он, Эпине? — вдруг спросил Занди.

Но я не ответил, хотя, признаюсь, чувствовал себя не самым лучшим образом. Пусть придерживаться ярко-выраженных и общепризнанных моральных ориентиров было мне не свойственно, однако идти на подлость нарочно я никогда не умел. А ведь именно я впутал в это дело Занди и все благодаря стараниям моего любезного наставника.

— Из вас никудышный учитель, — проговорил я, бросив взгляд на Аверре, хотя прекрасно знал, что мои слова его не заденут.

— А я думаю иначе, — он, разумеется, улыбался. — Я лишь дал тебе наводку и позволил действовать самостоятельно. Остальное ты сделал сам. Попробуй теперь поразмыслить над этим. Все, что я сделал, это оставлял подсказки, чтобы ты не сбился с пути, и посмотри, к чему это привело: ты стоишь там, куда редко ступала нога чужака и ты на пороге открытий, которые не снились ни одному другому лейру. Нет, я великолепный учитель, Сет. Лучший из тех, что у тебя могли быть. И как в любой самостоятельной работе, я хочу, чтобы ты познал итог своих деяний. Но прежде, чем ты задашь очередной вопрос, я отвечу: любое действие влечёт за собой определённые последствия. Твои игры с сознанием

графа привели его к смерти, и теперь ты обязан быть ее свидетелем, чтобы ощутить вкус вины, раз уж произошедшее в Си-Джо тебя ничему не научило. Если бы не ты, ничего этого могло не случиться.

Мне чудилось, что даже стражники тайком усмеваются, до того душило меня то беспомощное состояние, в которое я был теперь загнан стараниями своего драгоценного наставника. В одном Аверре был прав — я совершил поступок и теперь обязан держать за него ответ. А цену они уже назвали — жизнь Занди. Вопрос оставался лишь в том, хватит ли у меня сил стоять и смотреть, как по моей вине казнят человека?

Без суда и следствия, не имея никакой возможности хоть как-то оправдать себя, граф Меройский Занди должен был быть казнен пять часов спустя после нашего с ним короткого разговора, и, что ничуть не лучше, мне придется наблюдать за этим самому. Способ, которым будет умерщвлен совершивший непростительное святотатство последний правитель Боиджии, от чужаков по понятным причинам держали в тайне, хотя предчувствие нашептывало мне, что это будет нечто совсем нетривиальное. В Мероэ о случившемся никто не узнает, а когда и если все-таки поймут, я сомневался, что решаться что-то в связи с этим предпринять, поскольку там боялись коренного населения планеты даже сильнее, чем лейров. Вот так полимиф о таинственных аборигенах обрстет еще одной легендой.

Но это все пустяки, поскольку сам Занди почему-то возомнил, будто я просто обязан ему помочь. Особой любви друг к другу мы никогда не питали, да и помощи я обязан был лишь его нескрываемому равнодушию к Эйтн. Это ее ему следовало просить, а вовсе не меня, но... почему-то мне казалось, что эта задача очень важна...

Аверре не стал провожать меня в этот раз и отлучился вместе с Иши Кхемса. Куда идти, я старался не задумываться, иначе это грозило блужданием среди бесконечных пересечений висячих дорожек. Ноги сами вели куда надо, а разум все решал загадку совести, как вдруг я стал ловить себя на мысли, что за мной кто-то очень пристально наблюдает, ненавязчиво следя из отдаления. Не то, чтобы это было необычно для здешних мест, особенно, то самое чувство, когда понимаешь, что хозяева леса с большим удовольствием содрали бы с тебя заживо кожу, вместо того, чтобы терпеть твое присутствие.

Пока я шел, никто из аборигенов на меня взгляда не поднял. Мужчины четко соблюдали дистанцию, словно боялись, как бы я кого из них не испепелил. Женщины вообще практически не попадались на пути, разве что группками по несколько штук, при этом обязательно начинали шушукаться, стоило мне только пройти мимо. Свой дискомфорт я вполне мог списать и на них, но мягкие и ненавязчивые колебания Теней подсказывали, что причина иная...

Добравшись до той хижины, где пришел в себя, я, наконец, остановился у самого входа и, не оборачиваясь, произнес в пустоту:

— Надоело. Покажись.

Почувствовав легкое движение воздуха позади и мягкую кошачью, поступь по доскам, я повернулся и, не сказать что удивился, увидев перед собой остролицую ученицу Иши Кхемса. Без каких-либо признаков смущения она взирала на меня с любопытством неопытной школьницы. Сайя, так сказал старейшина, ее звали.

— Ты интересный мне, — произнесла она тоненьким и невероятно хрупким голоском по-риоммски с сильным акцентом.

— Что-то больно многие в последнее время начали проявлять ко мне интерес, —

проговорил я, гася раздражение. — Чего тебе надо?

— Ты не мог меня услышать, — не ответив, сказала Сайя. — И учуять — тоже. Как ты знал, что я слежу?

Размечталась, так и рассказал.

— Догадался. Это все?

Я вовсе не горел желанием разводить душевные беседы с кем-либо из местных и потому думал отделаться от нее как можно быстрее. Однако не тут-то было.

— Ты не уважаешь своего учителя. Почему? — Большие синие глаза, как две блестящие пуговицы, уставились на меня в ожидании. Это было настолько наивно и неожиданно, что я поневоле прищурился. С чего вообще она взяла, что я стану раскрывать перед ней свои душевные порывы?

— Тебя это не касается. — Слова на языке вертелись куда более грубые, но это было бы слишком, даже для меня.

— Знаю, — ни капли не смутившись, ответила Сайя. — И, все-таки, мне надо знать. Ты же пришел сюда из-за него? Я знаю много, о чем говорит Иши и твой... Батул. Но если у тебя нет к нему любви, зачем ты пришел?

Вздыхнув, я сложил руки на груди. Отвязаться от нее, похоже, так просто не удастся. Пришлось ответить:

— Есть причины.

Она тут же вцепилась в это:

— Расскажи.

Тут я едва не расхохотался.

— Да с чего бы это? Тебя Аверре прислал?

— Нет, — ответила Сайя. — Я сама захотела знать. Мне интересный ты.

Вдруг кое-что мне и самому стало любопытно, и я спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть циклов, — улыбнулась она. — По-вашему — двадцать лет. Как и тебе.

Вот уж не сказал бы. На вид ей едва ли стукнуло пятнадцать. Зато это позволило мне задать ей еще вопрос. Да, а почему бы и нет?..

— Значит, ты можешь помнить?..

— Чего помнить?

Я пояснил:

— Мастер Аверре бывал у вас и раньше. Ты знала об этом?

— Конечно, — усмехнулась она совсем как человек. — Все знают. Сначала был Занди, а потом он. А что?

— Нет, ничего, — я тут же сник.

А Сайя выдала:

— Ты мне нравишься гораздо больше, чем твой учитель. Есть ограничения, но ты хочешь, чтобы их не было. Это очень... интересно.

— Что за казнь они приготовили для Занди? — спросил я просто ради того, чтобы заполнить паузу, не рассчитывая на самом деле на ответ.

Но Сайя сказала и даже с явной охотой:

— Правосудие минна. Его привяжут к деревянному столу и сделают несколько маленьких надразов в разных частях тела, а потом высадят на них пророщенные семена

растения.

Дальше объяснять не было нужды, я хорошо представлял, чем все это закончится. Минн — растение плотоядное. Стоит только его росткам коснуться горячей крови, они в бешеном темпе увеличат свой рост и внедрятся корнями в вены и артерии казнимого. Жертва при этом еще жива и испытывает невыносимые страдания, до тех пор, пока растение полностью не завладеет ее организмом. Вспомнилась Аманра, в чьем старом нутре схожим образом обитал живой минн. Но тут разница заключалась лишь в том, что ведьма была заражена по-иному и каким-то образом сумела купировать порабощение своего организма, в то время как Занди такой возможности будет лишен.

— Это самый древний ритуал. Его редко использовали и всегда только для самых нечестивых, — пояснила она в конце.

Разговор о минне привлек мое внимание к необычному венку, вплетенному в косы Сайи. Я спросил:

— Можно мне один цветок?

Махдийка не удивилась и тут же без колебаний сорвала алый бутон и часть стебелька, в котором попались два шипа.

— Осторожно, — предупредила она. — Не поранься — ядовитый.

— Я знаю. — Я аккуратно взял цветок в руки. — Красиво. А тебя не пугает такая казнь? Ты будешь за ней наблюдать?

Сайя гордо выпятила маленькую грудь:

— Я буду ее проводить. Иши Кхемса научил меня, как делать это.

Я от растерянности открыл рот и выпучил глаза:

— Он научил тебя убивать?

— Мы — махди, а это значит — стражи леса, — совершенно спокойно ответила девочка. — Есть законы, и мы живем по ним. Нет ничего плохого в убийстве того, кто осквернил наше святое место. Это наоборот — благо.

Вспоминая свой «подвиг» в Си-Джо я мог найти тысячу аргументов, чтобы оспорить ее слова, но сказал только это:

— Любое убийство — преступление.

— У тебя своя вера, — заявила Сайя, нахмурившись. — Она нечиста и опорочена звездами. Не навязывай ее нам, ибо это — грех.

В ее, хоть и наполненных страстью, словах не хватало истинной убежденности, так что меня они не задели, в отличие от вертевшегося на языке вопроса о том, сколько раз ей уже доводилось лишать кого-то жизни. Кажущаяся безобидность и хрупкость этой девочки предстали теперь столь же обманчивыми и коварными, как зыбкие топи Паракса.

— Почему именно эта голова так для вас важна? — спросил я.

— Останки Рехима чужакам нельзя трогать! Он — великий жрец! Его ниспослали к нам боги много веков назад, когда Чужаки стали угрожать завоеванием. Рехим обладал силой, заставившей наших врагов бежать.

— Вашими врагами, я так понимаю, являлись предки Занди?

— Рехим выгнал их с наших земель на холмы и навсегда запретил пересекать границы джунглей.

— Тогда кто его убил? — поинтересовался я.

— Его никто не убивал! — мигом ощерилась маленькая аборигенка. — Он умер от времени, и затем мы со всеми почестями предали его тело минну, а голову сохранили, как

говорится в Законах. Для нас Рехим стал святым, и потеря его головы нанесла тяжелый удар. Сейчас он на своем положенном месте в Святилище и его дух ожидает, когда свершится правосудие и скверна, которая его коснулась, будет уничтожена...

— Напитав своими жизненными соками ваш любимый цветочек? — закончил я. — Интересная история. Значит, ты готова стать убийцей ради того, чтобы вернуть честь Святыне?

— Конечно, ведь в этом цель всей моей жизни — служить своему учителю, — произнесла Сайя, но, как и прежде, недостаточно убедительно.

Вдруг аборигенка резко оглянулась через плечо, словно что-то учуяла. Ее юное и довольно миленькое личико неожиданно исказила злобная гримаса и она, не проронив больше ни слова, бесшумно ускакала прочь.

[1] Буун — стадное животное, обитающее в густых прериях планеты Паракс.

[2] Тиалийская впадина — самая глубокая расщелина на дне Риоммского моря Мас.

Глава 19. В спину

Странно, подумал я, но удивляться больше желания не было. Пожав плечами, я вошел внутрь хижины, все еще вертя в руках цветок минна, достаточно осторожно, чтобы не пораниться шипами. Разглядывая их, я перебирал нежные лепестки между пальцами. Я вспомнил, что махди нас не обыскивали, и достал припрятанную за пазухой склянку с семенами... Кое-какие идеи ускользали и пугались, но я почти успел поймать за хвост одну из них, наиболее интересную, когда был прерван новым появлением и вопросом:

— Ты знаешь, где граф?

Вид бодрствующей и на вид вполне здоровой Эйтн в сопровождении несколько потрепанного Измы почти обрадовало меня, в том смысле, что не пришлось лазить по всей деревне, разыскивая их.

— Как ты меня нашла? — вопросом на вопрос ответил я.

Леди Аверре кивком указала на лакея:

— Изма видел, как ты поднимался с нижних уровней. И был не один. Что за аборигенка за тобой следила?

— Так, ученица местного святоши, — отмахнулся я, не собираясь делиться подробностями предыдущего разговора.

— Изма говорит, что в последний раз видел Занди, когда нас окружили. С тех пор он не может его найти, — продолжила Эйтн, подозрительно наблюдая за моими манипуляция с цветком Сайи.

— А он его и не найдет. — Тут мне пришлось отложить подарок на столик и вкратце рассказать им о тех событиях, свидетелем которых стал на нижних уровнях древесного города махди.

— Нам надо ему помочь, — уверенно заявил Изма, стоило мне только замолчать.

Никто и не сомневался, что этот сразу подвядет на миссию спасения, но я ждал реакции Эйтн, поскольку сам ни за что бы не признался в своей согласии с ним.

— Я согласна, — сказала леди Аверре. — Нельзя просто так сидеть, сложа руки. Надо что-то делать. И ты, кстати, тоже не будешь тут стоять, после того как он так подставил себя ради нас.

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, — я раскланялся в шутовской манере. — Только что мы можем сделать? Никто не заставлял его брать эту голову и тем самым обрекать себя на смерть.

От моих слов Изма целиком покрылся пятнами, кулаки сжались, а зубы клацнули. По всему было видно, что только сила воли и, возможно, капелька страха удерживали его от того, чтобы кинуться на меня и побить. Но лицо Эйтн мне не понравилось больше — слишком презрительное выражение оно приняло.

— Ты даже хуже, чем о тебе можно подумать, — сказала она.

Но на этот раз я не стал ни ерничать, ни отшучиваться, а лишь с совершенно серьезным видом произнес:

— Я знаю. — И отвернулся, снова подойдя к столику с лежащим на нем минновым соцветием. — Прилетать сюда было ошибкой, ведь мы так ничего и не узнали, кроме того, что мастер Аверре живет и здравствует себе на радость. Он знает, где Игла, но молчит об

этом.

— Знает? — удивилась Эйтн.

— Ага, — кивнул я. — Но ты не думай, будто это чем-то поможет. Здесь нам делать больше нечего.

— Предлагаешь вернуться в Мероэ? — спросила Эйтн, подойдя ближе.

Я обернулся к ней.

— Так мы сможем дать городским властям знать, что их правитель в плену у аборигенов. Во всяком случае, у них больше шансов спасти Занди, нежели у нас.

Но Эйтн только горько усмехнулась:

— Нас отсюда не выпустят. А связь здесь каким-то образом глушится, так что я даже не смогу связаться с Ридж. Даже если нам удастся сбежать, вовремя мы ни за что не успеем.

— Тогда я не вижу, чем еще мы можем ему помочь.

Мы замолчали, а я еще раз попытался протянуть кое-какие нити моих неожиданных догадок к уже имеющимся фактам...

— Я вижу, — неожиданно встрял Изма, выступив на середину комнаты.

— Что, правда? — вновь отвлекаясь, хмыкнул я. — Удиви меня.

— Мастер Аверре рассказал вам далеко не все, что ему известно, — начал мект, слегка запинаясь. — Вы не подумали, что без Иглы он бы не стал сидеть здесь просто так, если только его не держит что-то, о чем даже аборигены сами не догадываются?

Мы с Эйтн невольно переглянулись.

— Продолжай.

— Вы знаете, что ваша мать была здесь десять лет назад? — спросил он.

— Откуда ты?.. — начал было я, но тут же опомнился и заявил: — Ты ведь следил за нею, верно?

Изма низко-низко понурил голову:

— Таково было желание моего хозяина. Он хотел знать в точности, как продвигаются ее исследования.

— В письмах говорится об этом только в общих чертах, но что конкретно моя мать изучала, я не знаю. Она хотела знать, что нужно Батулу и потому отправилась сюда, но что было потом — мне неизвестно. А вот ты, Изма, — дело другое. — Тут я обошел Эйтн и приблизился к порозовевшему лакею почти вплотную: — В прошлый раз Аверре очень близко подобрался к разгадке Иглы, но что-то, а вернее, кто-то ему помешал. Ну, рассказывай!

— Я-а... я-а... н-не знаю, с чего начать, — выдохнул Изма.

— С начала, — бросил я и отошел.

К огромному моему удивлению, Эйтн вдруг подошла к нему и в подбадривающем жесте положила свою белоснежную ладонь ему на плечо. Глубоко втянув через ноздри воздух, мект, наконец, заговорил:

— Мастер Аверре никогда не считал нужным делиться с его светлостью своими планами насчет махди. Но граф догадывался, что за его пустыми фразами о, якобы, исключительно академической цели исследований, стояло нечто большее. Сказки об Игле Дживана, артефакте небывалого могущества, ниспосланного на нашу землю древними богами, вышли далеко за пределы этой солнечной системы. Его светлость чуял, что ваш наставник ищет доказательства ее существования и, судя по тому, что граф видел, мастер Аверре был как никто и никогда близок к разгадке.

Хозяин никогда не делился со мной своими размышлениями — о многом я мог лишь догадываться. Я думаю, он питал уважение к госпоже Сол как к ученому, но не верил в то, что она участвовала в изысканиях Аверре по незнанию.

— Но она не знала! — воскликнул я, заставив Изму вздрогнуть. — Она говорила об этом! Она ничего не знала! Я сам слышал, как она говорила об этом в письмах.

— Я знаю, — кивнул он. — Я выяснил это позже, когда и выполнял поручение его светлости, но до того момента, мы не были в этом уверены.

В общем, мастер Аверре часто пропадал в неизвестном направлении, а госпожа Сол почти не покидала лаборатории. Было понятно, что шпионить за ней будет куда проще, нежели за ним, тем более что граф настоял, чтобы она меня взяла в качестве помощника. Сначала все шло не очень удачно — она несколько раз ловила меня с поличным, и все равно какая-то внутренняя порядочность не позволяла ей манипулировать моим сознанием, как это сделали вы...

— Дальше, — нетерпеливо махнул я рукой, не обращая внимания на многозначительный взгляд Эйтн.

— Дальше я уже был в сто раз осторожнее и следующие мои наблюдения исподтишка дали первые результаты: я выяснил, что она оказалась на пороге открытия. Днем и ночью госпожа Сол корпела над загадкой минна и, в конце концов, ей это удалось — я не совсем понимаю, что это означает, но она сумела... синтезировать минновый экстракт, по крайней мере, так она это называла.

— Она создала искусственный минн? — по тону Эйтн казалось, будто она не до конца верит услышанному.

— Ага, — кивнул Изма. — И антидот к нему. Для лейров.

— Почему в ее письмах об этом не говорится ни слова? — вновь не выдержал я. — Она рассказывала там обо всем, но почему-то о самом главном умолчала. О-очень странно...

— Я не вру! — казалось, что Изма вот-вот разразиться слезами. — Я вообще не знаю ни о каких письмах...

— Еще бы.

— Ваша мать нашла способ сделать так, чтобы аборигены с их непредсказуемыми законами больше не являлись для таких как вы и она угрозой.

Эта новость заставила меня заново уставиться на мекта с подозрением в глазах. Слишком невероятными казались его слова, шедшие пусть не в разрез, но и не в поддержку сказанного моей мамой лично.

— Батул знал об этом или нет? — спросила Эйтн.

— Нет, — ответил возбужденный Изма. — По крайней мере, не сначала. Несмотря на всю свою доброту, госпожа Сол вовсе не была наивной. Она считала мастера Аверре близким другом, но знала, что слепо доверять ему грозит серьезными последствиями. Об этом она говорила мне сама.

Несмотря, на все попытки, скрыть результаты опытов, обмануть мастера Аверре ей так и не удалось. Я не знаю, что точно случилось и когда, но он каким-то образом узнал о сыворотке и выкрал ее из лаборатории. Даже не удосужившись проверить, он использовал ее на себе, после чего отправился в джунгли почти неуязвимый для махди, собираясь склонить их к... сотрудничеству.

Когда госпожа Сол обнаружила пропажу, мастер Аверре был уже далеко за пределами Мероэ. Тогда она решила провести собственное расследование и наткнулась на несколько

псевдонаучных трудов, найденных вашим наставником. В них рассказывалось о духовной составляющей взаимоотношений между махди и их минном, а так же о мифической Игле Дживана. Это были работы Занди I. В то время как госпожа Сол сутками не покидала лабораторию, мастер Аверре день и ночь перекапывал весь Архив, в поисках этих документов. Сложив два и два, ваша мать отправилась следом за ним, а мне выпала честь составить ей невидимую компанию.

— И ты тоже? — я не верил, что Изма, боявшийся джунглей как огня, отважился отправиться туда вновь. — Как она тебя не заметила?

Мект пожал плечами:

— Возможно, была слишком сосредоточена на мастере Аверре. К тому же, мы, мекты, от природы прекрасные древолазы. Пока она словно призрак неслась по джунглям, мне не составляло большого труда следовать за ней, оставаясь при этом на расстоянии. Если ей в голову и приходила мысль, о том, что ее преследуют, думаю, она решила, что это кто-то из хищников.

— А она сама использовала сыворотку? Ты не видел этого?

Изма отрицательно покачал головой.

— Не думаю, если честно, — сказал он. — Она говорила, что сыворотка небезопасна для лейров, ведь настоящие испытания не проводились, да и заметно было, как сильно джунгли на нее давили. Точно, как на вас, Сет.

Я проигнорировал последнее и спросил:

— Ты проследил за ней до самого поселения?

Бедный мект сразу весь сник.

— Нет, — ответил он, мрачно покачав головой.

— Что, испугался?

Впервые за время своего рассказа, Изма поднял на меня свои желтые глаза и, покачав головой, твердо проговорил:

— Нет. Мастер Аверре встречал нас на границе.

— Нас? — переспросила Эйтн.

— Он каким-то образом узнал обо мне и сказал это госпоже Сол.

— А потом?

— Я не помню, — ответил Изма. — Словно провал в памяти. Сколько ни пытаюсь вспомнить, ничего кроме белых пятен не всплывает, — абсолютная пустота, будто я отключился на то время. Очнулся уже в Мероэ; как и когда я там появился, не представляю.

— Провал в памяти, говоришь? — я задумчиво нахмурился, пройдясь разок по комнате. Кое-что знакомое мерещилось мне в одном этом обстоятельстве — подобные провалы не случаются сами собой, да и белыми пятнами они не прикрываются. Если только кто-то не поработал над памятью специально, притом весьма неумело и второпях... — Изма, мне нужно, чтобы ты впустил меня. Опять.

Бедолага даже поперхнулся от неожиданности:

— Что? Но зачем? Я же вам все рассказал! Клянусь, я не обманываю!

— Я верю тебе, — я постарался, чтобы голос звучал спокойнее, — но эти белые пятна произошли не сами по себе, а раз они есть, значит под ними скрывается что-то важное. Ты же хочешь спасти своего хозяина от казни?

— Конечно! — встрепенулся он и тут же сник. — Только я...

— Тогда дай мне помочь тебе вспомнить то, что случилось на самом деле, — настаивал

я. — Обещаю, что на этот раз, все будет иначе.

Пока мект в нерешительности искал помощи Эйтн или ждал, что его вот-вот осенит самостоятельно, я внутренне весь извелся от желания надавить на его волю посильнее, подтолкнув к необходимому решению, однако мужества в Изме и вправду было больше, чем казалось на первый взгляд. Хлопнув себя по коленям, он сказал:

— Ладно, хорошо — делайте то, что считаете нужным.

Я кивнул и указал ему на лежак:

— Садись.

Когда Изма опустил на колени, я молча подсел к нему так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Со мной все будет в порядке? — совсем робко поинтересовался он, почему-то поглядев при этом на Эйтн.

Девушка в свою очередь перевела взгляд на меня. Ну а мне что оставалось делать? Я заглянул ему в глаза и успокаивающим тоном произнес:

— Конечно. Я буду аккуратен. Постарайся расслабиться и ни о чем не думать.

Пока я говорил, часть моего сознания, невидимая для Измы, по тропинке, сотканной из Теней, перетекла прямо в его мозг и мгновением позже провалилась в недра его памяти.

Словно глубоководная хищная рыба, мой разум поплыл сквозь толщу чужих воспоминаний в погоне за добычей — тем самым белым пятном, скрывшим под собой жизненно важную правду о Сол Эпине и Батуле Аверре, — изо всех сил пытавшейся ускользнуть. Защитные рефлексy памяти Измы усложняли задачу тем, что не позволяли приблизиться к ней, в самый критический момент, отвлекая меня ложными видениями, так что пришлось удвоить натиск, причинив мекту боль. Я это понял по тому, как загустели вокруг его мысли, точно сворачивающаяся кровь.

Медлить было нельзя, и я заспешил, отточенным движением ухватился за нужное воспоминание и вскрыл призрачно-белую оболочку, выпустив спрятанное внутри наружу. Ночной лес тут же окружил меня со всех сторон декорацией готового разыгаться представления, а все ключевые персонажи этого действия уже расположились по местам.

Первым я увидел Изму, как огромная ящерица вцепившегося в ствол паата и повисшего на нем вниз головой. В нескольких метрах слева на ветви другого дерева замерла, вглядываясь в непроглядный мрак, Сол. Желудок мой болезненно сжался. Она выглядела немного растрепанно, но в целом казалась в полном порядке, разве что слишком озабоченно прислушивалась к незамолкавшему лесному шуму. Ей было неприятно, я это чувствовал.

Вдруг мама насторожилась, выпрямилась на ветке, словно дикая кошка, и произнесла:

— Батул, покажись.

И буквально тут же позади нее выросла высокая широкоплечая тень.

— Как же так? — заговорил он, заставив Сол вздрогнуть и резко обернуться. — Меня ты почуяла, а шпиона — нет?

Значительно более молодой Аверре производил сильное впечатление, представ в неожиданном образе писаного красавца.

— Какого еще шпиона? — спросила моя мать.

Прищелкнув двумя пальцами, он указал на паат, из-за которого, точно ужаленный, выскочил взъерошенный мект.

— Изма? — удивленно воззрилась на него Сол. — Почему ты здесь?

— Полагаю, по той же причине, что и ты, дорогая, — произнес мастер со своей

знаменитой загадочной улыбкой. — Похоже, его светлости, как и тебе не дает покоя вопрос о том, почему меня так интересуют аборигены.

— Меня больше интересует, зачем ты забрал у меня антидот? — спросила она.

Изма стоял молча, предпочтя невмешательство, что, казалось, совершенно устраивало обоих лейров, которые как будто и вовсе позабыли о нем.

— Он мне нужен, — ответил Аверре, склонившись к Сол так близко, словно для поцелуя. — И я благодарен тебе за нее. Ты по праву можешь считаться гением в своей области, Сола. Мне бы ни за что не удалось это без тебя.

Отстранившись, мама произнесла:

— Без меня? Погоди-ка, так ты привез меня на планету только ради этого?

— Не прикидывайся наивной, — отмахнулся Аверре. — Ты же прекрасно понимаешь, что сюда меня вели собственные интересы, а не просто развлечение. Да и тебе ли жаловаться? Я предоставил тебе то, о чем ты так долго мечтала — возможность сделать нечто экстраординарное. Без меня ты бы так и сидела в четырех стенах на Яртелле, расшаркиваясь перед Бавкидой...

— Я Яртеллу не ради науки оставила, а потому что считала, будто тебе необходима моя помощь!

— А кто говорит, что нет? — удивленно усмехнулся он. — Помощь твоя была мне нужна позарез, и ты помогла, за что тебе вечная моя благодарность.

— Но я думала, здесь что-то серьезное!

Аверре смерил ее странным взглядом.

— Тогда чего ж ты не вернулась обратно? Могла в любой момент купить билет и улететь к своим ненаглядным лейрам.

— Не смей так говорить! Ты ничего не знаешь! — отрезала мама.

— А ты не смей лгать и прикидываться правильной, потому что правда мне известна! — парировал мастер. — Ведь я знаю, что у тебя есть сын. Всегда знал, только молчал.

Мама не казалась удивленной, скорей раздосадованной.

— Но как ты узнал?

— Не все в Цитадели так покорны Бавкиде, как она считает, — сказал ей Аверре. — Не ты хотела, чтобы появление этого ребенка оставалось в тайне и, ради тебя, я легко согласился с этим. И все же, волнуйся ты за него больше, чем есть на самом деле, никакие исследования бы тебя здесь не задержали, — уж я-то знаю! Можешь сколько угодно утверждать обратное, но ты — лейр и твоя тяга к науке гораздо сильнее материнского инстинкта. Такие как мы бесплодны не без причины и то, что тебе удалось невозможное в тот раз, лишь подтверждает мою теорию. Не будь деторождение для лейра за гранью возможностей, ты бы даже не подумала о том, чтобы завести ребенка.

Слова Аверре хлестнули Сол словно пощечина. Она отступила еще на шаг.

— Тебя пугают мои слова? Но ведь это правда. Потому мы с тобой и сдружились. Я тебе никогда не лгал.

— Или просто очень хорошо это скрывал.

Закатив глаза, мастер произнес:

— Не пытайся увидеть притворство во всем, что я когда-либо говорил или делал. — Он вновь сократил разделявшее их расстояние, заключив ее руки в свои. — Мы никогда не были способны на настоящие чувства, доступные нормалам, но если я хоть чуть-чуть могу быть близок к тому, что называется любовью, то испытываю ее именно к тебе. — Аверре

склонился к маме на этот раз с точным намерением поцеловать...

Она отстранилась. Не резко, но так чтобы суметь произнести:

— Тогда почему ты не сказал мне, что ищешь Иглу?

Он так и застыл с вытянутыми для поцелуя губами, затем быстро выпрямился, прищурившись:

— Как ты узнала?

— Как ты и хотел, перестала быть наивной, — ответила Сол, высвободив руки из его ладоней. — Синтезированный минн и антидот — не единственное, что интересовало меня в махди. Я фактически пошла по твоим следам и поняла — плевать ты хотел на их неординарность, тебе подавай мифический артефакт, который, как ты считаешь, спрятан где-то здесь в этих проклятых джунглях.

Лицо Аверре оставалось бесстрастным, даже когда он перевел взгляд на Изму, казавшегося во всей этой странной сцене лишним действующим лицом.

— Кто еще об этом знает?

— Никто, — ответила Сол тут же. — До сего момента у меня не было причин делиться своими догадками с кем-то, но уверена, что Занди обрадуются, узнав, что их легендарная реликвия нашлась по правде.

— Нет, — произнес Аверре. — Ты этого не сделаешь.

— Не говори глупостей. Изма уже знает. Кроме того, Занди имеет полное право обладать Иглой, и раз ты сумел ее найти, твой долг сообщить ему об этом.

— Нет, — повторил мастер, качая головой. — Не за тем я потратил столько сил и времени, чтобы в конечном итоге стоять в сторонке и смотреть, как деградировавшие потомки Занди I, не ударив при этом палец о палец, получают самый могущественный артефакт во Вселенной. Чего мне стоило заставить, вечно сующую свой нос, куда не надо, Бавкиду смотреть в другую сторону! Чего мне стоило убедить тебя отправиться со мной и создать антидот, не породив в твоей душе никаких подозрений! Уж явно не для того, чтобы отдать Иглу тому, кто меньше всего ее заслуживает! Сколько себя помню, я грезил о ней, о том, насколько непобедимы мы станем, когда она окажется в наших руках. Хоть раз задумывалась ты над тем, какой была бы наша жизнь, не будь мы вынуждены вечно прятаться от нормалов? С Иглой такая необходимость полностью бы отпала, потому что лейры стали бы непобедимы и могли бы держать всю галактику за горло! Так зачем бы мне отдавать предмет собственного могущества в руки недомерка, интересующегося только джунглями и тем, что плохо лежит?

Недобрый огонек, мелькнувший в его глазах, Сол не могла не заметить, но, кажется, он совершенно её не удивил.

— Предлагаешь мне разделить с тобой власть, которой еще не добился?

— Всего лишь время, — пожал плечами он. — Ты уже внесла свою лепту в мое дело — с твоим антидотом аборигены больше не представляют для меня ни малейшей опасности. Я уже испробовал его и понял, что могу играть с ними, как мне заблагорассудится — две недели я живу среди них, а они даже не подозревают об этом. Предания, которые мне удалось услышать, раскрыли суть Иглы и подсказали, как с ней обращаться. Оказывается, только элийр может активировать силу артефакта и высвободить ее. Видимо у предка нашего молодого графа на службе был один такой предатель, способствовавший гибели остальных, участвовавших в битве за Шуот. — Он хохотнул. — Весьма иронично, не находишь, что теперь Иглой завладеет лейр, ради уничтожения которых она и была найдена?

Тут в отдалении послышался какой-то звук.

— Это махди, — сказал Аверре. — Ты должна принять сыворотку прежде, чем они тут появятся.

Какое-то время Изма смотрел туда же, а потом вскарабкался на дерево обратно. Аверре полез в карман за ампулой, но Сол его остановила:

— Я не стану, это опасно и глупо. Ты можешь оставаться здесь, если хочешь, но я возвращаюсь в Мероэ.

Лицо наставника будто окаменело.

— Все-таки пойдешь к Занди? — спросил он отстраненно.

Сол заглянула ему в глаза и ответила:

— Это будет правильной всего.

— Он ее не заслуживает.

— Никто не заслуживает. Игла — слишком могучий артефакт, чтобы находиться в чьих-то руках и быть при этом безопасной для других. Прости, но твои слова убедили меня лишь в одном — ее следует оставить там, где она есть и не дать попасть к лейрам. Я думаю, что смогу заставить его светлость помочь мне в этом, но тебе придется смириться и вернуться тоже, ведь, ни ты, ни Бавкида, ни кто-либо другой не готовы к той силе, что сокрыта в этой Игле.

Сол коснулась кончиками пальцев щеки Аверре, но он отклонил ее руку, словно она стала теперь чужой.

— Прости, — сказала мама. — Это лучшее, что можно сделать. Некоторые вещи никогда не должны быть найдены.

— Все, что спрятано, — проговорил мастер мрачно, — должно быть найдено.

Сол хотела что-то возразить, но в нескольких сантиметрах от нее просвистел пущенный аборигеном дротик и с тихим свистом впился в ствол.

— Госпожа Сол! — прикрикнул Изма. — Давайте поторопимся!

— Идем, Батул, — шепнула она и перемахнула на соседнюю ветку.

Я представления не имел о том, как у нее с Измой могло бы получиться выбраться из джунглей, когда махди будут дышать им в спину, но мое внимание сейчас было приковано к Аверре, который безучастно смотрел на убегающую от него женщину и даже не собирался двигаться за ней следом. Как будто в нём происходил сложный внутренний конфликт, а секунду спустя, он явно на что-то решился.

Выпущенный аборигенами ряд стрелок сильно отклонялся от цели — попасть в маму они никак не могли, но только не когда небрежный взмах Аверре подправил траекторию их полета, умножив скорость в несколько раз, и они всем скопом вонзились в спину, ни о чем не подозревающей Сол.

Она не успела вскрикнуть и даже ничего не почувствовала, как будто всего лишь неуклюже оступилась, но не подумала за что-нибудь ухватиться, уверенная, что собственные способности помогут ей восстановить равновесие. Жаль только яд аборигенов действовал на незащищенный антидотом организм слишком быстро, парализуя его за доли секунды. Мне оставалось только смотреть, как моя мать, безвольно, как тряпичная кукла, с глухим и влажным до отвращения звуком ударилась головой о нижнюю ветку, после чего её тело навсегда скрылось во тьме нижних уровней этого леса.

Глава 20. Ничья казнь

Мама!!!

Пронзительный мысленный вопль разорвал воспоминание Измы на лоскуты, словно когтистая лапа зверя тонкий листок бумаги. Меня буквально вытолкнуло из его сознания, швырнув на пол с такой силой, что разом выбило из легких весь воздух.

— Что случилось?

Сквозь слезы, выступившее на глазах, я увидел нависшее над собой взбудораженное лицо Эйтн. Я не ответил ей, а все прокручивал в голове страшную сцену падения мамы, одновременно пытаюсь убедить себя, что на самом деле все произошло совсем не так, что все это неправда. И тут же отвратительный холодный голосок где-то в глубине сознания язвительно твердил об обратном.

За десять лет своей жизни я не привык — привыкнуть к такому было невозможно, — но смирился с мыслью о том, что мамы больше нет. Однако увиденный в воспоминании момент ее смерти, убийства, прорвал так долго и тщательно возводимую плотину равнодушного цинизма в моем сердце, что давно забытое горе хлынуло через нее вулканическим потоком, едва не обуглив мозг ни в чем неповинного мекта. Хотя сжечь дотла следовало вовсе не Изму...

Оторвав голову от пола и, утерев со щек слезы, я взглянул на лежащего ничком и не шевелившегося мекта. Отойдя от меня, Эйтн пробовала перевернуть его на спину. Я вдруг ощутил доселе практически неведомое чувство вины за содеянное. Если Изма умрет здесь и сейчас, это будет преследовать меня до конца дней.

— Изма! — тормошила его Эйтн. — Изма, приди в себя! Ну же! — Потом быстро оглянулась: — Он холодеет! Что ты с ним сделал? Что там такого увидел?

— Убийцу, — безжизненным голосом отозвался я, подползая к ним на коленках.

Бесцеремонно оттеснив ее в сторону, я заставил мекта перевернуться на спину, после чего попробовал нащупать у него пульс. Тот был слабый, но ровный. Это заставило меня облегченно выдохнуть, а потом снова и резко вклиниться в разум Измы и силой своей воли вырвать его из забытья. Он изогнулся всем телом, будто из него вытягивали душу, и с тихим стоном, наконец, распахнул глаза.

— Поднимайся, — сказал я.

Выпучив глаза, Изма узнал меня и часто-часто задышал. Скорчив непонятную гримасу, он попытался быстро отползти в угол, после чего его обильно стошнило на пол.

Не рискуя приближаться к нему, чтобы не доводить до сердечного припадка, я спросил:

— Как ты уцелел?

— Я н-не знаю, — с трудом выговорил он в слезах, даваясь собственной рвотой. — Я, правда, не зна...

Я распахнул дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха. Собственные слезы уже успели высохнуть. Дыхание пришло в норму. Только тугим узлом, скрутивший все мое нутро, никак не желал ослабевать, хотя так, наверное, и должно было быть. Застаревшая боль, загнанная глубоко и заново растревоженная не могла так легко отпустить.

Не перестававшая удивлять, Эйтн оставалась рядом с мектом, пытаюсь как-то его поддержать. Но смотрела она на меня, и, хоть убейте, не понимаю, почему мне показалось в

ее взгляде сочувствие.

— Что ты увидел?

Я молчал. Но вовсе не потому, что не хотел говорить. Просто не знал, какими словами объяснить то, что только что навсегда перевернуло мою жизнь. Наконец, я сказал:

— Я постоянно слышу, как кто-то называет лейров чудовищами. И ты, в том числе. Но вы представить себе не можете, на что бывают способны некоторые из нас. Твой дядя — великолепный притворщик. Мне даже думать противно о том, как легко ему удавалось управлять всеми нами, и с какой простотой мы покупались на его слова. Я раньше считал его идеалом. Могущественный, умный, красивый и свободный. Он был для меня воплощением мечты, которая на самом деле оказалась далека от реальности. Но так, наверное, бывает постоянно?.. Это просто я такой наивный идиот. — От обиды предательски защищало глаза. Я отвернулся и подошел к окну. Меня трясло как в лихорадке.

Эйтн долго продолжения ждать не стала.

— Что ты увидел? — повторила она.

— Правду о том, к чему приводит слепая вера. Ведь он просто играл со всеми. Всегда и везде играл. Чужими руками добивался поставленной цели, а если не получалось, то хладнокровно уничтожал тех, кто ему доверял, как моя мать.

Объяснение вышло скомканное, впрочем, Эйтн уловила главное:

— Я тебе не верю!

«А как же иначе?» — подумал я, совсем не удивившись, кивнул и обернулся. Лицо племянницы Аверре стало бледнее обычного.

— Всего лишь за то, что раскрыла его планы и, как ты выразилась, отказалась плясать под его дудку. Теперь-то я понимаю, отчего он так испугался в тот раз, когда я ненароком прорвался к воспоминаниям Измы...

— Неправда, — все-таки возразила она. — Этого быть не может.

Я запрокинул голову и громко рассмеялся.

— Думаешь, мне не все равно? Я сам все это видел. Изма все это видел. Плевать я хотел, веришь ты мне или нет, но все было именно так! Четырнадцать лет назад Сол Эпине не просто исчезла в джунглях. Она была убита... убита другом, которому доверяла, товарищем, который убедил ее прилететь сюда ради якобы общих и благородных целей. Батул убил ее!

Эйтн вернула взгляд Изме и тот, собрав остатки сил, кивком подтвердил мои слова. Впервые на своей памяти мне удалось увидеть, как маска сдержанности леди Аверре дала трещину, приоткрыв чувства. Сказанное мной сильно потрясло ее. Впрочем, справилась с собой она значительно быстрее, чем я ожидал.

— А расследование? — спросила она. — Неужели никто из ваших людей не попытался пролить свет на ее исчезновение?

— Думаешь, сопляку, вроде меня, кто-то что-то потрудился объяснить? — в ответ задал вопрос я. — Даже став старше, я так и не услышал ни одной правдоподобной версии. Самый надежный свидетель утверждал, что не видел Сол с момента, как вернулся из джунглей. А кто бы стал сомневаться в репутации лейра уровня Аверре? Мне никто ничего не сказал. Никто. Я даже не знал, что мама когда-то была здесь, пока Занди не проговорился. Технически дело об исчезновении моей матери до сих пор остается открытым, но фактически... никому уже нет до этого дела.

Эйтн хотела что-то сказать, но передумала и, обхватив себя руками, едва заметно задрожала.

— Что ты намерен делать? — спросила она.

Я молчал, потому что не думал над этим вопросом. Я знал, что бросить открытый вызов Аверре будет слишком опрометчиво. У меня ни за что не достанет сил сразиться с ним в поединке один на один. Да что там сил, — храбрости. Единственный путь — это действовать аккуратно и исподтишка. Но для этого надо было...

— Освободить Занди.

Оба: девушка и мект уставились на меня:

— Каким образом?

Признаться, я и сам еще этого не понимал, как вдруг неожиданная догадка осенила меня своим значением:

— Батул сам дал мне в руки ключ. Он поступил глупо, сделав мне укол сыворотки. Я могу обмануть аборигенов, так же, как это в прошлом сделал он. Например, пробраться в темницы, оглушить стражу и помочь графу сбежать — все до неприличия просто. Не знаю, правда, сколько времени еще продлится его действие, так что придется поторопиться.

— А как же Игла? — спросила Эйтн.

Довольный своей сообразительностью, я уставился на нее:

— Тебя больше ничего не волнует, верно?

— Кто бы говорил...

Я закатил глаза и тут же задумался над тем, что еще услышал от мамы.

— Изма, напхни, сколько лет назад жил первый предок нашего драгоценного графа?

— Примерно полторы тысячи лет, сэр, — ответил мект, наконец, справившись с желудочной слабостью и кое-как встав с пола.

— И Рехим жил тогда же.

— Что за Рехим? — вставила Эйтн.

— Первый махдийский жрец, госпожа, — отозвался Изма. — Во время его правления на Бойджию прилетели люди. Они заключили с ним договор, после которого великий махдийский жрец скоропостижно скончался.

— И что с того?

— А то, что после смерти, головы жрецов принято мумифицировать, что аборигены и сделали, — ответил я. — Моей матери попали в руки парочка таких экспонатов. Помнишь те головы, что мы видели в лавке? Она говорила, что застывший мозг образует нечто вроде кокона, непроницаемого ни для одного сканера, даже ментально его было не прощупать, — не лучшее ли место, чтобы спрятать Иглу?

— Ты серьезно? — осторожно осведомилась Эйтн.

— Более чем, — сказал я, возбуждвшись вдруг сверх меры. — И Батул об этом узнал, только... нужная голова ему в руки так и не попала! Ведь Занди совершил кражу, когда был еще ребенком задолго до того, как Аверре впервые посетил Бойджию. Значит, он не мог знать о том, что искомая Игла все время находилась так близко...

— Считаешь, что она по-прежнему внутри этой головы?

Я пожал плечами:

— По крайней мере, это единственное, что кажется мне логичным.

Вновь отвернувшись к окну, я попытался прислушаться к себе, осторожно приоткрыв дымную завесу, под которой приберег полученное от Измы видение убийства матери. Подстрекаемая гневом и неспособностью как-то изменить увиденное, пламенная буря вернулась, как и ожидалось с той же легкостью, с которой мертвый штиль внезапно

оборачивается шпормом.

— Как мы ее достанем?

Вопрос Эйтн заставил меня быстро упрятать мысли о маме подальше и повернуться к ней со словами:

— Понятия не имею. — Тут я задумался: — Если только...

— Если только, что?

Мой взгляд упал на маленький столик, где оставался лежать неувядающий подарочек Сайи. Я подошел к нему и взял в руки.

— Если только, — вновь заговорил я, — кое-кто нам не поможет.

Пока Эйтн и Изма соображали, о смысле сказанных мною слов, я аккуратно отщепил два сросшихся семечка от нижнего края соцветия и спрятал их в своей маленькой склянке. То, что пришло мне на ум, вовсе не было откровением, лишь догадкой, проверить которую я счел необходимым по одной простой причине — Сайя была единственной, кто проявил ко мне столь неожиданный интерес, а я не из тех, кто считает такие вещи совпадениями.

— Что ты задумал? — задала вопрос Эйтн.

Но ответил ей уже не я:

— Что бы он ни задумал, это не имеет сейчас значения.

Все трое, как по команде обернулись к двери и воззрились на возвышавшегося в открытом проеме Аверре, с улыбкой самой дружелюбной, застывшей на его хитром лице.

— Сет, будь добр, отойди от стола.

Сердце мое опустилось в пятки, но лишь для того, чтобы освободить место для кое-чего пострашнее. Наши с ним взгляды скрестились, как древние шпаги со звоном, который был слышен всем восприимчивым к тонкой материи Теней. Только что притихший зверь заворочался в груди с новой энергией. Хоть я и постарался, чтобы внешне это никак не отразилось, Аверре заметил перемену:

— Ну что ты так на меня смотришь? — с мягким укором сделал он выговор, словно маленькому ребенку. — Я вижу, как ты пытаешься задушить гнев внутри себя, и все думаю — зачем? Прикидываешь, как поступить правильно? Думаешь, стоит ли попытаться наброситься на меня прямо сейчас или подождать более подходящего момента? Как всегда прислушиваешься к своим инстинктам? И что они говорят тебе на этот раз, могу я спросить?

— Вы слишком много говорите, мастер, — прошипел я.

Аверре печально вздохнул, сцепив перед собой руки, а затем переступил порог и вышел на середину комнаты. Эйтн и Изма при этом стояли, словно изваяния из камня: ни слова, ни движения.

— Моя ошибка — рассказать тебе о сыворотке, — подмигнул он. — А знаешь, в чем твоя? Верней, это даже не ошибка, а недостаток. В тебе нет твердости характера, Сет. Нет стержня. В тебе есть достоинства, я не спорю: сильная личность, ум, но ты чересчур гибок. Ты прогибаешься, даже когда важно не просто не сломаться, а стоять как скала. Вот в чем твоя проблема. Ах, дорогая, — вдруг точно опомнившись, Аверре повернулся к Эйтн, — отдай-ка мне эту штучку. — Он протянул ладонь, в которую тут же перекочевало оружие девушки, о котором к тому моменту все и думать забыли. — Пусть пока у меня побудет, — и спрятал его в карман. — Кстати, я ушам своим не поверил, когда понял, что вы планируете заговор, даже не потрудившись спрятаться. Неужто ни одному из вас не пришло в голову, что здесь у всего есть уши? Но, спорить не стану, мне понравился ход ваших мыслей, особенно после того, как ты вскрыл его память...

Я посмотрел на Эйтн, ожидая от нее какой-то реакции, но естественная невозмутимость и холодность вернулись к девушке, и теперь прочесть что-либо по ее лицу было невозможным. Хотя, как мне казалось, и понимал, что она чувствовала в этот момент: мы словно кучка недорослей, школяров-неудачников, обдумывали дело на виду у тех, против кого собрались выступить. Мы были идиотами. Эйтн и Изма — потому что обратились ко мне за помощью, а я — потому что думал, будто смогу что-то сделать. Однако еще большим глупцом я стал бы, если б вот так молча с поникшей головой продолжал выслушивать насмешки человека, в один миг из друга и наставника превратившегося в убийцу и смертельного врага.

Благодаря эффекту антидота моя концентрация на внешних потоках Теней была так же высока, как и прежде, и я не мог не воспользоваться этим еще раз в попытке, не просто отомстить, но и спасти наши жизни. Но предыдущий урок был мною усвоен и теперь я не торопился бить в лоб. Разделив свое сознание напополам, я отправил часть его по комнате в поисках подходящей возможности, второй непрерывно следя за Аверре. Я увидел возможность в бластере, покоившемся в кармане наставника, и просто нажал на курок.

Выстрел был почти беззвучный, только ярко-алая вспышка света на мгновение окрасила подол Батуловой накидки, а затем крик боли, вырвавшийся из его рта. Луч плазмы прошел сквозь ткань прямо в пол, по касательной задев бедро мастера-лейра.

С криком схватившись за рану, Аверре затанцевал по полу, не обращая внимания на нас. Взбодораженный и перепуганный Изма воспринял происходящее возможностью наконец-то сбежать и, не дожидаясь никого, рванул на выход. Я даже крикнуть ничего не успел. Стоило ему только пересечь порог, как что-то призрачное пронеслось сквозь него и скрылось. Всего пару секунд мект стоял неподвижно, а потом его голова соскочила с плеч и, ударившись об пол, укатилась прочь. Разбрызгивая кровь, тело, сотрясаемое судорогами, перемахнуло через ограждение и полетело вниз. Эйтн только собралась бежать следом, как громовой возглас Аверре огласил комнатенку:

— Стоять!

А затем меня, словно листик, припечатало к противоположной стене.

— Дурак! — завопил он, с озверевшим лицом приближаясь ко мне. — Что это тебе дало, а?!

— Удовольствие, — через силу процедил я с ухмылкой и пообещал: — Но это только начало.

Размахнувшись, Аверре собрался ударить меня по лицу, но тут Эйтн, схватив его за запястье с удивительной силой, удержала руку своего дяди на месте.

— Не вмешивайся, Эйтн, — посоветовал он, еле сдерживаясь. — Тебя это не касается.

— Отпусти его, — сказала она. — Зачем ты убил Сол?

Аверре посмотрел на меня так, словно больше всего на свете желал, чтобы на месте моей матери оказался я. Сила его невидимых тисков ослабла, и я съехал на пол, а сам он отошел в сторону и куском ткани от накидки перевязал обожженную рану.

— Зачем? — потребовала Эйтн. — Объясни ему.

— Он, конечно, имеет право знать, — проговорил Аверре сухо. — Но мы не на суде, и я не обязан отвечать.

— Она любила вас, — сказал я, в который раз поднимаясь с пола.

— И я ее любил, — парировал он.

— Лжец!

— Еще одна такая выходка, парень, и я обещаю, что ты пожалеешь о том, что появился на свет, — предупредил мастер, тяжело распрямляясь. — Что ты можешь знать о наших с ней взаимоотношениях? Считаешь себя умным, но это еще не означает, что ты разбираешься во всех вещах, которые происходят на этом свете.

— Я знаю одно — если кого-то любят, его не стремятся использовать, а потом убрать с дороги за ненадобностью. Особенно так по-скотски.

Я, если честно, очень хотел, чтобы Аверре еще раз вышел из себя, но он, лишь оглянувшись на лужи крови, оставленные Измой на террасе, и с легкой грустью сказал:

— Все-таки надо было послушать свой внутренний голос и потрудиться над ним лучше.

— Ты сумасшедший! — проговорила Эйтн, не без отвращения теперь взирая на своего дядю.

— Наоборот, — парировал он. — Сейчас я даже в более здравом уме, чем когда-либо. Потому что больше не позволяю глупым привязанностям становиться у себя на пути, дружеским или родственным, неважно. Главное сейчас — это Игла, и если ради нее мне придется пожертвовать всем остальным, то так тому и быть!

— Можно подумать, вас раньше что-то останавливало, — проговорил я.

Прежде, чем дать ответ, Аверре обжег меня взглядом:

— Ты представить себе не можешь, что я чувствую из-за ее смерти до сих пор!

— Я представить себе не могу, какая вы бездушная скотина, а остальное меня не слишком заботит. Вы — предатель. Трус!

— Тебе-то откуда об этом знать? — вдруг рявкнул мастер. — И ты не имеешь права упрекать меня в предательстве! Только не ты, только не раб порядка, проповедующего любое предательство во имя блага Адис Лейр. Думаешь, я не знал, что эта старая тварь отпустила тебя со мной лишь потому, что ей до жути интересно, чем я занимаюсь на самом деле? Она приставила тебя шпионить за мной, и ты охотно исполнял свою роль, передавая ей те сведения, которые я позволял тебе слышать. Догадаться об этом было более чем просто. А теперь подумай, к чему бы это в итоге привело: да ты бы первый всадил мне в спину нож, как только Игла оказалась в твоей досягаемости.

— Учитывая обстоятельства, — сказал я, — сделал бы это с большим удовольствием.

Аверре прикрыл глаза, будто смакуя произнесенные мною слова.

— А я и не сомневаюсь, — пропел он. — И это предопределяет твою дальнейшую судьбу.

— И что? — удержаться от еще одной усмешки было трудно. — Убьете меня?

Он улыбнулся в ответ:

— Я не настолько расточителен и глуп, чтобы превращать вас обоих в расходный материал. — Тут мастер повернулся к племяннице: — В частности, тебе, дорогая, я позволю сделать выбор: вернуться на Риомм ни с чем, либо присоединиться ко мне в моей работе. И заметь, во втором случае, возможность изучать Иглу будет гарантирована.

Девушка отвечать не спешила, а мне не терпелось услышать ответ на свой вопрос:

— Ну а я?

— Так ты еще не догадался? — Аверре гадко ухмыльнулся и проговорил: — Неужели ты думаешь, что после того, как вымолил у Навигатора дать мне элийра, я бы вот так уничтожил тебя? Я вроде говорил, что ты умен? Беру свои слова обратно. Достать и активировать Иглу способен только элийр и, насколько я могу судить, процесс этот таит в себе определенную опасность. Первый Занди каким-то образом тоже знал об этом и потому умно использовал

похищенного адепта. Я собираюсь последовать его примеру, и ты, мой юный друг, превосходно для этого подойдешь. Особенно, учитывая твою ярко выраженную склонность, элийр.

— Так ты с самого начала это планировал? — влезла Эйтн.

В ответ он спокойно пожал плечами:

— Естественно. И все прошло так, как я и задумал.

Аверре сотворил еще один таинственный жест и два махдийских воина обозначились в дверях, каждый с саблей наперевес — конвоиры для пары пленников.

— У вас еще есть время подумать над своей участью и смириться, — улыбнулся мастер, — пока мы наслаждаемся наилюбимейшим из зрелищ древности — казнь его светлости вот-вот начнется. Я не сказал, что убедил Иши перенести ее на более раннее время? Будет невежливо с нашей стороны опоздать. Идемте, пожалуйста.

Ночь была в самом разгаре, но о сне никто не смел и мечтать. Нас с Эйтн вели тем же путем, что шел к темницам внизу. Конвой нервировал гораздо больше, чем туземцы, высыпавшие из своих хижин, тонкой струйкой присоединявшиеся к шествию на казнь. Мастер Аверре вышагивал позади, не спуская с меня глаз.

— Гляди-ка, как они его встречают, — полушепотом проговорила Эйтн, толкнув меня в бок, указывая на аборигенов. Женщины и дети застыли с протянутыми в сторону Аверре ладонями и что-то шептали, что-то, очень похожее на молитву.

Меня передернуло.

— Безмозглые.

— Зачем они это делают? — проявление интереса со стороны Эйтн было, на мой взгляд, несвоевременным, однако в этот раз я оставил свои мысли при себе.

Зато мастер, вклинившись между нами, поинтересовался:

— А тебя это удивляет? Мое появление ознаменовало возвращение их самой священной реликвии и скорое торжество справедливости, так что я для них символ грядущего рассвета.

Я с отвращением сплюнул:

— А вы только о том и мечтаете.

— Не буду скрывать, мое самолюбие это неплохо потешит, но, что куда более важно, даст мне доступ в Святилище. — Мастер-лейр многозначительно похлопал меня по плечу, подмигнув: — Понимаешь, о чем я?

Приближаясь к уровню с темницами, процессия неожиданно свернула вправо, чуть уходя вверх. Я вертел головой по сторонам, пока не увидел приближавшегося к нам старейшину в сопровождении Сайи. Иши Кхемса вышагивал с важностью параксанского бова[1]. Старая хламида куда-то исчезла, и на ее место пришло торжественное алое рубище, отличавшееся от предыдущего разве что пестротой узора. Пепельную голову главы деревни венчало подобие тиары, свитое из многофункционального минна. С его появлением все, кто был поблизости, тут же попадали ниц. Несколько раз Аверре толкнул под ребра нас, прошипев:

— Кланяйтесь, иначе вас обоих накажут.

Мы почти синхронно склонили головы в приветствии Всеведущего Иши.

— В первый раз твое неприкрытое неуважение его позабавило, — проговорил мастер, точно так же согнувшийся в три погибели. — Больше такое не пройдет.

— А разве не вы тут теперь всем управляете? — поинтересовался я между делом.

Он не ответил. Иши Кхемса распростер над собой руки и громким, хорошо поставленным голосом заговорил о чем-то на языке аборигенов.

— Что он говорит? — так же шепотом спросила Эйтн своего дядю.

— То же самое, что и все правители, стремящиеся заработать наибольшую симпатию среди населения, — отозвался тот. — Разогревает их перед казнью, обещает незабываемое зрелище торжества справедливости — ничего такого, что вам обоим было бы важно знать.

Девушка нахмурилась.

— Как они собираются убить графа?

— Они подвергнут его Правосудию минна.

— Что это такое?

— То, о чем тебе, опять же, лучше пока не знать.

Я ни движением, ни звуком не дал им понять, что знаю, каким именно образом будет совершена казнь. Вместо этого, периодически ловил на себе взгляды, исподтишка посылаемые Сайей. Не подозревая о причинах столь пристального интереса, я в очередной раз отметил, до чего уверенно она держалась для столь юного возраста. Впрочем, учитывая ее кровожадное рвение, не так уж это было и странно.

Речь старейшины подошла к концу неожиданно, оборвавшись слишком резко, будто переломленная ветка. Может быть оратором Кхемса был и хорошим, но завершать свои выступления он определенно не умел. Все махди тут же повскакивали на ноги, чуть ли не с вожделием уставившись на старейшину и его юную последовательницу. Я никогда прежде не видел на лицах такого количества разумных существ совершенно одинакового желания воочию лицезреть жесточайшее убийство. Даже среди лейров подобная жестокость считалась чем-то из ряда вон выходящим.

— Мастер Аверре! — Иши Кхемса приблизился к нам, поочередно внимательно рассмотрев каждого. — Я рад, что вы захватили своих... друзей.

— Моя племянница — Эйтн, — представил еще неизвестную старейшине девушку мастер.

Окинув ее придирчивым взглядом знатока, старый самодур проблеял:

— Вы слишком непривлекательны для махди, юная леди.

Я уткнулся лицом в кулак, сделав вид, что закашлялся, а сам исподтишка глядел на реакцию леди Аверре. Она улыбнулась, хотя глаза кольнули холодным блеском. Отвечать Эйтн не стала. Ничего не заметив, Иши Кхемса широким жестом поманил всех к месту, где планировалось проведение казни.

— Идемте.

Обогнув паат почти по окружности, я и все остальные остановились перед, своего рода, амфитеатром. Просторная, по здешним меркам, многоярусная площадка из ровных отполированных досок, прикрепленная к трем голым стволам над темной пропастью. В центре этой площадки размещалось прямоугольное возвышение, по виду напоминавшее самый что ни на есть жертвенный алтарь. Был еще одинокий постамент, но каково его предназначение, я даже не догадывался. При взгляде на кандалы, сплетенные из стеблей того же минна и ритуальном кинжале, у меня внутри всё сжалось. Чем дальше все заходило, тем меньше оставалось надежды найти выход.

Возбужденно перешептывающиеся между собой аборигены мало-помалу заполняли ступенчатые скамейки. Оказалось, что махди в лесу обитает гораздо больше, чем можно было ожидать от столь удаленной от цивилизации деревни. Их тихая болтовня смешивалась

с эмоциональным возбужденным фоном и действовала на нервы. Казнь еще не свершилась, а в воздухе уже ощущался запах крови, хотя это мне только казалось. Как будто одной смерти на сегодня уже было не достаточно, воображение подкидывало все новые неаппетитные подробности того, что ожидает графа в очень скором будущем. А самое отвратительное, что ничего поделать с этим уже было нельзя: любое подозрительное движение сразу блокировалось дышащими в затылок туземными воинами. Эйтн стояла рядом со скрещенными на груди руками, гордая и надменная, словно королева среди нищих, раздраженная настоящим, но не переживающая о будущем. В отличие от меня, выбор у нее оказывался значительно более перспективным.

— Надеюсь, у тебя хватит ума простоять всю церемонию и ничего не натворить? — предостерегающе зашептал Аверре, положив ладонь мне на плечо. — Имей в виду, я с тебя глаз не спущу. Впрочем, как и стража. Одно неверное движение, и никто не заметит, как тебя не станет.

Повернувшись к наставнику, я вложил в ответный взгляд столько презрения, что Эйтн, пожалуй, могла бы мне поаплодировать.

Тем временем толпа продолжала разрастаться, как разлитое топливо расплзается по поверхности лужи, а вместе с ней и общий гомон, отражавшийся от листвы паатов и скачущий по замкнутому пространству. Когда ор стал уже почти совсем невыносим, вперед с царственной неторопливостью выступил Иши Кхемса. Легким взмахом руки старейшина призвал всех успокоиться, но необходимости в том не было: едва собравшиеся заметили его движение, все разговоры прекратились сами собой, словно звук выключили. Обведя амфитеатр усталым взглядом, он, наконец, заговорил.

Вслушиваться в болтовню на тарабарщине, доступной лишь пониманию наставника, я не собирался и потому увлеченно искал взглядом Сайю, которой выпала во всем этом фарсе роль палача, однако миниатюрной махдийки нигде не наблюдалось.

— Иши Кхемса будет куда красноречивей большинства сенатских демагогов Риомма, — обронил Аверре, обращаясь к Эйтн.

— Хорошему правителю не помешало бы и наличие интеллекта, — парировала девушка, даже не взглянув на своего дядю.

Тем временем старейшина продолжал свою речь и когда он подошел к ее заключению, сделал рукой торжественный жест, взорвавший амфитеатр воплями одобрения, а потом мы увидели Занди. Его вели четверо тюремщиков, каждый из которых удерживал по одному концу прочной длинной веревки из лозы, опутавшей ноги и руки графа не хуже стальных кандалов. Из одежды на нем были только изодранные местами штаны. На лицо ему нацепили расписанную иероглифами маску, словно из опасения, что в борьбе за собственную жизнь, он начнет кидаться и рвать всех зубами. Несмотря на то, что маска закрывала большую часть лица, рассмотреть чудовищные кровоподтеки на скулах и под глазами графа не составляло труда даже зрителям. Каждый шаг давался ему с трудом. Занди хромал и сутулился, поворачивая головой из стороны в сторону, словно искал в толпе знакомое лицо. Я скосил взгляд на Эйтн — она просто бледнела на глазах.

Вдруг толпа неистово взревела. Взглянув обратно на Занди, я понял, что в абсолютно бесполезной попытке вырваться, тот резко дернулся, умудрившись даже сбить одного из своих конвоиров с ног, за что был вознагражден сильным ударом плетью. Не отводя взгляда, Эйтн лишь судорожно вздохнула и крепче сжала кулаки, тем самым выдав, что явная и глубокая симпатия меройского графа вовсе не являлась безответной. Ясное дело, для меня

данное открытие было сюрпризом, но, что удивительней, таковым оно стало и для моего наставника, который счел это едва ли не за преступление.

Скорчившись, как от неприятного запаха, он ядовито проговорил:

— Ваше с ним общение превратило тебя в размазню. Раньше ты такой не была, Эйтн.

Резко повернувшись к нему, девушка мгновение смотрела на брата своей матери ничего не выражающим взглядом, а потом широко размахнулась и со всей силы отвесила ему звонкую пощечину, после чего так же невозмутимо повернулась обратно. Моя нижняя челюсть не удержалась на месте и отвисла сама собой. Я продолжал так стоять, пока, схватившийся за пылающую половину лица, Аверре не отдал приказ двум туземцам, уже нацелившим на нее свои сабли, остановиться.

— В следующий раз тебе это с рук не сойдет, — мрачно предупредил он ее.

За это время аборигены успели привязать Занди к жертвенному столу и, поклонившись старейшине, отошли в сторону. Тотчас же маленькая хрупкая Сайя вступила в центр круга, на вытянутых руках неся перед собой тот самый предмет, из-за которого и разразился весь этот сыр-бор — бальзамированная голова Рехима на деревянном подносе. Я заметил и притороченный к широкому кожаному поясу ритуальный кинжал с начертанными на рукояти и лезвии заклинаниями.

Выход Сайи произвел на публику усмиряющий эффект — пришла пора священнейшей части ритуала, и народ начал успокаиваться. Забили невидимые барабаны, нагнетая атмосферу мистицизма и вгоняя аборигенов в некое подобие транса. Слова неведомой мантры, шепотом произносимые всеми махди, стали возноситься над алтарем, сливаясь в единый монотонный гул, по словам Аверре, призывающий перерождение искры минна в живом организме Занди.

— Махди отождествляют минн с десницей древних богов, — говорил он, — и считают, что только после того, как растение полностью завладеет телом казнимого, произойдет полное очищение последнего, как духовное, так и физическое, и перерождение минна. В сущности, такое отношение к казни даже более прогрессивно, чем тупая первобытная жажда мщения.

Я глядел на наставника, испытывая жгучее желание, повторить подвиг Эйтн и как следует врезать ему, но, памятуя о страже, благоразумно воздержался.

— А голова зачем?

— Увидишь.

Сайя опустила ее на постамент. Туземцы попадали на колени, продолжая скандировать, кто шепотом, а кто во всю мощь легких, три магических слова, способных очистить дух графа от скверны, которую он сам не себя и наложил. Что больше всего удивляло, так это глубочайшая сосредоточенность на лицах маленьких представителей этого странного народа, которые, не уступая взрослым, один за другим впадали в общее состояние полузабытья. Занди же все это время лежал неподвижно, видимо, уже не надеялся на благоприятный для себя исход. Закрыв глаза, он расслабился, словно все происходящее вокруг вообще не имело к нему никакого отношения.

— Они все как будто одурманены. — Эйтн подозрительно покосилась на застывших рядом воинов, молча наблюдавших за происходящим в центре этой маленькой арены и еле-еле заметно приоткрывавших рты, шепча то же заклинание.

Я заметил, как она зачем-то сделала маленький шагок в сторону стоявшего с воздетыми кронам паатов руками старейшины и как стальная хватка воина, не прерывавшего свое

бормотание, вернула ее обратно.

— Бдительность при этом они не потеряли, — с загадочной улыбкой обронил мастер. — Забудьте вы о Занди — он почти история. Смиритесь с неизбежным. Сосредоточьте усилия на собственной судьбе. По крайней мере, у вас еще есть возможность ею распорядиться.

Как только Иши Кхемса резко опустил обе руки, тем самым дав знак к следующей части ритуала, Сайя встала позади постамента с головой и сорвала со своего венка одно спелое соцветие, так похожее на то, что находилось у меня в кармане. Легким движением руки она срезала три самых крупных иголки и, отложив нож в сторону, осторожно воткнула их в темя и виски многострадального Рехима. Весь амфитеатр затаил дыхание, когда обтянутая пергаментной кожей маска, давно умершего жреца, ожила.

Сначала я решил, что от перенапряжения у меня начались галлюцинации, но когда аборигены радостно заликовали, я понял, что это вовсе не обман зрения и не какой-то дешевый трюк. Высушенное мумификацией лицо и впрямь шевелилось, морща нос и поднимая брови, раскрывая и снова закрывая пустые глазницы, но очень неестественно и рвано, словно не мышцы двигали этим процессом, а кое-что иное, обитавшее внутри. Ответ показался сам из широко распахнувшегося беззубого рта: тоненький белесый стебелек новорожденного минна показал свои шевелящиеся усики на свет. Поднеся острие ножа к отростку, Сайя легким движением отсекла его. Упав на древесину постамента, этот кусочек стал извиваться как червяк. Когда она взяла его двумя пальцами и понесла к Занди, Эйтн передернуло от отвращения.

— Узрите, — выкрикнул старейшина, обращаясь к нам, — как вершится Правосудие минна.

К Сайе подошел абориген с широкой деревянной чашей в руках, наполненной густо дымящей жидкостью. Смочив в ней кончик ножа, молодая жрица склонилась над Занди, приготовившись сделать на его обнаженной груди небольшой надрез.

Весь зал замер, я напрягся, напружинилась и Эйтн.

И тут Сайя качнулась в сторону туземца, словно ей на секунду сделалось дурно. Смоченное и оттого блестящее острие кинжала уперлось в солнечное сплетение изумленного махди и сползло вниз, оставив за собой неглубокий порез. Второй рукой она прижала завязывающийся узлом отросток к начавшей кровоточить ране и быстро отошла. Почувствовав горячую кровь, новорожденный минн стал вгрызаться, по-другому и не скажешь, под кожу туземца, и через секунду совсем исчез у него внутри. От шока и боли он выронил чашу, ошпарил себе ноги и дико заорал, ногтями расцарапывая рану в надежде вытащить плотоядный отросток наружу.

Поднялась суматоха. Махди повскакивали со своих мест и, забыв обо всем на свете, хватая детей в охапку, понеслись прочь с места неудавшейся казни. Почти никто не обращал внимания на вышедшего в центр старейшину, требующего, чтобы все немедленно успокоились. Обезумевший от боли и страха поедаемый минном абориген сломя голову рванул к Иши. Мгновенно среагировавшие охранники старейшины пригвоздили его саблями к полу.

— Зачем она это сделала? — вопрос прозвучал почти неслышно в шуме стремительно покидающей площадку толпы.

— Погоди-ка, — сумрачно хмуря брови, отозвался Аверре. — Смотрите.

Пока Иши Кхемса безуспешно пытался увещевать своих соплеменников не паниковать,

за его спиной ученица, действуя с оперативной точностью хирурга-трансплантолога, быстрыми движениями ножа освобождала графа от пут. Словно почувствовав неладное, старейшина резко обернулся и, выпучив глаза, проорал:

— Ты что это творишь?! Немедленно остановись! Я приказываю!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли своего учителя, Сайя помогла графу подняться на ноги. Сорвав с себя уродливую маску, Занди уставился на Иши Кхемса налитыми кровью глазами, как будто надеялся, что уже от одного его взгляда, того хватит удар.

— Вот те раз, — с ухмылкой проговорил я, косясь на своего наставника.

— Ты предала свой народ! — продолжал буйствовать старейшина. — Навеки быть тебе проклятой и не знать покоя, даже после смерти! Твоими останками накормят червей в Яме Амбы! Уб...

Приказ так и остался на его губах невысказанным, прервавшись из-за ножа, по самую рукоять вонзившегося ему между глаз. Чуть качнувшись назад, Иши Кхемса замертво рухнул к ногам собственной стражи.

Зашипев и зарывав, аборигены тут же вскинули свои пики и сабли, как вдруг всю площадку сотрясло взрывом. Яркая вспышка высоко в кронах паатов, на секунду осветила местность, словно взошедшее солнце. А потом все накрыло огненным дождем из листьев и сломанных щепок. Ударной волной нас подкинуло воздух и швырнуло вниз. Чудом, избежав столкновения головой с полом, я схлопотал по спине одной из увесистых коряг. Где-то закричали не успевшие убраться восвояси махди. Сдавленный крик Эйтн и возмущенный ох мастера сообщили, что они где-то рядом. Несколько стражников, словно картечью, напшиговало горящими щепками. Выставив над собой руки, я быстро создал непроницаемую завесу, сдерживающую сыпавшийся сверху смертельный мусор. Присыпанная листовным пеплом, Эйтн пыталась освободить ногу из-под навалившегося на нее трупа, а Аверре, кажется, умудрился потерять сознание.

Подняться на ноги, удерживая в воздухе несколько сотен килограмм древесины, оказалось не так-то просто. Отшвырнув весь этот скоп в сторону, я увидел, как через всю арену, не обращая внимания на продолжавшие сыпаться ветки, к Эйтн мчится Занди. Пока он помогал ей выбираться из-под трупов, я различил в общей какофонии шум двигателей. Сквозь дымное облако, затянувшееся образовавшеюся от взрыва дыру, вместе с остальной мелочью, спустились флаеры. Несколько машин серебристого цвета с открытым верхом и до отказа забитыми вооруженными людьми в форме, отличительные знаки которой сообщали о принадлежности их к страже дома Занди.

Из застывшего в каком-нибудь полуметре от усыпанной трупами и пеплом площадки, вышел солдат с нашивками капитана и, подскочив к графу, отрапортовал:

— Как приказано, прибыли по сигналу, ваша светлость.

— Хорошо, — кивнул Занди, не удостоив того даже взглядом, а целиком сосредоточившись на осмотре возможных ранений Эйтн.

— Разрешите заметить, — добавил капитан, — что не следовало тянуть до последнего — мы могли и не успеть.

— Не вижу смысла это обсуждать, — все так же не глядя на него, ответил граф.

Начальник стражи раздраженно кивнул:

— Как скажете, ваша светлость. В таком случае, позвольте предложить вам поскорее убраться отсюда.

На это Занди возражать не стал и повел, даже не собирающуюся сопротивляться, Эйтн к ближайшей машине.

— Девчонку махди возьмите с собой, — распорядился он и на вопросительный взгляд капитана ответил: — То, что я жив — ее заслуга. Я перед ней в большом долгу.

Все это время я думал о том, стоит ли напоминать им о своем присутствии. Мастер Аверре все еще находился в бессознательном состоянии. Внутренний голос тут же зашептал мне, что вот сейчас настал тот самый момент, когда я мог бы легко и безболезненно поквитаться с ним за смерть матери. Но тут мой взгляд ухватил некий округлый предмет, который никем не замеченный валялся под правым бедром тела Иши Кхемса.

Этого оказалось достаточно, чтобы мои мысли перестроились, мгновенно предложив несколько иной вариант мести, предусматривающий куда более тяжелые последствия для наставника, чем банальная смерть.

Капитан поторапливал графа убраться до того, как застигнутые врасплох аборигены перегруппируются и смогут дать полновесный отпор. Я смотрел, как Занди, Эйтн, а следом за ними и Сайя поднимаются на борт флаера. Никто из них даже не оглянулся назад, как если бы, и думать забыли обо мне... и кое о чем еще. Резко вскочив на ноги, я постарался им напомнить о том, что все еще жив:

— Эй!

И когда они обернулись, заставил мертвую голову с заточенной внутри Иглой прыгнуть себе в ладони. Высоко подняв ее, чтобы все видели, любезно поинтересовался:

— Ни о чем не забыли?

Капитан тут же поймал меня в прицел; я сглотнул, но не дернулся. Солдата осадил резкий приказ графа:

— Отставить, капитан. Здесь это не поможет.

— Правильное решение, ваша светлость, — подтвердил я, немного нервно улыбнувшись. Если бы Занди взбрело в голову отдать приказ своим солдатам меня расстрелять, я бы не поручился за то, что смог бы отразить или увернуться от всех выстрелов, но им-то об этом знать не обязательно.

— Может быть, — откликнулся Занди. — Отдай голову, Эпине.

Неторопливо вынимая из Рехима вставленные Сайей иголки и бросая их на пол, я сказал:

— Конечно, отдам. Но только после того, как увезете меня отсюда.

— С чего бы мне это делать? Достаточно с меня и тех хлопот, что от тебя достались. Собственно, мне не нужен ни ты, ни эта голова.

— Вам может и не нужна, — хитро прищурился я, хотя это давалось мне с колоссальными усилиями. Держать кусок мертвечины голыми руками оказалось еще тем удовольствием, на протяжении всего момента приходилось подавлять рвотный рефлекс. — А вот леди Аверре — очень даже. Я прав, Эйтн?

Даже со столь большого расстояния было видно, как засверкали в полутьме бездонные глаза Эйтн. Невдалеке послышался боевой клич и согласные вопли ответивших на него аборигенов — махдийские воины спешили сюда. Солдаты и Сайя насторожились. Капитан склонился к Занди и нервно проговорил:

— Поторопитесь, граф, времени не осталось. Если они успеют нас застать, есть вероятность, что улететь мы уже не сможем. Числом они нас превосходят.

— Соображайте скорей, граф, — торопил и я. — Мне тоже, знаете ли, не улыбается

застрять здесь с этими варварами.

— Откуда мне знать, что на уме у лейра? — Занди так и буравил меня взглядом. — Я подпущу тебя к себе, а ты опять залезешь ко мне в голову. Какие у меня гарантии?

Моя улыбка, не смотря на всю нервозность, стала шире:

— Никаких, граф. Только мое слово. Ну же! Мне нет нужды заставлять вас делать что-либо против вашей воли, если только вы вдруг не вздумаете меня убить. В прошлый раз я лишь хотел подтолкнуть вас к правильному решению, только и всего. Никакого злого умысла, поверьте. Эйтн может это подтвердить.

Леди Аверре попросила Занди наклониться и что-то тихо прошептала ему на ухо. Хоть и с явной неохотой, он все-таки кивнул. Флаер снизился и я, облегченно вздохнув, поспешил к нему.

Я уже был на середине пути, когда пики вернувшихся аборигенов ударили мне по ногам. Едва не выронив многострадальную голову, я подскочил метра на два вверх и приземлился на жертвенном столе, озираясь по сторонам. Несколько новых снарядов пришлось отклонить, но затем все стало еще интереснее.

Я полагал, что потом пойдут так любимые аборигенами токсичные дротики, но просчитался. Оказалось, что запасы сюрпризов у махди вовсе не иссякли, и доказано это было маленькими взрывающимися мешочками из минна, полетевшими со всех сторон. Теперь становилось понятно, отчего солдаты, вооруженные бластерами, гранатами и прочими игрушками современной боевой техники, так переживали. Один из мешочков, пролетев над головой, ударился об пол, разбрызгав во все стороны искры необычного зеленоватого пламени.

— А чего вы не стреляете?! — я с ужасом разглядывал, как пламя это очень быстро поедает тела, не касаясь древесины.

Только когда парочка таких «гранат», ударившись об один из флаеров, едва не расщепила его корпус, меройцы начали отстреливаться. Стоит отдать должное, стрелками они оказались отменными. Каждый бластерный всполох укладывал одного махди, но это все равно казалось бесполезным, потому что аборигены все прибывали. Как полчища насекомых, они карабкались по деревьям, швыряя свои маленькие, но вполне опасные снаряды.

— Уходим! — заорал капитан, загораживая грудью своего повелителя и его подружек. — Живей, живей, живей!

Три флаера перестроились, взяв тот, что нес на борту Занди в защитное кольцо. Краем глаза я заметил шевеление в той стороне, где лежал Аверре, и тут же решил прибавить усилий и поторопиться. Если он придет в себя сейчас, уйти отсюда будет совсем не так просто.

— Забирайся, как хочешь, — проорал мне капитан. — Спускаться ниже я не дам.

Я собирался возразить что-нибудь остроумное, когда находившаяся ниже всех машина, вдруг как-то нехорошо накренилась и, рассыпая своих пассажиров, понеслась напрямик на ближайший паат. Не дожидаясь, когда рванет, я прыгнул снова и, используя силу взрыва от столкновения машины и дерева, взлетел напрямик на борт к Занди.

— Уходим, — тут же скомандовал кто-то.

Свалившись в обнимку с мерзко пахнущей головой на пол к ногам остальных, я недовольно пробурчал:

— Спасибо, что подождали.

— А вы везунчик, мастер Эпине, — заметил граф. — И скользкий, как риоммский угорь к тому же.

Покрепче прижав к себе голову, я облегченно перевел дыхание и откинулся на спину, прикрыв глаза, а затем выдохнул:

— Будь это так, меня бы на этой планете вообще не было.

[1] Бова — редкая птица, обитающая в лесах Паракса. Примечательна своим ярким оперением.

Глава 21. Другие замыслы

Ветер, проникающий в открытую кабину флаера, приятно охлаждал разгоряченную недавним действием кожу лица. После приторной влажности душного махдийского урочища, такая перемена казалась особенно приятной. Только блаженствовать долго не пришлось — что-то холодное и металлическое коснулось моего лба.

Медленно открыв глаза, я уставился на дуло ружья, упершегося меж моих бровей, а потом с тем же вежливым интересом, посмотрел на капитана, его сжимавшего. Рядом с ним стоял Занди и протягивал ко мне ладонь.

— Отдайте голову, Эпине.

Я понимал, что у меня было только два выхода: один — это отдать Занди реликвию и увеличить свои шансы добраться до Мероэ живым, и второй — наружу прямо через люк, правда в этом случае мне и Игла уже будет ни к чему. Выбор был очевиден. Медленно опустив Рехима на пол, я катнул его останки графу. Только он не стал к ней прикасаться, а лишь отодвинулся в сторону, позволив голове катиться под ноги Эйтн.

— Так или иначе, добиваешься своего? — поинтересовался я, лежа под прицелом.

До ответа леди Аверре не снизошла, зато мумию Рехима с готовностью перехватила, даже не подумав брезговать. Наоборот, в выражении ее лица обозначилось нечто, чего я прежде не замечал — оно будто бы осветилось изнутри тусклым сиянием ледяного и жадного до тепла алмаза. Несколько секунд Эйтн любовалась, заглядывая в пустые глазницы давно умершего героя, пока я снова не нарушил молчание:

— Что ты намерена с ней делать?

— Тебе бы, Эпине, волноваться сейчас о собственной участи, а не об Игле, — ответил вместо нее Занди.

— Серьезно? Советуете умолять вас оставить меня в живых? Уже можно начинать?

Занди демонстративно провел взглядом по всей длине метрового дула, все еще прижатого к моему лбу и, весьма бездарно изобразил задумчивость:

— А разве плохой стимул?

— Да нет, вполне убедительный, — немедленно согласился я. — Только вы, все-таки, поинтересуйтесь у леди Аверре, что она будет делать с этой башкой, когда к вам в Мероэ нагрянет ее дядюшка? Уж кто постарается вернуть Иглу себе, так это он. И чем вы его встретите? — Я указал на ружье: — Этим?

Вопрос графа явно озадачил. Он задумчиво обернулся к Эйтн, будто ожидал от нее совета. В этот момент я и воспользовался заминкой. И хотя усилий потребовалось несколько больше, чем я ожидал, оружие в руках капитана как по волшебству налилось невероятной тяжестью, а курок и приклад раскалились до такой температуры, что за них невозможно было держаться. Вскрикнув от боли, капитан отбросил обжигающее ружье в сторону и, схватившись за ладонь, согнулся в три погибели. Это позволило мне сменить положение и приподняться на локтях, зато остальные гвардейцы тут же взяли меня в круг.

— Не надо в меня целиться, — предупредил я, демонстрируя гораздо больше уверенности в своих силах, нежели ощущал на самом деле.

Ухмыльнувшись, Занди пожал плечами:

— Ничем не могу помочь, Эпине, ведь ты — лейр, а значит, потенциально опасен для

всех нас.

Вот ведь несносный тип! А ведь я еще его спасать собирался!

— Не там вы ее видите, ваша светлость. Я уже сказал: мастер Аверре жив и знает, что Игла у вас, а он не из тех, кто так просто уступает свое. Он жертвовал жизнями близких людей, лишь бы добиться поставленной цели, а уж через вас переступит тем более.

— Ты чересчур демонизируешь своего наставника, — заметил граф с все той же усмешкой. — Несмотря ни на что, он, тем не менее, человек смертный. Я думаю, у нас достанет сил справиться с ним.

— А с чего вы взяли, что он будет один? — Вот тут я изумился не на шутку и даже осмелился подняться на ноги. Солдаты напряглись, но выстрелить не решились. — Вы так и не поняли, с кем собираетесь иметь дело? Но, Эйтн! Уж ты-то могла просветить своего друга насчет всего.

— Ты об аборигенах? — Девушка резко и с сомнением дернула головой. — Ему это не удастся.

— Что не удастся? — переспросил Занди.

— Подчинить их себе, — ответила она и, посмотрев на меня, добавила: — Или ты забыл, что воле лейров они не подчиняются?

— Как раз не забыл, — парировал я. — А вот ты, похоже, упустила из виду, насколько твой любимый дядюшка талантливый интриган. Он прекрасно знает, что после всего, что произошло во время казни, махди не успокоятся, пока не отомстят вам за смерть своего Иши и за второе похищение головы. И я больше чем уверен, что Батул с удовольствием на этом сыграет.

— Аборигенам никогда не пробить оборону города, — сжимая обожженную ладонь, сквозь зубы проговорил капитан. — У себя в джунглях они кажутся всесильными, но тут другое поле битвы — наше поле! Им на нем не победить.

Я усмехнулся:

— Тогда ждите сюрпризов. У мастера Аверре имеются все необходимые сведения, касающиеся защитных систем Мероэ, а, насколько я понял, всех фокусов махди не знаете даже вы. — И в раздражении обвел солдат взглядом. — Да уберите вы оружие!

Признаюсь, что намеренно сгущал краски, хотя в непобедимость туземцев, даже не смотря на их минн, сам не особенно верил. Но раз уж Занди так любит подстегивать ход событий, пусть ощутит результат своих действий на собственной шкуре.

— И какие же у тебя предложения, Эпине? — поинтересовался он.

Я же глянул на голову в руках Эйтн и предложил:

— Используем Иглу?

— Всего-то, — губы девушки тронула настоящая улыбка, и она засмеялась, чисто и музыкально. — А я-то думала, ты предложишь нечто действительно удивительное.

— Не удивил? — притворившись огорченным, спросил я.

— Если только тем, что решил, будто мы все здесь безмозглые идиоты, — сказал Занди.

— Вы это уже полчаса как подтверждаете, — оскалился я. — Уберите ружья! Я не затем сиганул в это корыто, чтобы из одного плена попасть в другой! Между прочим, среди вас есть кое-кто куда более заслуживающий пристального надзора. — Я обратил свой взгляд в дальний угол канонерки, где тихая и незаметная, словно тень, сидела Сайя.

Все, кто был на борту, словно только сейчас вспомнили о существовании махдийской девчонки и повернулись в ее сторону.

— К ней я испытываю куда большее доверие, чем к вам, — произнес граф.

— Да? А могу я узнать, почему? — Я с улыбкой уставился на Сайю. Мне хотелось просверлить ее своим взглядом насквозь.

— Лучше смотри куда-нибудь еще, — сквозь острые как иглы зубки прошипела аборигенка, — пока глаза целы.

Я сделал вид, что обиделся.

— Почему такая злая? Или это на тебя так убийство Иши Кхемса подействовало?

Вскочив на четвереньки, и по-кошачьи изогнув тело дугой, Сайя злобно и по-зверинному зашипела. Она прыгнула на меня, выставив перед собой когтистые пальцы, с явным намерением выпотрошить заживо. Никто из бравых гвардейцев даже глазом моргнуть не успел, не то чтобы ринуться на мою защиту. Ну а я, как всегда в такие моменты, от неожиданности среагировал на чистом инстинкте — встретил аборигенку в полете открытой ладонью, и Сайя зависла в воздухе прямо посреди прыжка. Не в силах даже просто упасть, она застыла, удерживаемая невидимой рукой моей воли, словно марионетка. Большие раскосые глаза махди сделались похожими на блюдца, и она гневно уставилась на меня.

— Может быть, я и не могу управлять твоим разумом, зато твое тело подчинить совсем нетрудно.

— Отпусти меня! — зарычала Сайя и попыталась дернуться, но, разумеется, без всякого успеха.

— Сию секунду, — пообещал я, мысленно вознося благодарность маме и ее сыворотке. — Чтоб ты мне череп потом раскроила? Что, я уже тебе не так интересен, как раньше?

Аборигенка отвела взгляд.

— Отпусти ее, — тут же приказал мне Занди и по движению его пальца плазменный росчерк на секунду осветил внутренне помещение канонерки, просвистев в миллиметре от моего виска, и исчез в поглотившей его ночи. — Ты не в том положении, чтобы диктовать тут свои условия.

Еще не остывшее дуло винтовки почти коснулось моего затылка, заставив почувствовать жар раскаленного металла и поморщиться.

— А что вы так за нее переживаете, Занди? — Моя вытянутая рука расслабилась и Сайя мешком рухнула на пол, едва успев выставить перед собой ладони и не удариться о металлическое покрытие лицом.

— Я бы, может, и удостоил тебя ответом, если б счел твою персону достойной такого знания. Так что, увы, придется тебе довольствоваться ролью обычного пленника.

— А вы не боитесь, что она с такой же легкостью в удобный для себя момент предаст и вас?

— Эпине, — устало вздохнул граф, — хоть раз представь себе, что мир не состоит из одних дураков. Если какие-то мои мотивы кажутся тебе непонятными, это еще не означает, что они лишены логики. Думаю, твой наставник, слишком поспешил с выбором ученика, да и я ошибся. Ты — не единственный в своем роде, а всего лишь посредственность, которой позволили думать, что она исключение. Твоего духу здесь не было, если б не работа Сол. Ты — ноль и просто мусор, который постоянно путается у всех под ногами и думает, что он лучше всех. Пора бы тебе осознать свое место или придет время и тебя, за ненадобностью, выбросят.

Я знаю, что ты любитель играть с чужим сознанием и на всякий случай предупрежу:

если вдруг моей гвардии покажется, что я стал с тобой дружелюбнее, им приказано стрелять по тебе на поражение. Так что, советую вести себя смирно. Ради собственного блага.

Ответом моим была лишь вежливая улыбка, видимо, целиком устроившая Занди, который тут же отвернулся и отошел. Мог ли представить себе этот планетарный вельможа, насколько уязвимым он сейчас был? Граф думал, что знает о лейрах достаточно, чтобы не считать меня серьезной угрозой, когда рядом его ручные псы, но он ошибался. Не много усилий потребовалось бы, чтобы сдавить его горло. Я даже на секунду представил себе эту картину. Мысль об умирающем Занди почти заставил меня сделать видение явью. Невидимые, неосязаемые нити уже обвили шею ни о чем не подозревающего графа. Осталось совсем чуть-чуть — сдавить, как следует, и жизнь Бойджийского правителя оборвется...

И все же, хватило одного убийства на моей совести, чтобы осознать — этот путь не для меня. К тому же, без живого Занди отсюда мне было не выбраться.

— Что ж, — сказал я графской спине. — Обещаю подумать над вашими словами.

Сняв куртку и постелив ее под себя, я уселся почти у самого края распахнутого люка, подставив лицо дующему навстречу ветру, постаравшись забыть о том, что оказался в плену. Совсем рядом разрядилась молния, и гром эхом раскатился по устланной паатовым ковром долине. Запахло свежестью и, как всегда в преддверие бури, сердце мое было не на месте. Хотя, надо полагать, причины тому были и другие, помимо надвигающейся непогоды.

Занди подошел к Сайе и о чем-то спросил аборигенку. Слов я не расслышал, но по выражению лица Эйтн заметил, что вопрос этот очень заинтересовал ее. Я весь обратился в слух, и как оказалось, не зря.

— Кхамейр, — позвала Эйтн. — Вы должны знать, что пока вы были в темнице, мы пытались придумать, как вас оттуда вытащить, но Изма... — она на секунду запнулась. — Он пострадал.

— Я знаю, Эйтн, — обронил граф. — Можете не переживать. У всех у нас своя роль. Его закончилась так. Но он был хорошим слугой.

— Вы должны объяснить мне, откуда взялись ваши войска? — задала она вопрос, мучавший не ее одну. — Я полагала, что обнаружить махди под покровом леса вовсе не так легко. Я полагала, что мы проиграли.

Я видел, как кривая улыбка исказила украшенное синяками лицо Занди.

— Вы же не думали, что я ринусь в логово своих врагов и даже не позабочусь подумать об отступлении?

Эйтн не ответила.

— Суть в том, — продолжил граф, — что в нашей семье первенцам, которым предстоит стать правителями планеты, в день совершеннолетия вживляют под кожу маяк. Из соображений безопасности. Его невозможно заглушить или засечь посторонними средствами, только специальным датчиком. Вот, собственно, и все.

— Они запеленговали ваш сигнал и так быстро среагировали? — удивилась Эйтн.

— Не совсем. Перед дорогой я отдал приказ капитану быть наготове и ждать моего сигнала.

Я слушал его слова и не мог поверить тому, как лихо Занди удалось обвести всех нас вокруг пальца. Просто уму непостижимо.

Эйтн ничем не подала вида, что такая подлость её хоть сколько-нибудь удивила и непринуждённо продолжила:

— Я так понимаю, вас с Сайей немало связывает. Я не любительница плутать в потёмках, и раз уж мы работаем вместе, должна знать, что на самом деле происходит.

Лицо графа на миг застыло. Он с минуту пристально смотрел на девушку, будто ждал, что она еще что-нибудь добавит, но Эйтн молчала, ожидая ответа. Понемногу его броня самоуверенного хладнокровия стала давать трещины.

— У Измы длинный язык, — наконец выговорил Занди.

— Он был верен вам до конца, поэтому о многом умолчал, однако я сама сделала некоторые выводы и поняла, что на самом деле меня беспокоит, — обтянутый перчаткой пальчик Эйтн слегка поскреб Рехима по макушке. — Я хочу знать, что на самом деле произошло, когда к вам в руки впервые попала эта голова.

Бледность Занди сменилась ярким румянцем. Он долго смотрел на застывшую в тени Сайю, как будто решался на что-то, потом взял себя в руки и заговорил:

— Не самое подходящее время вести подобные беседы, но раз уж, даже вас, Эйтн, заразило чужое любопытство... Считайте это одной из ошибок юности. Я был тогда наивен и рвался доказать, что стою гораздо больше, чем считают окружающие. Со мной нянчились, будто с младенцем и меня это бесило, бесило до такой степени, что однажды я едва не сжег дотла весь замок. Они считали меня, полоумным. Безумцем. Если бы я и дальше позволил им держать себя в четырех стенах, я и вправду бы спятил. Единственным возможным способом избежать этого оказался побег. Не без помощи Измы, разумеется. Бедный Изма! Видели бы вы его лицо, когда я рассказал ему, что собираюсь предпринять. Поначалу он артачился, но когда я пригрозил, что уволю его, он пошел на попятную. Однако ни в какую не захотел отпускать меня одного, а я знал, что если возьму его с собой, назад он, вполне возможно, не вернется.

— Что-то вы не больно волновались об этом, когда отправляли его в джунгли шпионить за моей матерью, — не выдержав таких излияний, вставил я.

— Твоего мнения никто не спрашивал, — резко отозвался Занди и вновь повернулся к Эйтн. — Я обязан был знать, каких успехов удалось добиться госпоже Сол и мастеру Аверре. Не смотря на то, что они вдвоем получали от меня немалую помощь, свои открытия они от меня старательно скрывали. Сам я к тому моменту появляться у махди уже не мог, а вот Изма... Он никогда не был тем, за кого его принимали все окружающие. Пожалуй, никто, кроме меня не видел настоящего Изму, поэтому тут я уже не сильно беспокоился. Даже туземцам было бы трудно его поймать. Но это отвлечение.

Мне удалось избавиться от слуги, причем я проследил сначала, чтобы он благополучно возвратился домой, и, только потом решился углубиться в лес. Мне пришлось изрядно поплутать прежде, чем я отыскал след, ведущий на их территорию, но в итоге все равно махди нашли меня сами.

— Почему они вас не убили? — спросила Эйтн.

— Не знаю, — покачал головой граф и снова бросил взгляд на Сайю. — Вернее, тогда не знал, но теперь, кажется, начинаю понимать. Все из-за Иши Кхемса. Он каким-то образом знал, чей я наследник, а у махди принято, один Создатель ведает почему, почитать Занди I как мессию.

— То есть, автоматически они почитают вас как наследника?

— Не думаю, — качнул головой граф с мрачной усмешкой. — Для них я едва ли был больше, чем обыкновенным осквернителем лесов, пришедшим со звезд, однако мое родство с Генералом оставило мне шанс уйти оттуда живым. Но уходить я не торопился. Впервые

вырвавшись из-под гнета ответственности, который на меня возложили все, кто только мог дома, я желал как можно больше узнать об этом удивительном народе, научившемся существовать в ладу с природой и вне благ цивилизации. Мне разрешили остаться. Ненадолго. Только, чтобы набраться сил, так как мое путешествие сквозь чащу паатов вымотало меня донельзя.

Это теперь я понимаю, что был слишком назойлив и только путался у них под ногами, но я был вездесущ. Любое местное занятие завораживало меня почище всякой магии, и я стремился познать их быт настолько, насколько это вообще возможно за отпущенное мне старейшиной время. Видя мой неподдельный интерес ко всему, что касается махди, Ищи Кхемса разрешил им меня учить.

— Чему вас учили?

— Не тому, о чем вы думаете, Эйтн. Свои ритуалы они оберегали от посторонних глаз как зеницу ока и до них меня ни разу не допустили. А обучение мое заключалось в понимании природы и себя. Это от них я научился, как оседлать килпасса; они показали мне, как выделывать из минна токсин для создания особых метательных бомб; от них я узнал о создании древесных клинков; даже научился готовить минн так, чтобы нейтрализовать его яд. Много чего еще было, о чем вам вряд ли будет интересно услышать...

Прямо перед распахнутым люком сверкнула молния, на секунду осветив полутемное нутро канонерки. Раздался новый раскат грома, но я его почти не заметил, так как мой взгляд в этот момент оставался прикован к лицу аборигенки, на котором в этот момент сконцентрировалась лютая злоба, и направлена она была на леди Аверре. Я не знал, заметил ли это кто-нибудь еще, но на всякий случай решил не упускать ее из виду.

— Мне было бы интересно услышать о другом, — Эйтн слегка помаячила головой, которую держала всё это время в руках.

Занди поник. Создавалось впечатление, что он до самого конца все-таки надеялся избежать упоминания об этом нетривиальном предмете. Но влиянию Эйтн тяжело было противиться.

— Без присмотра отправляться куда-либо мне не позволяли, но я не был бы собой, если б послушно оставался в своей хижине и не лез, куда не просят. Как я уже сказал, свои сакральные тайны мне как чужаку не доверяли, а вот они-то и влекли меня к себе больше всего. Эйтн, не подумайте, будто я сразу решил прикарманить себе на память какой-нибудь сувенир. Да я, в общем-то, и не собирался ничего такого делать. Просто... так получилось. — В эту минуту граф меньше всего походил на себя самого. Он как-то весь подобрался и ссутулился, прятал глаза, как какой-нибудь мальчишка, пойманный взрослыми на мелкой пакости.

— Вы стали свидетелем чего-то?.. — подталкивала Эйтн.

— Да, — мрачно кивнул граф. — Я стал свидетелем одного из ритуалов, которые махди, как выяснилось, практиковали весьма часто. То, что видели вы, по сравнению с этим — просто детская забава. Не было никаких сборищ и длительных приготовлений с молитвами, а только старейшина и его жертва... — Он замолчал и скользнул взглядом по Сайе.

— Что это было? — допытывалась Эйтн.

— Это было зверство, — глухо отозвался Занди. — Я попал в самое сердце их Святилища, а это было непросто. Оно располагается в стороне от деревни, скрытое от глаз не только чужаков, но и самих обитателей, в глубокой и темной лощине с противоположного конца их кладбища. Отправься я туда сам, ни за что бы не нашел, но меня, будто что-то

звало, и я шел на этот голос, ни одного аборигена не встретилось мне на пути... — граф прервался, и дрожь пробежала по его телу. Он, будто извиняясь за собственную слабость, заглянул в лицо Эйтн. — Эпине спускался в махдийские темницы, но даже они не сравнятся с тем местом, над которым витает дух самой смерти. У махди не принято хоронить умерших и кремировать их они тоже не умеют. Вместо этого они отдают тела, как они это называют, секхик нур, — минну, проще говоря, который тут же оплетает их, пряча под своей листвой, постепенно переваривая. Махди считают, что таким образом после смерти они воссоединяются с духом джунглей, который надежно оберегает их от инопланетной заразы, вроде нас. Стыдиться тут, я думаю, нечего, потому что даже самый отважный с трудом мог бы выдержать тот гнет, который довлеет над тем отравленным местом.

У самого входа в Святилище на поляне я увидел старейшину. Он был в своих ритуальных одеждах и вытворял нечто малопонятное, напомилавшее припадок сумасшедшего. Подобравшись поближе, я увидел, над чем он колдовал, — это была махдийская женщина. Она сидела на голой земле, завернутая в старые тряпки, и тихо плакала. Я не знал, что мне делать. Просто стоял и смотрел, а Иши все продолжал пританцовывать вокруг этой женщины и что-то говорить на своем языке.

Вдруг он резко обернулся и уставился прямо на меня своими дикими черными глазами. Как будто он был лейром, его воля сковала мою, и ноги сами вынесли меня на поляну. Только остановившись напротив него, я понял, что там был кое-кто еще — девочка лет пяти-шести. Она стояла за полусгнившим паатом, поэтому я ее не сразу заметил.

Вам будет трудно представить себе гнев старика, вызванный моим появлением, поэтому я даже не стану пытаться его описывать. Скажу только, что в тот момент я впервые пожалел, что не остался в Мероэ. Излив негодование, старейшина немного успокоился. Я полагал, что он тут же отправит меня вон, но я ошибался. Приказав даже звуком не выдавать своего присутствия, он позволил мне остаться. Сначала я обрадовался, но радость была недолгой, потому что понял — я стал свидетелем обряда, который даже сами аборигены считали противоестественным и нарушающим все их законы...

Я не заметил, как раскрыл рот в жажде продолжения. Даже Эйтн, кажется, впервые за все время их знакомства, утратила контроль над собственным лицом, позволив немому вопросу отразиться на нем.

Неожиданно для всех ответила на него Сайя:

— Вы уже видели его укороченную версию, — она обвела нас сумрачным взглядом. — Ритуал Перерождения, тот самый, в котором чуть не погиб граф. Только более извращенный злобным умом моего учителя. Он проводится не только как казнь, но и как способ очищения. Правда, не в тот раз.

— Иши Кхемса считался сильнейшим шаманом среди махди, — вставил граф. — Его познания природы и способности слушать песнь минна изначально вызывали у аборигенов всеобщее уважение вплоть до поклонения. Никто и не подозревал о темной стороне его натуры. Кроме жертв, разумеется.

Выдержать дальше и без того затянувшееся собственное молчание я больше не мог и, кивнув на аборигенку, спросил:

— При чем тут она?

Перебирая пальцами волосяные жгуты, Сайя сделала вид, что не слышала.

— Некоторым махди с рождения выпадает метка стать...жертвенными агнцами, —

продолжил Занди. — Метка появляется у одного махди из тысячи, когда этого никто не ожидает. Ее носителем может стать любой, независимо от возраста, положения или рода. Для них это огромная честь и проклятье. Как мне удалось выяснить позже, та женщина и предположить не могла, что метка укажет на нее. Можете вы представить себе жизнь, наполненную семейным счастьем, когда есть любящий муж и дети, и вот в один момент это все разом рушится? По нраву придется вам такая честь? А вот великого старейшину и мудреца это вовсе не смущало. Совершенно очевидно, что он давно уже подбирал себе жертву, ища метку среди тех, кто поклонялся ему, — для этого существуют какие-то особые ритуалы. Оставалось дело за малым: Иши Кхемса давно истекал слюной по легендарному могуществу Иглы и очень долго строил планы, чтобы заполучить ее, а теперь у него, наконец, такая возможность появилась.

— Или я чего-то не улавливаю, или вы противоречите сами себе, — заметил я. — Вы говорите, он был умен, а раз так, то как мог Иши Кхемса не понимать, что ни один ритуал не даст ему той силы, способной заставить Иглу работать? На это способны только лейры.

— Эпине, все махди до помешательства верят в собственную исключительность, — объяснил граф. — Иши Кхемса был абсолютно уверен, что ему по силам и не такое. К тому же, он, кажется, предсказал появление лейров на Бойджии. И ведь оказался прав — мастер Аверре и твоя мать не заставили себя ждать в тот раз.

Я с трудом проглотил застрявший в горле ком.

— Откуда вам все это известно, Занди?

На этот раз вместо графа ответила сама Сайя:

— Я ему рассказала.

— Значит, та маленькая девочка — это ты? — спросила Эйтн.

— Конечно, — небрежно кивнула Сайя. — Я хорошо помню, как он пришел к нам домой и сказал моим родителям, что мама прячет метку. Никогда не забуду выражение ужаса на их лицах, когда они поняли, что это означает. Он сказал, что забирает ее, и что отец, вместо того, чтобы горевать, должен утешиться тем, что его дочь станет последовательницей самого Иши Кхемса. Он забрал нас в тот же день. Тогда я еще не представляла, какую на самом деле роль выбрал для меня наш великий старейшина...

— Что произошло потом?

— Потом был ритуал... — лицо Сайи болезненно исказилось. Слова давались ей с трудом, но она продолжала свой рассказ: — Перед его началом, Иши опоил меня, так что я не могла вспомнить все произошедшее. Я даже не помнила, что там находился граф; я делала лишь то, что он мне приказывал...

Она снова умолкла и дрожь пробежала по всему ее телу. Мы с Эйтн переглянулись, затем оба посмотрели на Занди, догадываясь о том, что произошло дальше.

— Долгое время после этого я искала ответы, а когда все-таки нашла их, мне захотелось убить саму себя. — Она подняла наполненные слезами глаза. — Мой учитель спланировал все так, чтобы не замарать свои руки чужой кровью. Он все спланировал заранее. Он заставил меня убить собственную мать!

Страшные слова повисли в воздухе, отравив атмосферу ядовитыми испарениями признания чудовищного поступка. Даже гвардейцы, привыкшие вести себя так, словно они были неодушевленными предметами, напряженно завозились. Но все молчали, пока Сайя не собралась с силами и не продолжила:

— В течение всех этих лет, каждую ночь мне снился один и тот же кошмар, но до

вашего появления я никак не могла его понять и воспринимала как побочный эффект своего обучения. Глаза мне открыл граф, когда я спустилась к нему в темницу.

— Я узнал ее и рассказал все, чему сам был свидетелем, — перехватил эстафету Занди.

— Слишком легко ты поверила чужаку, — произнесла Эйтн.

— Вовсе не так легко, как вам кажется, — качнул головой граф. — Приходилось ли вам когда-нибудь сталкиваться с преданными своей вере фанатиками? — Его взгляд на секунду скользнул по мне. — Считается, что их невозможно переубедить. Но иногда случается и такое. Я был свидетелем ритуала и рассказал ей все, даже то, чего простой чужак знать не может. — Занди повернулся к аборигенке. — Она вовсе не собиралась мне верить, но внутренние сомнения и потребность знать истину заставили ее покопаться в делах своего учителя. К счастью, старейшина не отличался особенной педантичностью. Сайя нашла необходимые доказательства и возжелала отомстить.

— Граф, но вы не сказали, как вам удалось спастись в тот раз, да еще прихватив с собой голову, — напомнил я.

Занди тяжело вздохнул. По лицу было видно, что отвечать он не собирался, но Эйтн не меньше моего интересовали подробности этого темного дела, и ему пришлось говорить дальше:

— Как я уже сказал, меня сковала шаманская сила Иши Кхемса, и мне пришлось беспомощно наблюдать за тем, как маленькая девочка кромсает тело собственной матери, заражая его живыми отростками минна, извлеченными из головы, — старейшина специально вынес ее из Святилища, но прятал в широких рукавах своей накидки. Не знаю и сам, что произошло в точности, возможно, он стал слишком сосредоточен на конечном результате ритуала, но ничто больше не удерживало меня. — Он опустил голову на грудь, переводя дух. — Признаюсь сразу, в тот миг я думал только о спасении собственной шкуры и больше ни о чем. Но чтобы убежать и не быть сразу же схваченным, надо было убрать старейшину. Я осторожно подкрался к нему и ударил валявшейся в траве веткой. Признаюсь, как никогда в тот раз я хотел, чтобы мой удар был смертельным, но проверять и добивать его времени не было. Когда Иши рухнул, я решил, что будет справедливо прихватить голову с собой. Девчонку я оставил там, где она и была, по локоть в крови. Оседлав килпасса, я вернулся домой и забыл обо всем, как о страшном сне. — Рассказав все это, Занди вовсе не выглядел сожалющим. Но и Сайя, кажется, совсем его ни в чем не винила. Ясно, что эти двое успели договориться обо всем, чтобы больше не предъявлять друг к другу претензий. Их союз выходил далеко за рамки обычного соглашения, но все тонкости этого дела для меня оставались неизвестными.

— Зачем же вы взяли голову? — спросила Эйтн.

Адресуя свои слова мне, Занди сказал:

— Для меня она стала напоминанием о том, что чрезмерное любопытство неизменно ведет к беде.

Глава 22. Башня активации

Ночь уже готовилась смениться рассветом, когда три шедшие клином машины, наконец, снизились над погруженным в глубокий сон городом. Гроза обошла эти земли стороной, но влаги в воздухе все равно хватало с избытком. Утренняя дымка заволокла округу белесым покрывалом, придавая погруженному в полутьму Мероэ вид обители призраков и мрачных теней. Но для вновь прибывших это было гарантом того, что любопытный глаз не станет свидетелем возвращения блудного боиджийского правителя в свой замок. Бесшумными привидениями флаеры проскочили под одним из подвесных мостов и резко упали на открытую ладонь секретной посадочной площадки, быстро, как язык, втянувшейся в широкий зев ангара.

После того, как Занди и две его спутницы сошли с флаера, капитан гвардии бесцеремонно толкнул меня к трапу. Я сделал вид, что не обратил на это внимания, но запомнил. У остальных солдат тронуть меня храбрости не хватало, и это не то чтобы радовало, но все-таки придавало некоторую уверенность.

Сайе замок, кажется, пришелся не по нутру, правда она как могла, старалась этого не показывать, но затравленный взгляд и нарочито развязные движения выдавали аборигенку с головой. Стражники опасливо поглядывали на нее, крепче держась за оружие, словно ждали, что махди вот-вот на них набросится.

Слуги неслись навстречу Занди, предлагая ему накидку и башмаки. Тот с благодарностью принял одежду, набросив на свои обнаженные плечи.

— Кхамейр! — оклик выпорхнувшей из лифта госпожи Даггер заставил Занди содрогнуться. — Где ты был?! Мы обыскались!!!

Следом, что не удивительно, неслась и вторая тетка графа. Было видно, что они только выбрались из постелей: с заспанными лицами в небрежно надетых платьях и в съехавших набекрень париках. Но обе являли собой олицетворение материнской заботы и переживания.

Внешний вид графа поверг теток в шок:

— Что произошло? Что с твоим лицом?! Ужас!!!

— Почему ты так одет... вернее, не одет? Где Изма? Во имя Создателя... это же аборигенка! Кхамейр, зачем она здесь?

Вопросы сыпались бы и дальше, если бы Занди устало не поднял ладонь, призывая престарелых матрон к тишине.

— Я ценю ваше беспокойство, и мне ужасно жаль, что стал его причиной, но для вопросов сейчас не самое подходящее время. Я слишком устал, а нам еще предстоит сделать массу всего, так что дайте мне два часа, и я обещаю, что удовлетворю ваше любопытство. Пожалуйста.

Не больше двух секунд графини рассматривали группу всклокоченных пришельцев, окруживших их драгоценного племянника, и скользнули равнодушными взглядами по нас с Эйтн, прежде чем согласились удалиться. Стоило им скрыться, граф тут же повернулся к леди Аверре:

— Мне есть, что еще показать вам. Прошу за мной.

Один из гвардейцев достал из-за пояса наручники, издавшие противное металлическое бряцанье, и протянул их капитану, при этом многозначительно косясь в мою сторону. Но

капитан благоразумно наручники не принял. А я окинул молодого солдата таким взглядом, что тот, покраснев с головы до ног, немедленно спрятал их обратно. Думаю, Занди знал, что все эти мои презренные взгляды и уверенные позы просто блеф, но его, как будто, в данный момент это не особенно заботило, словно он был удовлетворен и тем, что я просто не доставляю хлопот. Мне это было чрезвычайно удобно потому, что давало возможность выяснить все его замыслы относительно Иглы.

— Я хочу, чтобы все были готовы к нападению, — громко объявил Занди своему войску на полпути к выходу из ангара. — Известите службу безопасности города — пусть будут начеку. Неизвестно, когда аборигены нападут. Возможно, раньше, чем мы думаем. Да, и сообщите моим тетушкам и кабинету министров, что на их месте было бы разумно некоторое время провести в бункерах.

— Слушаюсь, ваша светлость, — отчеканил капитан, приготовившись исполнить приказ повелителя, но граф его остановил:

— Капитан, пошлите с этим кого-нибудь другого. Вам лучше идти с нами. — И тут же пояснил причину своего решения: — Мне нужно, чтобы вы присмотрели за лейром. На всякий случай. И возьмите с собой кого-нибудь еще: мастер Эпине у нас шустрый малый.

Я негромко фыркнул, но капитан кивнул и жестом велел парочке солдат следовать вместе с нами. Смешно. Они все считали мое присутствие серьезной проблемой, но никак не могли уразуметь, что сами особой угрозы не представляли — с тремя, пусть даже вооруженными, нормалами мог справиться любой алит.

Далее шел недолгий и молчаливый подъем на вершину башни. Но путь явно лежал не в те покои, в которых граф первоначально принимал нас с Аверре. Поднимались мы довольно долго, а когда покинули лифт, оказались в просторном темном помещении. Окна здесь отсутствовали, а гладкие бронзовые стены плавно перетекали в высокий сводчатый потолок. Невозможно было понять, жилое ли это помещение, или какой-то очередной ангар, а может быть и не то, и не другое. По всему периметру выстроились в правильный круг тусклые золотистые светильники на тонких металлических шестах. Никакой мебели в комнате не было. Танцевальный зал, да и только.

— И зачем мы здесь? — мой голос неожиданно громким эхом разнесся по помещению.

— Сейчас узнаете, — откликнулся граф.

Он нажал несколько клавиш на встроенной у входа панели. Свет почти пропал, а пол в центре комнаты пришел в движение, раздвинулся, и перед нами предстало нечто вроде постамента, немного напомнившего мне тот, на котором покоилась голова Рехима во время несостоявшейся казни. По золоченой поверхности постамента вереницей забегали голографические письма, поначалу непонятные, но затем образовавшиеся во вполне узнаваемую модель звездного неба с пустующей черной точкой посередине.

— Ну как вам, Эйтн? — поинтересовался он.

— Зал активации, — с придыханием проговорила леди Аверре и, не дожидаясь приглашения, подошла к пьедесталу, торжественно возложив на него голову Рехима.

— В точности как на фресках Святилища, — добавила Сайя, открыв от изумления рот.

— Уверен, что именно по тем рисункам мой легендарный предок и соорудил ее, — кивнул Занди, наблюдая, как Эйтн склонилась над постаментом, тщательно рассматривая его и прикасаясь к поверхности.

— Здесь до сих пор видны следы первого ритуала, — произнесла она с поразившим меня трепетом.

— Вы — первые из посторонних, кому довелось увидеть это место, — сказал Занди. — За полтора тысячелетия нога чужеземца не ступала под этот свод, только графы имели сюда доступ. Об этом распространяться неприято, но к старости Занди I значительно повредился в уме. Я не знаю, по причине старости или же длительная близость с Иглой так на него повлияла. Перед самой своей смертью он пожелал, чтобы никто и никогда не смог ею воспользоваться и сделал все, чтобы артефакт не попал в чужие руки.

— Почему он сразу не попытался ее уничтожить? — оглянулась Эйтн.

— Не знаю, — пожал плечами граф. — Никто не знает. Может быть, даже вместе с аборигенами у них не хватило на это сил. А возможно, ему просто не хотелось уничтожать столь ценный артефакт, чьи тайны так и не были им до конца изучены. Напомню, под конец жизни он буквально помешался на Игле. Однако ему не хватило скрупулезности уничтожить все свои записи об этом. Те, что уцелели стали передаваться в нашем роду из поколения в поколение, от отца к сыну, наравне с другими семейными тайнами.

— Неужели никто из ваших предков, зная о существовании такого мощного артефакта так близко, не попытался его найти? — сомнение сквозило в каждом моем слове. Трудно было поверить, что воспитанные в традициях власти местные графы так легко отказались от могущества, обещанного Иглой.

Занди сначала приблизился к постаменту и несколько раз коснулся голограммы, отчего светящиеся письма заструились еще быстрее, и только потом обратил свое внимание на меня:

— У тебя просто мания спрашивать очевидное. Поверь, Сет, многие пытались. В работах, оставленных моим предком, говорилось об Игле немало, в том числе и о происхождении, но точной карты с пометкой не прилагалось. По правде говоря, я даже не думал, что все это время она оставалась на планете. Мне представлялось логичным увезти Иглу куда-нибудь подальше, туда, где о ее существовании никому не будет известно.

В ответ на это Эйтн не согласилась:

— Возможно, ваш предок считал, что лучшего места, чем Боиджия для Иглы не найти. Недаром же именно здесь он ее обнаружил. Кстати, вы внимательно изучили его записи?

Граф склонил голову набок, прикидывая что-то в уме, затем невесело усмехнулся:

— На самом деле нет. Игла никогда не заботила меня так сильно, как остальных графов. Я не стремился к обладанию божественной силой. Такие забавы подходят скорее отжившим свой век философам с гипертрофированным эго и комплексом неполноценности. Мое воображение куда больше будоражили махди. Да, я несколько раз брал в руки записки Генерала, но внимательно обращался к ним лишь там, где упоминались аборигены. Во все остальное я не углублялся особо. Эту башню в свое время открыл мне отец, а заодно и разъяснил, для каких целей ее спроектировали. Но, опять же, это было не так уж интересно, ведь до Иглы мне дела никакого не было.

Пока Занди говорил, я все приглядывался к голове на позолоченном постаменте. В золотистом полумраке, чуть подсвеченном голубоватыми символами голограммы, она выглядела не такой уж и мерзкой, и на какое-то мгновение я захотел снова подержать ее на руках. Ощущение, как от погружения в теплую воду, накрыло меня с головой; все остальное будто бы осталось за барьером. Между мной и предметом, скрытым внутри черепа, как будто установилась странная связь из невесомых эманаций Теней, по которым мое «Я» неудержимо влекло к нему. Сам того не сознавая, я шагнул в направлении постамента, но тут же наткнулся на выставленную ладонь Эйтн. Чувство взаимосвязи с Иглой распалось

мгновенно.

Девушка погрозила пальцем. Якобы в шутку. И, хотя, выглядело все довольно безобидно, тем не менее, был в этом некий не совсем завуалированный намек.

Легкое подозрение заставило меня вчитаться в ее взгляд, однако дальше неуклюжей попытки дело не пошло — прочный мысленный блок Эйтн без напора пробить было невозможно, а рисковать ради сиюминутного любопытства я не решился, поскольку стража уже нервничала и без того.

— Всему свое время, — загадочно проговорила она.

— Лишь бы поздно не оказалось, — ответил я мрачно, с неохотой отворачиваясь.

— Время дорого всем нам, Эпине, не переживай, — сказал граф. — Я не хочу, чтобы мастер Аверре нагрязнул сюда, застав нас неподготовленными к его приему, но и торопиться я тоже не собираюсь. Спешка в таком деле может оказаться фатальной, а ты не принадлежишь к числу тех, кому бы я доверил свою жизнь. Лейрам доверять нельзя.

— Ну-ну, — скрестил я руки на груди. — И как это я забыл?

— Приятно слышать, что ты еще в состоянии иронизировать. А то я переживал, что одно лишь присутствие Иглы само по себе выведет тебя из равновесия. Хоть с первого взгляда и не скажешь, но ты, Сет, крепче, чем кажешься.

В ответ я отвесил ему полушутливый поклон:

— Благодарю, что заметили.

Бледное сияние одного из голографических символов упало на лицо Занди, высветив холодную, если не сказать, злорадную ухмылку. Он повернулся к Сайе и сказал:

— Ты знаешь, что делать.

Не успел я опомниться, как гвардейцы снова захватили меня в прицел.

— На всякий случай, — прокомментировал граф их поступок. — Эйтн, давайте отойдем в сторону, чтобы не мешать Сайе. Мало ли что может произойти.

— В каком это смысле? — раздраженно поинтересовался я.

Аборигенка уже колдовала над голограммами с таким видом, будто всю жизнь только тем и занималась, что программировала древние компьютеры. Хотя походило все, скорее, на подготовку ведьмовского ритуала — светящиеся символы так и порхали перед ней, точно стая дрессированных светляков. Их игра могла бы показаться занятной, если бы внимание не отвлекали дула бластеров, нацеленные мне в голову. Тем не менее, я пытался понять, не являлось ли знание Сайей тонкостей этого ритуала настоящей причиной, побудившей Занди взять ее с собой. Судя по тем взглядам, что бросал его светлость на Эйтн, ответ был положительным. Не оставляла меня в покое и та кровожадность, с которой маленькая и хрупкая на вид аборигенка справлялась со своими соплеменниками и это в который раз возвращало мои мысли к кусочкам минна, находящимся в моем кармане...

Гулкий металлический скрежет, сопровождавший движение древних панелей в полу, привлек к себе всеобщее внимание. Из приоткрывшейся перед постаментом ниши вылезло громоздкое кресло, похожее на те, что использовали экзекуторы прошлых веков для своих изощренных пыток. К высокому подголовнику и на обоих подлокотниках были привинчены стальные обручи, призванные закреплять жертву в неподвижном состоянии.

Глядя на все эту «прелесть», я не мог удержаться от кривой усмешки:

— Это что, для меня? Очень мило.

Я все думал, действительно ли они верили в то, что парой ржавых железяк, смогут удержать лейра на этом кресле. Но, как ни странно, просветила меня по этому поводу Сайя,

сказав, что это для моей же безопасности.

— А-а-а... — протянул я, хотя, кто знает, что она имела в виду.

— Садись, Эпине, — отдал команду граф, и два его охранителя помогли мне сдвинуться с места.

С якобы большой неохотой я приблизился к креслу, проговорив Занди:

— С вашего позволения... — И, не дожидаясь такового, опустил на сиденье.

Едва мои руки легли на подлокотники, наручники автоматически сомкнулись на запястьях. Обруч ложементов надежно закрепил голову, так что нельзя было даже слегка повернуть ее вправо или влево — ощущение не самое приятное, но скованность движений — это еще полбеды. По-настоящему пугала неизвестность того, что последует дальше.

И кто после этого станет говорить, что я не идиот?

Однако демонстрировать свою нервозность я не собирался и потому, сделав глубокий вдох, уставился в высушенный лик Рехима. Кресло намеренно фиксировалось именно таким образом, чтобы взгляд сидящего в нем оказывался на прямой линии с пустыми глазницами головы на постаменте, притом гораздо ближе, чем мне хотелось бы.

— И что дальше? — это был вопрос Эйтн.

— А дальше все зависит от нашего многоуважаемого лейра, — отвечив граф, и голос у него был слишком довольный.

Едкие фразы так и рвались из меня наружу, но я должен был непременно видеть при этом графское лицо, а пошевелиться не мог. Глаза против воли продолжали вглядываться в физиономию мертвеца, гипнотизирующего меня своими темными провалами. Я просто чувствовал, как мое сознание, словно веревками, привязывается к нему. То мимолетное чувство, что я испытал чуть раньше, вернулось, и на этот раз связь держалась прочнее. Если бы я верил в одушевленность Иглы, я бы решил, что это она медленно и неотвратно подчиняет меня себе. Это было похоже на притяжение черной дыры, становившееся тем сильнее, чем ближе я к ней подбирался.

Невидимые Тени шептали, протягиваясь от моего мозга к мертвой голове и свиваясь вокруг нас плотным коконом. Все прочее в этот миг стало каким-то малозначительным, несущественным. Исчезли кандалы и кресло, стены, крыша и пол и, даже, Эйтн с Занди, а вместе с ними и все прочие растворились в космическом веществе. Остался только я и Игла, пульсирующая внутри махдийского черепа. В какой-то момент мне стало казаться, что я слышу ее зов, и он еще сильнее затягивал меня в этот водоворот.

Но существовало кое-что, а вернее кое-кто еще — Сайя — единственный источник неудобства среди всеобъемлющего комфорта, слепое пятно в матрице пространства, непросто обтекаемое Тенями, а, я бы даже сказал, оберегаемое ими. И, что самое поразительное, именно ее присутствие якорем держало меня в реальном мире, не позволяя моему разуму расстаться с телом и захлебнуться струящимися потоками силы. Сознание самостоятельно разделилось на части, дав возможность сконцентрироваться и одновременно ощущать себя в пространстве-времени.

Продолжая одной его частью следовать зову Иглы, я преодолевал скрывавшие ее оболочки, застопорившись лишь единожды, на том слое, который был специально призван прятать истинную мощь артефакта от тех, кто мог ее чувствовать. Занди I с Рехимом потрудились на славу, но вряд ли они могли предположить, что Игла сама подпустит к себе элийра. Легкий толчок воли и прочнейшая минновая скорлупа треснула, точно яйцо, обнажив маленький и неприметный осколок кости, выточенный в форме иголки с

небольшим наверху из серебристого камешка. Во всяком случае, именно такой она предстала глазам всех остальных, находящихся в башне. Мне же Игла казалась пульсирующим сгустком энергии, истинный потенциал которого не поддавался измерению.

Никто из стоявших позади меня не подозревал о тех изменениях, которые протекали здесь на уровне субатомных частиц. Они лишь видели прикованного к креслу лейра, игравшего в «гляделки» с головой махдийского жреца. Единственное, что досталось на их долю, это наблюдать за тем, как медленно древние кости, обтянутые иссохшей кожей оседают и плавятся, точно восковые, как ставший мягким череп, точно патока, растекается по плоскости постамента неравномерной серой лужей, оставляя за собой разбитый кокон, а в нем едва приметную иголку.

Я обмяк, едва все завершилось. Страшась даже думать о том, что все могло сложиться неудачно, я облегченно переводил дыхание, чувствуя, что сам готов рассыпаться, подобно голове из праха. Страшно хотелось спать, а еще я испытывал чудовищный голод, будто неделю не видел и хлебной крошки. Обручи по-прежнему сдерживали меня в кресле, но избавиться от оков мне было также тяжело, как голыми руками сдвинуть трехтонную плиту. Мне казалось, что мой мозг пропустили через мясорубку, а потом наскоро сформовали заново. Пожалуй, я с большей радостью пережил бы ментальное изнасилование, чем повторение всего этого, ведь насколько Игла давала силы, настолько она и питалась чужой энергией. Будет удачей, если тесное общение с древним артефактом инопланетян никак не аукнется мне в будущем.

Но о будущем думать пока было рано.

Остальные замерли на местах, боясь пошевелиться. Я все еще находился на грани обморока, когда Эйтн вдруг решила приблизиться к постаменту и дотронуться до Иглы. На лице ее при этом отражалось нечто жуткое — чистейшая алчность и жажда обладания, какие и вообразить было трудно. Ее изящные пальцы вот-вот готовы были сомкнуться на маленьком кусочке из кости, но испуганный окрик Сайи остановил это:

— Нет! Нельзя касаться Иглы! Можно сгореть!

Эйтн так и застыла с вытянутой рукой. Признаюсь, что еще никогда не видел, как инстинкт самосохранения вступает в борьбу с желанием власти. Особую уникальность этому противостоянию придавало природное хладнокровие самой леди Аверре. Как будто внутри нее схлестнулись две стихии: лед и пламя. Тем не менее, она сочла, что прикасаться к малознакомому артефакту такой мощи будет верхом безрассудства.

— Позвольте нашему лейру, — подсказал граф, и приказал страже: — Освободите его!

Я скорее почувствовал, нежели увидел, как капитан подошел ко мне и завозился с кандалами.

— Почему он сам не освободится? — спросил кто-то.

— Судя по его виду, он сейчас и дышит-то через раз, — доложил капитан, нащупав мой слабый пульс.

— Эта операция стоила ему немалых затрат внутренней энергии, — заметила Эйтн, словно меня здесь вообще не было. — Любопытно... Интересно знать, по какому принципу она работает, когда лейр начинает ее использовать?..

— Капитан, ну что там? — окликнул Занди.

— Я освободил его, ваша светлость, но сомневаюсь, что он в силах самостоятельно подняться на ноги.

— Так помогите ему!

Сильная рука капитана сжала мое предплечье и резко вытряхнула меня из кресла. Я пытался оттолкнуть его, но сил с трудом хватало, чтобы просто стоять на ногах, которые, при этом, дрожали, словно я был немощным старцем.

— Отстань!

— Пошевеливайтесь, сэр, — со свойственной себе любезностью попросил капитан.

— Слабак, — почти бесшумно выдохнула аборигенка.

Этого оказалось достаточно, чтобы я вскипел, но силы не могли появиться из ниоткуда, поэтому пришлось ограничиться злобным взглядом и остаться у постамента.

Упершись ладонями в края, я навис над столешницей, кожей ощущая всю исходящую от артефакта силу. Он испускал её волнами тягучего жара, но жара иного рода, совсем не похожего на тот, что исходит от костра. Это был иной, ментальный жар, ни с чем иным несравнимый.

Находиться поблизости слишком долго было невозможно — разум начинал тлеть под тяжелым излучением Иглы. Если бы можно было представить себе такую дверь, за которой дышал пламенем дремлющий дракон, то я мог бы быть тем, кто подглядел в замочную скважину — непередаваемое ощущение, от которого все нутро переворачивалось и бурлило.

— Сет, возьми Иглу, — сказала Эйтн.

Я рассмеялся бы, если б мог. Наивная, она полагала, что мне это сделать будет проще.

— Думаешь, я могу?

Единственное, на что я тогда был способен, это отойти от артефакта как можно дальше, но стальные руки капитана не дали совершить и шагу в сторону.

— Не выделывайся, малой, бери, давай! — настаивал он, пока я тщетно сопротивлялся.

— Сказал же, что не могу! К ней вообще никто притронуться не может, кроме...

— Чушь! — воскликнул граф. — Возьми ее! Капитан, заставьте его.

— Лучше уж ей доверьте, — ткнул я пальцем в Сайю. — Махди Игла ничем не угрожает.

Аборигенка будто того и ждала и без каких-либо колебаний прошествовала обратно к постаменту и, протянув тонкую ручку, спокойно взяла Иглу своими длинными пальчиками. Честно говоря, в глубине души я надеялся, что ей от этого поступка будет несладко, однако никакого видимого эффекта артефакт на Сайю не произвел, разве что малость удивил:

— Она тяжелее, чем я думала.

— А дальше, что вы будете с нею делать? — поинтересовался я, обращаясь к графу.

Тут Занди повернул голову к Эйтн:

— Теперь Игла принадлежит вам.

Но на его слова девушка никак не отреагировала, замороженно глядя на предмет своих мечтаний в руках махдийской девчонки.

— А толку? — не унимался я.

— Он прав, — проговорила Сайя. — Здесь нужен лейр, воля которого не будет настолько враждебна, или вы не сможете управлять Иглой.

В ответ Эйтн слегка качнула головой, но затем ее пронзительный взгляд упал на меня, а губы растянулись в загадочной улыбке:

— Я не думаю, что это будет проблемой. — Она, будто бы, невзначай коснулась своего серебряного кулона, внутри которого тут же отчаянно забились полное ненависти к лейрам существо. — Не правда ли, Сет?

Вспомнив о впечатлениях, оставленных после себя этой мелкой жужжащей тварью, я

невольной сглотнул.

Реакция не осталась незамеченной. Улыбнувшись чуть шире, Эйтн проговорила Сайе: — Делай, что нужно. Он будет паинькой.

Честно говоря, участи хуже я себе пока придумать не мог и, когда аборигенка, сжимая Иглу, неотвратимо стала приближаться ко мне, уже подумывал о том, что, наверное, гораздо проще было бы просто умереть. Но солдаты Занди, будто предугадав течение моих мыслей, перехватили ослабевшие руки, лишив меня возможности двигаться.

— Мне нужен его затылок, — проговорила Сайя и, судя по голосу, была в высшей степени довольна происходящим.

Содрав с меня капюшон, стражник заставил меня низко наклонить голову вперед, обнажив шею. Я прямо спиной чувствовал, как замерли в предвкушении Эйтн и Занди. От души желая им всяческих невыносимых мучений, я смиренно ожидал следующего шага аборигенки, приготовившись к ужасной боли. Увидел, как Сайя зашла мне за спину, зажмурился и затаил дыхание...

И тут раздался взрыв.

Мощная волна, сопровождаемая оглушительным громом, потрясла башню до самого основания, освободив меня из стального захвата и прибив вместе со всеми к полу. С крыши посыпалась штукатурка и мелкие камешки, мраморные плиты заходили ходуном, а свет часто и сбивчиво заморгал.

— Что это? — откашливая пыль, выкрикнул капитан.

— Атака, — глухо отозвался граф.

Звон в ушах напоминал колокольный. Я только и успел, что отряхнуть с лица пыль, как тут грянуло снова. И на этот раз, куда круче прежнего. Все, кто был на полу, почти синхронно вжались в плиты, прикрыв головы руками, когда рядом заметались смертельные снаряды раскаленного камня.

Осторожно приподняв голову, я успел увидеть, как единым махом снесло полпотолка и целый кусок стены. Двоих стражников, не сумевших толком понять, что произошло, придавило куском арматуры. Тонкие ажурные светильники согнуло, будто проволоку и завязало узлами. Несколько увесистых каменных блоков грохнулись об пол буквально в полшаге от моей головы; еще один сорвался прямо на меня, но что-то остановило его в воздухе, а затем плавно отбросило в сторону.

Поначалу я решил, что это силы вернулись ко мне, но быстро осознал, насколько ошибался — стоило пыли немного осесть, в освещенном утренним солнцем проеме обозначилась знакомая фигура.

— Надо же, сколько здесь мусора... — Мастер Аверре собственной персоной, верхом на громадном килпасе, не спеша спустился с остатка стены и обвел раскуроченное помещение царственным взглядом, словно именно он был здесь хозяин.

Эйтн и Занди взрывом отнесло в сторону, но, вроде бы, не покалечило. Во всяком случае, при появлении моего наставника, оба вскочили довольно резво и взирали на него с одинаковой смесью презрения и гнева. Сайя тоже была на ногах, хотя вид имела несколько затравленный. Она осторожно, словно младенца, баюкала на руках Иглу, ладонью укрывая ее от взора Аверре. Капитану гвардии повезло больше, чем его подчиненным, в том смысле, что не убило, хотя ногу прижало куском каменной глыбы. Но даже это не остановило бравого солдата от выполнения своего долга. Едва заметив мастера, он тут же прицелился в него из своего бластера.

— Вам это сейчас ни к чему, капитан, — проговорил Аверре, щелчком пальцев заставив оружие выскочить у капитана из рук.

Я продолжал валяться в грязи, изнывая от собственной немоги, исподлобья наблюдая за тем, как мастер в свете своего непревзойденного могущества сходит со зверя, уделяя наибольшее внимание именно аборигенке. До меня ему дела, как будто бы не было. Где-то снаружи раздавались дикие животные вопли, сливаясь с воинственными криками махди и отдаленным грохотом серии взрывов, от чего уцелевшие стены башни охватила дрожь.

— Думаете, это поможет? — любезно спросил он, обратившись к Занди, опустившему руку на свое оружие. — Признаться, мне совсем не хочется вас убивать.

Занди отпустил рукоятку бластера, на всякий случай, загородив Эйтн собой.

— Собственно, я вообще никого убивать не стану, — объявил Аверре, обведя нас взглядом, — если только каждый из вас проявит необходимую толику благоразумия. — Тут он задержался на мне и, лучась дружелюбием, добавил: — Привет, Сети. Не поверишь, дс чего я рад видеть тебя живым и, практически, невредимым.

Говорить мне было не легче, чем двигаться, но я, тем не менее, произнес:

— Вы правы, мастер. Не поверю.

Пропустив мои слова мимо ушей, он вновь обратился к графу:

— Ваши войска, очевидно, были готовы к тому, что их ожидало, ваша светлость. — И улыбнулся. — Но недостаточно. Слишком долго они сидели в заточении, охраняя ваш покой, в то время как махди постоянно вели борьбу за существование. Это становится особенно заметно в ближнем бою.

— Довольно пустой болтовни, Аверре, — зло оборвал его Занди. — Чего вы хотите?

Думаю, что вопрос этот он произнес лишь для порядка, поскольку все мы прекрасно понимали, зачем затеял все это мой наставник.

В ответ Аверре ухмыльнулся и сказал:

— Иглу. Отдайте мне ее или я прикажу разнести этот прекрасный город в пыль.

— Прикажете? — переспросил граф.

Улыбка мастера-лейра стала шире:

— Вы не представляете, до чего полезно держать при себе столь диких зверьков. Управляться с махди непросто, но надо знать за какие ниточки дергать...

Громкое и грозное шипение Сайи заставило его лишь рассмеяться.

— А что тебя так злит, моя дорогая? Разве не ты постаралась навредить как можно больше собственному народу? Предала своего учителя, помогла преступнику избежать казни, да еще и убила нескольких своих соплеменников. Ай-ай-ай, — он погрозил пальцем. — Разве послушные девочки так поступают?

Ощетинившись, точно дикая кошка, аборигенка, не обратив внимания на предостерегающий крик Эйтн, бросилась на Аверре, с намереньем вонзить Иглу ему в грудь, но, пролетев всего два метра, была остановлена прямо в воздухе легким и незатейливым движением его бровей.

Я приоткрыл рот, но почти сразу захлопнул его обратно, так как в этот момент, Аверре вытащил из кармана ампулу с сывороткой и продемонстрировал ее окружающим.

— Ну, разве не прелесть? — И с заговорщицким видом подмигнул мне.

За одно только это я готов был распылить его тело на атомы, но мог лишь бессильно злиться на себя и тех, благодаря кому, находился в нынешнем состоянии.

Тем временем оказалось, что Аверре отпускать Сайю вовсе не намерен. Все еще

удерживая ее в воздухе посредством своей недюжинной воли, словно тряпичную куклу-марионетку, он, не позволяя ей разомкнуть пальцев и выпустить Иглу, притянул аборигенку к себе.

Это его действие побудило Эйтн к вопросу:

— Что ты собираешься делать, дядя?

— А это не очевидно, дорогая? С вашей стороны было весьма любезно извлечь Иглу самостоятельно. Признаться, это избавило меня от многих неудобств. Теперь осталось лишь довести все до логического конца, а именно — заставить Иглу работать на меня. Но для этого акта пьесы мне понадобится еще один герой.

Еще до того, как его взгляд упал на меня, я знал, о ком речь.

— У нас с тобой вышла довольно сложная история взаимоотношений, Сет, — сказал он и легко, как будто полжизни провел в седле, вскочил обратно на спину своему притихшему килпассу; Сайя при этом так и осталась висеть в воздухе, будто неживая. — Отбросить ее ни ты, ни я не имеем возможности. Но это даже неважно, потому что в конечном итоге, все было сделано ради единственной цели — артефакта, который даст лейрам возможность, наконец, выйти из тени. Что ж поделаться, если у тех, кто становится близок мне, оказывается столь незавидная судьба.

Я достаточно хорошо успел тебя изучить, чтобы понять — ты из тех, кто если уж решается на мечь, то ни за что не остановится перед ее осуществлением. Твое стремление докопаться до истины о Сол преодолело десятилетия и теперь, когда ты все знаешь, то представляешь для меня реальную угрозу.

Тут я не сдержался и громко хмыкнул. Правда, совсем не ехидно, скорее, печально.

— Я не насмехаюсь над тобой и отнюдь не пугаю, а констатирую факт, — меж тем продолжил он. — Но ты стал угрозой, поэтому целесообразность твоего существования сама собой становится под сомнение. Однако я не привык пускать в расход столь ценный материал. Ты послужишь более великим целям, чем те, что можешь себе вообразить. Ты станешь носителем Иглы. Тем, через кого я смогу повелевать ею. И это будет наилучшим завершением твоей трагедии.

От Аверре так и разило дешевой театральщиной, необъяснимую тягу к которой он всю свою жизнь питал и очень лелеял в себе. У меня же эта его страсть вызывала лишь непреодолимый рвотный позыв. И я не преминул сказать об этом в более приемлемых выражениях, разумеется:

— Экая неожиданность. А у меня на этот счет иные планы, мастер. — Не могу сказать, как так получилось, то ли это сыграла свою роль моя ненависть к наставнику, то ли нежелание стать пожизненной игрушкой в его руках послужило тому причиной, только, едва я это произнес, почувствовал, что ко мне возвращаются силы.

Я поднялся и одним небрежным движением очистил себя и часть плит вокруг от мусора и пыли.

— Красивый жест, — одобрил он. — Но неужели ты думаешь, будто этого достаточно, чтобы произвести на меня впечатление? Я всегда знал, что природного таланта тебе не занимать, иначе не стал бы даже и времени тратить. Сола просто не позволила бы себе произвести на свет убожество.

Упоминание имени матери произвело на меня эффект красной тряпки. Правда, бросаться на него, подобно Сайе, я не стал, придумав нечто иное и малосвязанное с представлениями наставника об истинной силе элийров. Вместо этого я нащупал в

пространстве тоненькие завихрения Теней, опутывавшие маленький мозг пернатой твари, и со всей силы ударил по ее нервному центру.

Зверюга взвыла, словно ее ткнули в глаз и затем, резко мотнув головой, раззявила пасть, сомкнув свои мощные челюсти на вытянутой руке Аверре. Трудно было сказать, кто в этот момент кричал громче. Инстинктивно разжав пальцы, мастер выронил флакончик с сывороткой, тотчас зазвеневший по каменной кладке пола и скрывшийся где-то в пыли. Несмотря на все мое желание, руку килпасс ему не откусил, вновь раскрыв пасть и яростно задержавшись, пытаясь сбросить с себя седока.

Но Аверре не зря называли мастером. Оставив за пределом значимости боль в руке, он быстро перехватил власть над разумом животного, заново привязав его к себе, и до того, как успел что-либо предпринять, сдавил мою шею невидимым силком и с размаху ударил мною о стену.

Это оказалось даже почище, чем несколько пережитых взрывов. Звезды затанцевали перед глазами, и на какое-то мгновение я успел забыть, где и зачем нахожусь. Только полные нечеловеческой злобы слова, брошенные наставником, напоминали мне об этом:

— Неблагодарный ублюдок!

Сразу за этим что-то как будто схватило меня за ногу и быстро протащило по всем камням, усыпавшим пол башни, пересчитав их моими ребрами, а потом еще раз ударило о стену. Кажется, в какой-то момент передо мной промелькнули лица Эйтн и Занди, но с точностью утверждать не возьмусь, так как новое соприкосновение с твердой поверхностью породило внутри моего черепа новый взрыв искр и боли.

— Ну что, сильно тебе помогли эти твои извращенные умения? — злорадный голос Аверре раздавался, кажется, отовсюду сразу.

Отлетая от стены в новом порыве созданного им ветра, я успел заметить кровавый отпечаток, оставшийся на месте соприкосновения моей головы с камнем. У меня уже не было сил, чтобы как следует удивиться этому. Боли, почему-то, я больше не чувствовал. Только какую-то блаженную невозмутимость, растворенную в алой дымке.

Единственное, что позже прорвалось, сквозь туман, это его крик:

— Никто не встанет у меня на пути! Все будет так, как я хочу!

Потом последовал новый удар, а за ним уже тьма.

Глава 23. Снова в джунглях

— Сет, очнись, — прошептал мне на ухо тихий девичий голос, отдаваясь в голове слабым эхом, словно обращался откуда-то из глубины.

Я, кажется, пошевелился, хотя с точностью тогда сказать не мог, поскольку от тупой боли ныла каждая клеточка тела, и я не понимал, жив или уже умер. Пожалуй, это было бы не таким уж плохим финалом, но мысль о смерти заставила меня нахмуриться, ведь окажись она правдой, я едва ли испытывал боль.

Сквозь сомкнутые веки пробивался бледный свет, и тут я решил, что сплю. Правда кровать оказалась на редкость неудобной, да и пахло вокруг как-то странно, как будто травой и сыростью — не самый лучший аромат для пробуждения, но мне было не до таких мелочей. Я чувствовал себя просто счастливым от того, что всё происходящее вокруг казалось сном.

— Что смешного?! — спросил все тот же голос, вдруг показавшийся мне знакомым. — Вставай скорей!

Далее последовал ощутимый толчок под ребра, заставивший меня раздраженно вскрикнуть и, сразу же подскочив, вытаращить глаза.

— Эй! Мне больно!

Едва только окинув взглядом место, в котором оказался, я распрощался со всеми иллюзиями о беззаботной жизни и мрачно уставился на заросшие биолюминисцентным лишайником кривые прутья паатовой клетки. Даже не смотря на легкую дезориентацию, мгновения мне оказалось достаточно, чтобы понять, где я нахожусь, так что реальность накатила как всегда с неотвратимостью цунами. Случившееся вовсе не было сном, а значит где-то здесь еще бродит Аверре, заполучивший Иглу в свое распоряжение.

Раздраженно проведя ладонью по лицу, я вспомнил о голосе и, повернув затекшей шеей в сторону, наткнулся на тяжелый взгляд больших черных глаз, которые меньше всего ожидал увидеть.

— Ты что здесь делаешь?

Дикая, словно китх Сайя не спешила отвечать и сначала отодвинулась подальше к стенке, а затем села на голый мох, гордо выпятив маленький подбородок. Поджав под себя ноги, она всем своим видом демонстрировала презрение, будто в том, что произошло с ней, виноват был один только я.

— А ты как думаешь? — наконец прошипела она.

Захотелось язвительно спросить, не нахватались ли она подобных фразочек у Эйтн, но, вслух я произнёс:

— Где Батул?

Однако аборигенка не спешила делиться знаниями и только гневно фыркала, будто это что-то могло изменить.

— Бродит где-то, — наконец, проговорила она.

— А Игла?

Сайя не отвечала, и мне пришлось настоять:

— Сайя, где Игла?

— Они забрали ее, — она неопределенно мотнула за пределы клетки, говоря о махди, в

чьих непосредственных владениях мы оказались. — Твой учитель забрал нас сюда. — И опять ее тон показался мне обвиняющим.

— Пока я был в отключке, — напомнил я.

Как ни пытался я вспомнить хотя бы толику подробностей из того, что случилось в башне, но кроме звериных воплей, бьющего по ушам ветра и ощущения, будто мой череп раздавлен, на ум ничего не пришло.

— Где Эйтн?

Сайя пожала плечами:

— Она осталась с графом, но в городе еще шла битва и, может быть, до сих пор идет. Мои сородичи почти не тронули окраины, зато разрушили половину замка. Главное сражение происходило в центре, но я не верю, что солдаты графа смогут победить.

— Сколько времени прошло? — этот вопрос я задал, скорее, себе и хотел узнать по своему напульснику, но тот оказался разбит.

— По-вашему этот отрезок называется «час», — между тем ответила мне Сайя.

Я отстраненно кивнул и снова уставился на кажущиеся совершенно несокрушимыми прутья нашей клетки.

— Надо отсюда как-то выбраться...

— Как будто получится.

Не привыкнув ещё к скептицизму аборигенки, я спросил:

— А то это так сложно? — Но для уверенности прикоснулся к решетке ладонью: на ощупь совершенно обычный паат, так что одного легкого касания Теней хватило бы, чтобы прутья расплелись передо мной сами.

Однако Сайя говорила вовсе не об этом:

— Я знаю, что с клеткой лейр справится. А с теми, кто ее сторожит? Против махди ты небольшой мастер, я знаю.

Я готов был согласиться с ее доводами, но тут меня кое-что удивило, и мне пришлось с подозрением спросить:

— Откуда?

Кажется, аборигенка и сама была не рада, что проболталась. Она отвернулась, пробормотав под нос что-то нечленораздельное. Но я не стал упорствовать, вспомнив о тех мелочах, что непрерывно таскал с собой повсюду вот уже несколько дней подряд, и запустил руку в карман, нащупав там склянку с семенами. Этот минн ждал момента, когда мне, наконец, удастся собрать имеющиеся кусочки головоломки воедино, чтобы прочесть получившуюся картину. Изначально мои подозрения строились только на догадках, но одних предположений не хватало, и я был обязан убедиться в собственной правоте, для чего и высыпал иголки на ладонь.

Это было похоже на какой-нибудь старинный шаманский ритуал, с одной лишь разницей — за все его время я не произнес ни слова. Зато манипуляций проделал множество, пока выкладывал семена определенным образом, чтобы их скрытое взаимодействие между собой стало наиболее эффективным. Остальное я проделал на ментальном плане, связав каждое семечко с теми сросшимися, что подарила мне Сайя. Дальше было и того проще — требовалось послать только один сигнал Теням.

Если бы между семенами не оказалось совпадений, то никакого ответного отклика я бы не получил, но, и это было вполне ожидаемо, минн запел и его легкие колебания отдавались в пространстве гулким эхом, наконец-то, подтверждая давно родившиеся в моей голове

подозрения. В этот момент наши с Сайей взгляды пересеклись. Не применяя своих эмпатических умений, я прочел все, что хотел в ее взгляде. Я только спросил:

— Зачем ты убила ее?

Но вместо ответа был встречен другим вопросом:

— Как ты узнал?

Не став впустую пререкаться, я вкратце объяснил аборигенке о допущенной ею оплошности — семян мина, оставленных ею всюду, где она бывала. Эти семена и стали ниточкой, приведшей меня к догадке о ее причастности к убийствам и нападению на меня.

Казалось, мой ответ ничуть не удивил Сайю. Она практически никак не отреагировала на новость, только смотрела куда-то в пустоту. Спустя минуту снова перевела взгляд на меня и сказала:

— Они хотели, чтобы я это сделала.

Я был уверен, что понимаю, о ком она говорит, но, тем не менее, спросил:

— Кто хотел?

— Мастер Аверре и Иши Кхемса, — очень тихо проговорила она. — Как только вы прилетели, твой наставник вышел на связь с моим учителем и сообщил ему о том, что готов вернуть голову Рехима в обмен на то, что ему будет позволено изучить ее. Но сначала он хотел убедиться, что ты — тот, кто ему нужен, и потому мне приказали выяснить, так ли это.

— Они приказали тебе напасть на меня? — уточнил я, опять же, на всякий случай.

Аборигенка смущенно кивнула:

— Если бы ты погиб, это бы доказало, что твой учитель ошибся.

Об этом я тоже догадывался, но все-таки услышать подобное из чужих уст оказалось не слишком приятно. Поднявшись с пола клетки, я пару раз прошелся от стенки до стенки, но ничего не сказал и позволил Сайе продолжить.

— Ты не погиб, и мастер Аверре успокоился, — говоря, она наблюдала за мной, точно опасаясь того, что я могу наброситься на нее. — Зато не успокоилась я, когда поняла, что пришла пора действовать. Ведь я столько лет копила в себе ненависть за то, что Иши Кхемса со мною сделал, что отступить уже не могла. Я пошла к графу и от него узнала, что твоя мать оставила архивной хранильнице что-то важное на хранение. Что это было, мне никто говорить не собирался, так что я сама все выяснила, проследив за тобой в Архиве. Старуха каким-то образом узнала обо мне, как будто учуяла, а я не могла позволить ей разболтать тебе об этом и потому...

— Убила ее, — закончил я, не поворачивая головы. Сравнив свои ощущения после убийства махди в Си-Джо, с тем, как рассказывала о своих поступках Сайя, я удивлялся ее невероятному самообладанию. Впрочем, осуждать ее я был не вправе, так что просто продолжил свой допрос: — Ты сказала, будто не знала, что именно оставила у госпожи ЧиЭмей мама, но как тогда объяснить случившееся с госпожой Бабор?

— С кем, с кем?

Казалось, Сайя действительно не понимала, о ком идет речь, и я тут же просветил ее на этот счет, обрисовав все, как было в мельчайших подробностях.

— Это не я, — сразу отказалась она, тоже поднявшись на ноги. — Никого больше я не трогала... — Окончание предложения повисло в воздухе, так как оба мы прекрасно знали, насколько были руки этой маленькой и безобидной на вид девочки испачканы чужой кровью.

— Тогда кто?

— Не знаю, — качала Сайя головой. — Я не знаю.

На такой ответ я вовсе не рассчитывал, но не доверять ее словам причин у меня не было. Не смотря на все свои, скажем так, «подвиги», эта маленькая, кровожадная аборигенка ни разу не была уличена во лжи, так что набор загадок, представший мне в ту пору, оказался раскрыт не полностью. В поисках объяснения, я, было, подумал об Аверре, однако с презрением отмел эту версию, поскольку ему не было резона отдавать мне чип, который он всеми силами стремился заполучить сам. А, кроме того, я не знал, кто и почему подкинул письма мамы в Си-Джо.

Далее мои размышления были прерваны негромким хрустом веток за моей спиной, возвестившим о чьем-то приближении. Обернувшись, я увидел в проеме между решетками окутанное тенями улыбающееся лицо моего наставника.

— Сет! — воскликнул он радостно. — Я рад, что ты наконец-то пришел в себя.

От одного только взгляда на этого человека мое сердце пустилось вскачь, заставив глаза налиться кровью от желания разорвать его на куски. Тени вокруг сгустились от напряжения.

— Ну что ты так? — с плохо скрываемой насмешкой спросил Аверре, кладя ладони (одна из них, как я заметил не без удовлетворения, была аккуратно перебинтована) поверх решетки. — Разве не заслужил я уважения немного большего, чем ты изволишь мне оказывать? В конце концов, где бы ты сейчас был, если бы не я? Надеюсь, из-за синяков ты не злишься? Ну-ну, не смотри на меня так! Видя твое праведное негодование, я чувствую себя последним мерзавцем. А ведь ты как никто должен понимать, что все это я делаю исключительно ради общего блага.

Слова наставника заставили меня громко рассмеяться.

— Чье конкретно «благо» вы подразумеваете под словом «общее»?

— Уж не Адис Лейр, будь уверен!

— Зачем вы притащили нас сюда?

Аверре слегка отодвинулся от клетки и, сцепив на животе ладони, проговорил:

— Для того чтобы не произошло никаких эксцессов, связанных с Иглой. Тут многое зависит не от того кем, а от того где будет завершен процесс. Думаешь, Занди зря потащил вас в Башню активации? По другому Иглу было не достать! Если бы не это, вы бы до Мероз даже не добрались, — закончив последнюю фразу, он подмигнул мне сквозь решетку и хлопнул в ладоши: — Но довольно болтовни — времени слишком мало.

Сделав плавное движение рукой, Аверре заставил прутья клетки расплестись, образовав перед нами узкий, высотой в человеческий рост, проход. Он щелкнул пальцами и по обе стороны прохода встали незримые до этого махдийские воины. Всего двое. Но больше и не надо было.

— Прошу на выход. — При этом он строго взглянул в мою сторону: — Смысла в оковах для тебя я не вижу, но предупреждаю — малейшее подозрительное движение и тебя убьют. Запомни это как следует, Сет, потому что на этот раз играть я не стану.

Едва сделав шаг, я остановился и спросил:

— Ну и в чем тут логика? Все равно финал будет один.

Мастер несколько раз раздраженно хлопнул себя по карману и только потом процедил:

— Логика, мой юный друг, в том, что никто не утверждал, будто Игла тебя уничтожит.

— Да ну? — скептически приподнял одну бровь я. — А как же легенда?

Аверре устало вздохнул.

— Легенда ничего такого не утверждает. Неизвестно, отчего умер тот предатель,

которого Занди I использовал против лейров.

— Ну и что? — хмыкнул я. — Думаете, жизнь недосуществования с волей, целиком поглощенной Иглой и подчиненной вам, меня устроит? Если вы так думаете, значит, вы меня вообще не знаете.

— То есть, предать себя смерти и забвению тебе хочется больше? — Тут он как бы невзначай оглянулся на одного из стражей-махди. Повинуясь его молчаливому приказу, абориген тут же и без всякого выражения обнажил свой меч. Казалось, прикажи мастер ему заколоть себя, он это сделает, и глазом не моргнув.

Моя реакция на этот жест была вполне адекватной: сглотнув, я отступил на шаг назад и ненароком задел Сайю, о присутствии которой к тому времени успел совершенно забыть.

— Кстати, о нашей маленькой интриганке, — несмотря на его игривый тон, ничего хорошего я не ждал. — Ей следовало бы повнимательней выбирать себе товарищей. Граф, конечно, кажется каменной стеной, но, как мы видим, далеко не самой прочной. Тебе ведь известно, как твой народ поступает с предателями?

Стоя у моего плеча, Сайя не отвечала, исподлобья сверля Аверре взглядом.

Тут он сделал один незамысловатый жест, заставивший аборигена с обнаженным мечом сделать резкий и неожиданный выпад вперед.

Повинуясь инстинкту самосохранения, я быстро отклонился в сторону, спасаясь от острого лезвия, даже не подумав о том, что опасность быть заколотым грозила вовсе не мне. Слишком поздно я сообразил отвести Сайю от удара в грудь, — деревянный махдийский меч уже прошил ее насквозь.

Только и успев охнуть, она мешком повалилась на землю, а убивший ее абориген хладнокровно убрал оружие в ножны и снова отступил за спину мастера-лейра, будто ничего и не произошло.

— Ну? — вмиг посерьезнев, спросил Аверре. — Ты все еще ждешь, что я стану с тобой сюсюкать? Я без проблем найду другого элийра. А ты сумеешь вернуть себя к жизни?

Я не ответил. И не потому, что не хотел. Просто не мог. Я только стоял и смотрел, как жизнь потихоньку покидает Сайю, не в пример медленней, чем всех ее жертв. Я был в каком-то смысле рад, что нашел убийцу госпожи ЧиЭмей, однако вовсе не желал, чтобы и она сама оказалась убита.

— Идем, Сет, — прикрикнул Аверре. — Не тебе о ней скорбеть.

Опять же ничего на это не сказав, я, молча, выбрался из клетки и, сазу же оказавшись в плотном кольце стражи, побрел вслед за наставником, бодро шагавшим к своему триумфу.

Куда мы направлялись, мне догадаться было нетрудно. Едва только первый шок от смерти Сайи прошел, я без труда представил себе дичайшую местность, находившуюся в стороне от селения, ту самую о которой рассказывал Занди. Тропа петляла чуть выше тех уровней, на которых содержались клетки с заключенными, но миновала самые оживленные уточки деревни. Как я понял потом, это было сделано намеренно, чтобы свести к минимуму возможные встречи с мирным населением, ничего толком не знающим о политических и духовных преобразованиях, которые вёл мой шустрый наставник. Похоже сыворотка работала слишком хорошо, если ему удалось так легко удерживать махди в своем подчинении. Вспомнив о флакончике, выбитом у Аверре из рук, я мысленно пожалел, что не успел подобрать его.

Мастер больше не пытался заговаривать, чему я был несказанно рад. В движении соображалось гораздо легче, и условная тишина темного леса этому способствовала как

нельзя лучше. А подумать было над чем.

Наставник вполне доходчиво обрисовал перспективу, рядом с которой смерть оставалась наименее желанным выходом, и, все же, я не был бы собой, если б вот так легко на это согласился. Из любой, даже самой, подчас, безвыходной ситуации всегда существует, как минимум, один выход, и главное — вовремя его отыскать.

Вот только знать бы, где искать.

Побег в джунгли отметался сразу, как неосуществимый. Даже если бы мне каким-то чудом удалось избавиться от стражи и спрятаться от Аверре, как долго я один смог бы продержаться в бескрайнем лесу, полном коварных хищников, без воды и еды, учитывая, что мои физические и духовные силы находятся на грани полного истощения? Единственным здравым решением на тот момент казалось подождать.

По крайней мере, только об этом и твердила моя интуиция, а она меня еще никогда не подводила.

День был в самом разгаре, но там, где ступала наша маленькая процессия темень оставалась практически беспросветной. Судя по редко встречающимся искусственным огонькам, мы уже успели покинуть территорию деревни и теперь шагали по абсолютно безлюдной местности, спотыкаясь о цепкие ветки минна, расплзшиеся во все стороны под ногами.

Один из моих стражей вдруг что-то проговорил Аверре на своем. Тот отреагировал флегматичным кивком, но меня предупредил:

— Будь внимательней, Сет, в диких местах полно хищников.

Я насторожился, начав пристальней вглядываться в лоскуты теней, окружавшие нас со всех сторон. Неподалеку жалобно вскрикнуло какое-то животное, а в кустах раздался непонятный шорох. Но Аверре даже ухом не повел, продолжая продираться сквозь ветви и лианы так, словно знал здесь каждый клочок земли и нигде решительно не видел ни малейшей угрозы.

Двигаясь за ним точно в след, я, несмотря на усталость и непрекращающуюся боль не только в теле, но и внутри моего разума, прислушивался к джунглям сквозь шепот Теней. Многообразие жизни рождало в голове непрерывный фон, никак не связанный со звуками реальной жизни. Это было сравнимо, скорее, с шумом моря, и каждый камушек, брошенный в него, оставлял отзвуки собственного эха. Любой хищник был таким камушком, поэтому его приближение я мог учуять за много метров до того, как он вдруг вздумает напасть.

Прежде, чем я успел поинтересоваться, долго ли еще предстоит петлять, Аверре неожиданно резко свернул направо и скрылся за густыми ветвями какого-то трубчатого кустарника.

— За мной, — прикрикнул он.

Раздвинув тяжелые ветки и зайдя за них, я будто в другой мир попал. Мертвая тишина навалилась во всех смыслах. Ни одни зверь или птица не вскрикнул не только физически, но и в моем сознании. Воздух здесь был застоявшийся, со сладким привкусом тлена, как будто вся местность вымерла. Пааты все еще скрывали от глаз дневное небо, но очень высоко, образуя нечто вроде купола над долиной, а внизу, куда не кинь взгляд, — только кустарник. Тропинку он поглотил давным-давно, поэтому ступать приходилось еще аккуратней, дабы ненароком не наткнуться на созревшие соцветия острых, точно иголки, семян.

— Что это за место? — поинтересовался я, между прочим.

Аверре ответил с удивившим меня трепетом:

— Кладбище. Самая старая часть леса. И самая священная.

Чем дальше я вдыхал здешний воздух, тем сильнее начинал чувствовать это место, где само время, словно застыло. От каждого листика веяло покоем и умиротворением, но, тем не менее, я сказал:

— Не похоже на кладбище.

— Конечно, не похоже, — усмехнулся мастер. — Ты еще не привык, что здесь все иначе, чем кажется? Махди не хоронят тела умерших, зарывая их в землю. Они дарят их лесу. Это дань, за то, что он обеспечивает их всем необходимым для жизни.

Недоумение на моем лице было замечено, и Аверре пояснил:

— Минн расщепляет трупы, питая таким образом себя и весь лес. Всего несколько часов требуется, чтобы от тела не осталось и следа.

Нервно оглянувшись на цветущий поблизости кустик, я инстинктивно отодвинулся.

— Пройдем еще немного дальше, — предложил мастер, указав куда-то вперед.

Мы пересекли долину мертвых, еще несколько раз нырнув за кустистые заросли, и спустились по пологому склону, где полумрак сгущался еще сильнее. В этом месте стволы старых паатов извивались над самой землей, скручиваясь, образуя нечто вроде пещеры или грота с высоким арочным входом, обвитым цветущими лианами. Перед входом, на пустыре возвышался большой плоский камень, весь потрескавшийся и покрытый черным мхом. Это был тот самый алтарь, о котором рассказывал Занди, когда вспоминал историю Сайи. И именно на нем была убита ее мать.

Чем ближе мы подходили к камню и маячившей за ним пещере, тем отчетливее становилось напряжение Аверре, выражавшееся в его резких, почти рваных, движениях.

Встав у самого входа и повернувшись ко мне лицом, он сипло произнес:

— Вот это, Сет, и есть Дом Иглы — Святилище махди.

Состояние возбуждения передалось по воздуху и всего через несколько мгновений, нервно поеживался ни я один, но и молчаливые стражники за моей спиной. Темный проход, ведущий внутрь необычной пещеры, воздействовал на всех, словно черная дыра, притягивая к себе взгляды. Я чувствовал внутри Иглу, ее обжигающую, густую силу, манящую обещанием безграничного могущества. Оно было похоже на тихий, заискивающий шепот — внутренний голос, извращенный темными и низменными желаниями, о которых Игла, каким-то образом, знала, и в которых признаваться я боялся даже себе самому.

— Здесь на вещи смотришь по-другому, не правда ли? — каким-то невероятно далеким голосом поинтересовался наставник. — Игла знает, как и где лучше всего воздействовать на сознание. В замке ты мог почувствовать это. Она чувствует твои желания и готова осуществить их, ты только попроси. Тебе, ведь, я знаю, так сильно этого хочется...

Аверре говорил что-то еще, но я его уже не слышал. Реальность начала медленно расплываться перед моими глазами, преобразуясь и сворачиваясь в червоточину, центром которой являлся вход в Святилище. С огромным трудом мне удавалось преодолевать ее притяжение, но чем дальше я находился поблизости, тем больше сил требовалось для того, чтобы сопротивляться. Казалось, еще чуть-чуть и меня оторвет от земли и просто затянет в эту бездну. Затем мне стало казаться, что количество голосов позади меня увеличилось, хотя я был слишком увлечен, чтобы убедиться в этом. Не замечая ничего вокруг, я шаг за шагом стал приближаться к пещере и вот, когда был уже у самого ее края, что-то тяжелое и большое пролетело мимо и загородило проход, вернув меня в настоящее.

Вздрогнув от неожиданности, я уставился на клубок неестественно сплетенных тел,

бездыханных и изломанных, некогда принадлежавших моим стражам. Снова зазвучал голос Аверре, только на этот раз в тоне его уже не было ни самодовольства, ни торжества.

— Не может быть!..

Резко обернувшись, я понял причину произошедшего — буквально в двух шагах от Аверре стояла старая ведьма Аманра, а чуть позади нее Эйтн, Занди и еще некоторое количество его гвардии. Когда и, главное, как им удалось сюда проникнуть, я не имел понятия и мог лишь оторопело пялиться в их суровые лица, обращенные к моему наставнику, который просто отказывался верить в происходящее.

— Ну, нет, — проговорил он и повторил уже громче: — Я говорю: нет! Вам не удастся меня остановить! Только не теперь, когда я на пороге успеха! — Он неожиданно и громко рассмеялся.

— Сет, отойди от пещеры, — спокойно произнес граф.

Утробный смех Аверре оборвался, точно звук выключили, и он, сверкнув глазами, произнес:

— Никто никуда не двинется, пока я этого не захочу. — И припечатал, точно выплюнул: — Граф.

Он сделал жест, как если бы приманивал к себе кого-то, а затем резко опустил ладони вниз, отчего дрожь прошла по земле, и вслед за ней из кустарниковых гущ выбралась целая стая свирепых тварей, взявших Занди и всю его команду в тиски. Я и представить себе не мог, что подобные чудовища могли водиться в таких местах, как это, но в большей степени был удивлен тем, что не учуял их присутствия, и посмотрел на Аверре. Как я и подозревал, мой легендарный наставник сильно лукавил, утверждая, будто плохо ладит с ментальными умениями элийров.

Пока желтоглазые твари, больше всего напоминавшие мне яртеллианских пещерных собак, скалили огромные зубы, обильно поливая слюной высохшую траву, никто не смел пошевелиться. Копая огромными когтями землю, прищелкивая длинными хвостами, они рычали и поскуливали, только и ожидая приказа к нападению.

— Убери своих тварей, дядя, — холодно сказала Эйтн, встав по правое плечо от Аманры. — Мы можем обсудить все в более спокойной обстановке.

— Тебе нет нужды за ними прятаться, Батул, — подтвердила ведьма голосом еще более хладнокровным, чем у леди Аверре.

Но только мастер не стал внимать их советам и с величайшим самодовольством объявил:

— А я так не думаю.

Стоя в стороне от всего этого, я с вспотевшими ладонями наблюдал за происходящим, когда молчаливый батуловский приказ атаковать прошел по натянутым, точно поводки, струнам Теней к чудовищным собакам.

Не успев и рта раскрыть, я увидел, как они, повинувшись общей команде, одновременно прыгнули, и уже приготовился к кровавому зрелищу.

Графские солдаты, чья быстрота реакции оказалась не хуже звериной, вскинули свои оружия и разрядили энергоблоки прямо в разъявленные кровожадные пасти.

Ни одна тварь не уцелела.

Однако это Аверре ничуть не смутило и он, вновь обратившись мыслями к темным потокам, сплетавшимся вокруг него и всего сущего, заставил их выплеснуться волной заряженных частиц. Это миниатюрное светящееся цунами должно было испепелить Эйтн,

Занди и его людей, и только своевременная реакция Аманры, окутавшей себя и их непроницаемым энергетическим щитом, не позволила этому случиться.

Открыв рот и выпучив глаза, я мог лишь молчаливо наблюдать за тем, как мощь атаки Аверре, словно о волнорез, разбивается о созданную ведьмой защиту.

— Ты ничуть не изменился, Батул, — проговорила ведьма, выступив вперед. — По-прежнему манипулируешь теми, кто тебе доверяет, используя их ради собственных выгод — трусливая тактика. Хотя, можно ли ожидать иного от легенды?

В первый раз за все время нашего знакомства я стал свидетелем того, как самообладание изменило наставнику, а на его место пришла растерянность, отразившаяся на его лице.

— Кто ты? — спросил он.

Только ведьма совсем не спешила с ответом.

— Ты правильно рассчитал, возвратив Иглу на ее исконное место. Только здесь она может быть активирована так, как это изначально задумывалось ее создателями. В любом ином месте это неминуемо вызвало бы ее коллапс, и это даже близко не было бы похоже на тот ад, что творился на орбите Шуота полторы тысячи лет назад.

От слов, сказанных ею, не только я, но и сам Аверре стал чувствовать себя не лучшим образом.

— Кто ты? — настойчиво повторял он.

Слегка отодвинув с лица шаль, Аманра загадочно, насколько это было возможно при глубине ее морщин, улыбнулась и проговорила:

— Время надо мной поработало изрядно. Хотя, по правде, винить в этом следует не только его. — Она обвела низину широким жестом. — Здесь слова «Бойджия изменяет каждого» приобретают особый смысл. Энергия этого места настолько могущественна, что само пространство-время искривляется и изредка рождает обратно преломленное подобие некогда умерщвленной жизни...

— Кто ты?! — в третий раз взвыл Аверре.

— По-моему, ты и сам это уже знаешь, — проговорила ведьма.

Я больше не пытался вникнуть в смысл завуалированных игр, шедших между этими двумя, но с мастером стало происходить что-то необычное. В считанные мгновения он побелел, точно полотно, глаза таращились из орбит, а лицо исказилось от неопишуемого ужаса. Он будто приведение увидел, и сам от этого стал походить на мертвеца.

— Не может быть! Этого не может быть! — Не отрываясь от Аманры взглядом, Аверре начал пятиться куда-то в сторону. — Ты же умерла! Ты умерла!!!

Громкий нечеловеческий смех ведьмы резанул по ушам. Одним рывком она распахнула все свои накидки, продемонстрировав темное нутро, заполненное тонкими побегами живого минна, извивавшимися, подобно червям, с тошнотворным шебуршанием. Именно они давали иссохшему, дряблему телу возможность двигаться.

— Насколько похоже это на жизнь? — спросила она. — Ну?

Взгляд Аверре наполнился таким неподдельным страданием, что даже смотреть на него оказалось больно. Куда как легче было справиться с естественным отвращением, вызванным живым трупом ведьмы, стоявшей сейчас передом мной. И только следующие слова мастера перевернули мир вокруг меня вверх дном:

— Ох, Сол! Что же с тобою стало?

Глава 24. Святилище

Я, пожалуй, мог выразить мое состояние в тот момент всего тремя словами: это был шок, но они и вполонину не отразили бы и сотой доли тех чувств, что я испытал, услышав имя своей матери, с мистическим ужасом произнесенное Аверре. Осознание сказанного еще не успело, как следует закрепиться в моем мозгу и я, кажется, даже умудрился произвести на свет нечто вроде смешка, поскольку счел, что ослышался, или наставник просто ошибся...

Смятение вдруг охватило все мое тело. Мой нетерпеливый взгляд заскользил по уродливому телу ведьмы в поисках опровержения услышанного, ведь это просто не могло быть правдой. Не могло!

Но Аманра, вновь укутавшись в шали, просто смотрела на меня, не произнося ни слова. Эйтн и Занди, кажется, были огорошены ничуть не меньше, хоть и вряд ли понимали всей сути начавшей вырисовываться трагедии.

Я повернулся к Аверре, который, не отрываясь, смотрел только на ведьму, и спросил — нет, прошептал, — сдавленным голосом:

— Что вы сказали?

Он, разумеется, не ответил, а я мысленно продолжил убежать себя в том, что все это какая-то глупая ошибка, совершенно несмешная шутка, и правдой быть не может! Возможно, последние слова я даже повторил вслух несколько раз, так как дрожь неприятия прошла по всему телу ведьмы. Я, боясь поднять на нее взгляд, чувствовал, как к горлу подступает тошнота, а за ней вязкая, словно паутина, слабость, голову как будто зажало в невидимых тисках, и меня медленно потянуло вниз. Только чудовищным усилием воли я заставил себя остаться в сознании, преодолевая звон барабанающей в ушах крови.

— Сет, — прошептала Аманра и сделала один только шаг в мою сторону, но тут же остановилась, увидев, как я отступил назад.

Движение мое было невольным и продиктованным инстинктом самосохранения, но объяснить ей это в тот момент я просто не сумел.

— Сол, — снова прошептал Аверре, привлекая к себе ее внимание. — Как же так?..

Никогда бы не подумал, что мой наставник способен на такие вещи: из глаз мастера струились слезы, а он даже не моргал, точно боялся, что Аманра исчезнет, как привидевшийся кошмар.

Но лучше бы это все и впрямь оказалось кошмаром.

— А ты не предполагал такого, верно? — не своим голосом спросила ведьма, холодно глядя на него. — Не учел такой маленькой вероятности, и все же посмел думать, что проник в хранилище всех тайн Бойджи, в то время как на самом деле, не зашел и за порог. — Она неожиданно отступила от него, словно сама с трудом владела эмоциями. — Ты упивался своими знаниями, считая, будто тебе уже ясна вся тонкая суть мироздания, для большего тебе недоставало лишь Иглы... — Аманра негромко усмехнулась: — Мой милый Батул, ведь ты был так к этому близок, но сам отошел, разрушив все. Ты считал, что разгадка в Игле, что она поможет тебе найти недостающие фрагменты головоломки. Как же ты ошибался!

— Прости меня! — Аверре вдруг упал на колени. — Прости меня, пожалуйста, Сол!

Слышать это имя, обращенное к дряхлой старухе, в которой я абсолютно ничего не видел от своей матери, жгло мое нутро, точно в адовой топке, мгновенно доводя до кипения

гнев, причем не только на Аверре, но и на ведьму, посмевающую так подло издеваться над памятью о самом дорогом и близком мне человеке.

— Это ложь! — меня трясло так, что даже слова произносились с трудом.

Оба вновь повернули ко мне свои лица, но это только подстегнуло злость.

— Моя мать умерла! — выпалил я, а затем ткнул пальцем в Аверре: — Ты убил ее!

Вдруг на целую секунду в жутких иссушенных чертах ведьмино лица, полускрытого в тени старых домотканых шалей, проступило нечто до того знакомое и родное, что мое сердце едва не разорвалось напополам. Мои руки безвольно опустились, а вопрос сам вырвался из приоткрывшегося рта:

— Мам?

Кажется, она и сама была потрясена не меньше. Ее ладонь приподнялась и легла на грудь в том месте, где у живых бьется сердце. Затем Аманра проговорила:

— Хотела бы я сказать: «Да», но это означало бы солгать, а я не хочу поступать с тобой хуже, чем уже поступила. О, Сет, мой мальчик. От Сол во мне уже ничего не осталось... кроме воспоминаний.

Я не почувствовал, как маленькая прозрачная слезинка скатилась вниз по моей щеке.

— Но... я же видел!.. ты падала... и удар, а ты жива!

— Нет, — печально качнула она головой. — Это не так. Я не могу тебе объяснить, потому что даже сама многого не понимаю. Это все минн. Он заменил собой все мои внутренние органы целиком. Не окажись я лейром, такого со мной, возможно, и не приключилось бы.

Не смотря на то, что я был, мягко говоря, не в состоянии адекватно воспринимать смысл сказанных слов, я ловил каждое ее слово, словно воздух, и когда Аманра, вдруг замолкла, начал задыхаться:

— Я... я не понимаю...

— Я сама не знаю, как во мне оказалась эта живая дрянь. Возможно, во время экспериментов по выведению сыворотки... Так или иначе, именно минн не дал мне умереть после того, как Батул ударил меня в спину волной махдийских стрелок... — в этом месте Аверре негромко всхлипнул, но на него никто не обратил внимания. — Я пролежала без сознания на дне леса несколько бесчисленных дней, и ни один хищник не попытался за это время ко мне прикоснуться. Пока я находилась в этом состоянии, с моим организмом произошли необратимые изменения, поверить в которые я, придя в себя, поначалу не могла. Думаю, все закончилось бы гораздо проще, не сумей я подчинить безостановочно разраставшийся во мне минн своей воле и таким образом купировать его. Но лучше бы я умерла.

— Нет, — нервно выдохнул я и, не соображая больше ничего, бросился к ней и обнял. — Мама!

Слезы брызнули из моих глаз фонтаном, стоило только ее рукам сомкнуться у меня на спине. Во мне, точно плотину прорвало и вся омертвелая ткань, закрывшая собой глубокую рану в душе, наконец, дала трещину. Тоска по материнской любви, застаревшая боль ранней потери и ощущение вечного и темного одиночества хлынули волной наружу. И ни холод ее тела, ни прелый запах минна, ни даже чужеродная возня под шальями не могли оттолкнуть меня от того, что осталось от моей матери.

Я не возьмусь сказать, сколько времени мы простояли так, обнявшись: может с минуту, а может быть и целый час. А мама все это время продолжала тихо баюкать меня в своих

объятых, шепча слова утешения.

— Сет, я так виновата, — говорила она в то же время, — так виновата перед тобой...

А я качал головой, уверяя, что это не так.

— Прости меня за то, что выбрала его, когда должна была остаться с тобой. Прости, что не дала тебе всего, что должен получить любой ребенок от матери. И за Бавкиду прости тоже. Но, самое главное, я очень прошу тебя простить меня за то, что по моей вине ты стал таким... Ведь я знала... знала, что ты не был, как другие дети. Я знала о той особой связи, что присутствовала между нами с самого твоего рождения, и боялась ее. Я думала, мой уход разорвет ее, но даже не предполагала, что это настолько травмирует твою душу...

Я чуть отстранился и, заглянув ей в глаза, шепнул:

— Перестань себя винить, ведь ты ни в чем не виновата. Я никогда не умел обвинять кого-то в том, что со мной происходило и теперь не собираюсь этого делать. Я понимаю, о чем ты говоришь, но тут вина только одного человека — моя. Когда ты улетела, я был слишком мал, чтобы понимать что-либо, но став взрослым, сам сделал себя таким, каким ты меня теперь видишь. Потому что так было удобно, потому что мне так было легче.

— Но если бы я не...

— Никто не знает, что было бы тогда, — оборвал я маму прежде, чем она успела взвалить на себя еще больше ответственности. — Возможно, сильная привязанность к тебе только все усложнила бы, так что, может быть, оно даже и к лучшему, что ты ее разорвала. Зато вот кого следовало бы обвинять в том, что ты не вернулась обратно, — я перевел полный ненависти взгляд на наставника, — вот, кто действительно виноват во всем, что с нами произошло!

Слезы Аверре давно уже высохли и он, успев подняться на ноги, с жадностью вслушивался в наш диалог. Он уже целиком держал себя в руках, встретив мое обвинение в своей надменной аристократической манере.

— Все было бы намного проще, не окажись ваше общее упрямство столь непрошибаемым, — сказал он.

— А ты не считаешь, что эти же слова можно с легкостью отнести и к тебе? — спросила мама.

Аверре ненадолго задумался.

— Пожалуй, что так, — объявил он спустя мгновение. — Но как, скажи мне, должен я поступать, когда точно знаю, что моя судьба связана с этой Иглой? Ты, Сол, лучше, чем кто-либо понимаешь, сколь много в своей жизни я отдал за то, чтобы, наконец, найти ее. Что стоило тебе перестать противиться и сделать так, как я просил? Зачем тебе было непременно вмешиваться в мои планы, когда я для того и хранил все это в тайне, лишь бы не навредить тебе?

— Если ты этого до сих пор не понимаешь, тогда я не вижу смысла объяснять что-либо вообще, — с презрением бросила она. — Ты живешь одной лишь мыслью о непостижимом могуществе, да только не о благе лейров думаешь, а о своем! Ты и до этого знал много лейров, чьи амбиции, и без Иглы, стали причиной ужасных событий. Ты не ведаешь, какие цели преследовали те, кто ее создал, но если даже они упрятали творение рук своих так глубоко, то не нам им пользоваться! А если уж и решаться на поиски, то только по одной причине — чтобы навсегда уничтожить Иглу.

Мы все еще стояли втроем друг напротив друга, совершенно забыв о тех, кто в эту минуту также присутствовал на прогалине. Ни на Занди, ни на Эйтн, которую он неизвестно

почему не пожелал оставить в более безопасном Мероз, я не оборачивался, только улавливал легкие эманации силы, веявшие на нас со стороны пещеры. Я и мама смотрели в лицо Аверре, следя за тем, как меняется выражение вины за все причиненное им зло на совершенно невыразительную мину.

— Значит, только поэтому ты сейчас здесь? — с некоторой долей грусти спросил он ее и, не дожидаясь ответа, перевел взгляд на Эйтн: — И ты, стало быть, теперь с нею согласна, не так ли, дорогая?

Я обернулся, только теперь увидев оружие и в опущенных руках леди Аверре.

— Ты, как и я сама, доказал, что не достоин обладать настолько мощной вещью, дядя, — холодно проговорила она. — Потакая своим желанием, ты разрушаешь все, к чему прикасаешься. А что будет, если к тебе попадет Игла? Уж пусть лучше ее уничтожат — с этим я как-нибудь смирюсь.

— Что ж, — начал Аверре, с трудом, как мне показалось, сдерживая хитрую улыбку, — из вас вышла недурная команда, хоть и неожиданная. И, все-таки, я до сих пор задаюсь вопросом: с чего вы взяли, будто я позволю вам вот так запросто себя остановить?

Вдруг, без предупреждения или знака с его стороны, джунгли вокруг нас наполнились странным шумом и пришли в движение. Подняв голову, я увидел, как по ветвям и стволам, из-за кустов и травы к прогалине стали стекаться аборигены. Подобно колонии кислотных муравьев, они ползли по отвесным участкам паатов, свешиваясь вниз головой, не отрывая при этом от нас своих светящихся мертвенным светом глаз.

— Просветите же меня, — насмешливо проговорил мастер, — что вы будете делать с ними? Их разум свободен, но воля, благодаря действию твоей же сыворотки, Сол, подчинена мне. Одно мое слово и вас мгновенно уничтожат. Пожалуй, даже быстрее, чем вы это осознаете. На что вообще вы надеялись?

Пока он говорил, кольцо махди вокруг нас становилось плотнее. Занди и его стражи, не раздумывая, заняли оборонительные позиции, готовые стрелять при малейшем признаке опасности; Эйтн также приготовилась отбиваться. Только я и мама продолжали стоять, словно это нас не касалось. И если у нее имелся хоть какой-то шанс в этой неравной схватке, благодаря своей нынешней природе, то лично я просто не представлял, чем могу ответить на угрозу, ведь без сыворотки против аборигенов мои силы оставались бесполезны. Дал бы кто хоть бластер что ли...

— Что ж вы все молчите? — Шок совсем отпустил Аверре, и он пришел в себя настолько, что явно начал получать удовольствие от происходящего. — Ну, Сол, не смотри так, а то мне, право, становится не по себе. А ты, Сети, уже не рвешься умертвить меня каким-нибудь изощренным способом? Куда ж подевался весь ваш боевой запал, а?

Махди подошли почти вплотную. В полумраке джунглей со своими фосфоресцирующими глазами они походили на оживших мертвецов, поработанных темными силами. Отсутствие даже намек на какие бы то ни было эмоции на их лицах делало общее впечатление еще более пугающим. Аверре веселился, а мы ждали неизвестно чего. Мои ладони вспотели. В тот протяженный миг я вдруг понял, что, несмотря на переполняющий сердце и разум страх, готов биться до последнего, чем бы это все ни закончилось.

Абсолютная тишина обволакивала лощину. Я перевел взгляд на маму, ожидая сигнала. И тут она, без всякого предупреждения произведя молниеносный выпад, создала вокруг нас туманный вихрь, который, распространяясь во все стороны подобно урагану, разметал

аборигенов, словно те были игрушечными солдатами.

С громкими воплями и неприятным треском ломающихся костей падали они на землю или врезались в толстые колонны, которыми были стволы паатов. Ни меня, ни Эйтн вместе с Занди вихрь не коснулся, и даже Аверре лишь закачался под его напором, и это дало нам несколько секунд времени, чтобы переиграть ситуацию в более выигрышную для себя позицию.

Недолго думая стражи графа открыли огонь по тем махди, кто еще мог представлять угрозу, но, к слову, таковых осталось не так уж и много. Вдруг я почувствовал, как кто-то вцепился мне в руку и, оглянувшись, увидел Эйтн, которая, не обращая внимания на пальбу, потащила меня в сторону пещеры.

— Ты что делаешь? — удивленно воскликнул я.

— А, что, по-твоему, лучше просто стоять и смотреть? — огрызнулась девушка.

Пока мама взяла на себя заботу об Аверре, мы побежали к входу, от которого все еще тянуло опаляющей разум мощью. Низко пригибаясь, чтобы не попасть под смешанные выстрелы бластерных разрядов и токсичные стрелки, сыпавшиеся во все стороны, я увидел, как падающих замертво аборигенов очень быстро скрывал под собою минн. Я на ходу обратился к Эйтн:

— Может, найдется еще один бластер? — и протянул ей руку, уверенный, что так и будет.

Однако вместо того, чтобы вооружить меня, девушка без единого слова быстрым и хирургически точным движением воткнула мне что-то в запястье. Я громко вскрикнул от неожиданности и споткнулся, но чудом не упал, а потом разглядел то, чем она меня так неожиданно уколола.

— Зачем это? — выкрикнул я, будучи почти у самого входа в махдийское Святилище, глядя на торчащую из руки ампулу, оброненную в замке мастером.

— Выполняю условия договора Аманры, — откликнулась она. — Она же хотела, чтобы я вернула ей нечто украденное Батулом. Во всяком случае, с сывороткой от тебя будет намного больше толку.

Выдернув пустую ампулу, я почувствовал, как нечто холодное и живое, словно ртуть, стало быстро распространяться от ладони дальше по всему телу, смешиваясь с кровью и проникая в нервные окончания, заполняя меня до краев. Мгновенно исчезла всякая усталость, и немощь, порожденная Иглою, ушла, будто ее никогда и не было. В жизни не чувствовал себя более сильным, чем в тот момент.

Развернувшись всем корпусом к сражению, я с необычной легкостью струящихся меж моих пальцев Теней создал большой, величиной с голову, огненный шар и метнул его в самую середину группы аборигенов, засевших высоко в кронах и поливающих отряд Занди своими ядовитыми дротиками.

Яркая вспышка, сопровождаемая громким хлопком, на несколько секунд озарила лощину, и на траву посыпались тлеющие останки тех, кто совсем недавно представлял смертельную угрозу. Удивленно обернувшись в мою сторону, Занди отрывисто кивнул. Зато Эйтн мой поступок, кажется, совсем не понравился, но она промолчала, за что я был ей особенно благодарен. Время раскаиваться еще придет...

Тем временем взрыв привлек к себе внимание мастера и мамы, до того момента не сходивших со своих мест и не сводящих друг с друга напряженных взглядов. Аверре понадобилось мгновение, чтобы оценить ситуацию и разобраться что к чему. Он поочередно

смотрел то на меня, то на Эйтн, то на дыру в лиственном шатре над нами, затем его лицо потемнело от гнева, и он ударил по собственной племяннице мощным электрическим сгустком.

Я бы нипочем не успел помешать ему убить Эйтн на месте, но реакция мамы избавила меня от необходимости что-либо предпринимать.

Встав на пути пучка электричества, способного осветить целый район Мероэ, она изящным жестом отвела его в сторону, позволив всей собранной в нем энергии уйти в землю, оставив после себя выжженную прогалину.

— Все-таки ты напрасно вернулась, Сол, — угрожающе прошипел мой наставник и повторил: — Не стоило тебе вмешиваться в мои дела.

В ответ мама лишь насмешливо покачала головой.

— Думаешь, после всего, что я пережила, твои слова меня еще пугают?

— Нет, я так не думаю. Особенно после того, что ты сотворила с госпожой Бабор, — сказал Аверре, заставив нас с Эйтн сдавленно ахнуть. — А я все гадал, и к чему какой-то провинциальной ведьме вставлять мне палки в колеса? Собирался заняться ею позже, но наудачу убийца сама явилась ко мне. Ты, ведь, теперь ни перед чем не остановишься, чтобы помешать мне, так?

В этот момент лицо стоявшей напротив него ведьмы утратило все признаки сходства с Сол Эпине. Моя мать вновь превратилась в старую и сморщенную несчастьями мину Аманры.

— Надеюсь, тебя это не удивляет? — проговорила она. — После всего того, что мне пришлось пережить по твоей воле, после всего того, чему ты подверг и еще собираешься подвергнуть моего единственного сына, могла ли я остаться в стороне и просто смотреть на все это?

Мне не составило труда догадаться, что произойдет далее. Никто не успел опомниться, как я ухватил Эйтн за руку и потащил к пещере. В это время, сделав свой первый ход, мама показала, на что способна.

Ощущение было такое, словно воздух в лощине насытили статическим электричеством и сгустили. Подчиняясь ее мысленному повелению, цветущие лозы минна произраставшие под ногами, взметнули свои цепкие, но прочные, словно проволока, побеги и опутали Аверре по рукам и ногам, одновременно выстроив вокруг него прочную растительную клеть.

— Не смейся, Сол, — выкрикнул он, глядя на нее сквозь зазоры между прутьями. — Ты и впрямь веришь, что этим меня остановишь?

Раздался треск, и клетка разлетелась на куски, своими острыми, как бритва, щепками окропив округу. Несколько осколков впились в плечо Занди, а одному стражу начисто отсекло кисть левой руки. Я лишь порадовался, что вовремя успел укрыть себя и Эйтн за пещерной стеной.

Свой удар Аверре нанес без предупреждения, выбросив весь накопившийся гнев огненным всполохом, пронесшимся по лощине с неистовостью солнечного протуберанца. За считанные секунды вся поляна была выжжена дотла, и только моя мать осталась невредимой фигурой в ее центре. Пещеру огонь тоже не затронул, а Занди, вместе с остатками своего маленького отряда успел спрятаться на возвышенности. Оставшиеся в живых аборигены в ужасе и панике метались по паатовым веткам, стена и вопя от гнева и беспомощности, оплакивая свое священное место.

Вырвав вросший в землю жертвенный камень, мастер со злобным криком метнул его в

Сол, тут же заставившую его еще в полете расколоться на тысячи мелких кусочков, так что Сайя, будь она жива, осталась бы довольной. Но, не успев даже осыпаться на землю, влекомое силой мастера-лейра крошево, соединилось в огромное, скрепленное кусками сырой земли, двуногое нечто и обрушилось на ведьму всем своим весом. Только вцепившаяся мертвой хваткой Эйтн удержала меня от того, чтобы с воплем не броситься в самый эпицентр битвы.

— Отпусти! — орал я Эйтн, видя, как лишь быстрота реакции моей матери помогла избежать удара, который мог запросто ее раздавить.

— Ты там ничем не поможешь, — спокойно сказала Эйтн, упираясь ногами в каменистый пол пещеры и по-прежнему удерживая меня с неожиданной для столь хрупкой девушки силой. — Твоя мать намеренно отвлекает Батула, чтобы ты мог спокойно заняться Иглой.

— Как будто я знаю, что с ней делать! — возмутился я, вовсе не собираясь бросать чудом оказавшуюся в живых мать один на один с Аверре.

— Ты только не ной, — сказала Эйтн, упорно продолжая тащить меня вглубь. — Я думаю, мы сумеем что-нибудь придумать.

Эти ее слова практически не затронули моего сознания, так как сражение двух лейров перешло на новый уровень, основанный на непосредственном использовании энергии, плескавшейся в невидимых измерениях бытия. Взрывы и огненные всполохи гремели над лощиной один за другим, до того сотрясая округу, что несколько особенно старых деревьев не устояли и рухнули, похоронив под собой еще нескольких аборигенов. Вид у Сол, чье здоровье и без того балансировало на грани, оставлял желать лучшего. Чего не скажешь об Аверре, которого эта импровизированная дуэль, казалось, только еще больше распалаяла. Он скакал по поляне, как безумный, хохоча и сыпля злобными фразами, услышать которые мне не удавалось.

— Идем скорей! — прикрикнула Эйтн.

Чудовищным усилием я заставил себя отвернуться и броситься вслед за ней вглубь Святилища.

Пещера оказалась значительно глубже, чем я думал, и темнее, так что мне пришлось, как и прежде в лавке Си-Джо, создать маленький сгусточек света и запустить его вперед. Сырость и холод этого места пробирали до костей, но я едва обращал на них внимания, поскольку занят был исключительно мыслями о том, как поскорее добраться до Иглы, хоть и по-прежнему не представлял, как еще, кроме непосредственного использования на себе, заставить ее работать. Торопливо шагая рядом, Эйтн не выпускала из рук оружие, будто ждала, что кто-нибудь может на нас наброситься. Едва ли она нервничала меньше моего, хотя подавляла свои ощущения с куда большим успехом, нежели я. Оба молчали, хотя поговорить было о чем. Но давление влажной сырой массы сверху ничуть не способствовало оживленной беседе.

Пока мы шли, я чувствовал, как все возрастает мощь спрятанной где-то рядом Иглы. Эйтн было хорошо — ничего похожего ей ощущать вовсе не приходилось. Хотя после инъекции сыворотки, и моя восприимчивость к силе артефакта изменилась настолько, что исходящие от него обжигающие волны меня больше не задевали, лишь сигнализировали о том, насколько близки мы к цели.

— Она рядом, — сказал я.

Эйтн кивнула и тут же едва не ухнула на дно огромной каверны, неожиданно

развернувшейся перед нами. Шарик света уже уплыл довольно далеко, так что края обрыва мы не увидели вовремя, но ладно хоть я успел перехватить леди прежде, чем она сорвалась в пустоту.

Добавив мощности светильнику, я вышел к самому краю, который, почему-то, совсем не напоминал скалистую породу, а подозрительно сильно был похож на нечто органическое, и стал всматриваться в пропасть, удивляясь, каким образом здесь могла образоваться эта невероятная пещера.

— Видишь что-нибудь? — спросила Эйтн, отдышавшись и встав рядом. Голос ее раздавался эхом.

— Нет, — сказал я, — но она там, внизу.

— Уверен? И как туда спуститься?

Не ответив, я всерьез задумался над этим вопросом. Времени не было, а соваться на самое дно мне не улыбалось. Тем более что я понятия не имел, как это сделать, хоть и понимал, что у махди наверняка был свой собственный способ для спуска. Выход, казалось, был один.

Закрыв глаза, чтобы не отвлекать сознание манящей темнотой пропасти, я мысленно потянулся к Игле, ниже и ниже, пока, наконец, не почувствовал ее. Раз так, решил я, значит до нее не больше двухсот метров, поскольку сверх этого диапазон моего восприятия попросту не дотягивался. Вообразив в голове ладонь, сотканную из непрерывно извивающихся Теней, я попытался подцепить ею Иглу, но не смог ухватиться — при каждой попытке прикоснуться, она рассеивала мои ментальные пальцы, словно туман.

Разочарованно охнув, я отодвинулся от края.

— Я не думаю, что махди или сам Батул туда запросто прыгают, — заметила Эйтн, обходя обрыв по самому краю. — Уверена, он лично следил за тем как Иглу сюда поместили или же...

— Что? — спросил я, так как она умолкла.

— ...Или же, — продолжила Эйтн, — опустил ее на дно сам. — И посмотрела на меня, видимо, ожидая согласия со своей теорией.

Только, на мой взгляд, в словах ее было одно существенное упущение, о чем я не преминул сообщить:

— Никто не может прикоснуться к Игле, кроме махди. — Слова, ранее сказанные Сайей, очень четко врезались в мою память.

К моему удивлению, Эйтн согласно кивнула.

— Да, а еще лейры не могут влиять на аборигенов, — добавила она. — Но посмотри, что творит с ними дядя. Ни малейшего намека на сопротивление с их стороны, словно он какой-то божок. И все благодаря открытию твоей матери. Что, если сыворотка так же помогает устоять и против силы Иглы?

Честно говоря, подобная мысль и раньше проскальзывала в моей голове, но особо большого значения, к своему стыду, я ей не придал. А, между тем, в словах леди Аверре был смысл, ведь после того, как активное вещество сыворотки распространилось во мне, переносить мощь артефакта стало в разы легче. Может быть, и с физическим контактом тоже самое? Даже обидно, что не догадался об этом самостоятельно. И, тем не менее, сомнения оставались неслабые.

— Посвети-ка сюда, — сказала мне Эйтн, присев у правой стены, вдоль которой еле виднелся узенький, в длину человеческой ступни, выступ, плавно по кругу спускавшийся

вниз.

Я сделал, как она просила, подтолкнув световой шарик поближе, тут же догадавшись, что именно так сильно привлекло ее внимание. Причиной теперь уже нашего общего интереса оказался материал, из которого этот самый выступ был сделан — вовсе не скалистая порода, как можно было предположить, — а нечто, созданное руками столь высокоорганизованной расы, что даже представить себе было трудно. Матовое, зеленоватого цвета вещество, напоминавшее металл, было испещрено самыми необычными узорами, из всех, что мне когда-либо доводилось видеть. Они выглядели, как пятна более темной по тону краски, и по мере приближения света изменяли свою форму, переливаясь из одной фигуры в другую, словно наскальные письмена первобытных рас. Дрожь пробежала по всему телу от мысли о том, насколько непостижимо давно это было создано и насколько могущественными являлись те, кто приложил сюда руку.

Эйтн наша находка захватила полностью. Казалось, она даже позабыла об Игле, как и о том, что нам как можно скорее следовало ее достать. Девушка, точно загипнотизированная, текучим орнаментом, прикасалась к его рельефной поверхности кончиками пальцев.

— Оно теплое, — проговорила она в восхищении, чем удивила бы любого, кто ее знает достаточно хорошо. Способная даже глазом не моргнуть, когда на ее глазах совершается убийство, она вся возбуждалась, стоило только наткнуться на какую-нибудь археологическую диковинку. — Слышишь, Сет? Смотри, если я задену вот этот символ, он тут же становится вот таким, как будто играет со мной в вопрос-ответ. Это же просто невероятно! Ты понимаешь, о чем я?

— Не совсем, — ответил я, и ничуть не солгал. Я и впрямь был далек от всего этого, и уж тем более не собирался вникать, поскольку вырисовывалась очень большая вероятность уже никогда больше не встретиться с собственной матерью. — Нам надо поторопиться, чтобы успеть. Я сомневаюсь, что у мамы хватит сил задержать Батула надолго.

Но Эйтн только отмахнулась:

— погоди. Мне кажется, я начинаю понимать, как это работает.

— О чем ты? — удивленно и нетерпеливо спросил я.

Однако отвечать она не спешила. Несколько ловких нажатий на бегающие инопланетные знаки, заставили стены пещеры тихонько содрогнуться, приведя в движение тот самый выступ, на который мы оба, схватившись за руки, тут же бесстрашно прыгнули.

Точно внутреннее кольцо подшипника, выступ заскользил по кругу, с тихим шумом опуская нас вниз. Эйтн и я замерли, молчаливо наблюдая за тем, как приближается дно каверны, мало-помалу вступая в круг света, следующего за нами светильника. Медленно стали вырисовываться детали интерьера, даже отдаленно не похожие на зал, выстроенный для Иглы предком Занди в его великолепном замке. Здесь обнаружили семь величественных статуй, изображавших неведомых существ с длинными, вытянутыми телами, которые одновременно являлись и опорами, поддерживающими на своих тонких руках центральный постамент в форме кристаллической чаши или поддона. По краю этой чаши играли разноцветные блики, а в ней, зажата между четверкой тоненьких серебристых лапок, похожих на паучьи, в вертикальном положении покоилась Игла.

Едва поравнявшись с чашей, движущаяся по кругу плита остановилась, и наш спуск закончился, не смотря на то, что до самого дна, как выяснилось впоследствии, было еще ой как далеко. Длинные ноги статуй уходили глубоко вниз за пределы света, и тихое эхо, мечущееся между стен, говорило о том, что и две сотни метров пределом не являлись.

— Интересно, кем были те, кто построил все это? — тихим шепотом произнесла Эйтн.

— По-моему, мы как раз на них и смотрим, — ответил я, кивком указав на странные вытянутые лица с огромными темными провалами вместо глаз, обращенные к артефакту.

— Юхани! — неожиданно громко выдохнула она, — ведь я раньше даже мечтать о таком не смела!

И в ответ на мой недоуменный взгляд, пояснила:

— Эти существа были прародителями всех лейров!

У меня в этот момент, кажется, челюсть отвисла.

— Постой-ка, — залепетал я, — если это так, то они...

— То, что рассказала о них Аманра — чистая правда. Они были первыми, кто населял молодую Вселенную и чьи дальнейшие старания привели к тому, что она стала такой, какой мы ее знаем. Игла была создана ими вовсе не забавы ради, а как средство защиты от самих себя, ведь... да, так и есть! Ведь в какой-то момент между ними произошел раскол, который привел к самой страшной и разрушительной войне, которую только знала реальность.

Все еще заворожено вглядываясь в высокие лица статуй, я вдруг обратился к Эйтн с подозрением и вопросом:

— Но откуда тебе об этом столько известно?

Меня это не то, чтобы смущало, просто до сего момента леди Аверре вовсе не показывала, насколько она была просвещена в истории древней Вселенной. Более того, находясь рядом с Занди, неизменно демонстрировала интерес ко всему, что он ей говорил, в том числе и к словам Аманры о происхождении Иглы, ни разу не показав, что знает гораздо больше.

— Это моя специализация, — с презрением заметила она. — До того, как попасть на Боиджию, я посетила немало планет, где так же занималась изучением истории их развития. Практически у каждой расы, чья культура достаточно стара, чтобы обзавестись собственными мифами, имеется легенда о древних божественных сущностях, которые их наставляли на путь мудрости. Ничего нового и оригинального, но только здесь я нашла доказательства их существования. — На последней фразе голос Эйтн изменился и почти дрожал — свои эмоции она больше сдерживать не пыталась.

На меня, сказанное ею, также произвело впечатление, причем столь сильное, что я едва обратил внимание на странный шорох, на секунду раздавшийся сверху, если бы сама Эйтн меня о нем не предупредила.

Насторожившись, мы оба прислушались, однако ничего необычного на это раз не расслышали. Переглянулись. Может быть, ей только показалось?.. Тем не менее, я решил, что лучше все же поторопиться, и потому начал осматриваться в поисках наиболее удобного места, чтобы подобраться к Игле. До вытянутых рук, бережно державших чашу, было всего-то чуть больше метра, — но уцепиться при этом абсолютно не за что, и если по какой-то причине я бы не смог удержаться на месте, то лететь вниз мне бы пришлось мучительно долго.

На всякий случай, отодвинувшись от Эйтн, я набрал в грудь побольше воздуха, прыгнул и с легкостью танцовщика приземлился на сгибе гигантской руки. Не смотря на то, что стоять тут было довольно-таки трудно, поскольку гладкий то ли камень, то ли металл, оказался еще и невероятно скользким, я не испытывал обычной для себя боязни высоты. Все мои мысли были заняты лишь слабо мерцавшей в созданном мною свете Иглой. Второй раз в своей жизни я оказался к ней настолько близко, что вспомнил о силе, которой она обладала.

Крупные мурашки, забежавшие по всему телу, заставили меня вздрогнуть.

— Сет? — донесся справа голос Эйтн, показавшийся мне слегка обеспокоенным. — Все в порядке?

Я повернул к ней голову, намереваясь ответить, что да, но девушка неожиданно отшатнулась — на большее не хватало места, — словно что-то ее испугало.

— Ты что? — спросил я.

— Твои глаза, — выдохнула она, глядя с удивлением. — Они светятся!

Это заявление, однако, не произвело на меня хоть сколь-нибудь сильного впечатления, и я вновь сосредоточился на артефакте, осторожно приближаясь по запястью статуи к чаше. Вытянув руку, я смотрел на Иглу, как тогда в Башне активации, чувствуя нити, которыми не спеша привязывает она к себе мою волю, словно сама стремилась попасть в мои руки. И вот, когда до нее остались считанные сантиметры, что-то большое и тяжелое прилетело мне в голову сверху.

От сильного удара в висок я потерял равновесие и стал заваливаться на сторону, потихоньку соскальзывая в пустоту.

Каким-то чудом ухитрившись извернуться, я ухватился за камень (или же это был металл) и беспомощно повис над самой пропастью, уставившись на возвышавшегося надо мною с видом победителя Аверре.

— И чем это вы тут столько времени занимались? — насмешливо проговорил он, глядя на меня сверху вниз. Выглядел мастер при этом не столько довольным, сколько усталым.

— Где моя мама? — все еще болтаясь, как тряпица на суку, выпалил я.

Он улыбнулся, но отвечать не стал, вместо этого отвернувшись к Игле.

— Ну, вот мы и на месте, — проворковал мастер, даже не взглянув на племянницу, которая в этот момент все еще находилась на выступе, прижавшись спиной к стене. — Сейчас я возьму тебя, маленькая, и мы вплотную займемся славными Эпине. Мы им покажем, на чьей стороне сила!

Только спустя секунд пять до меня наконец дошло, что он воркует с артефактом, как могла бы разговаривать с ребенком заботливая мамаша. Казалось, Батул окончательно свихнулся на собственной мании обладания Иглой.

Меня эта догадка поразила, но не достаточно сильно, чтобы я смог забыть о мучавшем меня вопросе: жива ли еще мама? Стоило лишь вообразить себе отрицательный ответ, как тут же ужасное чудовище, обитающее внутри, с диким ревом вновь очнулось от своей спячки, требуя крови Аверре! И на этот раз, что-то подсказывало мне, я этого монстра накормлю досыта.

Легонько качнувшись на руках из стороны в сторону, я, призвав на помощь Тени, поднял себя в воздух и заставил изящно опуститься позади наставника, который к тому моменту уже навис над Иглой, трепетно поглаживая ее пальцами с некоторым напряжением — она явно обжигала его.

— Ничего, ничего, — приговаривал он тихонько. — Я знаю, насколько ты истосковалась по согревающей плоти, пока находилась в изолированной темноте черепа того махди. Сейчас мы все исправим. Все исправим.

— Да неужели? — спросил я, выдохнув Аверре в затылок, и только успел отскочить назад, когда он резко развернулся и рассек воздух перед самым моим носом кончиком зажатой в его пальцах Иглы. Лишь краем глаза я смог заметить, что лапки-держатели оплавились, словно четыре восковые свечи.

Еще один угрожающий взмах в пустоте заставил меня снова отступить, но на этот раз припер к стенке, в буквальном смысле. Затылок мой бился о грудь статуи, пространства для маневра больше не осталось, только если на выступ, но и там особо развернуться было негде.

Аверре прекрасно видел, что бежать мне некуда, отчего выражение его лица сделалось еще отвратительнее: глаза вращались, как у сумасшедшего, а на лице застыла абсолютно неменяемая ухмылка. Меня передернуло от чувства гадливости, и я ударил по нему скопившейся за эту секунду в кулаке энергией. Я надеялся, что этого будет достаточно, чтобы отбросить его немного назад, таким образом освободив мне дорогу к самой чаше — там хотя бы было побольше места.

Но я недооценил Иглу, которая защитила мастера от моей атаки словно щитом. Ближайшая статуя позади него треснула и разлетелась, ее осколки с громким эхом посыпались в темноту.

Аверре улыбнулся:

— В тебе хранится невероятный потенциал, Сети, но у тебя так и не хватило ума его использовать. А ведь ты хочешь, хоть всеми силами и скрываешь это, ты ужасно хочешь доказать всем, что ты не просто элийр. Так зачем тебе стараться изо всех сил, если вот он перед тобой наипростейший способ добиться силы, которая никому из лейров и во сне не снилась? Что, скажи мне, кроме банального страха за свою жизнь, останавливает тебя от того, чтобы принять мое предложение, взять Иглу и стать подобным существам, которые ее и создали? Помимо практически безграничной силы, ты получишь еще и бессмертие, а за все это заплатишь толикой свободы, только и всего. Разве это не то, о чем ты всегда мечтал?

Последние слова наставника заставили меня громко рассмеяться.

— Нет, мастер, — сказал я, — это то, о чем мечтаете вы. Меня такие вещи никогда не интересовали. Мама правильно сказала, что в вашей погоне за безграничной властью вы упустили из виду одну важную деталь: могущество — это бремя, которое привяжет вас к Игле. А я такой жизни не хочу.

— Вот как? — лицо Аверре приняло прежнее более человеческое выражение суровой грусти. — Тогда, на правах наставника, я сам приму за тебя решение. — И не произнеся больше ни слова, с занесенной для удара Иглой, прыгнул на меня.

Его движение было стремительным и неожиданным, как вспышка молнии. Я стоял, не двигаясь, словно замороженный зверек под гипнотическим взглядом болотного змея, и наблюдал, будто в замедленной прокрутке, за неотвратимым приближением острия Иглы к своему лицу. А в следующее мгновение ослепительная синяя вспышка, прилетев со стороны, насквозь прошла Батулову грудь, заставив его вскрикнуть от неожиданности и боли и затем, так и не выпустив из рук Иглу, улететь вместе с нею в черную пропасть между статуей под собственный протяжный жалобный вой.

Глава 25. Ремесло Теней

Первой моей мыслью было: «Неужели?»». Секунды проходили в безмолвной тишине, а я тупо смотрел в темноту у себя под ногами и все никак не мог поверить, что Аверре мертв. Рядом плавал, точно надоедливый светлячок, слабеющий световой шарик. Он трепетал и помаргивал, будто свечка на ветру, но не гас, поскольку некоторая часть моего «Я» все еще была сосредоточена на том, чтобы он горел. Чувство недоверия боролось во мне с облегчением от того, что все закончилось, хотя конец этот казался настолько неправдоподобным, насколько это вообще могло быть.

Тут я вспомнил, что до сих пор находился в пещере не один.

Подняв взгляд к уступу, я увидел Эйтн, чей образ отбрасывал дрожащие тени в неровном свете моего энергетического факела. Ее рука, сжимавшая бластер, все еще оставалась вытянутой, а полные губы сурово сжатыми, и только слезинка, скатившаяся вниз по щеке, оставила за собой блестящий след, тем самым сказав мне, что она сделала.

— Эйтн? — спросил я очень тихо, кажется, впервые обратившись к леди Аверре по имени.

Девушка не отвечала, по-прежнему глядя сквозь меня, куда-то в подпространство между пластами бытия. Я догадывался о том, что она там видела, но из вежливости и сострадания спрашивать не стал, поскольку отлично понимал, какие чувства она испытывала в этот момент, хотя и ничем не мог помочь. Если бы только слова благодарности за спасение моей жизни имели какое-то значение, я бы их произнес. Но я знал, что они бесполезны и потому молча стоял, глядя, как самая сильная из всех когда-либо виденных мною женщин, плачет от того, что лишила человека жизни. Более того, родственника. Хотя он, по моему мнению, этой самой жизни и не заслуживал вовсе.

Я не скажу о том, сколько мы так простояли над пропастью, радуясь в душе счастливому избавлению и одновременно скорбя о своих поступках. Но только после того, как она все-таки опустила оружие, я решился заговорить:

— Эйтн, мы должны выбираться. Надо посмотреть, что творится наверху. Надо... — последнюю фразу я не стал договаривать сознательно, поскольку рвался узнать, что Аверре сделал с моей мамой, но испытывал стыд за то, что из-за меня девушка лишилась любимого дяди. Сказать по правде, это был фактически первый раз, когда я признал свою вину, мучительно терзавшую мне душу.

Вдруг высоко над нами разгорелся настоящий огненный шар, такой мощный, что осветил каждый уголок сырого и мрачного урочища древних зодчих, кроме его непосредственных недр, одновременно окатив наши продрогшие тела мощной волной тепла. И голос, прозвучавший оттуда, наполнил меня до краев ощущением успокоения от осознания, что мама, не смотря ни на что, жива:

— Сет?!

— Я здесь!

— Все в порядке? — спросила она.

Но я не успел ответить, так как рядом с озабоченным лицом мамы появилось еще одно, принадлежащее Занди.

— Эпине, где Эйтн? — сразу же потребовал он ответа.

— Да тут она, — откликнулся я, бросив на девушку быстрый взгляд, — рядом стоит.

— Эйтн?! — прокричал Занди. — Вы целы?

Я не ждал, что она осчастливит его ответом, но, видимо, ее холодная натура к тому моменту уже успела взять верх, и леди Аверре совершенно будничным тоном сказала:

— Да. Мастер Аверре убит, но я бы хотела, чтобы вы поскорее вытащили нас отсюда. В моем нынешнем положении весьма неудобно снова заставить эту штуку работать.

Речь шла о подъемнике, который и помог нам спуститься.

— Не беспокойтесь, — тут же отозвался граф. — Я сейчас что-нибудь придумаю.

Что ж, энтузиазму и степени одержимости Занди риоммской красавицей можно было позавидовать, только мне все же было интересно, что именно он собирался предпринимать. Надеюсь, не веревку из минновых лиан плести? Мама, кажется, разделяла мои предположения, потому как, спокойно отодвинув его светлость от края, просто спорхнула вниз, легко, словно пушинка, приземлившись на запястье статуи рядом со мной.

— Ты цел? — тут же поспешила осведомиться она, схватив мое лицо в ладони и осмотрев его на свету.

— Мам, я нормально, ты лучшее ее осмотри, — я указал на Эйтн, которая, при более ярком освещении, теперь стала казаться похожей на приведение, настолько бледной и изможденной я ее никогда раньше не видел.

— Тебе нужно на воздух, милочка, — объявила мама, едва взглянув на нее. — Занди, ловите ее.

Легким движением руки она заставила текучие потоки Теней уплотниться вокруг девушки подобием энергетического бутона и вознести ее наверх, прямо в распростертые объятия графа.

Едва получив в руки предмет своего обожания, он увел ее прочь, а мы с мамой остались вдвоем. Хотя, если по совести, это было не лучшее место, где стоило предаваться разговорам о нашей с нею непрожитой жизни.

Но мы и не говорили. Просто смотрели — то друг на друга, то на письмена и знаки, пестревшие вокруг на стенах. Эти иероглифы особенно заинтересовали маму.

Наконец, когда стоять, балансируя над пропастью уже не было мочи, я предложил:

— Давай убираться отсюда. Меня от этого места просто дрожь берёт.

Однако ее ответ оказался совсем не таким, какой я ожидал. Она сказала:

— Я до сих пор не верю, что эти существа действительно когда-то существовали... Тебя разве это не захватывает?

Я немного помялся прежде, чем выдавить из себя:

— Не особенно. Все эти легенды и древние артефакты, конечно, интересны, но я предпочитаю разговаривать о них в более уютной обстановке.

Все еще занятая изучением инопланетных реликвий, мама лишь негромко рассмеялась.

— А ты нелюбопытен, — сказала она, спустя мгновение.

Я ухмыльнулся. Если бы она только знала... Впрочем, я рисовал перед собой массу возможностей, при которых мы могли заново узнать друг друга и, может быть, возродиться той маленькой, пусть и не самой полноценной, семьей, которой были когда-то и которой так долго оставались лишены.

— Нельзя все вот так оставлять, — между тем заявила она, заставив меня недоуменно уставиться ей в затылок.

— О чем ты, мам?

Выйдя на самую узкую часть ладони, она, присев у чаши, обернулась:

— Игла все еще внизу. Мы не можем допустить, чтобы она так там и осталась. Ее следует достать и непременно уничтожить.

Даже от мысли, что придется спуститься туда, где лежат останки Аверре и вытащить из его мертвых рук Иглу, меня пробрал озноб. После всего, что он натворил, даже приближаться к его, наверняка, истерзанному трупу было выше моих возможностей.

— Это совсем еще не конец, — с уверенностью заявила мама.

Именно в тот момент, когда ее реющая сфера энергии скрылась за головой ближайшей статуи, из темноты под ногами вынырнула окровавленная рука и ухватила мою мать за щиколотку.

Я громко вскрикнул от неожиданности и страха. Вскрикнула и мама, а затем, под весом изрыгающего проклятья на весь наш род и очень даже живого Аверре, начала соскальзывать вниз. Доли секунды ушли на то, чтобы я успел подскочить к ней и не дать улететь вниз.

Вцепившись свободной рукой в край чаши, я, всеми силами стараясь не соскочить туда же, держал маму за руку, пока мастер с безумной улыбкой на сильно изрезанном острыми камнями лице, цепляясь одной рукой за запястье статуи, шнырял своими дикими глазами по всей пещере. В руке его по-прежнему оставалась зажатой Игла.

— Тут ты права, как никто, Сол, — озлобленно хихикая, выговорил он, сплевывая кровью. — Это совсем не конец. Хотя, опять же, с какой точки посмотреть. Вас обоих это точно не касается. — И он, размахнувшись, со всей силы вонзил Иглу ей в спину.

Мама истошно закричала и от ее крика острая боль пронзила мой собственный мозг, словно удар пришелся точно по нему. Я завопил следом, однако руки так и не выпустил, пытаюсь в тоже время вытащить ее обратно. В тот самый миг наша ментальная связь была практически нерушима.

Аверре пытался вскарабкаться на статую, ногтями впиваясь в гладкий камень. Заметив это, я, зная, что смогу до него дотянуться и перенеся свой вес на правую ногу, лягнул его левой. Влажный звук соприкосновения лица наставника и подошвы моего ботинка приятно пощекотал ухо. И все-таки, чтобы избавиться от него требовалось нечто куда более весомое.

— Ты мне еще за это заплатишь, — меча взглядом искры, выплюнул он, но вместо того, чтобы возобновить свои попытки выползти, перепрыгнул на маму и, схватив ее за горло и удвоив вес, который мне приходилось держать одной рукой, стал ее душить. Искусственный свет, созданный нами, тут же погас, погрузив Святилище в непроглядную тьму.

— ОТПУСТИ ЕЕ! — заорал я не своим голосом, но с тем же успехом можно было обращаться к статуе.

— Или ты нас обоих вытащишь, Сети, или бросишь, — сказал Аверре, сильнее сдавливая тонкое горло.

Боль, которую испытывала моя мать я чувствовал на себе. Игла, медленно и неотвратно прожигавшая себе путь сквозь ее внутренности, ментально сжигала и меня, и руки Аверре, сжимавшие ее горло, крепко держались за мое. У меня не было сил на то, чтобы сконцентрироваться и элементарно разрядить в него мощь всей своей ненависти.

И вдруг голос мамы ворвался в мои мысли отрешенной фразой: «Отпусти, Сет».

Я сначала не придавал этим словам значения, упрямо продолжая тянуть обоих, и маму, и мастера вверх, хоть и понимал, что у меня ни за что не хватит физических сил.

«Сет, отпусти!»

Осознав, наконец, о чем она просит, я так же мысленно выкрикнул в ответ: «Ни за

что!»).

Однако она не собиралась уступить.

«Пойми, что так будет правильно. Игла не может превратить меня в своего носителя из-за минна, который стал моей частью. Я чувствую, как она слабеет вместе со мной».

«Мы что-нибудь придумаем...»

«Нечего тут придумывать. Нужно только смириться. Смириться и понять, что я уже никогда не стану той Сол, что была твоей матерью когда-то. Наше с тобой время ушло безвозвратно. Единственное, что ты можешь сейчас сделать, это отпустить... отпустить меня и Батула, ради того, чтобы кошмар, в котором я существовала все эти годы, не оказался прожитым зря».

Ее рука сама стала выскользывать из моей, и я, как ни старался, не мог удержать ее своими потными пальцами. Слезы отчаяния и злости брызнули из глаз.

— Мама, не надо! — завопил я во всю глотку, хотя Аверре так и не понимал, к чему все идет.

«Поверь мне, так будет лучше...»

«Для кого?» — хотел выкрикнуть я, но было уже поздно.

Тонкие старческие пальчики выскочили из моей ладони и, под непередаваемый вопль беспомощного отчаяния, скрылись вместе с моим бывшим наставником в темной глубине древнего урочища.

Борьба, все еще шедшая где-то там внизу длилась какие-то секунды, но они казались мне невыносимо долгими. Бессильно и слепо вглядывался я в непроглядную темень, прислушиваясь к глухим звукам бездны, только что отнявшей у меня самое родное существо во всём мире.

Мгновение.

И вспышка невероятной силы осветила недра Святилища, словно умирающая звезда последним своим дыханием порождает ярчайшее из космических явлений. Стены содрогнулись от ее мощи, так что я едва устоял на ногах, спрятав лицо от света и жара, который, как я полагал, вот-вот превратит меня в пепел. Спустя секунду все снова погрузилось в непроглядный мрак, наполненный тишиною мертвых.

Остался только я.

Дождь стучал по стеклам восстановленного окна в номере Аверре, рисуя сложные узоры из стекающей тонкими ручейками воды, напоминая барабанную дробь перед казнью. День переживал свой конец, но низкие тучи, окутавшие Мероэ целиком, скрыли от глаз последние лучи заходящего солнца, погрузив и без того безрадостный пейзаж недавно миновавшей битвы в пасмурно-мрачную пелену.

Я стоял, прислонившись лбом к прохладному стеклу, отстраненно наблюдая за омовением, длившимся вот уже третий час без перерыва. Как будто сама природа хотела смыть с себя всю грязь и кровь, оставленные событиями теперь уже почти прошедшего дня. На эти три часа весь город словно умер.

Нападение аборигенов, как ни странно, обошлось Мероэ, если можно так выразиться, малыми потерями. Сильнее всех пострадали графский замок и часть окружавших его зданий. Возвращаясь из джунглей на борту флаера Занди, я успел заметить несколько туш мертвых килпассов, чьи пернатые крылья торчали из разрушенных остовов зданий. Но, ни единого аборигена в воздухе или на земле заметить не сумел. Занди сказал, что едва весть об

уничтожении Иглы и разрушении Святилища достигла ушей махди, они тут же поспешили ретироваться, позабыв о собственной жажде мести. Почему они так поступили, мне, увы, никто объяснять не стал, и я лишь удивился, что горожане еще не завалили своего графа требованиями нанести по джунглям сокрушительный ответный удар. Хотя, возможно, для этого жертв среди мирного населения оказалось недостаточно. Впрочем, внутренние политические дела Боиджии меня никогда не интересовали...

Стук в дверь отвлек от разглядывания дождевых ручейков на стекле, в одном из которых на секунду привиделся оскаленный лик Аверре, и я недовольно отвернулся.

Едва возвратившись в отель, я тут же попросил Литу предоставить мне личный канал связи, используя который, применив все необходимые защитные кодировки, отправил сообщение в Цитадель с просьбой по возможности откликнуться на вызов, однако пока никаких намеков на ответный сигнал замечено не было. Делал я все это на автомате, словно машина, подчиняясь программе. Ничто уже и нигде больше не могло меня затронуть или взволновать.

Визитеров я не ожидал вовсе и потому, когда настойчивый стук в дверь повторился опять, скосил взгляд на стол, не появилась ли на панели передатчика яркая красная точка. И, поскольку, таковой там так и не обнаружилось, устало проговорил:

— Войдите.

Дверь тихонько открылась, и на пороге появился, кто бы мог подумать, капитан Гетт собственной персоной. Вид у него при этом был не очень дружелюбный, что было неудивительно, в свете последних событий. Да и от его былой чванливой и самоуверенной наглости не осталось и следа.

— Мне сказали, что вы здесь, Эпине, — проговорил он, без приглашения ступая мокрыми ботинками на ковер.

— Еще бы, — фыркнул я, сложив руки на груди и уставившись на него исподлобья. — Вы ведь запретили кому-нибудь входить в мой собственный номер. Даже вещи мои не пожелали отдать.

— Таков порядок, — ответил он, ничуть не смутившись. — Это место преступления и оно останется опечатанным до тех пор, пока дело не будет закрыто.

По-прежнему поглядывая на панель в ожидании сигнала, я вовсе не испытывал какого бы то ни было желания болтать с этим несносным представителем сил правопорядка, и потому надеялся разобраться во всем быстро и без задержек.

— Зачем явились?

Прежде, чем ответить, капитан ехидно хмыкнул и проговорил:

— Вы не очень-то любезны, Эпине.

Его слова заставили меня искренне изумиться.

— А вы ожидаете любезности? — Я еще раз фыркнул. — Неужто забыли, как заставили меня сигануть из этого самого окна прямо на мостовую?

— Вы оказали сопротивление при попытке задержать вас, — парировал Гетт. — Вы нарушили закон. Ваше счастье, что я теперь явился сюда не затем, чтоб увести вас под охраной. А ведь мог бы.

— Кто бы сомневался. — И я снова обернулся к окну. — Так зачем вы пришли, капитан?

Гетт молчал, будто собираясь с мыслями или будучи не в силах заставить себя что-либо произнести. Так или иначе, ему потребовалось несколько секунд, перед тем, как он,

наконец, сказал:

— С меня требуют закрыть ваше дело.

— Кто? — Хотя интереса в моем голосе было ничуть не больше, чем в том дробном стуке капель, что били сейчас снаружи по откосам.

Он помолчал зачем-то, потом ответил:

— Я только что был на аудиенции у его светлости, и он настаивал, чтобы я прекратил следствие и, как он изволил выразиться, «всяческие нападки против вас».

— Он объяснил, почему? — спросил я, встав в пол-оборота.

— Должен сказать, весьма витиевато, — откликнулся капитан. — Он сказал мне, что убийство госпожи Бабор уже раскрыто и тот, кто его совершил наказан. Граф намекнул, что в смерти хозяйки отеля виновата ведьма Аманра и что она сама погибла при несчастном случае, произошедшем в джунглях аборигенов. То же касается и смерти в Архиве. Хотя, насколько я понял, совершены эти два убийства были разными личностями.

При упоминании об этих событиях мое сердце жалобно екнуло. Но и только. Я поднял глаза на капитана и выдержал его очень пристальный взгляд.

— И что же вы хотите услышать от меня?

— Подробности, — сказал он. — Я, знаете ли, не привык закрывать глаза и уши, когда от меня этого требует начальство, и всегда стремлюсь разобраться во всем самостоятельно.

— Надеюсь, это не от скуки?

Но Гетт точно не слышал:

— Аборигены атаковали город без предупреждения, но причина-то у них определенно была. Я хочу знать, в чем она заключалась.

— Я понимаю ваше желание докопаться до истины, капитан, однако ничем не могу помочь. Если сам граф не пожелал делиться с вами подробностями, то у меня тем более нет на это права. Вы зря считаете, будто во всех ваших бедах виноваты исключительно лейры. Иногда было бы неплохо присмотреться к тем, кому вы служите и с кем живете. Мало ли какие скелеты скрываются в шкафах наших близких.

С минуту примерно капитан молчал, продолжая сверлить меня глазами, потом он сказал:

— Эпине, по-моему, Батул Аверре — хреновый учитель. Вы совершенно не тех знаний от него нахватались.

— Вы правы, капитан, — ответил я и снова отвернулся. — Всего хорошего.

— Что ж, и вам того же, — проговорил он мне в спину. — Выражаю искреннюю надежду на то, что больше никогда вас в Мероэ не увижу.

Я не видел, как капитан ушел, лишь услышал звук закрывающейся двери. Чудовищных усилий мне стоило не разрыдаться, когда он заговорил об Аманре...

Мысли тотчас перенесли меня обратно в мрачное логово аборигенов, где в предсмертной вспышке Иглы сгорели мастер Аверре и моя мать, к тому моменту, когда я остался один посреди гнетущего мрака, опустошенный и еле живой.

Когда прибывшие люди Занди вытащили меня из Святилища, никто не мог добиться от меня и слова. Даже Эйтн. Казалось, я попросту забыл, что все еще жив, поскольку мысленно находился далеко за границами этого мира. Я помнил, как Занди что-то говорил насчет того, что тело Сайи, предположительно убитой Аверре, так и не нашли, но для меня это было не больше, чем фоновый шум, проступавший сквозь дрему. Прийти в себя, насколько, разумеется, это теперь вообще было возможно, я смог только тогда, когда доктор Оорза

беспомощно всплеснул руками и бросил все попытки мне помочь. А Эйтн я больше так и не видел...

Сигнал о входящем сообщении привлек мое внимание истошным писком. Не двигаясь с места, я активировал прием, по привычке коснувшись его через Тени, и вот долгожданное изображение старой Бавкиды обрисовало свои контуры над мастерским столом.

— Где тебя носило? — сходу рывкнула она, не успев ее светящийся лик набрать необходимую для контакта резкость. — Почему ты не выходил на связь?

— Я... я не мог, — начал я запинаящимся голосом, то ли от растерянности, то ли от того, что забыл, как отчитываться. — Мой передатчик вышел из строя.

— Отчего? — спросила старуха ледяным тоном.

Я ответил ей. Настолько подробно, насколько только мог, поведав все, о чем она еще не знала, коснувшись каждой детали, мало-мальски относящейся к причине моего путешествия на Бойджию. Бавкида слушала, не перебивая, по обыкновению скрыв лицо в тени своего глубокого капюшона, ни единым жестом или словом не давая понять, что мои слова для нее хоть что-то значат. Когда рассказ коснулся мамы, она лишь невнятно кивнула, как будто все время о чем-то подобном подозревала, и даже не спросила, как именно Аверре убрал ее с дороги в первый раз. Словно для нее самой это был давно известный и к тому же решенный вопрос.

Что в моем докладе действительно заинтересовало наставницу лейров, так это Игла. О каждой детали она выпрашивала с совершенно несвойственной себе въедливостью, требуя от меня полной детализации картины того, как я извлек ее из головы покойного махди, и что я в этот момент чувствовал.

Вспоминать было трудно. Все ощущения перемешались в голове одно с другим, но мне приходилось заставлять себя сортировать их по полочкам, потому что просто так Бавкида отпустить эту тему не собиралась. Никто и никогда до сих пор не слушал меня с такой жадностью и вниманием, как слушала теперь она.

Она все требовала и требовала с меня новых деталей и, когда рассказ подошел к тому роковому моменту в Святилище, Бавкиду уже было не узнать. Я даже увидел, как раскрылся от нетерпения ее рот.

— Вы искали Иглу на дне? — требовательно спросила она, когда я, наконец, закончил.

— Да, — устало ответил я, пряча трясущиеся ладони за спину. — Занди посылал роботов-разведчиков. Не удалось найти ни намека на Иглу, ни на тела погибших. Их будто испарило ее силой.

— Почему ты уверен, что граф просто не скрыл от тебя правду? — спросила Бавкида. — Насколько я поняла, он питал самые недвусмысленные чувства к девице Аверре. А ведь она прилетела на планету по той же причине, что и вы оба.

— Я уверен.

Я знал, что такого ответа для Бавкиды будет мало, но из-за подступившего к горлу кому, на секунду отвернулся обратно к окну.

— Я уверен, — повторил я спустя паузу, — потому что почувствовал бы ее. Я говорил, что Игла привязала часть моего сознания к себе. Если бы она каким-то образом уцелела, я знал бы об этом, так или иначе.

— Что ж, хорошо, — проговорила, наконец, Бавкида. — И, тем не менее, когда ты прилетишь домой, я думаю, мы с тобой еще к этой теме вернемся.

Что именно означали ее слова, для меня загадкой вовсе не стало, и потому я невольно

сглотнул, так как понимал, что не смогу помешать ей влезть в мои мысли, чтобы подтвердить все вышесказанное.

— Как скажете, мастер.

— Вот и славно, — она даже не попыталась скрыть удовольствие, так недвусмысленно проступившее в голосе. — Значит, скоро увидимся.

Голограмма мигнула и распалась.

Я, тяжело переведя дух, упал в кресло. Несколько секунд тупо смотрел в одну точку, а потом спрятал лицо в ладонях и тихо разрыдался. И это был самый долгий и опустошающий плач в моей жизни. И он же — самый последний, потому что, когда последняя слезинка высохла на щеке, я дал себе клятву ни при каких обстоятельствах не проронить больше ни единой.

Проведя так какое-то время, я не сразу заметил, что на улице закончился дождь. Заглянув ненадолго в ванную, привёл себя в порядок, и решил в последний раз полюбоваться Меройским закатом, а для этого подумал выйти на общую террасу в противоположном конце здания.

Там я и обнаружил Эйтн, одиноко стоявшую у балюстрады. Прохладный ветер уносил за городские пределы запах гари, но от насыщенной в воздухе сырости пробирал озноб. Леди Аверре куталась в свой роскошный, подбитый мехом небелинского кугуара плащ, и не замечала меня до тех пор, пока я не пристроился у высоких резных перил рядом.

— Кажется, мы познакомились примерно также, — сказал я, без какой-либо на то причины вспомнив вечеринку в замке у Занди.

Она не повернула головы и даже не удивилась, только лениво проговорила:

— Может быть.

Что здесь было еще сказать, я и сам не знал и какое-то время просто стоял и смотрел на заблестевшие в ускользящем закатном свете умытые башни Мероэ. Вдали виднелись бригады рабочих, разгребавшие редкие завалы, в домах заново открывали ставни, а кое-где успели восстановить энергоснабжение. Потихоньку улочки начали заново заполняться людьми. Город оживал.

— Я думал, ты уже улетела, — произнес я намолчавшись.

— Как видишь, еще нет, — сказала Эйтн бесцветным тоном. — Должна была разобраться с вещами дяди. Решить, что стоит везти на Риомм, а что оставить.

— Но ты не заходила в его номер.

— Это и не обязательно. Список у меня есть, а об остальном позаботятся лакеи отеля.

— Кстати, — чуть повернула она ко мне голову, — корабль Батула теперь принадлежит тебе.

А я-то считал, что уже не в силах удивляться чему бы то ни было.

— Как так?

Девушка чуть склонила голову набок.

— Я проверила всю документацию, и оказалось, что дядя подделал идентификационный номер «Шепота», назвав тебя его владельцем. Не спрашивай, я сама не понимаю, что послужило тому причиной. Так что можешь спокойно считать себя полноправным хозяином корабля.

Я стоял не в силах проронить ни слова. Вот уж не думал, что все в итоге окажется вот так. Даже здесь Аверре умудрился хитрить! Впрочем, обсуждать это желания у меня не возникло, так что я просто кивнул:

— Хорошо.

Снова повисло молчание, нарушаемое только криками рассекающих небеса птиц.

— Мне очень жаль, — вдруг произнесла Эйтн.

— Ты о чем? — недоуменно спросил я.

Она повернула голову, впервые за это время, заглянув мне в глаза.

— Сама не знаю, — и улыбнулась краешком губ. — Я ошибалась в тебе, Сет. Сильнее, чем в ком-либо. Ты действительно не тот человек, каким кажешься, и поэтому хочу перед тобой извиниться.

— Эйтн, ты ли это? — не в силах скрыть потрясение, со смешком спросил я. — Или это знакомство с Занди так на тебя повлияло?

Она пожала плечами и повернулась лицом к городу.

— Может быть. Хотя, не зря же говорят, что Бойджия меняет людей. Я, во всяком случае, изменилась безвозвратно, но пожалею ли об этом, покажет время. Я искала власть не там, где следовало, и только сейчас поняла, что на самом деле, она не в артефактах невероятной мощи кроется...

— А в чем же? — Хотя ответ на этот вопрос я уже получил.

— В том умении, — сказала Эйтн, — умении человека от этого артефакта отказаться. В этом сила, Сет. Я была глупа, что искала Иглу. Точно так же, как и мой дядя. Но именно он и его поступки, а также поступки твоей матери, да и твои тоже, заставили меня осознать это. И за это я благодарна.

Я не стал уточнять, к кому именно следует отнести ее благодарность и лишь спросил:

— А как же Занди? Ты оставишь его здесь?

— Граф до сих пор пребывает в плену своих иллюзий. Ему не я нужна, а некто, кого он придумал и полюбил. Он видел во мне только мечту и только потом начал отделять ее от правды... Кроме того, мне здесь просто не место и поэтому я возвращаюсь домой.

— И Ридж тоже? — вдруг вспомнил я.

Эйтн загадочно улыбнулась:

— Думаю, ты и сам знаешь ответ на свой вопрос. С некоторых пор изучение таинственных явлений Вселенной, скрытая масса и Тени больше не представляются ей достаточно заманчивыми...

Я догадался:

— Лита?

Она кивнула.

— Понятно.

И опять на некоторое время оба замолчали.

— Чем займешься, когда вернешься на Риомм? — спросил у нее я. — Ведь теперь, когда Иглы больше нет, твои поиски можно считать оконченными.

— Поиски не закончились, — ответила девушка, зябко ухватив свои плечи тонкими руками. — Они, как история, никогда не закончатся. Вся наша жизнь из них и состоит. Мы все чего-то да ищем.

— И даже лейры? — попытался сыронизировать я.

— И даже они, — серьезно кивнула Эйтн, заставив меня улыбнуться.

— То есть, мы для тебя больше не наемники?

— Наемники, — ответила она, бросая последний взгляд на умопомрачительный закат. — Но с предназначением. — Развернулась и, не говоря больше ни слова, ушла.

Несколько долгих минут я стоял на месте, глядя ей вслед, и думал о ее словах. «Наемники с предназначением». В этом определенно был свой смысл и, даже, более туманный, чем в любой игре Теней, падавших на плоскость наших жизней. Суть заключалась лишь в том, чтобы суметь, не теряя себя, превратить эту игру в ремесло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net